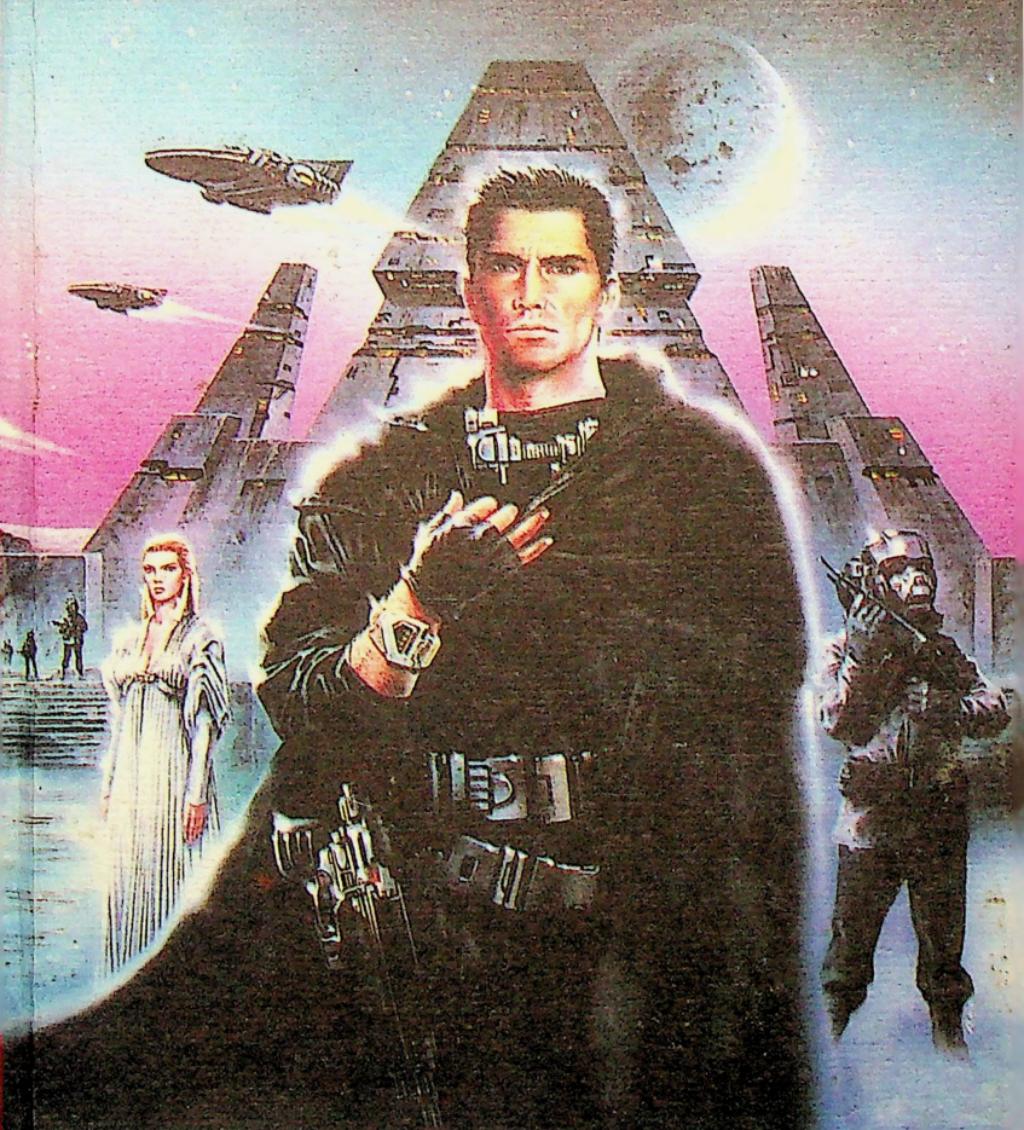

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСИИ
И ПРИМОСТИ

ЧАРЛЬЗ ИНГРИД

ПЕСЧАНЫЕ ВОЙНЫ III

ЧАРЛЬЗ ИНГРИД

**ПЕСЧАНЫЕ
ВОЙНЫ III**

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1995

ББК 84(7США)

И59

УДК 820(73)-31

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского *A. A. Пережогина, С. Е. Вишневского*

Художник *А. А. Шуплецов*

Ингрид Ч.

И59 Песчаные войны III / Пер. с англ. А. А. Пережогина, С. Е. Вишневского; Худож. А. А. Шуплецов.— Смоленск: Русич, 1995.— 496 с.— (Сокровищница боевой фантастики и приключений).

ISBN 5-88590-195-3.

У человечества много врагов в космосе. Бесконечные войны опустошают планеты, губят цивилизации, уносят тысячи человеческих жизней. Герой острожюжетных романов Чарльза Ингрида Джекс Шторм верит в то, что разумные существа, какими бы разными они ни были, всегда могут найти общий язык. Ценою многих усилий и жертв ему удается примирить враждующие цивилизации

И82000000000

ББК 84(7США)

- © «Return Fire» by Charles Ingrid, 1989
- © Перевод. А. А. Пережогин, 1995
- © «Challenge Mel» by Charles Ingrid, 1990
- © Перевод. С. Е. Вишневский, 1995
- © Составление, разработка серии. «Русич», 1995
- © Оформление. А. А. Шуплецов, 1995

ISBN 5-88590-195-3.

ОТВЕТНЫЙ УДАР

ПРОЛОГ

В это утро император Триадского Трона Пепис сидел в своем информационном кабинете среди множества компьютеров, как раздутый паук среди бесконечной сети никому невидимых паутин. Рыжие пряди беспомощно падали на его морщинистое лицо. Он был озабочен. Сегодня Пепис не нашел в просмотренных данных ничего нового.

Пепис откашлялся и зарычал. Его вопль прокатился эхом по обсидианово-розовым коридорам дворца. Новый министр Полиции Мира Баластер, услышав голос Пеписа, бросился в кабинет. Телекамеры охраны упрямо фиксировали каждый взмах черных одеяний императора.

Пепис уже отключился от компьютерной сети, когда его новый министр стремительно вбежал в кабинет. Император посмотрел на Вандовера и еще раз прорычал что-то неопределенное. Он был в ярости. Вандовер подумал, что все-таки в последнее время Пепис плохо выглядит. Министр искательно улыбнулся:

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь, Ваше Величество?

Пепис вытолкнул свое тщедушное тело из глубокого антикварного кресла:

— Найди его! — резко и требовательно сказал он.

Улыбка мгновенно сошла с лица Баластера. Схватка Пеписа с командиром рыцарей Доминиона уже привела к гибели Уинтона — амбициозного предшественника Вандовера. Но все-таки у Баластера не было желания погибнуть на чьей-то чужой войне. Он осторожно сказал:

— Нам поступило сообщение, что командир Штурм исчез в результате одной из схваток на Калинаде. И хотя я мало доверяю сообщениям траков, как и вы, Ваше Величество, мне кажется, что эта информация достоверна.

— Что за глупости ты говоришь! Святой Калин выбрался оттуда целым и невредимым, а лучший солдат императора, одетый к тому же в прекрасный боевой костюм, был превращен в пепел? — Пепис хмыкнул от отвращения.

— В таком случае, Ваше Величество, Вам стоит спросить о случившемся у Его Святейшества. Как религиозный человек, он, скорее всего, не станет врать.

— Я уже спрашивал. Он подтвердил сообщение траков, — раздраженно ответил Пепис и еще раз посмотрел на министра. Его зеленые глаза лихорадочно блестели. — Джек — идеалист. Я потерял его доверие после того, как заключил союз с Тракианской Лигой. Он считает, что мы с потрохами продались своему самому заклятому врагу. Не забывайте, что в дипломатии он рабирается точно так же, как вы, дорогой Вандовер, в тонкостях любви. Если вы не можете найти его, найдите мне девчонку. А уж она-то его разыщет.

Баластер кашлянул:

— Я думаю, что эта шлюха уже вернулась на Мальтен. Но ведь она, вдобавок ко всему, не носит опознавательного чипа и может абсолютно всюду проникать

незамеченной. А впрочем, если Шторм узнает, что Элибер разыскивают, он найдет себе другую девицу.

Зеленые глаза Пеписа удивленно расширились. На минуту император задержался в дверном проеме.

— Ваша оценка отношений Элибер и Шторма лишний раз говорит мне о противоположном: эта леди может быть кем угодно, но только не шлюхой. Но это — тонкости любви. А я хочу от вас другого *Я хочу, чтобы вы нашли мне Джека Шторма.*

— Ну так и что же я должен для этого сделать? — недовольным голосом спросил министр.

Нет, рисковать собственной шкурой Баластер все-таки не собирался. Однажды Шторм уже расправился с главой системы императорской безопасности — умным и хитрым Уинтоном. Конечно, Баластер не терял времени и тут же занял место своего предшественника, но выводы... выводы он сделал. Новый министр беспомощно развел руками, похожими на большие плоские отростки, и договорил:

— Вы же знаете, Ваше Величество, что мне, как и всем нам, не дает покоя Ат-Фарел.

Бледное лицо императора порозовело от презрения:

— Моему новому министру надо как следует поучиться своей профессии. Обрати внимание на Зеленые Рубашки. Вполне возможно, что Шторм ищет контактов с этой организацией. — Пепис подцепил угол своего бархатного халата и нервно обмотал его вокруг конопатой руки. — Я хорошо запомнил, как он говорил, что знает все, что с ним было двадцать пять лет назад. Откровенно говоря, я в этом все-таки сомневаюсь. За некоторыми ответами Шторму придется обратиться к нам.

Баластер наклонил голову и упрямо поджал пухлые губы.

— И, кстати, Вандовер...

Министр нервно накрутил на палец тонкий проводок, затем отбросил его и расправился:

— Да, Ваше Величество?

— Распространи слух, что мы отправили Шторма из дворца с тайным заданием проникнуть в какую-то секретную организацию. Если Зеленые Рубашки об этом услышат, они сразу же перестанут ему доверять.

— Да, Ваше Величество, — поклонился Вандовер.

— Я хочу, чтобы его уничтожили, — устало сказал Пепис. — Если этого не можем сделать мы, так пускай Зеленые Рубашки сделают это за нас.

Баластер задумчиво усмехнулся:

— Похоже, в нашем космосе действуют две непререкаемые силы. Одна — это Ат-Фарел. Эта сила настолько страшна, что из-за нее мы вынуждены были заключить союз с траками. Ну, а вторая... вторая сила — это Джек Шторм. Я хочу напомнить вам, Ваше Величество, что противостоять Шторму не совсем разумно. Вы ведь и раньше хотели его убрать. А сейчас... он может нанести *ответный удар*

Император рассвирепел. Его все больше раздражал его новый министр Баластер. Пепис поджал губы и быстро вышел.

Баластер посмотрел на провода, блестящими колечками обвившие его короткие пальцы, бросил их на пол информационного центра — пусть уборщики наводят порядок за императором! — и побежал за Его Величеством.

ГЛАВА I

Калин втянул голову в плечи. Резкий холодный ветер разевал пряди его седоватых волос. Услышав щелчок, он тотчас же поднял глаза. Тракианские воины приняли боевую стойку.

Они встречали его у его собственных дверей так, как будто он, а не они, был *главным врагом человеческого рода*. Эта троица совсем недавно сменила его старого телохранителя у входа в штаб-квартиру миссионеров. Калин резко остановился. Тяжелый старинный крест больно ударили его по груди. Ячеистые глаза жукоподобных пришельцев настороженно наблюдали за каждым движением. Выражения этих «лиц» понять было нельзя. Калин с горечью вспомнил, что совсем недавно их-заклятые враги стали их союзниками. Его Святейшество до сих пор не мог поверить в этот договор, как до сих пор он не мог поверить в ложь и предательство его старого друга Пеписа.

— Кто ты? — нахально спросил трак. Черная кожа на его горле резко вспучилась от имплантированного внутрь речевого аппарата.

— Святой Калин из Блуила, — сказал Калин и вздрогнул от звука собственного голоса. Голос был старым и слабым. Он спрятал руку в карман комбинезона и сжал ее в кулак. Не растратил ли он за последние месяцы все, что так ценил раньше?

Траки проворно вытащили свои клешнеобразные лапы. Кажется, на их языке это означало: «Проходите».

Его Святейшество решительно прошел мимо. Траки со щелканьем расступились. Калин понял, что и им тоже неприятно прикасаться к нему. В вестибюле его встретил Джонатан. Калин резко бросил своему телохранителю:

— Оставь меня.

— Ваше Святейшество...

Калин остановился, подождал, пока закроются двери, а потом сказал:

— Извини, Джонатан. Ты совсем не заслуживаешь такого обращения.

Джонатан протянул руку и хотел взять у Калина верхнюю одежду, но тот зябко пожал плечами и запахнул полы:

— Что-то сегодня прохладно. Наверное, через час начнется дождь. Нет, нет, пока я останусь одетым.

— Ваши комнаты уже отапливаются. Через пару минут я занесу вам чай.

— Уж лучше я возьму его с собой, — вздохнул Калин. — Сейчас я должен буду сочинить надгробную речь. Передай Маргарите, что этим вечером я не смогу принять никого из посетителей.

Помощник кивнул и молча вышел в кухню.

Калин взял поднос с чаем и тихо поднялся по лестнице в свои апартаменты. Сегодняшний разговор с Пеписом измотал его, а предстоящая работа над надгробной речью по Джеку Шторму пугала Его Святейшество. Джек пропал в одной из схваток, и его тело не было найдено. А если это будет угодно Богу, его не найдут никогда...

Калин поставил поднос на деревянный столик. В комнате царил полумрак. Он налил чашку крепкого чая и с удовольствием откинулся на спинку кресла.

— Человек слишком быстро становится старым, если терпит врага у своего порога.. — пробормотал он.

— Насколько я знаю, ты не из тех людей, которые что-нибудь долго терпят, — послышался насмешливый голос из темного угла. Из-за занавески вышел человек.

Калин встал и от неожиданности разлил чай на пол.

— Господи! Что ты тут делаешь? Ведь ты мертв!

— Слухи о моей смерти были несколько преувеличены, — насмешливо ответил гость.

— Нет, нет, подожди... — Калин судорожно схватился за спинку кресла. — Объясни мне, что ты здесь делаешь?

Джек Шторм уселся в огромное кресло рядом с походной кушеткой и, улыбнувшись, сказал:

— Я пришел поблагодарить тебя.

— Если кто-то узнает, что ты здесь, мы оба пострадаем!

— Я не был бы рыцарем, если бы не сумел проскочить незамеченным мимо нескольких траков.

Калин поморщился и сделал глоток чаю. Он намеренно не стал ничего предлагать гостю.. Шторм не нуждался в приглашениях. Джек налил себе крепкого ароматного напитка и лукаво спросил:

— Что-то случилось? Почему ты сегодня так меланхоличен?

— Сегодня мне предстоит составить надгробную речь, — вздохнул Калин.

— Ах! — повторил Джек его вздох. — Поздно ли, рано ли, а это случается с каждым из нас!

— Ты должен знать, — сухо сказал Калин, — что завтра состоятся твои похороны.

— Что-что? — переспросил Джек.

— Только не говори мне, что ты этого не знал. Теперь по твоей милости я должен буду стать лжецом.

Шторм поставил чашку на низенький дубовый столик:

— ...Но ведь прошло всего несколько месяцев...

— Тракианский посол настаивает на постоянном назначении Крока командиром рыцарей Доминиона.

— Крок?

— Ну а кто еще?

— А я думал, что кто-нибудь из жуков... — Джек озадаченно замолчал.

— Вероятно, милосец Крок наиболее удобен для них... Хотя я не знаю, догадываются ли траки, с кем они имеют дело...

— Когда они имели дело с тобой, они точно ни о чем не догадывались, — прервал его Калин. — Но милосец пробыл в их клешах двадцать пять лет.

Веселый огонь промелькнул в синих глазах Шторма:

— Ну — это не слишком долго. Крок был рожден свободным и вырос, борясь с траками. А потом он прекратил сопротивление, чтобы избежать смерти. Как только Крок увидит возможность скинуть с себя их ярмо, он сразу же это сделает. Так что Крок — вполне подходящий командир для рыцарей Доминиона. А я... я пока останусь мертвым...

— Я рад, что ты принял такое решение.

Шторм внимательно посмотрел на священника:

— Мне действительно не стоило здесь появляться?

— В этом случае завтра мне не пришлось бы лгать. Ладно. Поговорим о другом. Скажи мне, что ты делаешь на Мальтене?

— Мой визит уже доставил тебе достаточно хлопот. — Джек медленно повернулся к священнику. — Но мне кажется, что сейчас я увидел самый легкий способ для достижения собственной цели. Когда состоятся мои похороны?

— Завтра.

— Тебе нужна свита?

— Конечно, я... — Калин остановился на полуслове. — О нет, Джек, на этот раз ты не будешь скрываться за моей спиной.

— Но это мое святое право — присутствовать на собственных похоронах. К тому же, я не хочу вредить Элибер.

— И ты действительно думаешь, что, если я приведу тебя во дворец, она тебя не заметит?

Джек ухмыльнулся:

— Надеюсь, что нет. Но если даже она и почувствует, что я здесь, она все равно не подаст виду. Ты же знаешь!

— Должно быть, это действительно важно, если ты все-таки решил вернуться сюда?

Джек улыбнулся:

— Да, — сказал он. — Это будет моим посвящением в ряды Зеленых Рубашек.

Чашка подпрыгнула на столе и разбилась у ног Калина. Его Святейшество этого не заметил:

— Ну, это уж слишком. Это ведь сброд, Джек. Уж лучше общаться с Пеписом.

— Вполне возможно, что они действительно террористы, но я не забыл, что это они обнаружили мой корабль и спасли меня.

— Спасли, чтобы сделать из тебя пешку, — мрачно возвразил Калин.

— Да? Но ведь им это не удалось! — усмехнулся Джек.

— Пока нет. Но все зависит от того, о чем вы с ними договорились, — упрямо гнул свое уокер. — О чём? Вы хотите уничтожить рыцарей?

Штурм побледнел:

— Никогда. И ты прекрасно об этом знаешь. Так что не задавай подобных вопросов!

— Я делаю то, что считаю нужным. — Калин вздохнул. — Я думал, что твоей целью был Пепис. Но убрать продажную администрацию — это одно, а заменить ее террористической организацией — это совсем другое. Да и вообще. Каждый человек имеет свою цену. Интересно, а какова твоя?

— Они сообщат мне имя и адрес того доктора, который подобрал меня...

Калин подумал и мягко спросил:

— Зачем? Зачем тебе нужно это знать? Ведь ты помнишь, что они собирались с тобой сделать?

— У этого врача должны были сохраниться какие-то записи. Я хочу их вернуть. Я хочу вернуть свою память.

— А ты уверен, что ты действительно хочешь этого? — с сомнением в голосе переспросил священник. — Я знаю многих людей, которые, наоборот, хотели бы забыть свою жизнь. К тому же, мне противно, что ты решил связаться с этими негодяями.

Джек вздохнул:

— Странно... А вот они очень хорошо отзываются о тебе.

Калин фыркнул и вскочил на ноги:

— Что?

Прежде, чем Джек успел что-то ответить, на компьютерном блоке связи послышался сигнал. Калин постарался сбраться с мыслями.

— Что это? Кто это? Кто это может быть?..

На экране появился помощник Калина Джонатан. Шторм резко отскочил в сторону от видеокамеры.

— Святой Калин, извините за беспокойство, но пришел Динаро...

Калин схватил дистанционный пульт и отключил микрофон, а потом посмотрел на Джека:

— Кажется, он знает, что ты здесь...

Джек отрицательно покачал головой. Калин снова повернулся к пульту связи:

— Динаро? А в чем дело?

Джонатан пожал плечами:

— Он вооружен до зубов, и ему кажется, что вы в опасности. — Джонатан отошел в сторону, и на экране показался огромный человек в комбинезоне парашютиста.

— Передай ему, что я медитирую, и меня нельзя беспокоить, — сказал Святой Калин, но Джек сделал предостерегающий знак рукой, и священник замолчал.

— Он может мне пригодиться, — шепнул Джек.

— Нет, — тихо ответил Калин. — Во всяком случае, если он узнает, что ты связался с Зелеными Рубашками...

Они посмотрели друг на друга. Когда-то Шторм обучил Динаро управлять бронекостюмом. А впрочем, у воинствующего миссионера было свое понятие о долгах и чести.

— Если ты возьмешь меня в свою свиту, он все равно узнает об этом рано или поздно, — сказал Джек.

Калин кивнул головой. Действительно, если на похоронах будет организована процессия священнослужителей, по флангам обязательно пойдут телохранители, и одним из них, конечно же, станет Динаро.

— Он вряд ли пригодится тебе, Джек. Пепис постоянно держит его под наблюдением с тех пор, как Динаро сбежал из рыцарских рядов.

— В таком случае, разреши ему увидеться с тобой позднее. Он ведь все равно не успокоится, пока не побывает у тебя...

Калин кивнул, потом включил микрофон и сказал Джонатану:

— У меня был очень трудный день. Дай мне час отдоха, и потом я переговорю с Динаро. Конечно, если он будет ждать...

Ответа не последовало. Молодой человек сел в кресло и пристально посмотрел в монитор, как будто на экране он мог увидеть всю комнату Калина... Связь прервалась.

Джек сказал:

— Динаро — это для тебя хорошее прикрытие.

— Это так, — кивнул Калин. — Он не будет возмущаться, обнаружив тебя здесь. Но если каким-то образом он узнает, что ты связан с Зелеными Рубашками... твоя жизнь будет в опасности...

Шторм улыбнулся:

— Ну что ж... В таком случае, ему придется стать в очередь за Пеписом, Баластером и еще многими-многими другими.

Калин поднялся. У него под ногой захрустели осколки фарфоровой чашки. Он только сейчас понял, что уронил ее. Его Святейшество нагнулся и стал подбирать осколки, устало бормоча про себя:

— Боже мой! Ведь это же настоящий фарфор!..

— У Динаро есть бронекостюм? — быстро спросил Шторм.

— Нет. Баластер контролирует все доспехи. А если есть какой-нибудь черный рынок вооружения, так Вандовер, наверное, заправляет и им. — Калин выпрямился. Он все еще рассматривал обломки чашки в своей руке. Вдруг он поднял глаза и вопросительно взглянул на Джека:

— А что говорят обо мне Зеленые Рубашки?

— Мне велели передать вам, что я занимаюсь предметами раскопок, а вы, должно быть, знаете торговца подержанными вещами?

— Ах вот в чем дело! Ну конечно, я знаю пару воров в этом районе. А они случайно не поведали тебе, что когда-то я состоял в воровской лиге?

— Нет. — Джек упрямо склонил голову набок и посмотрел на Калина.

Калин кашлянул:

— Я не веду тайных переговоров с врагом. Тебе вообще не следовало говорить мне об этом. А вот что касается торговцев... — Его Святейшество подбросил в руке осколки фарфора. — К сожалению, предметы религиозного культа продаются и покупаются, как и любой другой товар. Ладно. Уговорил. Лучший торговец, которого я знаю на Мальтене, настоящий негодяй. Его зовут Гиббон.

Джек удовлетворенно кивнул:

— Вот он-то мне, скорее всего, и нужен.

Калин с любопытством посмотрел на него:

— И все же — ты продаешь или покупаешь?

— Продаю, — ответил Джек. — Во всяком случае, буду продавать... Как только украду два бронекостюма...

— Так вот какова цена посвящения? А ты знаешь, что могут сделать Зеленые Рубашки с таким оружием?

— Мне необходимо проникнуть к ним, наладить связи и выйти. Я не оставлю у них оружия. К тому же... может быть, ты и не поверишь, но управлять бронекостюмом без соответствующей подготовки очень сложно...

— Я знаю, — коротко ответил Калин.

— Надеюсь, что так. В общем, скажи обо мне Динаро. Я вернусь позднее. А пока... я бы хотел, чтобы ты присмотрел за...

Из темного угла комнаты показался бронекостюм.

— Ради Бога! — закричал Калин. — Ты не можешь его здесь оставить!

— Но больше мне негде его оставить, — сказал Джек. Бронекостюм поднял руку, приветствуя священника.

— Джек, одному Богу известно, какой пришелец регенерирует внутри твоего скафандра. Боуги — это эмбрион, ребенок. Но он способен уничтожить любого. Он ведь пока еще, собственно говоря, и не живой. Так как же он может осознать, что такое жизнь?

Джек положил руку на плечо Его Святейшества:

— Я не могу бросить его одного. А ты знаешь, кто он такой, ты знаешь, что у него есть и душа, и плоть.

Если со мной что-то случится, я хотя бы буду знать, что этот младенец в хороших руках.

— Крестный отец... крестный отец такой мерзости!

— вздохнул Калин. — А ведь однажды он может уничтожить тебя, Джек!

— Еще бы! Он съест меня, а мои косточки выплюнет, как милосский берсеркер. Наверное, может произойти и это... Но пока у нас взаимопонимание.

— Ты все еще носишь бронекостюм?

Джек кивнул:

— Да. Это единственное, что у меня есть. И... мы нужны друг другу. Он — боевой дух, Калин, и этого не стоит забывать. Если однажды придет день, когда он захочет съесть меня, чтобы закончить регенерацию, скорее всего, он предупредит меня об этом.

— ...А потом... Что ты будешь делать потом, когда ему понадобится питание?

Джек зловеще улыбнулся:

— А тогда он будет есть траков.

— Хорошо, — устало согласился Калин. — Но я оставляю его у себя только потому, что он очень опасен и его нельзя бросать без присмотра...

— Спасибо, — кивнул Джек. — Мне нужно еще кое-что уладить. Я вернусь позже. Кстати, мне хотелось бы знать, кем я буду представлен на собственных похоронах — телохранителем или священником?

— Хорошо, — сказал Калин еще раз.

Джек мгновенно исчез. Его Святейшество прислушался к звукам, доносящимся из-за дверей, но так и не понял, как Штурм покинул здание. Старик сел на кушетку и подумал, что все-таки это плохо. Ведь

если в его комнату может беспрепятственно проникнуть Джек, рано или поздно кому-нибудь еще вздумается сделать то же самое. Он посмотрел на осколки разбитой чашки, потом сложил ладони лодочкой и встряхнул звенящий фарфор. Звон стих. Священник раскрыл ладони и улыбнулся. В руках у него светилась абсолютно целая фарфоровая чашка. «Если бы воскрешение Джека было таким же простым!» — мрачно подумал он.

ГЛАВА 2

— На собственных похоронах ты будешь представлен как священник, — устало сказал Калин. — Определенная часть наших сект придерживается монашеских убеждений. Лучше всего будет, если ты пойдешь в черной сутане с капюшоном. Хотя... ничего подходящего для твоего роста в данный момент у меня нет... — старик внимательно посмотрел на Джека.

— Мы поставим тебя рядом с Джонатаном. Думаю, что Динаро не будет против. Хотя... Хотя это чистое безумие — брать тебя с собой.

— Но ты это сделаешь, Калин.

— Конечно. Мы ведь уже договорились. — Калин замолчал и сел в кресло. Он задумчиво потер синие костяшки старческой руки и сказал: — Сейчас меня беспокоит Элибер.

— Она знает, что я здесь.

— Ты ей об этом сказал?

— Нет. Во всяком случае не напрямую. Но все равно — мы оба об этом знаем. А почему ты не хочешь, чтобы Элибер хоть что-то знала обо мне?

Калин вздохнул и попытался что-то сказать, но Джек перебил его:

— Есть какие-то проблемы?

Священник тихо ответил:

— У всех людей есть проблемы, Джек. Конечно, если присмотреться повнимательней. Такие враги, как Пепис и Баластер, требуют гораздо большей осмотрительности, чем тебе кажется.

Джек уселся поудобнее. Он хотел было откинуться на спинку кресла и положить ноги на стол, но потом передумал и наклонился вперед:

— Нет, Калин. Я очень хорошо отдаю себе отчет в том, что такое наш император. В противном случае я не зашел бы так далеко.

— Я имел в виду...

Джек примиряюще махнул рукой:

— Знаю-знаю. Но учти, Калин. Траки проникли повсюду. Пепис — конченый человек. Конченый, если против него повернут траки. Конченый, если Зеленые Рубашки наложат на него свои руки. Конченый, если я раскрою карты и разоблачу его как предателя... Извини меня, Калин...

— Тебе не за что извиняться...

— Я забыл, что Пепис был тебе другом.

— Это было давно, — старик погладил висок и опустил руку.

— Но ведь ты и сейчас не удивляешься тому, что сотворил Пепис.

— Конечно, нет. Ведь он император. А я не встречал ни императоров, ни президентов, которые достигли своего поста, не перешагнув при этом через гору трупов. Ты слишком наивен, Джек, если думаешь иначе.

— А как же существовал ты?

Калин смущенно улыбнулся:

— К сожалению, и у моих ног ты найдешь несколько жертв...

Джек наклонил голову:

— Ну что ж... Когда я смогу получить свои одеяния?

— Не волнуйся. Джонатан скоро принесет их. К тому же, у нас в запасе несколько часов. А Динаро... На твои похороны Динаро выйдет в полной экипировке... Кстати, он просил передать тебе, что не будет использовать устройство самоуничтожения. Правда... я не совсем понял, что он имел в виду...

Джек удивился, но постарался этого не показать.

— Если человек теряет сознание или умирает в бронекостюме и его пытаются вытащить, не отключив это устройство, происходит взрыв.

— Так что он тебе говорит? Он отказывается себя взрывать?

Джек кивнул:

— Да. Если он потеряет сознание, я смогу использовать его бронекостюм без лишних хлопот с разоружением.

Какое-то время они сидели молча. Затем Калин под столом дотронулся до руки Джека:

— Я хочу сказать тебе кое-что. Потом на это, может быть, и не будет времени. Когда мы покинем эти апартаменты, я не буду смотреть на тебя и не буду с тобой разговаривать. И пусть в это время Господь будет с тобой.

Джек улыбнулся, как двенадцатилетний мальчишка. Калин подумал, что, наверное, это и есть самая суть души Шторма.

— Я надеюсь, что он успеет за мной, — сказал Джек. — Потому что когда я завладею бронекостюмом, я побегу так быстро, как будто бы сам сатана гонится за мной!

Калин рассмеялся и добавил:

— А вот это Динаро оставил для тебя, — он вытащил из кармана брюк адресную дискету. — Здесь указаны все ограждения, о которых ты упоминал. Кстати, Динаро предлагает тебе посетить его как можно скорее, — он вздохнул. — Я такой же наивный, как и ты. Пепис знает об окружении Гиббона. Я чуть было не покончил с собой, когда связался с ним. А теперь... теперь они знают о моей слабости и беззастенчиво пользуются этим...

— Но это не твоя суть, — подумав, ответил Джек. — Ты миссионер и занимался поиском религиозных реликвий...

Калин нахмурился:

— Мы больше, чем вся эта мирская грязь, гораздо больше. И в этом ты прав. Такие мелочи не могут остановить поиск. Просто мне придется быть более осмотрительным в знакомствах. И ты... будь осторожен с Гиббоном, Джек. Ты ведь знаешь, с кем работает Динаро — этих фанатиков трудно контролировать. Кстати, Динаро отдал распоряжение, которое позволит этому торгашу заключить с тобой сделку. Так что ты выйдешь на Зеленых Рубашек. Найди Гиббона, наладь контакты, но при этом — поспеши.

— Хорошо. — Джек сжал в кулаке дискету. Тяжелые шаги Джонатана за дверью наполняли комнату пульсирующим маятникообразным звуком. Штурм улыбнулся: — Калин, Калин, спасибо тебе за все.

Калин встал. Джонатан позвонил в дверь.

— Только, — предупредил старик, заметно смутившись, — не критикуй мою надгробную речь!

Вошел Джонатан. Услышав последнюю фразу Калина, он рассмеялся.

Его Святейшество нахмурился: дело было куда сложней. Предстоящая похоронная речь вызывала у него много дурных предчувствий.

* * *

Серая пелена дождя окутала императорский плац. Похоронная процессия быстро промокла под хлестками ледяными струями. Из тучи вынырнула быстрая змеистая молния. Короткая вспышка красноватого света осветила темные фигуры, бредущие под дождем.

Элибер стояла чуть в стороне, среди высоких и статных мужчин. Ее лицо было укрыто вуалью. За городом бушевала страшная гроза.

— Ну вот, почти все закончилось, — пробормотал стоящий рядом с ней мужчина. Его голова была покрыта капюшоном. Несколько прядей мокрых седовато-каштановых волос падали на морщинистый лоб. Черные глаза светились какой-то странной решимостью. Поверх простого рабочего комбинезона была накинута темно-синяя мантия. На мантии в серебряных струях дождя золотился тяжелый старинный крест. — Почти все закончилось, — устало повторил он.

Элибер кивнула:

— Да. Джеку нравился дождь. А еще ему нравилась буря. Буря и штурм.

Калин не ответил. Он крепко и сильно сжал ее руку. Что бы он ни сказал сейчас, все равно все утонуло бы в шуме дождя и военного парада.

Земля задрожала от тяжелой поступи кованых сапог. Рыцари Доминиона в боевых скафандрах шагали очень медленно. Они отдавали честь маленькой женщине в черном и стоящему рядом с ней императору.

Бронекостюмы тускло мерцали в серых струях осеннего дождя.

Элибер не смотрела на Пеписа. А вот император... император постоянно наблюдал за ней. Она чувствовала на себе его зеленый кошачий взгляд. Элибер вздохнула и облокотилась на руку Калина. Все-таки ей нужна была его поддержка...

Рыцари замерли по стойке смирино. В последний раз земля вздрогнула и затихла. Капли осеннего мальтенского дождя мерцали на разноцветных бронекостюмах. И только белого бронекостюма с серебристо-перламутровым отливом не было видно на этой площади. Лишь один человек носил такие доспехи. Джек Штурм.

Элибер заметила, что к их процессии присоединилось несколько инопланетян. Конечно, траки, как всегда, были здесь. Она скривила рот и облизала мгновенно пересохшие губы.

Калин отпустил ее руку и шагнул вперед. Похороны начались. Вандовер Баластер оживился.

— Она отлично сыграла свою роль, — громко сказал он императору. Пепис выпрямился и стряхнул капли дождя с красно-золотых одеяний. Он вопросительно взглянул на министра:

— Она демонстрировала свою антипатию к нам?

— Нет.

— Что тогда?

Баластер сделал невозмутимый вид:

— Я не очень уверен... — с большой неохотой ответил он.

— Хорошо. Передай ей флаг. А у меня есть другие дела, — недовольно сказал маленький император и махнул Калину веснушчатой рукой.

Его Святейшество приступил к погребальной речи.

...Похороны закончились быстро. С последним звуком траурной трубы Пепис резко встал с трона и покинул плац. Баластер остался стоять с треугольным флагом в руках. Он кашлянул и посмотрел на Элибер. Она вызывающе повернулась к нему лицом. Баластер вздрогнул: их пальцы соприкоснулись, когда Элибер забирала у него флаг. Она откинула с лица траурную накидку и сказала:

— Министр, здесь присутствуют траки. Это оскорбление для рыцарей, много жизней отдавших за то, чтобы устройство этих бронекостюмов не стало известным врагу. Кстати, я хочу напомнить вам, что траки убили командира Шторма.

Баластер презрительно раздул ноздри:

— Сейчас не время и не место для таких разговоров.

— Нет? Ну конечно, ведь я забыла, что это вы пригласили врагов в наши ряды. — Элибер прижала мокрый флаг к своей груди. — Но Джек погиб для того, чтобы все помнили о врагах.

Вандовер придвинулся ближе:

— Ты дурачишь императора и дурачишь меня, — зло сказал он. — Шторм не погиб. И рано или поздно, а я собираюсь его найти.

— Я надеюсь, что вы хотя бы попытаетесь это сделать, — с упреком сказала Элибер. Она повернулась и быстро сошла с помоста. Толпа священников тут же окружила ее.

Баластер взял себя в руки. Он чувствовал, что солдаты наблюдают за ним. Последний салют рыцарей Доминиона он принял с плохо скрываемой ненавистью.

В тучах опять загремело, и дождь линул с удвоенной силой. Команда телевизионщиков бросилась скла-

дывать свое оборудование. По знаку «вольно» солдаты трусцой побежали с плаца. Баластер сошел с трибуны. За священниками он не наблюдал. Наверное, поэтому он не заметил, как один из монахов в мокром черном капюшоне отошел в сторону.

* * *

Джек быстро открыл замок и прошел внутрь мастерской. В мастерской никого не было. Зато раздевалка была полна до отказа. Солдаты сбрасывали свои грязные бронекостюмы, промывали их гибкими резиновыми шлангами с подогретой пеняющейся водой и размещали на стеллажах. Джек не спешил. Время у него еще было. Острые запахи мастерской заставили его остановиться и припомнить прошлые дни. Сколько лет подряд он непрестанно чистил и ремонтировал свой бронекостюм? И здесь, и на Милосе, и в наемнических мастерских бок о бок с другом Кэвином, который давно уже был мертв...

Джек не чувствовал вины за то, что делал сейчас. Ведь не только солдат, но и император должен быть верен своей клятве. Джек пошевелился. Конечно, охранная система довольно-таки скоро заметит его, и белый световой щиток, прикрепленный к поясу, вряд ли спасет от бдительной автоматики. Штурм не очень верил всяческим электронным устройствам.

...Новые бронекостюмы все еще лежали в ящиках. Штурм быстро погрузил два ящика на транспортировочную тележку и закодировал автопилот на адрес своего помощника. Тот, получив тележку, тут же отправит ее по другому адресу. При таких манипуляциях люди Баластера вряд ли быстро нападут на след. Джек открыл ворота, и тележка исчезла в сумерках.

По плану Джек должен был уехать на этой тележке, но складские площадки были полностью автоматизированы, и от тепла его тела могла сработать сигнализация. Джек закрыл двойные ворота и, проходя через диагностическую комнату, прихватил с собой новый тестер. С его помощью Боуги сможет вполне прилично отладить старый серебряно-белый бронекостюм...

Джек почти уже добрался до выхода, когда чей-то голос остановил его:

— Я только что возглавлял торжественный парад, командир... Мы маршировали в твою честь... Я не поверил слухам...

Волосы на затылке у Джека стали дыбом. Но, может быть, это были тряски или... сержант Лассадей? Траков он с радостью укокошил бы, а Лассадей... ну, Лассадей после небольшого объяснения пропустил бы своего командира. Но этот голос был слишком молод и чист. Джек обернулся, чтобы посмотреть на человека, который сейчас стоял на его месте...

Роулинз остановился у входа в коридор. Его серебристо-белые волосы блестели в тусклом свете. Голубые глаза негодующе сверкали. Джек подумал, что, в сущности, он сам всегда был только грязным отражением этого молодого человека. Ему и раньше было трудно смотреть Роулинзу в глаза, а эта встреча стала особенно болезненной.

— Роулинз, кажется, ты увидел привидение?

— Сэр... — Роулинз откашлялся и медленно произнес: — Это все-таки вы... Конечно, я сразу так и подумал, но со спины все же можно было ошибиться...

Джек прикинул расстояние между ними и расположением светового щита на стене — ему совсем не надо было, чтобы сенсоры охраны подняли тревогу. В об-

щем-то, он не знал, что ему делать дальше. Он понимал одно: срочно надо было уходить.

— Ну вот что. Я ухожу, Роулинз. А ты меня здесь че видел и не говорил со мной.

— Это приказ, сэр?

Джек покачал головой:

— Нет, просьба. К тому же, тебе от этого будет гораздо больше пользы, чем мне.

Роулинз побледнел. Его голубые глаза блеснули, как электрические искры:

— Тогда все верно. Вы просто-напросто ушли в самоволку.

— Самые очевидные вещи не всегда являются правдой, — сказал Джек и сделал шаг к двери.

Роулинз потянулся к своему лазерному пистолету. Штурм остановился.

— Но тогда скажи мне, что верно? — спросил молодой боец. Джек приподнял свою правую руку:

— У меня нет времени на разговоры. К тому же, пока тебе лучше ничего не знать.

— Во всем виноваты траки? — нервно спросил молодой солдат.

Джек не ответил. Он не хотел лгать. Конечно, он изменил Пепису из-за договора императора с Тракианской Лигой, но и кроме этого у него многое нагорело.

— В этом нет ничего сложного, — сказал он. — Однажды, когда у тебя будет время и ты уверишься в том, что сможешь справиться с последствиями познания добра и зла, — ты сможешь обсудить эту историю со Святым Калином.

Роулинз побледнел. Джек не знал точно, что так подействовало на молодого рыцаря, но он хорошо помнил, что у его бывшего помощника были какие-то свои

отношения с Его Святейшеством. Джек вздохнул и сделал еще один шаг вперед:

— У меня действительно нет времени, — устало сказал он. — А так бы я рассказал тебе побольше.

Роулинз кивнул и нерешительно взглянул на Джека:

— Сэр, возьмите меня с собой...

— Нет. Ты не можешь пойти туда, куда иду я. Ты все еще рыцарь, — голос Джека стал резким. — Труднее всего сражаться с врагом, который шагает рядом с тобою — плечо в плечо. Но мы все делаем то, что должны делать, лейтенант.

— Капитан, — поправил его Роулинз и стремительно покраснел. — Да, сэр. Спасибо, сэр, — он повернулся и вышел.

— Нет, — ответил Джек окружившей его пустоте. — Это не мне, а тебе — спасибо.

Он постоял еще пару секунд, а потом скрылся за дверью.

ГЛАВА 3

— С ним все в порядке? — спросил Калин, стараясь не смотреть в глаза капитану своей личной армии.

— За ним никто не следил, Ваше Благочестие. — ответил Динаро. — Хотя... я не мог наблюдать за происходящим, нё привлекая к себе внимания.

Его Святейшество не обратил внимания на явно неодобрительный тон капитана. Он уже закончил спор с молодым воином и окончательно определил свою позицию. Шторм нуждается в помощи, и ему нужно оказать ее. Больше Калин ни о чем не хотел спорить.

— Хорошо, — вздохнул он. — Этим вечером он должен выйти на Гиббона. На это время поставь под свое личное наблюдение его офис. А потом... потом можешь убрать торговца.

Динаро помедлил, а потом неопределенно кивнул. Калин посмотрел ему в глаза. Его Святейшество ничего не сказал: он понимал, что имеет дело с человеком, у которого есть свои собственные планы. С этим нельзя было ничего поделать. Все равно это кончилось бы одним: Динаро сразу насторожился бы и потерял доверие к Калину. С другой стороны, и молчание Его Святейшества могло завести Джека в ловушку. Кажется, на этот раз Калин был бессилен. Он еще раз пристально посмотрел в глаза Динаро:

— Хорошо. Все, что сейчас от нас требуется, — это терпение и умение ждать. Если все пройдет хорошо, Джек вернется раньше, чем Гибbon исчезнет с этой планеты.

Динаро взорвался:

— Но это глупо! У вас могут возникнуть крупные неприятности!

Калин задумчиво потеребил бровь:

— Может быть, — ответил он наконец. — Но у меня есть то, в чем он очень нуждается

Через плечо Динаро он посмотрел на белый бронекостюм, молчаливо стоящий в углу, как будто бы в нем скрывалось живое, мыслящее существо, а потом сказал:

— Расслабься. Впереди у нас длинная ночь

Динаро кивнул. Его Святейшество сел на маленький коврик, скрестил под собой ноги и принял за медитацию.

* * *

В общем-то, Гибbon был тихим и трудолюбивым бизнесменом. Во всяком случае, Джек успел прийти к таким выводам. Шторм осторожно подкатил к грузовой площадке и вышел из грузовика. Телекамер охраны вокруг не было. Хотя — это совсем не означало того, что за ним не следили. Джек подошел к двери и постучал.

— Мы закрыты, — послышался из-за двери грубый мужской бас.

У Джека не было желания спорить. Он посмотрел на серебряную сетку, скрывающую громкоговоритель, и отчетливо произнес:

— Зеленая Рубашка.

Дверь моментально открылась. Вслед за дверью распахнулись и ворота склада.

Гиббон оказался огромным неповоротливым мужчины. Джек заметил алчный блеск в его глазах. В правом ухе продавца болталась массивная золотая серьга с довольно-таки крупным рубином овальной формы. Гиббон посмотрел сначала на коробки, доставленные в его склад, а потом уже на Джека:

— Я не ожидал тебя, — сказал он. — Но есть вещи, о которых глупо говорить на улице.

Джек прошел вглубь склада и посмотрел на разбросанные повсюду ящики и коробки. Под ногами заскрипели доски явно фальшивого пола.

— Есть вещи, которые глупо делать, — пробормотал он.

Гиббон сжал кулак. Серьга в ухе угрожающе звякнула:

— Насколько я понимаю, ты пришел сюда по делу?

— А я думал, что вы закрыты...

— А я думал, что ты — это еще кто-то...

— Может быть, — вяло ответил Джек.

— Ах! Так, наверно, в этом и кроется причина твоей скромности? — Гиббон язвительно захохотал.

— Ну ладно. Так что мне сделать, чтобы доказать тебе, кто я? Насколько я понимаю, ты не знаешь ни одного из моих знакомых. Иначе — ты не спрашивал бы сейчас обо мне: я не тот человек, которого легко забывают.

Джек вспомнил, что этот человек перестанет существовать сразу же после того, как они заключат сделку, и почувствовал себя виновным. Он протянул руку:

— Зови меня Джек.

— Хорошо. А ты можешь звать меня Гибbon. Ну так и кто же прислал тебя ко мне?

— Святой Калин из Блуила.

— А-а! Это подтверждает все. А две эти роскошные коробки — это груз для меня?

— Нет.

Гибbon чертыхнулся и, развернувшись, направился к офису.

Джек пожал плечами:

— Весь вопрос в оплате...

Гибbon кивнул:

— Ну конечно. А потом это станет моим грузом.

Джек улыбнулся. Гибbon вытянул несколько коротких пластиковых листов из своего рукава. Джек заметил, что на запястье, там, куда обычно имплантируют опознавательный чип, у продавца древностей зияет глубокий шрам. И вдруг — рука Гиббона растворилась в лазерной вспышке.

Джек упал на пол и быстро отполз к воротам склада. Гибbon схватил здоровой рукой свой обрубок и с душераздирающим криком запрыгал по гулкому фальшивому полу. Свет погас, и офис заполнился каким-то мерцающим оранжевым свечением. Следующий удар пришелся Гибbonу в грудь. Желто-белая вспышка на секунду освещила склад. Фальшивый пол провалился под ногами Гиббона, и торговец с грохотом исчез где-то внизу.

Джек услышал крики людей, вбегающих в помещение. Обугленный пластиковый лист упал Шторму прямо под руку. Джек машинально свернул его и сунул за дазуху. Зеленые Рубашки пообещали ему приличную оплату за доставку бронекостюмов: кредитки, опознавательные чипы, адреса интересующих его лиц. Джек хотел подползти к ящикам и посмотреть, что осталось.

от вооружения, но вдруг — чья-то рука схватила его за плечо.

— Подожди, — прошептал ему в ухо знакомый мягкий голос. — Я могу гарантировать, что Гиббон начнет стрельбу сразу же, как только выберется из своего подвала. Но когда это начнется, нас уже здесь не будет.

Этот голос он мог узнать где угодно. Джек улыбнулся:

— Я говорил Калину, что ты знаешь о том, что я вернулся.

— Правильно, — сказала Элибер. — Ты вернулся и, как всегда, оказался в переделке.

Кажется, на этот раз она не сердилась на него.

* * *

В кабинете Калина Элибер прилегла на софу. Она очень нервничала, но все же — старалась не показывать этого. Мужчины тихо обсуждали происшедшее.

— Я предполагал, что Динаро может выкинуть такую штуку, — проведя рукой по своим редким волосам, сказал Калин. — Я не должен был ему доверять и не должен был посыпать за тобой Элибер. Это непростительно.

— Не извиняйся, Калин. Я цел и невредим. К тому же, они оставили склад горящим. Так что сейчас он уверен в том, что я сгорел.

— Я очень хорошо знаю этот район города. Тебе не стоило отправляться туда без меня, — не выдержав, вмешалась Элибер.

— Это верно, — мягко ответил Джек. — Но верно и другое. Император повсюду следует за тобой. А от этого возникает море лишних сложностей.

— Сложным было ждать тебя эти полгода, пока ты разыгрывал из себя мертвеца. — Элибер резко отвернулась. Кажется, она сказала чересчур много.

Его Святейшество кашлянул и неопределенно пробормотал:

— Черт с ним...

Джек пристально посмотрел на него:

— Динаро мог бы защитить тебя, — сказал он.

Калин пожал плечами:

— Его поступками руководят его собственные соображения. Я никогда не обольщался милитаристской фракцией среди моих последователей. Тебе надо как можно скорее покинуть Мальтен, Джек. Я не смогу долго защищать тебя. Пепис сразу поймет, что произошло, когда узнает о пропавших бронекостюмах. В этой ситуации выводы напрашиваются сами собой — ты выжил и взял бронекостюмы.

При упоминании о бронекостюмах Джек растерянно взглянул на Калина.

— Я не могу оставить Боуги...

— В таком случае, мне нужно научиться контролировать Динаро. — Калин посмотрел на тонкий пластиковый лист, который протянул ему Джек. — А что касается ответа на этот вопрос... Да, у меня есть возможность восстановить это. Но ведь у тебя нет времени ждать. Кстати, а что это такое?

— Это то, чем мне заплатили за бронекостюмы. Я просил достать кое-какую информацию, а еще... еще они обещали принять меня в лигу Зеленых Рубашек.

Калин нахмурился:

— Ты знаешь мое отношение ко всему этому.

— Может быть, наши отношения к ним в чем-то и совпадают, но я не могу без них свергнуть Пеписа. Нам

нужно как можно больше узнать об этой организации, чтобы не получилось так, что одно зло мы заменяем другим.

Святой Калин озадаченно нахмурился:

— Но ты хотя бы знаешь, кого ты ищешь?

Джек улыбнулся:

— Конечно. Я ищу человека, который разбудил меня от семнадцатилетнего сна.

Элибер вздрогнула:

— Джек, он не захочет тебя видеть!

— Я знаю. Вот поэтому-то мы и возьмем с собой

Боуги.

ГЛАВА 4

Грязный холодный дождь прохлестал над трущобами Мальтена. Нефтяные подтеки, оставшиеся после него на черном асфальте и старых серо-зеленых стенах, как бы приглушали все звуки. Обитатели трущоб радовались этой тишине.

Три фигуры притаились в тени возле дверей службы безопасности Мэнтека. Стойная и гибкая фигурка в плаще с черным капюшоном возилась с компьютерами охранной системы. С самой системой безопасности она справилась быстро, но при этом не заметила телекамеру. Высокий широкоплечий мужчина стоял спокойно и даже не пытался скрывать простое волевое лицо. Рядом с ними возвышалось массивное существо в серебристо-белом бронекостюме. Скорее всего, это был робот или киберг, но, судя по размерам, машина была военной, а не гражданской.

Два человека в центре охраны наблюдали за ними через телекамеру. Один из них, тот, который был немного повыше, сделал нетерпеливый жест:

— И все же почему мы их не слышим? — пластиковая лабораторная куртка скрипнула.

— Они включили белый звуковой барьер.

— А как им удалось подойти так близко?

Седоволосый коротышка в серой униформе покал плечами:

— Я не знаю. Они профессионалы, доктор. Могу предположить, что первый — вор...

— Но у нас здесь нет ничего стоящего! — доктор сложил руки на груди и еще раз посмотрел на охранника. Его утверждение не было верным, но он не хотел, чтобы персонал охраны знал о ценностях, хранящихся в его лаборатории. Он глубоко вздохнул. Кажется, времени не было.

Он не имел ни малейшего понятия о людях, ломившихся к нему в лабораторию. Кто они? Чего они хотят? Кто их послал сюда — наконец-таки? Он знал одно: ему надо срочно принимать решение. Знал он и другое: рано или поздно что-то подобное должно было случиться.

— Держи эту дверь как можно дольше, — сказал доктор и оставил своего служащего у монитора. — За это ты получишь премию, — подумав, добавил он уже из коридора.

А вот этого говорить не стоило. Это уже явно была ошибка. Ведь его охранник хотел получить премию, а значит — должен был выжить. Мертвым охранникам не платят денег. Впрочем, конечно, он сделает все, что в его силах...

Охранник открыл хранилище для кибернетических машин. Пять дверей бесшумно откатились в сторону. Пять роботов выехали в коридор. Серводвигатели взвыли, и оружие пришло в боевую готовность. Охранник набрал на компьютере координаты целей. Его пальцы быстро мелькали над клавиатурой. Потом он откинулся в кресле и стал наблюдать за результатами своей работы.

Доктор кинулся в первый попавшийся коридор. Затем, отышавшись, набрал нужный номер на своем переносном компьютере. Через секунду в микрофоне послышался хриплый женский голос:

— Что там происходит?

— Мы закончили подготовку. А сейчас отключи все приборы в лабораториях и подожги их. Начинай с первой, третьей и четвертой. А о второй я позабочусь сам.

— Что-что? — удивился все тот же хриплый голос.

— У меня нет времени, черт возьми! Делай, что я сказал! Нам нужно избавиться от записей.

— Хорошо. Лаборатории один, три и четыре. Встречаемся во второй...

— Нет. Встречаемся с другой стороны здания.

— Неужели же все так плохо?

— Да.

— И мы даже не попытаемся оказать им сопротивление?

— Нет. Прекрати спорить.

Ее голос зазвенел от негодования:

— О черт! Если бы ты знал, как я ненавижу этот туннель! Ладно. Будь осторожен

Доктор подумал пару минут и отключил связь.

— И ты тоже, — успел сказать он на прощание.

* * *

Элибер раздраженно шепнула:

— Еще пару минут, и мы будем внутри. Так что потерпите немного. Все хорошо. Держитесь, ребята.

— За что? — удивленно спросил Боуги.

— Ни за что. Просто — так говорят, — сказал Джек так терпеливо, как будто общался с малышом. — А пока — будь потише. Ведь Элибер надо сконцентрироваться.

Джек стоял рядом с Элибер и чувствовал, насколько она напряжена. Она долго доказывала ему, что он без нее не обойдется. Что ж — ее присутствие здесь

подтвердило это. Элибер спрятала свою золотистую гриву под капюшон, но он все-таки чувствовал пряный, еле уловимый запах ее пушистых волос. Этот запах успокаивал его.

— Подвинься немножко в сторону, — пробормотала Элибер. — Одно неверное движение — и полиция будет здесь. А она нам не нужна — ведь тебя считают мертвым.

Он отодвинулсѧ.

— Я уж не говорю о том, — тихо продолжила Элибер, — что у множества людей в этом случае будут из-за тебя неприятности.

— Я знаю, — нетерпеливо ответил он.

Похоже, Элибер до сих пор не разучилась читать мысли Джека. Она помолчала пару секунд и продолжила:

— Но все равно, если мы разрушим союз Пеписа с траками, это того стоит.

— Эта такая паутина... — вздохнул Джек. — Они успели намертво переплестись друг с другом. Этот узел уже не распутать, его надо рубить.

Элибер повторила:

— Все равно — эта игра стоит свеч, — звуковой отражатель на ее тонком запястье продолжал тихо пульсировать.

Джек похлопал по перчатке бронескафандра:

— Потерпи. Уже скоро, Боуги!

— Ну вот. — Элибер выпрямилась и увидела, что Джек напряженно наблюдает за ней. — Вы готовы?

— Как всегда. А сейчас запомни, Боуги: мне нужен доктор Дари и никто больше.

Боуги прогремел:

— Понял, Босс. Значит, мне использовать электрошок?

— Да.

Боуги был явно разочарован. Все-таки он был так же кровожаден, как и милосские берсеркеры. Элибер улыбнулась. Джек подумал и отдал ей свой лазер. Пригодится. У него самого было другое оружие — боевые перчатки, снятые с поломанного бронекостюма. Он неплохо приспособил их, поместив энергетический запас в ботинках и бронированных набедренных щитках. Элибер нахмурилась и посмотрела вниз:

— Джек... Один неверный шаг, и ты оторвешь себе ногу...

— Никогда. Я знаю, что делаю, — сказал он бодро и подумал, что на самом-то деле Элибер, кажется, права. Конечно, он хорошо знал свое вооружение, но, тем не менее, он совсем не был инженером.

— Сезам, откройся! — Элибер хлопнула рукой по замку. — Ну и что же ты скажешь доктору, когда он узнает, что мы вломились сюда?

Джек улыбнулся:

— Скорее всего, я скажу ему «спасибо».

* * *

У каждого человека бывают такие моменты, когда вся его жизнь проходит перед его глазами. На транспортных кораблях, вывозивших солдат из боевых зон, врачи использовали так называемую «разгрузочную петлю», позволяющую извлечь из памяти информацию и снять стресс во время холодного сна. «Разгрузочная петля» давно вошла во врачебную практику, и при ее использовании, кажется, не могло случиться ничего необычного. И все-таки необычное произошло.

Все началось со вторжения траков на Милос. Рыцари Доминиона могли бы вполне успешно отразить

эту атаку. Могли бы — но не отразили, — их самих предали на Милосе. Штурм оказался одним из немногочисленных бойцов, которым удалось погрузиться на корабль. Но корабль во время взлета был обстрелян и как следует поврежден. Он сбился с курса и затерялся среди звезд. Корабль дрейфовал в космосе семнадцать лет. Все эти долгие годы Джеку Штурму снился проигранный ими бой. В результате длительного стресса память о молодости и семье была разрушена.

Сейчас он должен будет встретить человека, который нашел его тогда на корабле — единственного живого из всех, так и не сумевших выйти из криогенного сна.

Дверь медленно отворилась. Пряный ночной воздух наполнился неприятным запахом дезинфицирующих веществ. Боуги так резко рванулся вперед, что распахнутая дверь покачнулась и сорвалась с петель. Краем глаза Джек заметил яркую вспышку в конце коридора. Он мгновенно схватил Элибер и повалил ее на пол.

— Отключи электрошок, Боуги! — крикнул он.

Роботы стреляли не переставая. Лазерный веер прошелся прямо над ними. От металлических ограждений отскакивали разноцветные искры. Джек выстрелил из перчатки. Боуги моментально уничтожил одну из машин. Она задымилась прямо посередине коридора, полурасплавленная, с раскинутыми во все стороны щупальцами. Даже разбитая, машина выглядела угрожающе. Другие четыре робота передвигались так быстро, что Джек даже не успевал прицелиться.

— Когда я перекачусь с этого места, — сказал Джек Элибер, — ты сразу же вставай и беги.

— Проклятая дешевая контрабанда! — выругалась Элибер. — Мое оружие поломалось сразу же, как только мы упали на пол!

Он не мог позволить ей идти вместе с ним.

— Я побегу направо, — крикнул он. — Не бойся. Я прикрою тебя.

Серебряный паук тотчас же устремился за ним. Тяжелым ботинком Джек выбил из его манипуляторов лазер. Мощный плазменный удар разворотил дверь. Шторм упал на колени и выстрелил почти не целясь — чтобы прикрыть Элибер.

Направо была стена, налево — коридор, ведущий к хранилищу сторожевых роботов. Боуги хорошо знал, где сейчас кто находится.

Он спрятался за косяк и выстрелил. Второй робот взорвался.

Сквозь едкий дым горящей пластмассы Джек заметил, как две машины обогнули Боуги и направились к нему. Интересно, почему же бронекостюм не привлек их внимание? Кажется, он сказал это вслух. Элибер за его спиной тотчас же ответила:

— Тепло! Они настроены на тепло!

Да, конечно. Ведь Боуги был холодным! Только его оружие излучало горячий раскаленный жар. Джек прицелился и выстрелил в пятирукого механического красавца. Робот покачнулся, но потом опять поехал вперед. Боуги уже вывел из строя последнюю боевую машину. Он был недоступен для ее лазеров и, не боясь ничего, ломал ее на части.

Джек схватил за локоть Элибер и увлек ее за собой в левый коридор. Вдруг он поскользнулся, упал на колено и почувствовал, что один из проводов энергопитания отскочил от крепления. Левая перчатка оказалась обесточенной. Робот все еще крутился на месте, размахивая целыми и невредимыми щупальцами.

— Черт! — сказала Элибер. У себя за спиной Джек услышал какой-то шум.

Боуги был занят. Машина все еще ехала на них. Джек еще раз выстрелил. Робот остановился. Но Шторм не сомневался в том, что до сих пор все еще находится в секторе огня.

— Беги! — крикнул он Элибер.

— Ну уж нет! — ответила она. — Кончай валять дурака. Прикончи поскорее эту жестянку.

Джек пустил веер огня в бронированную грудь машины. Корпус оплавился. Робот выстрелил в ответ. Конечно, он промазал, но это привлекло внимание Боуги. Белое бронированное существо повернулось и подняло руки вверх. Вокруг его пальцев на разноцветных проводах болтались запчасти.

Элибер схватила Джека за горло и толкнула вниз. Жестянка опять выстрелила. Шторм почувствовал, как по его затылку прокатилась горячая волна.

— Ничего, Джек, ты пока еще не лысый! — засмеялась Элибер.

Они лежали посреди коридора, прижимаясь друг к другу. Джек хотел обнять Элибер, но вдруг услышал визг серводвигателей. Они снова были под прицелом.

Теперь уже в робота стрелял Боуги. Машина остановилась и задрожала. Элибер громко вздохнула. Ее теплые сухие губы коснулись его щеки:

— Я думаю, они знают о том, что мы здесь.

Джек встал на ноги, помог подняться Элибер, а потом наклонился и проверил проводку. Энергопривод был оборван.

— И много шансов на то, что за следующим углом нас ожидают такие же малыши?

Элибер тряхнула головой и задрожала. Боуги пнул ногой обгоревший корпус машины и подошел к ним.

— Что будем делать дальше, босс?

Джек посмотрел через плечо Элибер в сторону двойных дверей. Элибер скосила глаза на замок и наморщила нос:

— Твой доктор — плохой парень.

Джек заглянул в маленькую светлую лабораторию

— Подберешь код? — спросил он.

Боуги изо всей силы навалился на герметичную дверь. У Джека чуть не лопнули перепонки, когда завопила сирена. Он дернул Боуги за руку:

— Прекрати, слышишь? — потом повернулся к Элибер: — Как там у тебя?

— Я подобрала код, но у меня плохие новости. Тебе совсем не нужно в эту лабораторию. Доктор Дари — инженер-генетик, причем подпольный, конечно, если эти примечания верны, — она вздрогнула. — Это нарушение герметизации может кончиться чем-то ужасным.

— Не шути. — Джек устало посмотрел на компьютерное табло. Бегущие строчки замедлили свое беспрерывное мельканье. Элибер опустила руки:

— Эти лаборатории приготовлены к взрыву.

— Что?

— Да-да, кто-то запрограммировал их на взрыв, — она отключила компьютер.

— Сколько у нас осталось времени?

— Семь минут.

Джек вернулся в коридор.

— Боуги, пойди в то крыло и оглуши доктора.

Бронекостюм развернулся и запрыгал в указанном направлении. Элибер вопросительно посмотрела на Джека:

— А ты уверен в том, что это разумно? Ведь Боуги еще ребенок!

— Этот ребенок повидал не меньше, чем ты.

Элибер состроила рожицу, и Джек сразу же вспомнил подростка, которого он встретил много лет назад в трущобах Мальтена. ...Маленького рыжеволосого подростка Элибер...

— В таком случае, я иду с тобой. Если Мэнтек действительно подготовлен к уничтожению, значит, за каждым углом нас может ждать чудовище.

Джек кивнул головой, и они побежали.

— А в какой последовательности запрограммирован подрыв? — спросил на бегу Джек.

— Сначала это крыло, а потом то, в которое направился Боуги.

— Вот это крыло? — переспросил Штурм.

— Там есть еще одно крыло, — Элибер подумала и показала рукой туда, где, по идеи, оно должно было находиться. — Кажется, то крыло они не будут взрывать.

Джек улыбнулся:

— В таком случае, мы на правильном пути.

— Может быть, — неуверенно сказала она, — огонь все-таки не уничтожит содержимое тех лабораторий?

Джек притворился, что ничего не слышит.

* * *

Доктор Дари остановился возле гидробака. Он осторожно провел перчаткой по краю контейнера. Что-то зашевелилось внутри.

— Извини, — прошептал он. — Работа еще не закончена, но все равно — твой владелец будет в восторге от моего научного доклада.

Дари протянул руку и отключил распределительный насос. Через несколько минут жидкость внутри бака начала пениться. Дари включил шланг, подающий в контейнер голубоватую кровь, и пенообразование прекратилось. Совсем недалеко от комнаты раздался приглушенный взрыв. Доктор знал, что разрушение лабораторий начнется с крыла номер один. Дари вынул чип из компьютерного пульта на стене и положил его в карман.

Двери в лабораторию распахнулись. Дари, не поворачиваясь, сказал:

— А я думал, что приказал тебе ждать меня за туннелем.

— Извините, доктор, но вы не оставили инструкций около дверей, — услышал он густой мужской бас.

Дари быстро повернулся и увидел перед собой высокого молодого мужчину и тоненького вора рядом с ним. Кажется, этот вор был женщиной, к тому же очень хорошо сложенной.

— Все уничтожено, — устало сказал он. — Никаких следов не осталось.

— Я не думаю, что мы похожи на агентов спецслужбы, — спокойно ответила ему молодая женщина.

— Это не имеет никакого значения, — ручной лазер, лежащий в кармане доктора, словно сам по себе стал выползать наружу. Дари опустил руку. — Вы видели, чем я здесь занимаюсь. А внимание полиции мне нужно столько же, сколько и вам. Кто вы?

Высокий мужчина шевельнулся. Он закинул голову назад и посмотрел на доктора. Дари знал эти глаза...

Посетитель улыбнулся:

— Вы знаете меня, доктор.

— Зачем вы ворвались в мою лабораторию?

Мужчина шагнул вперед. На нем были массивные бронированные ботинки и боевые лазерные перчатки. Доктор инстинктивно пригнулся за гидробак.

— Я пришел, чтобы поблагодарить вас, но, насколько я понимаю, вы довольно-таки подозрительный человек.

— Поблагодарить? — Дари опустил руку еще ближе к своему карману. Он должен будет пристрелить этого мужчину. Женщина, кажется, не вооружена. Всего один точный выстрел в горло — и он успеет выскочить отсюда, пока лаборатория еще не взорвалась.

— Да. Ведь это вы обнаружили дрейфующий транспортный корабль? — Джек быстро осмотрел лабораторию. — Я должен быть благодарен вам за то, что вы оживили меня. Насколько я понимаю, в процессе воскрешения я мог быть превращен во что-нибудь весьма необычное.

Дари выхватил из кармана лазер. Джек среагировал мгновенно: он перехватил руку доктора и повалил его на пол. Что случилось? Дари стало трудно дышать. Его окружила какая-то горячая сырая субстанция. Может быть, это... гидробак...?

— Штурм... — еле слышно выдавил из себя доктор Джек опустился на колено рядом с ним:

— Какого черта ты это сделал? — сердито сказал Джек. — Я пришел сюда совсем не для того, чтобы тебя убивать. — Он нахмурился и обыскал Дари. Его ладонь привычно скользнула по набрякшей от крови ткани.

— Послушай, — сказал Джек. — Теперь ты уже не протянешь долго. Расскажи мне, кто забрал меня и почему. И еще — почему обо мне ничего не сообщили Доминиону?

Дари чувствовал, как его горло наполняет горячая жидкость. Он сплюнул и медленно сказал:

— Мы все служим оружием в чьей-то чужой войне.

— Ты принадлежишь к организации Зеленых Рубашек?

Доктор кивнул.

— И поэтому ты спрятал меня?

Доктор кивнул еще раз.

— Но ведь я был рыцарем Доминиона?!

Правая рука Дари задрожала:

— Пепис... уничтожил рыцарей. С тобой он сделал бы то же самое... если бы...

— А как насчет моей памяти? Где лента с записями моей разгрузочной петли? Ее забрали с корабля? И еще: где находится то, что я обнаружил во время раскопок?

Подбородок Дари упал на грудь. Грудь была липкой и пахла, как кусок обгорелого мяса. Доктор слабел. У него начали путаться мысли. Наконец он выдавил из себя:

— Принцесса...

— Кто?

— Принцесса, — повторил доктор. — Найди ее, и тогда ты найдешь себя, — он кашлянул и затих.

— Джек! — настойчиво затеребила его Элибер. — У нас осталось только полторы минуты для того, чтобы смотреться отсюда.

Штурм встал. Его ботинки блестели от липкой докторской крови. Он включил передатчик:

— Боуги, немедленно уходи оттуда!

Он вздохнул и взял Элибер за руку.

— Будь осторожен. Ты это хотел сказать? — спросила она тихо и дотронулась кончиком ботинка до тела

доктора. — Послушай, Джек, а не кажется ли тебе, что если доктор Дари смог изменить тебя, то он мог и отредактировать записи твоей разгрузочной петли?

Джек взял ее за руку и вывел наружу. Дверь осталась открытой.

— Если у меня есть какой-то шанс, я должен воспользоваться им, не так ли?

В помещении гремели взрывы. Они становились все громче и громче и все ближе подходили к ним.

— А если ты вспомнишь какую-то давнюю, больную, утерянную любовь?

Джек посмотрел на Элибер:

— Ну что же, — сказал он тихо. — Ей так и придется остаться потерянной любовью...

Элибер улыбнулась, скинула с головы капюшон и расправила свои пушистые блестящие волосы. По коридору с грохотом протопал Боуги.

— Я не знаю, как его отключить на эту ночь? — озабоченно спросила Элибер.

— Он ничего не заметит, — улыбнулся Джек. — Его гораздо больше интересуют видеофильмы.

— Это хорошо. — Элибер положила голову ему на плечо. — Я мечтаю о долгом прощании.

— Ты можешь разбудить и мертвца, — засмеялся Джек.

ГЛАВА 5

...Это был мир густых туманов и частых дождей. Мир, которого едва коснулась цивилизация. В этом мире не подозревали об угрозе тракианских песков. Но однажды — появилось неизвестное заражение почвы, появилось — и стало быстро разрастаться. Местом встречи старейшин назначили старую пещеру в глубине леса. Старейшины должны были решить, что делать с этим песком...

У входа в пещеру остановился гуманоид, покрытый коротким блестящим мехом. Он вытер свою усатую морду и осмотрелся. Единственной его одеждой были желтые шорты со множеством раздутых карманов и вырезом для роскошного хвоста. Он был одним из представителей народа выдр, или фишеров — как они называли себя сами.

Кажется, Скал прибыл сюда последним. Он уже слышал возбужденный стрекот старейшин внутри пещеры, но присоединиться к ним пока не спешил. Он повернулся и внимательно посмотрел на леса, на болота, на луга с высокой травой...

— Задумался? — раздался за его спиной высокий насмешливый голос. Скал развернулся. Перед ним стояла самка, покрытая блестящим мехом редкого кремового цвета.

— Да! — ответил Скал и приветственно похлопал ее по руке.

— Они ждут тебя!

Скал знал об этом. На совет старейшин он был приглашен как почетный гость.

— Хорошо, пойдем внутрь, Туман-над-водой. — Скал набрал в легкие сырого лесного воздуха и нырнул в пещеру.

Сегодня старейшины не занимались песнопениями и не предлагали ему курительную трубку, и Скал был доволен этим. Он сел и уткнулся носом в колени, чтобы не смотреть в глаза старейшин. Он только что вернулся из торгового центра, а вернее, из расположенной там станции связи. Это было единственное место на планете, из которого можно было выйти на связь с другой, более развитой цивилизацией. Скал знал, о чем сейчас его спросят старейшины, но он не знал, что он должен будет им ответить.

Однорукий фишер с серебристой мордой и черными кончиками ушей сердито проворчал:

— Кончайте ходить вокруг да около. У нас есть проблема, и мы должны ее решить.

Рыжие, черные и серебряные морды, заполонившие пещеру, как по команде, повернулись к нему.

— Поручите Однорукому, чтобы он побыстрее во всем разобрался, — сказала Туман-над-водой и толкнула Скала плечом. Самую молодую из самок фищеров они называли Мудрая. Она была самой сообразительной и ловкой. Наверное, за ловкость ее родители и дали ей блестящее серебряной чешуей имя Рыбка. Мудрая Рыбка...

Рыбка тихо кашлянула, пытаясь прервать Туман-над-водой, и сказала:

— Рана у трех водопадов растет с каждым днем. Всем нам грозит заражение. Мне сообщили, что в голубой норе появился детеныш с двумя головами.

По кругу старейшин пронеслось потрясенное шептание:

— Это неправда!

— Не может быть!

— Что же тогда ожидает нас в будущем?

— Это правда. Я могу поклясться вам в этом. Я видела этого ребенка в дыму... Яд чужих миров, идущий от песчаной раны, заражает нашу землю...

Чья-то рыжая морда решительно прошипела:

— Мы найдем способ от него избавиться!

Однорукий крикнул:

— Так, значит, я прав!

Туман-над-водой засмеялась. Все с удивлением посмотрели на нее.

— Наконец-таки мы все согласились друг с другом!

— сказала она. Усатые морды мрачно кивнули.

Самец с длинной шерстью рыжего цвета прорычал:

— Давайте-ка лучше послушаем Скала.

Туман-над-водой кивнула. Этого Скал боялся больше всего...

— Верни назад наше Солнышко, — сказала самка. — Найди Воина и верни его в Миствальд. Мы знаем его силу и знаем, что сейчас он сумеет за нас постоять.

Скал возразил:

— Мы не можем начать войну с пришельцами. Мы слишком хорошо знаем, во что это нам обходится.

— А ты хотел бы умереть от чумы?

Скал вскочил на лапы. Шкура на его спине встала дыбом. Он не хотел говорить им о смерти Шторма —

это убило бы последнюю надежду его народа. Но — увы — он уже не мог избежать этого.

— Мы не можем найти Шторма, — сказал он. — Шторм мертв. На огромном экране в центре связи я видел похоронную церемонию.

Туман-над-водой тихо ойкнула:

— Нет, Скал, этого не может быть!

Он посмотрел на нее:

— Не веришь мне — так спроси об этом любого в центре связи. Там поймали передачу из гиперпространства, — он задохнулся от горя и собственного бессилия.

— Однажды я привел его к вам, но я не могу сделать это во второй раз.

Однорукий пробормотал:

— Но тогда мы погибнем. Чума очень быстро расползется по планете. Неужели же ничего нельзя сделать?

Туман-над-водой вскочила на лапы вслед за Скалом. Она яростно размахивала хвостом:

— Ты хочешь сдаться? Нет! Этого не будет никогда!

— фишерка сунула руку в оранжевое пламя костра. Пламя лениво лизнуло розовый мех. Когда Туман-над-водой вынула руку из пламени, на ладони у нее блеснул маленький, украшенный резьбой нож. Огонь не тронул ее шкуру. — Послушай, Скал, ты ведь дал второй, точно такой же нож нашему Солнышку. Если бы он был мертв, что случилось бы с этим ножом?

— Он... он исчез бы бесследно...

— Да. А это — душа ножа. Она существует?

Скал нерешительно посмотрел на нож:

— Да, но...

— Не противоречь мне! Ты видишь душу ножа, и ты видишь, что она существует. А значит, существует и

нож. А если существует нож, значит, Солнышко еще жив. Пойди и найди его, Скал!

— Но его нет в Миствальде.

Жирный кудрявый фишер громко захохотал:

— Но разве ты не знаешь, что ты должен будешь пойти туда, куда поведет тебя душа ножа?

Скал осмотрел пещеру. Сальные свечи уже догорали. На землю пришла ночь. В темно-фиолетовой небесной чаще плавали мириады звезд.

— Я должен буду найти его, если даже мне придется отправиться в другие миры? — осторожно спросил Скал.

— Куда угодно, — решительно ответила Туман-надводой.

ГЛАВА 6

— Нет, — тихо ответила Элибер. — Я не хочу идти с тобой.

Калин молча наблюдал за ними.

— Не хочешь? Но ведь ты была одной из главных причин моего возвращения!

— Причинами твоего возвращения, Джек, были я и... Зеленые Рубашки. А я не настолько глупа, чтобы думать, что ты сможешь найти их и одновременно защитить меня.

Джек остановился и пнул каблуком бесценный старинный персидский ковер Калина.

— Я не уверен, что тебе так уж нужна защита.

— Это верно, — нежно сказала молодая женщина.

— Но ты ведь все равно будешь пытаться защитить меня. Я отдала бы все, что имею, чтобы последовать за тобой, Джек. Но здесь, на Мальтене, у меня есть работа, которую я должна сделать. Дари явно показал тебе, что вовсе не стоит следовать за Зелеными Рубашками. Если среди них и есть какая-то Принцесса, до нее не так-то просто добраться.

— Так куда мне идти?

Элибер взглянула на Калина, а потом опять перевела взгляд на Джека:

— Ты серьезно? По-моему, тебе надо отправиться к внешним границам. Пограничные районы полны

молодых повстанцев. Вот и выбери из них одного или двух...

Джек посмотрел на Калина:

— Это ты ей об этом сказал?

Святой Калин пожал плечами:

— А разве я должен был что-нибудь ей говорить?

Нет. Это она сама сказала тебе. Правда, Элибер все же забыла об одном: будет лучше, если ты используешь в качестве приманки Боуги.

Элибер откинулась в кресле и поджалась под себя свои длинные ноги.

— Использовать Боуги? Ты слышишь, Джек?

— Кажется, у меня нет другого выбора. Мы перерыли все, что можно, на пожарище у Гиббона, но двух бронекостюмов так и не нашли. Боуги — это все, что у меня осталось.

— А если они уничтожат тебя и заберут его? Ведь он же еще малыш!

— Этот малыш, — фыркнул Джек, — в сущности, так же кровожаден, как траки, и ты знаешь это. — Штурм смахнул со лба золотистую прядь волос. — Что касается Боуги, так я оставлю его с половиной энергии и отключу блок самоуничтожения. А вот что будет со мной?

Элибер наморщила нос:

— Я думала, что обучила тебя гораздо лучше, ну, а если нет... — она выразительно пожала плечами..

— Можно забрать девушку с улицы, но улицу из девушки забрать нельзя, — хохотнул Джек и посмотрел на Калина.

Калин ничего не ответил, но резкие морщины в уголках его рта ясно говорили о том, что он еле сдерживается от смеха.

— Ну хорошо. А когда я окажусь на внешней границе, куда я должен буду идти дальше? — спросил Джек.

— На свалку, — быстро ответила Элибер.

— А что будет с тобой?

— Я за ней присмотрю, — добродушно сказал Калин. Элибер посмотрела на старика:

— Это совсем не обязательно. Я думаю, что за мной будет смотреть Вандовер Баластер.

— Кажется, у тебя неприятности? — сразу же догадался Джек.

— Ничего. Я справлюсь, — она постаралась не показать им своего страха. Ведь если Джек вынужден будет оставить ее здесь, он должен не сомневаться в том, что они справятся со всеми неприятностями.

Джек хорошо знал Калина. Он понимал, что старик никому не позволит причинить Элибер зло. Миссионерская организация распространяла свое влияние и на весь Доминион, и на Трон Триады: Если Вандовер Баластер попытается что-нибудь сделать с Элибер, Калин узнает об этом в тот же миг.

— А как ты собираешься добираться до внешней границы? — устало спросил Калин.

— Точно так же, как я попал сюда. Либо — подработкой, либо — автостопом. Если я буду делать это по-другому, значит, неминуемо нарвусь на неприятности. Однажды я уже имел контакт с Зелеными Рубашками.

— Время работает против тебя.

— Я знаю. Может быть, и быстрее и проще добраться туда в качестве контрактного рабочего, но мне не нужен никакой контроль. — Джек зловеще улыбнулся.
— К тому же, у меня до сих пор не исчезло отвращение к криогенному сну.

— А почему бы тебе не попробовать добраться туда на какой-нибудь барже миссионеров?

Джек на секунду задумался, но потом отрицательно покачал головой:

— Скорее всего, Динаро контролирует ваши грузовые линии; а поскольку в данный момент мы не уверены в его лояльности, это будет совсем не безопасно для нас.

— Я не думаю, что Динаро способен работать на кого-то еще.

— Нет, — решительно сказал Джек. — У меня нет времени ждать, пока вы с этим разберетесь. К тому же, было бы несправедливо и по отношению к нему, и по отношению к вашей организации начинать какое-то расследование этого происшествия. В конце концов это приведет к тому, чего вы всю жизнь пытаетесь избежать.

Элибер подумала и предложила:

— Но ведь ты снова можешь стать свободным наемником...

Джек покачал головой:

— Нет. Боуги слишком заметен. Если я буду путешествовать как механик, он сможет спокойно лежать в моем ящике для инструментов. К тому же, если я стану наемником, мне придется опять использовать бронескафандр. К сожалению, это никуда не годится. Да... А впрочем, я знаю, что мне делать.

Элибер выпрыгнула из кресла. Темно-синий комбинезон плотно облегал ее фигуру.

— Вы знаете, я не люблю долгих расставаний, — вздохнула она. — Поэтому все, что я хочу сказать, я скажу сейчас. Ты никогда не обещал мне, Джек, что нам будет легко. Я не хочу, чтобы сейчас ты обещал

мне что-то. И я тоже не буду обещать тебе ничего.
Делай так, как тебе лучше.

— Ты знаешь, Элибер, я буду очень стараться...

Она резко повернулась и подошла к двери:

— Я знаю об этом. А еще я знаю... что тебя могут убить... — она дернула на себя массивную медную ручку двери и вышла.

Калин вздохнул и положил свою руку на плечо Шторму:

— Пусть идет. Стены моих апартаментов — не самое безопасное место на планете.

Джек тяжело вздохнул:

— Это на нее совсем не похоже.

Калин подобрал с пола конец своей длинной мантии и уселся в кресло:

— Нет. Конечно, нет, — сказал он. — И все-таки ты слишком прямолинеен, Джек. Если у тебя и есть недостаток, так тот, что со всеми людьми ты обращаешься абсолютно одинаково.

Джек опустился на софу:

— Я весь состою из недостатков. Но что мне с этим делать?

— Жизнь научила Элибер увиливать, а ты об этом забываешь.

— Жизнь научила Элибер убивать, — сухо ответил Джек.

— Пусть даже так, — вздохнул Калин. — Но она сбежала отсюда потому, что боялась, что ты начнешь расспрашивать ее о ее делах.

Джек нахмурился:

— Что ты имеешь в виду? Она знает, как вести себя в трущобах Мальтена, и знает, как добывать информацию...

— Может быть, и это, а может быть, что-то другое...
— Что ты имеешь в виду?

— Самый лучший источник информации в мирах Доминиона — это император Пепис. — Джек насторожился. Он понял, что это так. — Пепис протянул свои паутины повсюду. Он очень пристально следит за своими врагами. Так же пристально, как и за друзьями. Я могу держать пари, что Элибер начнет свои расследования с трущоб Мальтена, но закончит она их — попыткой проникнуть в файлы Пеписа.

Джек облизал пересохшие губы:

— В таком случае, я очень прошу тебя: проследи за ней.

— Конечно. Я даже постараюсь отговорить ее от этого. И все-таки ты должен знать, что не только ты рискуешь.

— Но я так никогда и не думал...

Калин помолчал и кивнул:

— Мне не нужно было так думать о тебе, Джек, — он потер свои старые сухие руки. — Я буду молить Бога, чтобы вам все удалось на этом свете. Да, кстати, прежде, чем ты уйдешь от меня, я тебе все-таки кое-что покажу... Я не хотел, чтобы Элибер видела это...

Калин включил настенный экран. Джек откинулся на спинку кресла, недоумевая — что же собирается показать ему Его Святейшество. Экран посветел, и Шторм увидел изображение планеты, сделанное с разведывательного спутника. Кажется, это была одна из их внешних колоний — планета, заполненная водой...

— Тасия, — сказал Калин. — В основном она населена миссионерами.

— Я слышал о ней, — кивнул Джек. — Мир куполов и воды. Выглядит неплохо, только перепады температур немного великоваты.

— Да, это так. Возможно, эта планета так и не станет пригодной для массовой колонизации, — вздохнул Его Святейшество. Изображение увеличилось. — Смотри!

В самом углу экрана Джек заметил космический корабль. Такого корабля ему еще не приходилось видеть. На экране было хорошо видно, что купола, подвергшиеся атаке незнакомца, разваливаются, как яичная скорлупа. Хрупкая жизнь, которую они так старательно оберегали, вдруг оказалась под воздействием жесткой окружающей среды... Атака закончилась за считанные минуты.

Экран уже погас, а Калин все еще смотрел на него.

— Они не успели, — с большим усилием сказал Его Святейшество, — даже передать сигнал бедствия. Спутник тоже был уничтожен этим незнакомцем.

Штурм вскочил на ноги и подошел к установке:

— Прокрутите все это еще раз!

Калин хотел что-то сказать, но потом встал и включил видео.

— Скажи мне, если надо будет остановить.

— Мне нужно самое начало. — Джек еще раз смотрел на уничтожение Тасии. — Останови здесь! — он выразительно постучал кулаком по стене. — И что — никакой защиты? Ни одного слова от Баластера или Пеписа?

— Нет. Хотя пока об этом говорить рановато. Беседа на эту тему у нас с императором должна произойти завтра утром.

Джек внимательно посмотрел на застывшее изображение корабля:

— Это сделали ат-фарелы.

— Мы тоже так думаем.

— Корабли Тракианской Лиги незадолго до этого прилетали в данный квадрат. Наверное, траки делали это с целью обороны...

Калин откашлялся:

— Ат-Фарел спокойно прорвался сквозь них.

— Сомнительно, — Джек устало покачал головой. —

Я не знаю, кто они, но я знаю, что нам наговорили о них очень много лжи.

— Лжи? О чём ты говоришь, Джек Шторм? Они уничтожили тысячи и в чем неповинных людей!

— И оставили планету практически нетронутой. Они ведут «чистую войну», Калин. Эта планета года через три опять станет пригодной для жизни. Траки явно вводили нас в заблуждение, рассказывая о характере разрушений, которые производит Ат-Фарел.

— Но речь идет о человеческих жизнях!

— Я знаю об этом. Но мы не можем говорить о тотальном разрушении. Здесь не было такого огненного урагана, какой бушевал над Кэроном. Я рыцарь. А ты ведь знаешь сам, что мы были обучены убивать людей, плоть, военные машины — но мы никогда не трогали природу планеты.

Калин отключил видеомагнитофон. Экран потемнел.

— Чистая война или нет, — ответил он, — а они нас убивают. Они прорвут и нашу оборону, и оборону траков, и их уже нельзя будет остановить.

Джек снова улыбнулся:

— То, что они не разрушают планет, — ключ к их разгадке. У них есть моральные нормы, и мы должны в них разобраться, если мы хотим найти с ними какой-то контакт. Кем бы ни был Ат-Фарел, а траки его боятся. Я хотел бы это подчеркнуть — очень боятся.

— И, к тому же, Ат-Фарел ведет «чистую войну»...

— Совершенно верно. Это подтверждает мои догадки. Кстати, я ведь из-за этого и дезертировал... Мы заключаем союз с траками, чтобы сражаться с Ат-Фарелом, но я уверен в том, что сражаемся мы совсем не с тем врагом.

Калин сжал губы:

— Значит, по-твоему, это допустимо — очищать планеты от живущих на них людей... Чистить от людей планеты... Это, по-твоему, и есть «чистая война»?

— Все зависит от точки зрения, — устало ответил Джек.

ГЛАВА 7.

— Мне сообщили, что Дари мертв, а его лаборатория уничтожена. — Баластер улыбнулся. По тону его голоса нетрудно было понять, что он очень рад тому, что избавился от доктора.

Пепис сидел в информационном центре и внимательно смотрел на своего нового министра.

— Я знаю, — после небольшой паузы коротко сказал он.

— К тому же, не осталось никаких записей о тех экспериментах, которые он проводил для Вашего Величества. Похоже, придется начинать все сначала, — продолжил Баластер.

— Я знаю, — опять сказал император. — А вот чего я не знаю, так это того, кто его атаковал.

Баластер понимающе кивнул:

— Мои люди занимаются этим. Мы хотим определить, каким способом были взорваны лаборатории.

Пепис пренебрежительно махнул рукой:

— Это ложный путь. Дари уничтожил свои лаборатории сам. Я хорошо знаю его почерк. Он всю жизнь не любил оставлять за собой следов.

— Я понимаю, — неопределенно кивнул Баластер.

Пепис вздохнул, поднялся с кресла и снял с головы корону с датчиками. Рыжие волосы заколыхались в легком воздушном потоке, плывущем по комнате.

— Сообщите мне как можно скорее о своих находках. Обычно Зеленые Рубашки стараются не оставлять следов. Если они на этот раз не сделали этого, мы должны знать — почему.

Баластер кивнул и повернулся к двери. Но император за его спиной зашумел и щелкнул пальцами, чтобы как-то привлечь внимание Вандовера. Его зеленые кошачьи глаза безотрывно смотрели на мониторы. Трясущейся рукой он показал на один из них:

— Вот! Это только что поступило по космической связи! Опять атакует Ат-Фарел. — Пепис натянул на голову свою корону и сел в кресло. Вандовер подскочил к императору. Пепис смотрел как завороженный. Вдруг связь прервалась, и на экране появилась сетка.

— Что случилось? Кто занимается защитой? Почему не установлены щиты?

Баластер посмотрел на текст, побежавший по верхней части экрана:

— Это колония миссионеров, Ваше Величество. Я думаю, что щиты слишком дороги для такого маленько-го поселения. Раньше им вполне хватало куполов.

— Проклятье! Как долго мы сможем удерживать это в тайне от Калина и его совета?

Вандовер задумчиво почесал затылок:

— Скорее всего, он уже обо всем знает. Его шпионы работают не хуже ваших.

Пепис повернулся и язвительно посмотрел на министра. Баластер вздрогнул. Наверное, он не должен был говорить этой правды. Император облизал свои тонкие пересохшие губы:

— Я хочу знать, где это происходило и как там оказались ат-фарелы. Если миссионеры выжили, я хочу знать — почему.

— Ваше желание для меня — приказ, — иронично ответил Вандовер. Потом наклонился, посмотрел прямо в глаза императору, так же молча распрямился и вышел.

Пепис подскочил, захлопнул двери за удалившимся министром, а потом вернулся в кресло и откинулся на его мягкую спинку. На экранах мониторов мелькали сообщения из разных миров. Ни один из экранов не мог показать ему того, что он действительно хотел увидеть. На них не было с о о б щ е н и й о б у д у щ е м.

ГЛАВА 8

Скал облокотился на стол. Его будущий работодатель, нахмурившись, взял у него диск. За этот фальшивый диск Скалу пришлось выложить почти столько же денег, сколько стоил и настоящий. Человек бросил диск в компьютер и стал считывать его содержание с небольшого экрана.

Позади них высился корпус межзвездного корабля. Вокруг шумел космопорт: сновали автопогрузчики, скрежетали транспортеры. Только тонкие полиэтиленовые стены отделяли их от этой суэты. Скал пошевелил ушами. Он не предполагал, что здесь идет такая бурная жизнь. Фишерам не разрешали заходить под купол космопорта даже на их родной планете.

Справа, у тонкой прозрачной стены, стрекотал принтер. Скалу хотелось посмотреть на него, он вытянул свою длинную лохматую морду, но потом сдержал свое любопытство и даже не взглянул в сторону интересавшей его машины. В соседней комнате сидел юрист. Его компьютер готовил контракт прямо на глазах клиента.

Этот компьютер здорово отличался от тех, которые Скал видел в их торговом центре. Он не только умел продавать товары — он сам создавал их. Скал был очень доволен тем, что разобрался в назначении этой техники.

В маленьких комнатах не было потолков. Только тонкие стены разъединяли людей, так что — об одиночестве не могло быть и речи. По-настоящему уединиться можно было только в маленьких ячейках, расположенных в верхней части купола. Скал предпочел бы провести время там, но он не мог тратить на это свои скучные средства. Он еще понятия не имел о том, как далеко ему придется лететь для того, чтобы найти Джека Шторма.

Работодатель устало сказал:

— Согласно этим документам, я должен взять вас на корабль. Вы назначены послом в Ларж.

Скал тихонько шевельнул кончиком хвоста. Нет, он совсем не боялся выдать себя: из своего короткого знакомства с людьми он знал, что они не понимают языка жестов, на котором говорят фишеры.

— Все верно, — ответил он. — Я согласен отработать свой переезд.

У человека, разговаривавшего с ним, было массивное круглое лицо, очень походившее на луну. Густые брови ползали вверх и вниз, как две лохматые гусеницы.

— Вы спешите?

Скал погладил усы:

— Да, очень. Я не смогу ждать отправки лайнера.

И потом — маршрут вашего судна мне подходит гораздо больше.

Капитан захохотал:

— Но ведь это баржа для мусора!

— Вы, сэр, перевозите отходы. Но вы, наверное, не успели заметить, что на планете Миствальд очень слабо развита техника.

Скал понимал, что если его не возьмут сейчас, ему придется несколько дней ждать следующей баржи. Брови капитана надменно выгнулись:

— А я думал, что вам, фишерам, это нравится!

— Мне не нужно напоминать вам, что это Доминик отверг нас, а не мы его.

Капитан Оби откинулся на спинку кресла и улыбнулся:

— Ну, вот теперь наконец-то я понял, в чем дело. Ты хочешь не только добраться до места назначения, но и научиться чему-то за это время. Но юнге не платят много!

Скал вздрогнул всем своим лохматым телом.

— Я не прошу много, — сказал он и улыбнулся.

* * *

После дождя, двое суток хлеставшего над трущобами Мальтена, над узкими грязными улочками повис тяжелый запах гнили. Кучи мокрого мусора, разбросанные здесь и там, источали неимоверную вонь.

«Пришел сезон дождей», — подумала Элибер. Похороны Джека и его короткий визит на Мальтен, казалось, прошли давным-давно. Элибер пробралась вдоль водосточной канавы, придерживая рукой легкую пластиковую накидку. Ее ноги сами собой выписывали замысловатый рисунок: до сих пор она избегала зоркого ока телекамер службы безопасности. Что ж... со старыми привычками расставаться нелегко...

Чья-то рука тихо прикоснулась к ее спине. Элибер обернулась и увидела грязного большеглазого ребенка.

— Что ты делаешь? — она проворно схватила его за руку, пытавшуюся стащить с ее талии широкий кожаный ремень. — Если ты воруешь, так хотя бы подожди этого момента, когда на улице будет много людей!

Подросток ответил:

— Сегодня на улице никого нет.

— Сейчас еще рано. Но они появятся. Разве ты не знаешь, когда начинается движение?

У ее ног уже копошился другой малыш. Кажется, девчонка — сестричка этого грязного подростка. Девчонка изо всех сил пыталась расстегнуть ее ботинок.

— Эй вы, двое, прекратите немедленно! — крикнула Элибер и дернула девчонку за жиidenьку слипшуюся косичку.

Девочка пискнула, а подросток невозмутимо пожал плечами:

— Что делать! Сейчас трудное время!

Элибер кивнула:

— Да, время трудное, — и сунула ему в руку пять кредиток. — Пойдите купите себе чего-нибудь горячего.

Они побежали от нее так быстро, что прядь волос из хиidenькой косички девчонки так и осталась у нее в руке. Элибер задумчиво посмотрела на сгущающиеся сумерки и тряхнула пушистыми волосами. Когда-то она пообещала Джеку, что никогда не вернется в трущобы Мальтена. И вот — она снова стоит здесь. По своему собственному желанию.

Элибер вздрогнула и пошла дальше. Она искала дом, где находилась ее старая квартира. Все-таки лучше было жить здесь, чем в том бараке, где Баластер записывал все, что она делала или говорила. К тому же, кроме записывающих устройств, там были экстрасенсы, работающие на Пеписа. Они сообщали императору даже то, что она думала. Когда она жила во дворце вместе с Джеком, она могла позволить себе установить глушилки. А сейчас... сейчас Элибер балансировала на тонкой линии дозволенного и не дозволенного импера-

тором. А что касается экстрасенсов, так многие из них вообще не обладали никакими сенсорными способностями и безбожно врали, а сй, в довершение ко всему, приходилось скрывать свою психическую мощь. Но сейчас... сейчас ее мощь исчезла, и она, кажется, могла вообще ни о чем не беспокоиться. Если бы не Баластер. Вандовер по-прежнему преследовал ее. Для министра это стало какой-то манией: даже война, отнимающая у всех море сил и времени, не помешает ему через какое-то время обнаружить ее снова. Элибер подумала, что лучше всего будет, если в конце недели она переедет на новую квартиру. Ей нужно как можно дольше затянуть эту игру в прятки.

Элибер хотела было войти в лифт, но что-то удержало ее, она поскользнулась и ударила об угол здания.

Что это? Будто жгучий ветер пронизал ее внутренности, когда она почувствовала чье-то присутствие в собственных комнатах.

...Кажется, ее поджидал Баластер...

...Кажется, он почти поймал ее...

Элибер обхватила ладонями плечи. Ей было очень холодно от этого жгучего ветра. Скорее всего, Вандовер стоит у окна и наблюдает за ней. Кажется, ей опять повезло: она вовремя почувствовала чье-то присутствие. Остаток ее бывшей психической силы пригодился ей. Она пробралась вдоль стены и посмотрела вверх: в золотистом свете лампы мелькнула тень. Элибер оставила лампу включенной: она знала, что когда она вернется, будет уже темно. Тень шевельнулась еще раз и скользнула со стены на потолок. Видимо, Вандоверу не терпелось заполучить ее, и он расхаживал взад и вперед.

Элибер остановилась и задумалась: куда лучше всего было ей сейчас пойти? Наверное, все-таки в рабочий район – в район высокооплачиваемых технических специалистов и медицинского персонала. Вряд ли император станет искать ее у себя под боком. К тому же, в трущобах она уже успела растерять все свои связи. Да и для нее самой это будет очень удобно: она сможет порыться в карманах у императора, не отходя особенно далеко от дома.

Небо потемнело и стало грязно-серым. Заморосил дождь. Элибер нырнула в его струи и исчезла в темноте.

ГЛАВА 9

Джеку не спалось этой ночью. Совсем на короткое время он смог забыться, но потом — проснулся опять. Во рту неприятной кислотой отзывался привкус принятого снотворного. Джек потянулся. Антигравитационный гамак плотно и крепко обхватывал его тело. Кто-то рядом с ним вскрикнул во сне. Штурм затих. Он не хотел, чтобы его слышали он лег и подложил под голову левую руку

Снотворное ему осточертело. А заснет он или нет — было, в общем-то, все равно. После семнадцати лет холодного сна волей-неволей и к простому физическому сну в его организме пробудилось явное недоверие.

Джек вспомнил дикий, малонаселенный Кэрон. Когда-то он наслаждался жизнью на этой планете. Ему вспомнились назойливые сумчатые крысы и их постоянные налеты на поля с хмелем. Где-то в его вещах до сих пор лежал подаренный ими зеленый камень. Интересно, удалось ли этим существам оставаться в живых после той страшной огненной атаки? Может быть, и да. Ведь они могли уходить под землю, могли — запасать зерна и орехи на случай неурожаев. Может быть, на Кэроне снова шумит жизнь? Шумит, несмотря на отказ Пеписа заняться возрождением этой планеты?

В воздухе остро чувствовался запах немытых тел и еще — аромат какого-то довольно-таки распространен-

ного наркотика... Джек подумал, что на всякий случай ему придется определить, кто из его спутников употребляет его. Этот человек может оказаться опасным в крохотном пространстве старого корабля.

Когда-то «Вирджиния» была отличным военным кораблем. Но те времена прошли, и сейчас допотопная грузовая калоша скрипела при входе и выходе из гиперпространства. Водопроводные трубы дребезжали и выли, если кто-нибудь решался открыть кран. Пластиинки внешней тепловой защиты осыпались при посадке, как лепестки яблонь. Джек ни за что не связался бы с «Вирджинией», если бы мог найти хоть что-нибудь получше. Конечно, одно обстоятельство вполне устраивало его: на «Вирджинии» не использовали холодный сон для наемных рабочих. А значит, он мог контролировать свое время и не бояться того, что, заснув, проснется не через два месяца, а через три года.

Чья-то костлявая рука неожиданно схватила Джека за ногу:

— Спишь?
— Нет, — ответил он спокойно.
— Интересно, почему? Короче, давай выходи отсюда. Мне нужна твоя помощь.

В синеватом, почти ультрафиолетовом освещении коридора Хек еще больше смахивал на скелет. Он едва доставал головой до плеча Джека, но его малый рост, как это бывает довольно-таки часто, с лихвой компенсировался сильной волей — и люди, чувствуя это, старались подчиняться ему. Штурм привык уважать старшего по рангу еще во время рыцарской службы и поэтому подчинялся Хеку, когда считал это необходимым. А этой ночью ему нужно было отвлечься. Отвлечься — чем угодно, хотя бы и игрой в карты.

Хек обернулся и посмотрел на Джека. Тусклый свет синими рыбами мелькнул в его желто-белых глазах.

— Как идет игра? — спросил Джек и с удовольствием потянулся.

— Неплохо, — коротко ответил Хек и почесал петушиный гребень седых волос. — Сегодня ставь как угодно, — объяснил он условия игры Джеку, — но если ты проиграешь больше пятидесяти кредиток, тебе придется их возместить.

Джек молча кивнул. Они с Хеком шли к трюму. Это было единственное место для отдыха на корабле. На Хеке все еще красовался старый засаленный комбинезон. Как спущенный парус, он болтался на его худом теле.

— У тебя перерыв? — улыбнувшись, спросил Джек.
Хек кивнул:

— Да! Во мне не осталось той выносливости, которая была раньше. Но они все равно никогда не узнают об этом.

Кажется, Хек опять играл с пилотами. Джек попал в команду механиков — разряд людей, гораздо менее уважаемых на «Вирджинии». Это обстоятельство вполне могло бы сделать Джека и Хека союзниками.

Хек расправил костлявые плечи, вошел в трюм и весело закричал:

— А вот и Джек! Он будет играть за меня, а я пока пойду прогуляюсь!

Штурман Макгрю запрокинул голову и засмеялся:

— На прогулку, старик? Насколько я понимаю, ты собрался вздремнуть?

— Может быть, — отмахнулся Хек и вытянул стул для Джека. — Этот парень займет мое место. Надеюсь, никаких возражений нет?

Макгрю задиристо ответил:

— А разве ты только что не слышал? — но его голос был перекрыт одобрительными криками остальных игроков.

Штурман вспыхнул. Джек сел на свое место. Их глаза встретились. Макгрю недовольно ухмыльнулся. Черноглазый офицер, сидевший рядом с ним, примирительно сказал:

— Давай, Хек, иди и как следует перекуси. Мне надоело видеть твои кости.

Хек крякнул и коротко сказал:

— Смейтесь, парни. Но когда траки до нас доберутся, они меня не съедят!

Хек ушел. Пилоты стали раздавать карты и все так же — пусто и беззлобно — насмехаться над Хеком. Только Джек промолчал и посмотрел ему вслед.

Лишь Шторм да еще несколько солдат, которые были вместе с ним во время атаки на песочный инкубатор траков, знали о том, что жуки используют человеческие тела как корм для своих личинок. Где же был Хек, коли он так много знает об этом?

Черноглазый офицер фамильярно похлопал его по плечу:

— Давай, Джек. У меня мало времени, а я хочу отыграться. Делай ставку.

Джек с трудом оторвался от своих мыслей и занялся игрой.

* * *

Даже в гиперпространстве они будут лететь несколько недель и только потом доберутся до внешней границы. Джек знал, что это время ему понадобится для того, чтобы наладить отношения с Хеком. Завыла

сирена. Джек размял плечи. Сейчас он был свободен от вахты. Шторм привел в порядок свое рабочее место, осмотрелся и понял, что остался один. Он приложил ладонь к дверному замку и подождал, пока тот откроется.

Петля подъемника обхватила плечи, и Джек оторвался от пола. В верхнем отсеке петля ослабла, и он встал на ноги. Хек уже поджидал его. Он сунул полную горсть кредиток в руку Шторма:

— Держи! Это твоя доля выигрыша, парень! — Хек посмотрел на Джека с пристальным интересом. — Они все смеются надо мной, а ты нет. Ты хорошо скрывал это, но я все равно заметил. Заметил по твоим мрачным глазам. Ты ведь знаешь, о чем я сейчас говорю, так? Кто же ты такой, черт побери?

Джек вопросительно посмотрел на старика:

— Разве имеет какое-то значение, кто я?

Хека затрясло от первого возбуждения:

— Они смеются надо мной. Они понятия не имеют о траках. А ты знаешь то, о'чем я говорю. Тогда — как? Как ты мог узнать об этом? Ты видел то же, что когда-то видел я?

— Пусть себе смеются, — спокойным голосом ответил Джек. — Они ведь ничего об этом не знают.

— Но ведь ты знаешь! Не шути со мной, парень! — Хек выпрямился и сжал маленький сухонький кулачок.

— Не шути... Иначе тебя найдут в ванне с кислотой в утреннюю смену.

Джек выпрыгнул из-за перегородки и принял боевую позу. Хек испугался и непроизвольно отступил назад. Джек тихо спросил:

— Так что же, это угроза?

— Ну, ну... Не спешি. Мы ведь все спасаемся на этой развалине. Никаких имен, никаких вопросов. Ты

отлит из металла, а я этого раньше не замечал. Это точно.

— Ну что же. Зато ты видишь это сейчас. Послушай, я воевал с траками, а где и когда — неважно. Важно другое: мы оба, ты и я, знаем, какой секрет скрывается за скрежещущими панцирями этих жуков. Я собираюсь разобраться и с остальными их секретами, а скажешь ты мне что-нибудь или нет — это неважно. Я *все равно* узнаю обо всем, о чем должен узнать.

Старик совсем ослаб и стал еще меньше обычного. Он прислонился к перегородке и оперся на массивный болт:

— Это долгая история...

— Ну и что же? Я ведь все равно не сплю!

— К тому же, это неприятная история, — продолжил Хек. — Моим мальчикам сейчас было бы где-то около сорока, если бы они были живы. В общем-то, мы были нарушителями соглашения. А при теперешнем союзе, если кто-нибудь узнает об этом, я поплачуясь жизнью...

...История Хека была такова: он и трое его сыновей работали мусорщиками. Им приходилось подбирать трофеи на планетах, захваченных траками. Они прочесывали пески и искали в них установки, оставленные колонистами и армией. В их распоряжении был легкий корсар, так что они легко могли обогнать траков и не сталкиваться с ними лбами. К тому же, их защищало новое соглашение между Траянской Лигой и Доминионом. По нему траки получали доступ к основным торговым линиям. Наблюдение за песчаными планетами в это время не велось. Люди не любили траков и сторонились их. Так что траянские планеты фактически были открыты для разграбления. Этим-то и занимались Хек и его сыновья.

Джек почувствовал, как что-то внутри него холде-ет от этого рассказа. Собственно говоря, их жадность привела их к погибели. Глупость — тоже. Но об этом Джек не стал говорить вслух. Хек не заметил реакции Джека: он был поглощен рассказом о своем горе, о гибели своих сыновей. Когда их захватили траки, они предложили им отдать свой груз и корсар в придачу за свободу и возможность смыться с гибельной для них песчаной планетки. Но не тут-то было. Оказалось, что траков интересует *кое-что еще*. Хек вздохнул:

— Мы так и не знали, что они называют «*кое-чем еще*», пока нас не поместили в лагерь недалеко от Ветряных Ножниц.

Джек очнулся и переспросил:

— Где?

Хек ухмыльнулся:

— Ты об этом не слышал, парень. Это было на Милосе, а оттуда никто не вернулся живым.

— Ветряные Ножницы? Что это? Установка?

— Нет. Горная гряда, разрезающая ветер, такая острыя, что даже самолеты, прошедшие над ней, разваливались пополам. — Хек устало потер глаза.

На Милосе выжили двое: Джек и Крок. Милосцы попросили жителей Доминиона помочь им в наземной войне. Джек оказался одним из немногих, кому удалось погрузиться в транспортный корабль. Наземная война была проиграна.

— Но это не беспокоило траков, — продолжал свой рассказ Хек. — Они обосновались у подножия Ветряных Ножниц и стали все вокруг превращать в песок. А я и мои мальчики должны были пополнить их кормовые запасы. Конечно, мы надеялись выбраться, но траки предпочитали свежее мясо. А мои сыновья были та-

кие... огромные... Траки думали, что и мне неплохо было бы прибавить в весе. Возле базы стояло два транспортных корабля с засыпанными песком стартовыми установками. Мы хотели добраться до них и попробовать взлететь.

— Транспортные корабли? — переспросил Джек.
— Именно.

Вот так, транспортные корабли находились на стартовых установках вместо того, чтобы эвакуировать войска с Милоса. Тысячи солдат и сотни рыцарей в буквальном смысле этого слова были оставлены на съедение врагу. Они были брошены по команде Пеписа, которую передал теперь уже мертвый Уинтон. Но на каждом корабле был компьютерный вахтенный журнал с банком команд. Если бы Джек добрался до одного из этих кораблей и если бы оказалось, что их до сих пор не растащили траки, у него в руках были бы реальные доказательства измены, совершенной Уинтоном и Пеписом. *Предательства тысяч людей ради императорского трона.*

Значит, ему надо было возвращаться на Милос, туда, где когда-то начались его кошмары.

— Но вам так и не удалось выбраться? — прервал наступившую тишину Джек

— Нет... Они забирали нас по одному... Я был очень худ и поэтому оказался последним. В общем, мне удалось украсть глиссер, а потом... потом меня подобрал другой мусорщик. — Хек хрюплю вздохнул. — В чем дело, парень? Ты выглядишь несколько уставшим. Несужели ты думаешь, что Милос мог умереть более чистой смертью, чем остальные планеты? — Хек зло захохотал. — Нет. Ничего чистого эти жуки не делают. Мы нашли моих парней висящими на мясных крюках

в ледяных пещерах. Их тела ждали, когда гнездо достаточно разогреется для...

— Я знаю, — сказал Джек.

Тон его голоса заставил Хека замолчать. Хек хмыкнул и прикинул, стоит ли ему продолжать рассказ, а потом прикоснулся к плечу Джека: — Да... ты тоже это видел...

— Да, — вздохнул Джек и тут же прибавил: — Но тебе было бы разумнее забыть об этом.

— Забыть? — шепотом переспросил Хек. — Но ведь больше никто не знает правды! Пепис снюхался с траками, и теперь Доминион послушно бежит за ними на веревочке. Даже Зеленые Рубашки вымерли с тех пор, как их Освободитель исчез.

— Освободитель?

— Да. Не смотри на меня так, малыш. Когда-то давно, когда ты только родился, Зеленые Рубашки были доблестной группой. Какое-то время я примыкал к ним. Но я был для них слишком плох и понимал это. Человека, который возглавлял движение, лично я не знал. Я знал про него одно: все вокруг зовут его *Освободитель*. С тех пор прошло двадцать лет. Он ушел, а с ним ушел и размах движения. — Хек сгорбился и отвернулся. — Может быть, в том, что я сейчас сказал тебе, ты найдешь какую-то пищу для собственных размышлений...

Джек кивнул ему вслед. Здесь стоило кое о чем подумать. В самом деле стоило.

ГЛАВА 10

Жителей планеты Виктор-три без всякой натяжки можно было назвать хищниками. Они жили за счет остальных миров. Грузовые корабли старались облететь эту планету стороной. Шторм и Хек все же решили покинуть борт «Вирджинии» и как следует осмотреть космопорт Зрелище было не самым лучшим. Повсюду виднелись следы недавней бомбардировки. Серые бетонные стены чернели копотью большого пожара. Хек кивнул головой и сказал:

- Недавно бомбили.
- Но кто? — удивленно спросил Джек.
- Наверное, Пепис. Ведь больше некому. Виктор — планета пиратов, а им не мешает хоть иногда напомнить о том, кто настоящий хозяин.

Хек сжался и стал совсем маленьким, как будто бы разговор с Джеком лишил его последних сил. Он остановился у входа на грузовую площадку и еще раз посмотрел вокруг. Джек подкатил тележку и погрузил в нее контейнер с Боуги. Хек вздохнул:

- У тебя, как я посмотрю, неплохой набор инструментов!
- Да, — ответил Джек и запрограммировал автопилот на тележке на медленное продвижение за собственной тенью.

— Интересно было бы взглянуть, — сказал Хек. — Такой упаковки для инструментов я еще не видел.

— Вероятно. — Джек прищурился и тоже посмотрел вокруг. Порядка в космопорте, прямо скажем, не было. Ремонтники оставляли свое оборудование прямо в коридорах, и поэтому стартовые площадки были здорово захламлены.

Хек, улыбнувшись, спросил Джека:

— Кажется, ты здесь что-то ищешь?

— Да, — ответил Джек. — Я ищу все, что могу найти.

Хек смачно плюнул в сторону:

— Нет, ты не механик, парень. Ты хороший, слишком хороший для этого. К тому же, ты занимаешься ремонтом так, как будто бы от этого зависит твоя жизнь.

Джек хмыкнул и посмотрел на спутника:

— А ты вроде бы раньше не жаловался...

— На корабле становится известным все. Я прикрывал тебя там, но здесь это не пройдет. Ты делаешь это слишком медленно и слишком тщательно. Так что они выбросят тебя.

— А кто тебе сказал, что я остаюсь здесь?

Хек пожал плечами:

— Никто. Но ведь это так, верно? — ответил он. — Нет, парень, ты слишком хороший для этих мест, и они тебя сразу же заметят. Скорее всего, они уже заметили тебя.

Джек отвернулся и стал смотреть, как экипаж устанавливает грузовой трап. У него опять зачесалось между лопатками. Ощущение знакомое и верное: значит, он снова находился под прицелом врага. Джек подумал, что было бы гораздо лучше, если бы сейчас на нем был бронекостюм. Он осторожно посмотрел на

Хека. Тот очищал свой ботинок от комков старой сухой грязи.

— Если я попрошу у тебя совета, ты мне дашь его?
— осторожно спросил Джек.

Старик жадно посмотрел на него:

— Прошло столько лет с тех пор, как у меня в последний раз просили совета... — его тусклые глаза блеснули. — Все зависит от того, что ты здесь ишешь.

Джек решил идти напролом:

— Я ищу Зеленых Рубашек.

— Покажи мне, что ты туда засунул, и я постараюсь указать тебе верное направление, — ответил старик.

Джек вздохнул и присел на колено возле массивного контейнера. Он прикрыл рукой кодовую комбинацию на замке и осторожно открыл крышку.

Боуги лежал тихо. Гибкие сочленения скафандра мерцали в тусклом искусственном свете.

Джек защелкнул крышку и услышал за своей спиной глубокий вздох:

— Это вооружение!

Джек выпрямился и спокойно ответил:

— Я жду.

Хек еле сдержал себя. Задыхающимся голосом он сказал:

— Скагбутс. Это единственная мастерская, которую я знаю. Там ты найдешь то, что ищешь. Учти, это не единственное место. Но я знаю только его. И все-таки подумай как следует, парень. Они ведь перережут тебе горло за эту штуку. — Хек кашлянул и устало показал на контейнер.

— Я знаю, — ответил Джек и на прощание протянул старику руку. Хек посмотрел на нее, не понимая, что от него требуется, потом вытащил из кармана комби-

незона свою сухую и коряжистую пятерню и сунул ее Джеку. Рукопожатие старика было смертельно холодным.

* * *

Город, находившийся совсем рядом с портом, был сер и грязен. На улицах тут и там валялись груды старого, спрессованного от времени мусора. Джек пробирался через трущобы. Под низкими навесами, попадавшимися ему довольно-таки часто, вспыхивали сварочные лазеры. Тележка послушно громыхала следом. Джек шел с таким видом, будто он и не подозревал, что за ним следят. Но его правая рука, опущенная в карман, как всегда, сжимала рукоятку лазерного пистолета.

Настоящий поиск Джек начал только тогда, когда на его пути стали попадаться более или менее крупные промышленные мастерские. Около одной из них лениво пригрелся на солнышке охранник. Он выглядел так, как будто его волосы никогда не видели расчески, а от низкосортных кремов для удаления волос на подбородке торчала жирная длинная щетина. Охранник внимательно посмотрел на Джека:

- Ты что-то ищешь, босс?
- Да. Я ищу работу, - спокойно ответил Шторм.

Охранник задумчиво почесал бороду:

- Нет. Здесь работы нет.

- У меня свои инструменты, - уточнил Джек.

Охранник улыбнулся:

- Здесь нет никакой работы. Ты ее не отыщешь на всей этой планете. Ты слишком чист, и от тебя можно ожидать неприятностей. Ведь ты прилетел сюда потому, что сам захотел этого? Хочешь совета?

Джек вопросительно поднял бровь.

— Продай свой инструмент и первым же членоком вали отсюда подальше. Инструменты ты все равно потеряешь, а так — получишь за них хоть какие-то деньги.

— Потеряю? — с интересом переспросил Джек.

Охранник облокотился о массивные ржавые ворота:

— Ну да. Потеряешь. Вернее, их у тебя отнимут. А это ведь все равно.

— Ну — только не для меня. Что касается меня, так я лучше умру, — ответил ему Джек.

— Это пустой треп, — ответил охранник.

— А может быть, и нет? — усмехнулся Джек и вынул кредитный диск из кармана.

Охранник ловко поймал кредитку и сунул ее себе за пазуху:

— Хорошо, — сказал он. — Что ты ищешь?

— Скагбутс!

Серый страх мелькнул в бесцветных глазах:

— Подай чуть-чуть на восток, и ты не промажешь.

Ищи вывеску «*Распятие трака*».

Джек улыбнулся:

— Ну что ж... Название мне подходит.

— Да... — охранник открыл ворота и исчез за ними

В воздухе стало свежей. Солнце уже клонилось к горизонту.

Джек щелкнул пальцем, и тележка тотчас же развернулась. Он пошел на восток.

Сразу за мастерским показался большой комплекс по переработке отходов, обнесенный проволочным ограждением. На его территории стояли тягачи, подъемные краны и даже небольшой корсар. Этот комплекс явно препрятывал ему путь к Скагбутсу. А может быть, это была часть искомого заведения? За колючей проволокой он заметил огромную, размером с человека яще-

рицу с четырьмя лапами и когтями вместо рук. Время от времени ящерица посматривала на Джека. Кажется, животное выполняло здесь роль сторожевой собаки. Интересно, было ли это создание обитателем данной планеты, или ящерицу завезли из какого-то дальнего, мало кому ведомого мира? Джек взглянул на острые дрожащие когти ящера и решил, что будет лучше, если он выяснит это когда-нибудь потом.

Очень хотелось есть. Во дворе, за колючей проволокой, рабочие сортировали металлом. Они отбирали какие-то определенные, чем-то ценные для них куски и бросали их на конвейер. От скуки Джек попытался сообразить, по какому принципу отбирается этот ржавый металл, — но так и не смог догадаться. За кучей ржавого хлама на стене висела надпись: «*Распятие трака*».

Джек подумал и подошел к центральным воротам. Они были открыты. Рядом стояли компьютеры, следящие за покупкой и продажей отходов. На одном из экранов было довольно-таки хорошо видно, как идут ремонтные работы. Нет, это было не интересно. Джек вздохнул и зашагал дальше.

— Эй, что тебе нужно? — окликнули его. Это телекамеры охраны, заметив незнакомца, передали его изображение на центральный пост.

— Я ищу Скагбутс, — спокойно ответил Джек.

— Посторонним вход воспрещен, — буркнули в ответ.

Джек улыбнулся:

— Скажи им, что меня прислал Пепис, — он кивнул в сторону видеокамеры и пошел дальше, потом дал сигнал тележке, чтобы она стала рядом с ним, и открыл замок контейнера. Под ногами скрипело старое пластиковое покрытие. В воздухе пахло маслами и чистящими

веществами. Небольшая дверь в стене быстро скользнула в сторону, и Шторм оказался перед дулом крупнокалиберной винтовки.

— А теперь объясни, что это значит: тебя прислал Пепис? — прорычали из темноты.

Молниеносным движением ноги Джек открыл крышку контейнера. Лучи заходящего солнца упали на гибкие сочленения бронекостюма. Он сиял так, будто был сделан из чистого белого пламени. Человек с винтовкой отошел назад и прикрыл рукой глаза:

— Где ты его откопал?

— Я не думаю, что тебе надо это знать.

Человек громко выругался и крикнул:

— Бутси! Бутси, слышишь, иди сюда!

Бутси оказалась на редкость крупной женщиной. Она остановилась позади охранника и оценивающе посмотрела на Джека:

— Позови команду и закрой ворота.

— Но еще не стемнело! — неуверенно возразил охранник.

— Делай то, что я сказала, — ответила она.

Бутси ослепительно улыбнулась Джеку:

— Я бы пригласила тебя внутрь, но мы еще не выключили сигнализацию.

— Я подожду, — коротко ответил он. От женщины пахло духами. Аромат был совсем не сильным, но, кажется, в этих духах присутствовали ферменты. Во всяком случае, Джека возбуждал этот запах. Шторм улыбнулся и стал терпеливо ждать.

ГЛАВА 11

Джек не мог видеть всю команду, но он чувствовал их взгляды со всех сторон. Они скрывались за стеллажами и полками, заполнявшими пространство склада.

«Босс, кажется, ты опять в беде?» — окликнул его Буоги.

— Пока нет, — ответил Джек, пытаясь оценить видимые и невидимые силы Бутси

Сверху, из маленькой будки на лесах, чей-то голос прокричал:

— Бутси, что там у вас происходит?

— Приготовься к бомбардировке! — крикнула она и посмотрела на Джека большими выразительными глазами.

С грохотом закрылись противопожарные ворота. Собственно, закрылись все ворота вокруг, кроме тех, в которых стоял Джек. Он не сомневался в том, что ворота, находящиеся в низу узкой пластиковой дорожки, тоже закрыты. Кажется, Штурм зашел слишком далеко.

«Вот сейчас мы уже в беде», — сказал Джеку Буоги.

Четверо потных верзил встали по бокам Бутси. Мускулы у них были что надо: любой из них одной рукой мог бы поднять контейнер и забросить его в дальний конец склада. Они внимательно смотрели на

Джека, вертя в руках лазерные пистолеты. Джек приподнял руку, но в сторону решил не отходить.

Бутси подняла черную точеную бровь:

— Они говорят, что сейчас твою ногу прихлопнет дверь.

— Они говорят, что если ты не уберешь ее, то потеряешь, — добавил стрелок.

Джек качнул головой:

— Я пришел к вам по делу. Но если наша сделка не состоится, знайте, что виной тому политика открытых дверей.

Шторм заметил, что подъемные краны на складе пришли в движение. Один из крюков завис у него над головой.

Бутси улыбнулась:

— Вот теперь мы в безопасности, дорогой. Теперь мы можем и поговорить.

Джек пожал плечами:

— Я не очень люблю разговоры. Вы видели то, что у меня есть. Либо вас это интересует, либо нет.

Бутси потянулась. Джек заметил, что ее мышцы натренированы так, как это обычно бывает у мужчин. Она посмотрела на массивный металлический крюк, а потом опять перевела взгляд на Джека:

— Пока я не знаю, что у тебя есть. Я не видела этого сама. А вдруг там одна оболочка? Давай подцепим его на крюк и посмотрим как следует.

Джек быстро захлопнул крышку.

— Этого не будет, — сказал он Боуги. — Ты должен быть готов вскочить и бежать, если сейчас что-нибудь случится.

Наглый стрелок захохотал:

— Кажется, этот парень — девственник!

— Хорошо, — примиряюще сказала Бутси. — И чего же ты хочешь?

— Я ищу Зеленых Рубашек.

На складе стало тихо. Джеку показалось, что от неожиданности у женщины остановилось сердце.

— Вот как? А бронекостюм — это чтобы нас подразнить? Такая блестящая приманка?

— Никаких приманок, — ответил Джек. — Я собираюсь поработать в нем на Зеленых Рубашек.

Она задумчиво посмотрела на него:

— И ты действительно думаешь, что мы знаем, где их найти?

— Ну так кто же из нас трусит?

Женщина в упор посмотрела на Шторма:

— Хорошо. Предположим, что мы знаем, как их найти. Но какой нам от этого толк?

Джек вяло пожал плечами:

— Тогда я не стану разрушать ваши здания.

За спиной Шторма послышался хохот. Бутси подняла палец, и смех тотчас же стих. Она медленно обошла Джека и его контейнер. Джек не сомневался, что Бутси запомнила все, вплоть до мельчайших деталей.

— Хорошо, — сказала она. — Я могу их найти. Для тебя...

Он упрямо качнул головой:

— Мне этого недостаточно.

Она побледнела:

— Как это — недостаточно? Что ты имеешь в виду?

— Не стоит притворяться. У меня есть бронекостюм. Значит, вы можете изготовить копию. Я видел, какому бомбовому удару был подвергнут ваш космопорт. А ведь это всего в четырех километрах отсюда!

Пепис может прекратить это детское запугивание и ударить в цель сразу же, как только узнает, где находится Скагбутс.

Стрелок быстро взглянул на Шторма:

— Уж не ты ли собираешься рассказать ему об этом?

— Прекрати, — одернула его Бутси и указала Джеку: — Входи. Я гарантирую тебе выход отсюда. Подумай сам: такие разговоры не ведутся при открытых дверях. Это слишком рискованно.

Джек внимательно посмотрел на нее:

— Бронекостюм будет со мной.

— Хорошо. Входите, мистер. Чуть позже опять будут бомбить, а мы не хотим, чтобы во время бомбежки наши задницы торчали снаружи.

Нахальный стрелок представился Джеку как Гэс. Бутси скомандовала своим ребятам расходиться. Она не взглянула на Джека до тех пор, пока цех не приступил к работе.

— Насколько я понимаю, ты не пойдешь в офис?

Джек отрицательно покачал головой. Бутси пожала плечами и села на какой-то ящик.

— А теперь давай поговорим. Чего ты от меня хочешь?

— Я хочу пройти по цепочке до самого основания.

Бутси вытянула из рукава сигарету с наркотиком, прикурила ее и глубоко затянулась. Воздух наполнился возбуждающим ароматом. Помолчав немного, она произнесла:

— Вполне возможно, что это не самый лучший для тебя вариант. А что касается изготовления копий бронекостюма, так у меня здесь есть для этого все возможности.

— После того, как бронекостюмы будут изготовлены, надо будет обучить людей пользоваться ими. А тут не удастся сделать это незаметно.

Гэс стоял рядом с Бутси и держал в руках винтовку.

— Кажется, он прав, Бутси, — отзвался он.

Не отводя взгляда от Джека, Бутси сказала:

— Заткнись! — и стряхнула пепел. — Это не единственная площадка Скагбутса. У меня есть еще одно укромное место... в сельской местности...

Джек безмятежно ответил:

— Ты знаешь, Бутси, вранье тебя очень старит.

Она сделала еще одну глубокую затяжку:

— В конце-то концов, кто ты такой и как ты достал эти доспехи?

— Я рыцарь. Вернее сказать, бывший рыцарь. Как меня зовут, не имеет значения. Кстати, ты знаешь, ведь у меня нет опознавательного чипа! А если вы захотите убрать меня и завладеть бронекостюмом, имейте в виду, что он заряжен, а блок самоуничтожения включен.

— Ты определенно не девственник, — устало сказала Бутси. Сизый дым кольцами слетал с ее пухлых губ.

— К черту блок самоуничтожения.

На самом-то деле Джек давным-давно отключил этот блок, зная, что Боуги может постоять за себя. Бутси еще раз затянулась и оценивающе посмотрела на Джека:

— Я не знаю, смогу ли я провести тебя дальше. Ты ведь уже знаешь, что мы действуем маленькими группками по три человека. И только один человек в группе знает кого-то другого в следующей ячейке, и так дальше по цепочке.

Джек кивнул. Бутси поднялась на ноги. Гэс насторожился.

— Иди покажи ему все, что можешь, Гэс, а я постараюсь тут кое с кем связаться, — Бутси уцепилась за металлический кабель и подтянулась по нему, как по канату, на леса. Джек с невольным восхищением посмотрел ей вслед.

Гэс ударил его по плечу:

— Ладно, пошли со мной.

— Только до тех пор, пока тележка сможет следовать за нами, — сказал ему Джек. Гэс молча кивнул.

Этот завод ничем не отличался от других. На одних рабочих местах царил порядок, другие — были завалены кучами мусора, в соответствии с привычками работающих на них людей. Под потолком перемещался массивный подъемный кран. Едко пахло карбитом. Размагничивающие устройства были очень старыми, а вот электронное оборудование на стенах выглядело вполне современно. «Наверняка ворованное», — подумал Джек. По конвейеру медленно двигались корзины с металлическими деталями. Джек опустил руку в одну из них и вынул два чипа размером с ноготь. Посмотрев марку детали, он с изумлением взглянул на Гэса. Тот рассмеялся:

— У нас тут все есть, босс!

Джек хотел было бросить чипы назад, в корзину, но Гэс одобряюще махнул рукой:

— Да что ты! Бери себе! Когда-нибудь тебе явно понадобятся эти штуки!

Джек сомневался в том, что в ближайшее время ему придется ремонтировать лазерную пушку, но детали на всякий случай положил в карман. На полу валялось все больше инструментов. Тележка уже не могла

ехать дальше. Джек остановился. Гэс озадаченно взглянул на него:

— Дальше не проехать, — сказал Шторм.

Стрелок кинул:

— Да... У нас все завалено оборудованием.

Они вернулись назад. Бутси спустилась вниз так же эффектно, как до этого поднялась наверх.

— Все в порядке, — сказала она. — Я связалась со своим человеком. Но теперь мне надо посмотреть бронекостюм.

Для Джека это не было неожиданностью. Он открыл крышку контейнера. У Бутси перехватило дыхание от восхищения:

— У него настоящие доспехи! — крикнула она в радиотелефон. Ей что-то ответили. Бутси внимательно посмотрела на Джека и сказала: — Хорошо.

— Тебе поверили, — добавила она, повернувшись к Джеку. И тут начался кошмар. Вверху загрохотало. Здание вздрогнуло. Джек стащил Бутси вниз. Гэс закричал:

— Бомбовая атака!

Снаряды забарабанили по защитным щитам склада. Было ясно, что щиты долго не выдержат. Бутси открыла люк и проворно спустилась в бункер. Джек, проклиная Пеписа, стал облачаться в бронекостюм.

Боуги устроился у него под лопаткой. Обычно Джек не надевал ботинки внутрь бронедоспехов, но сейчас у него не было выбора. Он раскрыл комбинезон от шеи до пояса, обнажил торс и закрепил на нем датчики. Может быть, он и перепутал что-то, но ему нельзя было терять ни минуты. В запястьях кольнуло. Значит, перчатки были заряжены и готовы к бою. Джек наклонился и поднял шлем, но тут вверху раздался взрыв. Огонь

и дым прорвались сквозь пробитую крышу. Подъемный кран с грохотом рухнул вниз. Джек застегнул шлем и поднял голову. По небу ползли талонзы. Здание задрожало. Команда Скагбутсов нанесла ответный удар. Армада пролетела мимо, но система наводки показала Джеку, что к ним приближаются еще два талонза. Джек включил прицельную сетку. Бряд ли он мог сбить сразу два истребителя своим оружием, и все же они были слишком самоуверенны и шли на маленькой высоте.

Джек пустил ракеты. Раздался взрыв. Дым и огонь обрушились на землю. Огромный кусок крыши полетел вниз прямо на Шторма. Конечно, его бронекостюм выдерживал и не такие нагрузки. Но на этот раз шлем был плохо защелкнут. Джек потерял равновесие и упал.

ГЛАВА 12

Элибер прижалась к полуразрушенной стене. Камеры охраны давно должны были заметить ее, но сигнала тревоги не было. Еще пару шагов, и она будет у цели. Элибер благодарно погладила пальцем маленькое электронное устройство, которое помогло ей пройти сюда незамеченной. Конечно, оборудование Полиции Мира было самым современным, но черному рынку, как всегда, удавалось идти на шаг вперед.

В этой бомбардировке обвиняли Зеленых Рубашек. Но здесь что-то было не так. Само место было выбрано далеко не случайно. К тому же, не предпринималось ни малейшей попытки для того, чтобы отремонтировать или снести поврежденную часть здания. Создавалось впечатление, что Пепис боится к ней прикоснуться. В этом крыле здания когда-то размещался Уинтон. Это он вместе с Пеписом передал рыцарей Доминиона на Милосе. Наверное, если бы он был жив, рано или поздно он сместил бы Пеписа. Неожиданно Элибер почувствовала острый холодок, ползущий по спине. Она делала все, чтобы ее не заметили в этой кромешной тьме. Кажется, ее чувство опасности было несколько преувеличено. К тому же, чем дольше она будет оставаться здесь, тем скорее ее обнаружат. Элибер сдержала вздох и тихо скользнула к проходу.

Комната была взорвана изнутри и сейчас напоминала пустую яичную скорлупку. Здесь ничего не осталось целого. Расплавленные шнурья... лампы... куски какого-то электронного оборудования... Элибер сморшила нос: здорово пахло горелой пластмассой. Если бы Уинтон остался жив на Битии, он погиб бы во время этой бомбёжки. Элибер с удовольствием подумала о том, что Джеку все-таки удалось победить этого страшного врага. Хотя... Уинтон был не более как послушным слугой Пеписа.

Элибер выскользнула из комнаты связи. Все-таки Уинтон был очень скрытным человеком, а значит... значит, он не стал бы устанавливать компьютер со своими файлами здесь. Основная часть крыла все-таки уцелела. Снесло верхние этажи, а первый этаж почти не пострадал. Элибер подошла к какой-то двери и попробовала набрать код на компьютерном замке. Во все стороны полетели синие искры. Она резко отдернула руку. Кажется, этот замок был очень сложным. Он открывался только после идентификации рисунка глазного яблока. Элибер предвидела это. Она прихватила с собой голограммический снимок Уинтона. Но почему такой сложный замок находится на дверях обслуживающего персонала? Элибер оглянулась. Эта комната располагалась совсем недалеко от комнаты связи. Окружающие вполне могли счесть, что Уинтон направляется как раз туда. До смерти Уинтона и этой бомбардировки комната связи считалась сверхсекретной. Во всяком случае, она была достаточно секретной для того, чтобы скрывать рядом с собой настоящую информационную кладовую Уинтона.

Но для того, чтобы убедиться в правильности этих догадок, Элибер нужно было открыть замок. А перед

тем, как начинать набор кодовых комбинаций, надо было сказать контрольное слово. Интересно, какое же слово могло служить паролем для Уинтона? Оно должно было быть маленьким, настолько маленьким, чтобы не вызывать у возможных прохожих лишних подозрений. К тому же, это слово должно было быть достаточно значащим для того, чтобы никто случайный не мог произнести его в этом коридоре. Элибер вынула портативный проектор и закрепила его напротив отверстия видеокамеры для идентификации глазного яблока. Человек, который преследовал их с Джеком много лет, был нетерпелив, замкнут и проницателен. Но этого знания было явно недостаточно для того, чтобы найти шифр к звуковому замку.

Элибер могла бы рискнуть и вынуть замок, но комната, скорее всего, была заминирована. Из огромного кармана Элибер вытащила еще одно небольшое устройство и закрепила его рядом с первым. На плоском экране не было видно никаких движений внутри неподдающегося замка.

— Что-то не то... — пробормотала она и получше настроила голограммический проектор, потом — приложила щеку к холодной металлической двери и стала думать, что за звук или слово могут оказаться контрольными.

Через пару секунд Элибер резко выпрямилась, улыбнулась и быстро сказала самое невероятное слово, которое когда-либо можно было услышать среди этих стен.

На экране появился сигнал. Устройство распознавания глазного яблока сработало, приняв изображение с голограммического проектора.

Дверь тихо отворилась. Элибер быстро собрала оборудование, разложила его по карманам и надела темные очки.

Компьютерное оборудование здесь было очень сложным. Элибер улыбнулась и села в кресло. Начиналась настоящая работа.

Элибер склонилась над компьютером и попыталась найти доступ к личным файлам Уинтона. Первая попытка закончилась неудачей. Кажется, кто-то блокировал пуск программы на другом терминале. Наверное, это сделал Пепис или Баластер. Элибер могла бы попытаться включить программу, но это было довольно-таки опасно: в любую минуту могла сработать сигнализация. Видимо, надо было проконсультироваться у кое-каких специалистов и вернуться сюда снова.

Пробираясь назад по коридору, Элибер почувствовала чей-то взгляд и остановилась. Она посмотрела на пролом в разрушенной стене, ожидая увидеть там Вандовера Баластера, но тревога была ложной. Элибер облегченно вздохнула и уверенно пошла по дворцовому двору. Эти места она знала хорошо. Здесь телекамеры охраны были сий не страшны. Три шага вправо, прыжок влево, и опять — три шага влево, прыжок вправо. В общем-то, не такой уж и замысловатый рисунок...

Элибер страшно перепугалась, когда чья-то тяжелая рука легла на ее плечо. Она оглянулась и увидела перед собой огромное косматое чудовище. Элибер не успела как следует рассмотреть, кто это, по резкий запах, исходящий от существа, подсказал ей ответ. Это был Крок. Милосец. Командир рыцарей Доминиона. Марионетка Тракианской Лиги. Острый мускусный запах медведя раздражал глаза. Элибер отвернулась и смахнула слезу.

— Я думал, это какой-то вор! — прорычал Крок, опуская тяжелую лапу с ее плеча — Что вы здесь делаете, госпожа Элибер?

Он подошел к ней совсем близко, и его мускусный запах опять ударили в лицо. .

— Это очень опасно, подруга Шторма. Ведь они повсюду ищут тебя.

— Я знаю, — ответила Элибер напряженно

Милосец потянул носом воздух. Она поняла, что сейчас он услышит запах дыма и гари в ее волосах Крок отпрянул в сторону:

— Что вы делали во взорванном крыле?

— Пустите меня, командир! — она наклонилась в сторону и подготовилась бежать.

Крок покачал головой:

— Нет. Подождите. Мне надо немного подумать.

Оружия у Элибер не было. Совладать с этим огромным милосцем она никак не могла. Ей оставалось только сожалеть о потерянной ею способности убивать с помощью мысли.

Лохматый милосец снова схватил ее за плечо:

— Послушайте, Элибер, я чую сердцем, что Джек жив! А еще я понимаю, что сейчас вы работаете на него, — он вздохнул и посмотрел на розовый дворец Пеписа: — Я желаю вам удачи, мисс. Вы должны быть очень осторожны. Мне здесь не доверяют, и поэтому я не могу помочь вам ничем, кроме пожеланий. — Он развернулся и подтолкнул в сторону леса. — Удачной охоты!

ГЛАВА 13

Джек очнулся от резкой боли в горле и легких. Воздух с хрипом вырывался из рваной раны. Он ничего не видел от слез. И все-таки он был жив.

Джек плотно сомкнул веки, а потом разомкнул их вновь. Вокруг него было много дыма и много огня. Раскаленный металл все еще краснел в темноте. Вокруг слышались стоны и крики, пахло жженой пластмассой. Джек наклонил голову, нашел питьевой сосок и сделал небольшой глоток воды. В горле горело. Он еще раз глотнул. Стало немного легче.

Джек лежал на спине и пытался ощутить свое тело. Ноги занемели. Он знал, что это произошло из-за ботинок, которые он не успел снять. Шлем был сорван. Может быть, он лежал где-то рядом. Джеку очень хотелось, чтобы шлем заметили мародеры. Вероятно, эти твари уже вовсю ползали по заводу.

Джек закрыл глаза и стал молить Бога, чтобы боль хоть немножечко утихла.

«Босс!» — услышал он голос Боуги. Штурм понял, что мягкой подушкой под его раной был как раз он.

— Ты ранен, Боуги? — спросил Джек.

«Нет, — ответил тот. — Я голоден».

Боуги рос очень быстро. Для регенерации ему требовалось много солнечного света. В обычных условиях,

когда шлем с солнечной батареей был на месте, проблем не возникало. А сейчас Боуги, скорее всего, брал энергию у Джека. Шторм закрыл глаза и опять услышал разобиженный голос берсеркера:

«Я очень голоден, ты слышишь, босс?»

У Джека свело живот.

— Я тоже, Боуги! — только и мог сказать он. Шлем отсутствовал. О том, что происходит с самим бронекостюмом, Джек не знал.

— У нас еще есть энергия? — спросил он.

Из-за поломки или короткого замыкания вполне могла произойти утечка. Впрочем, горелой проводкой внутри бронекостюма не пахло. Боуги молчал. Наверное, он опять почувствовал теплоту и вкус крови Джека.

И все-таки надо было узнать, сколько у него осталось энергии. Джек попытался согнуть руку, но тут же замер. Он услышал, что кто-то совсем рядом с ним пробирается в темноте. В дальнем углу цеха вспыхнул яркий свет. Два человека упорно шарили вокруг.

— Я говорю тебе, что видел, как он надевал бронекостюм, — сказал один.

— Если он мертв, нам же лучше, — ответил второй.

С душераздирающим скрежетом обрушилась куча обломков. В воздух поднялись сизые клубы пыли. Джек заморгал и попытался встать. Правую ногу свело. Джек так и не услышал начала следующей фразы, которую незнакомец сказал своему партнеру:

..... освети здесь.

— Заткнись и продолжай искать, — ответил второй.

— Он был совсем рядом со входной дверью. — Яркий

сноп света прорезал темноту. — Посмотри, это все, что осталось от двери.

Гора обломков качнулась и рассыпалась. Было слышно, как большие куски штукатурки падают на пол. Раздался крик. Луч дрогнул и исчез.

— Рэй, где ты? — крикнул незнакомец.

Послышались ругань и стон.

— Фу! Чуть не провалился! Подай мне руку! Я потерял фонарь.

Кто-то третий крикнул из темноты:

— Где подъемник?

Двое неизвестных по-прежнему занимались своим делом и не обращали ни малейшего внимания на команду.

Джек стиснул зубы и еще раз попробовал согнуть ноги.

— Где прожектор?

Голос с сильным акцентом ответил:

— Да черт с ним, с этим прожектором. Обломки очень острые. Можно здорово порезать руку. Давай найдем бронекостюм и будем сматываться отсюда.

— Скорее всего, он погребен под этими обломками.

— Ну, тогда начинай копать...

Совсем рядом с Джеком послышался топот ног.

— Иди сюда! Я дам тебе руку! Будь проклят этот прожектор! Здесь работать не лучше, чем на темной стороне луны.

Джек тотчас же узнал голос Рэя.

— Послушай, мне кажется, что я слышу стон... Это Куинси...

— Забудь эту обезьяну! Ты со мной, так помни же об этом!

— Да, но вполне может быть, что они тоже хотят его вытащить.

Послышалась какая-то возня. Человек с акцентом произнес:

— Не забывай, ты крепко повязан со мной А мне нужен этот бронекостюм!

— Послушай, Каспер, если ты это сделаешь, Бутси порвет с тобой!

— Забудь ее, парень. У меня есть свое дело, и там ты получишь гораздо больше денег, чем здесь.

С противоположной стороны мусорной кучи Джек услышал шаги. Кто-то к нему карабкался. Джек повернулся и попытался сосредоточиться. Мелкая крошка посыпалась сверху на лицо. Яркий луч света ослепил его Джек отвернулся.

— Черт знает что! Он все еще жив! — сказал голос из темноты

— Тогда перережь ему горло и тащи его сюда

— Каспер, он здорово завален. Его будет нелегко вытащить.

В разговор вмешался кто-то третий:

— Ну уж нет, ребята. Вы его не получите.

Двое из говоривших явно сцепились в драке. В лицо Джека брызнуло чем-то мокрым. Запахло кровью. Совсем рядом кто-то завопил от боли:

— Караул! Идите скорее сюда! Меня зарезали! Меня зарезали!

— Ни с места! Это мы нашли его первым!

— Да нет, это я нашел его первым. Какая глубокая рана! Может быть, вы лучше займитесь этим?

Кто-то, кажется Каспер, ответил:

— Сейчас мы уходим, но мы еще вернемся, слышишь?

— Я не сомневаюсь, — крикнул третий. — Твой друг выглядит несколько бледно. Он потерял много крови, так что вам лучше поспешить.

Двое торопливо заковыляли к выходу. Третий включил карманный фонарик и осветил им себя и Джека:

— Давай посмотрим, как нам лучше вытащить тебя отсюда! — сказал он. У него было странное, совсем не человеческое лицо.

ГЛАВА 14

— Я очень доволен тем обстоятельством, что слухи о твоей смерти были здорово преувеличены, — с юмором сказала волосатая морда. — Хотя, насколько я понимаю, ты попал в большую беду. Впрочем, я еще помню, как однажды ты обрушил на себя целую дамбу. Почему-то это совсем не походило на самоубийство.

Джек начал приходить в себя. Он кашлянул и сказал фишеру:

— Ты сам вытащишь меня отсюда, или будешь ждать кого-нибудь еще?

Скал лукаво ухмыльнулся:

— Возможно, я подожду ту очаровательную женщину. В ней что-то такое есть.. Она волнует даже мою фишерскую кровь... Хотя я сомневаюсь в целесообразности близости между мной и ею. Нет, великий воин, я нахожусь здесь из-за тебя. Я искал тебя очень долго

— Искал? Но как же ты меня нашел? — удивился Джек

Скал спокойно пожал плечами:

— Туман-над-водой послала меня за тобой. Она сказала старейшинам, что слухи о твоей смерти неверны, и дала мне вот это, — фишер показал Джеку окровавленный нож. Этот нож был точной копией его

собственного ножа, того, который несколько лет назад подарили ему фишеры.

— Это было давно. Очень давно, — сказал он. — Да... Это было давно... Его друг Кэвин был тогда еще жив. И глава секретной полиции Уинтон — тоже.

— А теперь давай выбираться отсюда, — отрывистым лающим смехом засмеялся Скал.

— Энергии на то, чтобы вылезти отсюда, у меня хватит, но я опасаюсь нового обвала, — подумав, ответил Джек.

— Пойду посмотрю вокруг, — сказал Скал и отошел в сторону. Через пару минут он снова захотел из темноты: — Ого! Джек! Я нашел твой шлем!

— Хорошо. Забери его с собой, — ответил Шторм.

Джек понял, что Скал пришел сюда не случайно. Видимо, что-то случилось на далекой планете Миствальд. Он вздохнул и отдал команду бронекостюму. Тысячи обломков содрогнулись и поползли в стороны.

* * *

— С деньгами для проезда у нас нет никаких проблем, — сказал Скал и склонился над кружкой пива. — У меня есть с собой металлические чешуйки из нашей реки. Насколько я знаю, люди очень их ценят.

Джек улыбнулся и опустил кружку. Он видел, как Скал оплачивал пиво и еду золотым самородком.

— Я уберу твой кошелек подальше от чужих глаз. На Виктор-три полно всяческих головорезов.

— Это сказано знающим человеком, — пробормотал фишер и сделал большой глоток. Кажется, в этом грязном, заплеванном баре Скал чувствовал себя как дома.

— Ну, и какой вид транспорта нам потребуется? — Джек осторожно пошевелился в кресле. Защемевшие мышцы явно говорили о том, что к утру он превратится в сплошной синяк. Ящик с бронекостюмом стоял рядом со Штурмом.

Смеющееся лицо Скала пропрэзвело. Он опустил брови и потеребил лапой усы:

— Я хочу найти самый лучший и самый быстрый корабль до Миствальда. Времени мало, и совсем не нужно тратить его зря.

— На это путешествие потребуется недели две, и то только в том случае, если у тебя Карсар или Талон. А военный корабль мы достать не сможем. — Военный корабль совсем не подходил Джеку, но он не хотел, чтобы об этом догадался Скал. — К тому же не исключено, что нас будут поджидать. Скажи, кто заходит в ваш сектор?

— Только торговые и пиратские корабли, — ответил Скал.

— С торговцами можно будет сговориться за бесценок, особенно если они тянут за собою баржи. Ну, а у пиратов билет купить трудновато...

Скал обиженно опустил лохматую морду:

— Ты смеешься надо мной, Джек...

— Нет, в самом деле нет, — успокоил его Штурм.

— Расскажи мне, что это за парни и в чем проблема? Он немного подождал и взял из автомата новую бутылку пива. Скал последовал его примеру. — Я знаю, что это важно, — ободряюще сказал Джек. Ведь иначе ты не покинул бы свою планету.

— Если бы мы знали, Джек, кто они! — вздохнул фишер. — Нет, мы этого не знаем. Шпионы, которых мы послали вслед за ними, были найдены мертвыми. —

Скал сокрушенно замолчал. Его черные глаза влажно блестели. — Они заразили почву. Это заражение растет на глазах, и мы ничем не можем его остановить. Мы не знаем, что им нужно. Если им нужна наша планета, почему они так небрежно к ней относятся? Может быть, они хотят использовать нас как трамплин для достижения каких-то своих целей?

Джек тотчас же забыл про пиво и про закуску. По его спине прополз холодок.

— Послушай... — он напряженно наклонился вперед, — а это случайно не траки?

— Нет... — покачал головой Скал. — Насколько я знаю, они — люди. Такие же, как ты.

Джек вспомнил время, проведенное им на Миствальде, и способность фишерских старейшин управлять погодой и спросил:

— Совет уже пытался согнать их дождем?

Скал кивнул:

— Да. Но это бесполезно. Они просто перебрались на возвышенность. А пятно... пятно расширяется дальше. Мой народ не может справиться с этой напастью, поэтому меня и послали за тобой.

Кажется, фишеры действительно были в безвыходном положении. Когда-то Джеку пришлось сражаться вместе со Скалом в их гражданской войне. Он знал, что разумные выдры смелы и изобретательны. Вероятно, они надеялись на бронекостюм Шторма.

— Хорошо, — подумав, сказал Джек. — Мы с тобой пойдем туда, и я посмотрю, что можно сделать.

Скал вопросительно посмотрел на него:

— Мне кажется, что я отрываю тебя от каких-то важных дел...

— Ничего, — сказал Джек, — это может подождать.

Скал одобрительно шевельнул кончиком хвоста:

— Я склоняюсь перед твоей мудростью и благодарю тебя за это решение.

Джек улыбнулся и поднял кружку:

— В таком случае выпьем! Завтра утром откроется космопорт, и мы посмотрим, есть ли там что-нибудь подходящее. А сегодня мне надо как следует отоспаться.

Скал захочотал и торжественно поднял кружку.

* * *

.Посольский корабль Доминиона был готов к приему пассажиров на борт. Джеку удалось попасть на территорию Доминиона всего два раза в жизни, и оба раза были связаны с посещением Конгресса. Элибер много раз говорила Джеку, что представители Доминиона с другими людьми сходятся плохо. Вернее, они видят в них лишь то, что хотят увидеть.

Помощник посла и пилот не проявили к Джеку и Скалу ровным счетом никакого интереса. Они поняли, что у них достаточно золота для того, чтобы оплатить проезд, и успокоились.

— Мы с тобой не станем погружаться в холодный сон, — сказал Скалу Джек. Фишер послушно кивнул.

Пожалуй, этот корабль не уступал в скорости военному кораблю. Вместо погружения в холодный сон Джеку предложили заняться кое-каким мелким ремонтом. Криогенных установок для фишеров на корабле не было, так что Скал тоже избежал этого сомнительного удовольствия. Корабль был в отличном состоянии, поэтому ни Джеку, ни Скалу особенно много работать не пришлось. Перелет обещал

быть довольно-таки скучным. Скал подумал и занялся приготовлением карт района, прилегающего к земляной ране, — они могли пригодиться Джеку. Потом они обсудили различные варианты наблюдения за врагом. Скал боялся, что их постигнет та же участь, которая постигла их разведчиков

— А что, если... — пробормотал Скал, дернув своим тяжелым пушистым хвостом, — что, если все-таки это были не люди...

— Кожей покрыты? — насмешливо спросил Джек.

— Да, — с удивлением ответил фишер.

Джек устало потер лоб. У фишеров был очень красивый мех, так что пираты или еще кто-то, обитающий на планете, не могли упустить этого из виду. Эта мысль не давала Джеку покоя.

* * *

Джека мучила бессонница. Он встал, оделся и решил отнести ящик с Боуги в солярий. В солярии Штурм осторожно открыл крышку контейнера. Бронекостюм купался в лучах искусственного солнца. Боуги пел от радости.

Скал нашел Джека в солярии. Фишер натянул на свою голову шлем, пытаясь хоть как-то защититься от яркого искусственного света, и сел рядом со Штурмом.

— Нас предупредили, что к началу следующей смены мы войдем в зону деформаций.

Джек кивнул. Он понял, что к тому времени солярий обязательно закроют. А ведь им осталось еще половина пути... Скал дергал усиками и нюхал экзотические зеленые растения. Он явно наслаждался зрелищем сада. Кажется, ему очень хотелось домой. Они

помолчали несколько минут, потом фишер осторожно спросил:

— Джек, ты узнал, кто живет в твоем бронекостюме?

Джек кивнул:

— Да.

Скал продолжил:

— Вскоре после твоего отъезда Туман-на-воде рассказала мне об этом. Она сказала, что этот дух живет во плоти, как детеныш во чреве.

— Я тоже так думаю.. — Джек снял руку с крышки ящика. — Но кто он на самом деле — я не знаю до сих пор.

— А разве он не из ваших? — удивленно спросил Скал.

Шторм отрицательно покачал головой:

— Нет. Мне не приходилось встречаться ни с чем подобным. Кто-то подбросил его в мой костюм на Милосе.

— Я слышал об этой планете, — кивнул Скал. — Ведь сейчас это планета песков, не так ли?

— Да, — ответил Джек.

Скал сердито махнул хвостом:

— Прости. Я не хотел мешать тебе, Джек.

— А ты мне и не помешал. Все это было очень давно. Тогда я сражался на Милосе. Милосцы мало верили в то, что мы победим траков. У них были огромные хищные ящеры-берсеркеры. Почему-то милосцы решили, что эти ящерицы справятся с траками гораздо лучше, чем рыцари. Они заразили наши бронекостюмы... Мы слишком поздно обнаружили это. А берсеркеры... Берсеркеры сначала проникали в нашу кровеносную систему, а потом вырастали и проглатывали нас целиком. Потом они взламывали бронекостюм

изнутри, так, как будто это была яичная скорлупа, и вырывались наружу, вот тогда их можно было видеть...

Джек замолчал, вспомнив это ужасное зрелище: рядом с тобой бронекостюм товарища трещал и разваливался на части, и оттуда вырывался огромный ящер.

— Вот так. Берсеркеры были безмозглыми тварями, по сути — машинами-убийцами, но даже им не удалось спасти Милос.

— И ты подумал, что это существо — такое же?

— Да, во всяком случае, чем-то он похож на них. Я не знаю, как долго я еще смогу носить свои доспехи. Видишь, сейчас он поглощает свет, и этого ему достаточно. А потом... потом все может измениться.

— Но ваши отношения очень похожи на дружбу. Я чувствую, что он во многом тебе помогает.

— Да. Это так. Он умеет кое-что делать, и потом — у него есть разум. Иногда я слышу его. А когда мне очень тяжело, он делится со мной своим воинственным духом.

Скал улыбнулся:

— Ну что ж. Это очень полезная дружба..

Корабль вышел из зоны деформации и перешел в режим торможения.

Сила притяжения резко увеличилась и прижала Джека к кровати. Скал застонал.

— Держись, дружок! — сказал ему Джек.

— Не нужно было пить столько пива! — жалобно простонал фишер.

— Нет, нет, сейчас не время болеть, — строго ответил Джек.

— Ах, Джек, — опять застонал Скал. — Мы слишком долго были вместе — я и ты. Сейчас ты говоришь точно так же, как я.

— Ну, я, кажется, все-таки не перепил пива. — Он лег на спину и тут же почувствовал, что торможение корабля возросло.

Скала вырвало. В каюте запахло пивом. Это не предвещало ничего хорошего для них обоих.

— Держись! — упрямо повторял Джек. — Держись и думай о доме.

— Да-а... — жалобно протянул Скал. — До дома еще несколько дней...

* * *

Дома... Наконец-то они были дома... Скал ласково прикоснулся к Джеку своей мягкой лапой, приглашая его сесть в глиссер. Дождя не было, но воздух был тяжел и плотен от сырости. Боуги весело шагал за ними. Сейчас все они направлялись на встречу с советом. Джек надел на себя бронежилет и вооружился. Охрана в космопорте была явно усиlena. Кого искали власти Триады, Джек со Скалом не знали. Но они совсем не собирались попадаться в чьи-то руки, проделав такой длинный путь. Власти Миствальда проявили к ним явную благосклонность. Проходить карантин и таможенный досмотр им не пришлось.

— Для чего нужна охрана, — философски сказал Скал, — если она работает против тебя? — но меры предосторожности принял: их глиссер обогнул все большие города, включая здешнюю столицу — Свомберг.

— Скоро будет дождь. — Скал шевельнул кончиком хвоста. Джек посмотрел на серые облака и вспомнил о главной цели их поездки. Скал никому не сообщал о своем прибытии, но они оба знали, что Совет будет ждать их в пещере. Джек сожалел о том, что не привез сюда Элибер. Мир экстрасенсорных чудес был второй

природой фишеров. Эти пушистые существа вполне могли бы помочь ей избавиться от душевных мук. А так — ей пришлось очень много выстрадать... Джек вздохнул.

Планета Миствальд была зеленой и цветущей. Теперь в их районе галактики такие планеты попадались редко. В общем-то будет очень стыдно, если люди или траки разрушат ее. Скал занял место водителя в глиссере.

— Интересно, а вытянет ли он нас троих? — весело спросил Джек.

— Наверное, нет, — пошевелил фишер длинными усами и лукаво предложил: — А может быть, ты пойдешь пешком?

Глиссер был большой, четырехместный. Но бронекостюм все равно весил гораздо больше чем два средней упитанности пассажира. Джек сказал Боуги сесть сзади, а сам пристроился рядом со Скалом. Глиссер взревел, но оторвался от земли. Они сделали медленный плавный круг.

— Невысоко, и небыстро, но зато как устойчиво! — крикнул Скал и переключил скорость.

Последний горный хребет, отделяющий их от заповедника фишеров, они преодолели с большим трудом. Джек с Боуги даже хотели слезть и пройти пешком несколько километров, но Скал возмутился:

— Послушай, Джек, они послали меня за тобой, а ты хочешь, чтобы я пришел один? Не ставь меня в такое глупое положение!

До пещеры Совета Старейшин в глухом тщательно охраняемом фишерами уголке леса глиссер дотянулся без приключений. Старейшины сидели вокруг небольшого, чем-то сладким пахнущего костра. Скал приветственно

тявкнул, подошел к Туман-на-воде и положил ей в ладонь окровавленный нож. Туман-на-воде бросила нож в костер, и он исчез в сизоватых кольцах дыма.

Самка-фишер с очень пушистой кремоватого цвета шкурой радушно улыбнулась и кивнула Джеку:

— Добро пожаловать, Джек Шторм. Мы ждали тебя. Присядь и поговори с нами

Джек попросил Боуги подежурить у входа, а сам подсел к костру

ГЛАВА 15

Джек оглянулся и разулыбался: темные своды пещеры мерцали сотнями маленьких теплых звезд — в честь приезда долгожданного гостя в небольших потаенных нишах фишеры зажгли сальные свечи. Бронекостюм с Боуги, остановившийся у входа в пещеру, вспыхивал искрами от их трепетного света. Джеку было интересно, какое впечатление произведут его доспехи на тех фишеров, которые еще не видели их. В прошлый раз его приняли за Бога.

Туман-над-водой положила лапу с пушистой шелковой шерстью ему на руку

— Ты знаешь многих старейшин

Джек утвердительно кивнул. Фишер с седой мордой и словно бы подпаленными ушами почесал лоб своей единственной израненной лапой.

— Однорукий! — приветственно улыбнулся ему Джек.

— А вот и Рыбка. Она повзросла и теперь выглядит просто чудесно! А вот Лысина здорово постарел и потерял еще немного своего меха...

Огромный грязно-рыжего цвета фишер задумчиво моргнул, посмотрел на Джека большими грустными глазами, но ничего не сказал в ответ.

— Ну, конечно же, и Туман-над-водой. Я помню еще двоих, нет, троих старейшин, но, к сожалению, не знаю, как их зовут.

Лысина пробурчал про себя что-то ласковое, а потом торжественно и радостно сказал:

— Мы рады видеть тебя у нас, Солнышко!

Услышав такое прозвище, Джек покраснел. Интересно, откуда у него взялось это имя? Может быть, фишеры опять придумали о нем какую-то небылицу? Впрочем, размышлять об этом времени не было. Джек поклонился старейшинам и ответил:

— Я тоже рад видеть вас всех.

Скал доложил:

— Мне пришлось истратить почти все металлические чешуйки для того, чтобы доставить его сюда.

Однорукий успокаивающе махнул лапой:

— Это все ерунда. Это не имеет никакого значения, Скал. Эти чешуйки принесли нам то, чего мы ждали от них. Тебя не было долго, но мы думали, что ты будешь путешествовать гораздо дольше. Туман-над-водой говорила нам, что ты мог навсегда затеряться среди звезд.

— Нет, — упрямо качнул своей мордой Скал. — Этого не могло быть. Я все равно вернулся бы.

Рыбка кивнула:

— Мы знаем, — и пригладила ладонью длинные белые усы.

Туман-над-водой положила лапу на запястье Джека:

— Прости нас. Мы оторвали тебя от очень важного дела. Мы понимаем, какую жертву ты принес ради нас.

— Ты не права, Туман-над-водой, — ответил Джек.

— Ведь у меня все равно не было удачи в поиске.

После разрушения Скэгбутся Шторм потерял след Зеленых Рубашек. Так что, это путешествие

должно было помочь ему успокоиться и прийти в себя.

— А теперь расскажите мне подробнее, что случилось, — попросил Джек. — Насколько я понял, вы обнаружили на планете участки с ржавчиной, вернее, участки с каким-то необычным песком?

Старейшины молча посмотрели на него.

— Вы можете описать, какие корабли прилетают к вам? — Джек коротко рассказал, как выглядят военные корабли траков.

Лысина закусил губу и обнажил белые, на удивление молодые зубы:

— Человек, эти вопросы слишком сложны для нас. Мы знаем одно — эти пришельцы используют воздушные корабли. А в остальном мы не сможем помочь тебе.

Джек покачал головой:

— Но поймите и вы меня: для того, чтобы помочь вам, я должен знать врага! Как бы ни был силен мой бронекостюм, я не смогу сражаться с целой армией!

Однорукий недоверчиво шевельнул хвостом и мягко возразил:

— Но прошлый раз мы видели, как ты резал скалу!

— Да нет же! Это была совсем не скала! Это был небольшой, довольно-таки мягкий валун. — Джек оглядел пещеру и увидел множество длинных волосатых морд, застывших от уныния и боли. Джек еще раз повторил свои вопросы, а потом покачал головой и вздохнул: — Это черт знает что такое!

Огорченная Рыбка всплеснула лапами и попросила:

— Не отчайвайся хоть ты, Джек! Мы, фишеры, давно уже не знаем как нам жить дальше. Наша земля отравлена. Наши реки превратились в горький напиток смерти.

— Реки превратились в напиток смерти? Но скажите мне — как?

— Если бы мы знали, Солнышко, — растерянно заморгала глазами Рыбка, — мы не стали бы искать тебя среди далеких колючих звезд.

— Хорошо, — попросил Джек еще раз. — Расскажите мне очень подробно обо всем, что случилось. Скал говорил, что это рана, какое-то раковое заболевание земли. Передайте мне ваше мистическое понимание происходящего!

— Фишеры вымирают. В нижней части реки недавно родился детеныш с двумя головами.

— Что-что? — Джек обернулся, чтобы получше рассмотреть заговорившую женщину-фишера в кожаном фартуке с двумя темными полосками на лбу. Скорее всего, она была мельником: и фартук, и кончик носа, и темные настороженные уши были перепачканы в рисовой муке. — Вы в этом уверены? — переспросил Джек. Все это очень походило на последствия радиационного заражения. Возможно, произошла утечка горючего при посадке какого-то корабля? А может быть, недалеко от них построили атомный реактор? — Скал, в том районе есть какой-нибудь реактор? — спросил Джек.

— Нет... к тому же, наши очистительные сооружения работают хорошо. Я подумал о том же, что и ты, Джек, когда услышал о двухголовом детеныше. Сомнений не может быть только в одном: то, от чего сейчас умирают фишеры, занесено на планету пришельцами.

— А систему очистки на реке вы установить не пробовали?

— Мы не можем подойти достаточно близко к истокам, — рыкнул Однорукий и постучал себя в грудь лохматым кулачком. — Насколько мы понимаем, причиной всему могут быть Плавающие Кочки.

— Плавающие Кочки? — Джек вопросительно посмотрел на Скала. Интересно, что могли делать в этих краях вольные пираты? — А вы не можете ошибаться? Ведь вполне возможно, что это не люди, а траки!

Старый фишер хлестнул по камню хвостом:

— Насколько я понимаю, вы озабочены появлением на планете песка?

Джек утвердительно кивнул.

Туман-над-водой спросила:

— Траки — твои старые враги?

— Очень старые враги. И к тому же враги очень страшные. Песок, который они производят для выведения своих трачат, разрушителен. Он ползет, разрастается и пожирает все вокруг. Если его вовремя не остановить, вся планета станет песчаной. — Джек не сказал им главного: микроорганизмы, которые производят этот песок, было практически невозможно уничтожить. Им оставалось надеяться на то, что траки еще не побывали на планете.

— Вы уже были у посла или у вашего императора?

— спросил Джек.

— Мудрый Зуб все еще у власти, но он беспросветно погряз в торговле. Погряз по свою жирную противную шею... Он отвернулся от своего народа и предал его, так что от него нечего ждать помощи, — уныло ответил Скал.

Кажется, их последней надеждой был Джек. Шторм вздохнул и вопросительно посмотрел на Боуги. Выступать в одиночку против тракианского песка было делом нешуточным.

— Мне нужно как можно быстрее посмотреть на эту «рану», — задумчиво произнес он.

Туман-над-водой запротестовала:

— Нет, нет, сначала я должна по дыму прочитать твою судьбу, Солнышко, и дать тебе благословение.

Джек покачал головой. И без фишерского тумана его будущее выглядело не слишком определенно. Да к тому же для чего идти сражаться, заранее зная свою судьбу? Шторм этого не хотел.

— Будет лучше, если я не буду знать ничего, — сказал он.

Туман-над-водой широко раскрыла глаза и отпрянула от Джека. В мерцающем полумраке пещеры ее глаза казались черными, хотя Шторм и помнил, что это не так — при ярком солнечном свете, днем, они выглядели бархатными, темно-синими.

Еще один старейшина воспринял ответ Джека как оскорбление, резко вскочил на ноги и схватился за рукоять ножа:

— Я требую немедленных извинений! — выпалил он.

Скал примиряющее поднял лапу:

— Поймите, Джеку не нужно извиняться. Это мы должны извиниться перед ним за то, что навязываем ему наши обычай.

— Как? Но ведь он унижал наш Туман!

— Я приношу вам свои извинения, — сказал Джек.

— Я совсем не хотел никого унижать. Но впереди у нас столько событий, что я попросту не хотел бы, чтобы нас ждал какой-то определенный вариант

Мист сильно ударила хвостом:

— Он говорит совершенно правильно. Ведь Дым скажет то, что он пожелает сказать. Шторм же пришел для того, чтобы помочь нам. Мы не должны мешать ему.

* * *

Глиссер постанивал и нырял в воздушные ямы. Скал сверял путь по крупным сиреневым звездам.

— Ты вполне можешь отдохнуть, — сказал он Джеку. — Ведь мы всю ночь будем в пути.

— Неужели же это так далеко? — удивился Шторм.

— Да. На противоположной стороне континента.

— То есть, до этого песка такое же расстояние, как и до космопорта?

Скал утвердительно кивнул.

— Если бы не произошли бедствия на наших отдаленных пограничных постах, мы бы обнаружили «рану» сразу. А так...

Джек осторожно спросил:

— Я надеюсь, что ты не станешь приземляться прямо на ней?

Фишер довольно ухмыльнулся:

— Ну, конечно же, нет. Мы приземлимся в нижней части реки, а потом пешком дойдем до нужного места.

— Нам придется идти через болота?

— Нет. Мы пойдем через джунгли. Так что наши ботинки останутся сухими, но вот тем широким плечам

— Скал показал лапой на бронекостюм — придется чуточку согнуться.

В том, что считал сухими ботинками Скал, и в том, что под этим понимал Джек, явно была разница. В тропических лесах всегда шли дожди. Иногда дождь

шел по несколько раз в день. А что касается Миствальда, так эту планету без дождя просто нельзя было себе представить. Джека радовало уже то, что его бронекостюм не ржавел.

* * *

Они решили замаскировать глиссер, и набросали на него целый ворох душистых зеленых веток. Боуги помогал им. Он легко передвинул аппарат в заросли колючего кустарника и подтянул под колеса парочку тяжелых бревен, но все равно у Джека создавалось впечатление, что сегодня его питомец ведет себя как плохо обученный робот. Боуги был слишком силен, но он явно не знал, как пользоваться своей силой. Джек даже охрип, давая ему указания. Скал смотрел на них и посмеивался в свои пушистые расчесанные усы.

Когда Джек положил на глиссер последнюю зеленую ветку, Скал не выдержал и удивленно спросил:

— Почему же ты не надеваешь свой бронекостюм? Ведь ты солдат, а это — твои доспехи.

Джек вытянул из глиссера мешок и вынул из него бронежилет и два оружейных пояса. Он пожал плечами:

— Зачем? Конечно, я бы мог в него облачиться, но ведь так нас — двое. Боуги очень слаб в тактике, но зато он хорошо умеет стрелять.

Скал с интересом посмотрел на Боуги:

— Хотелось бы узнать, а кто из вас выбирает цель? Например, у меня есть оружие, но я бы не хотел, чтобы оно прицеливалось само.

Джек уловил в его голосе явное беспокойство. Он закрепил на своей руке браслет и сказал:

— Я не могу тебе объяснить, как мы с ним работаем, но ты не волнуйся. Мы уже проделывали такое. К тому же мои враги — это его враги. — Джек еще раз проверил энергетические браслеты и бросил пустой мешок в глиссер.

— Все равно, я бы на твоем месте подстраховался, — заметил фишер. — А вдруг однажды он не захочет делить с тобой бронекостюм? — Скал потянулся воздух чуткими звериными поздрями и направился к лесу.

Джек посмотрел на Боуги и крикнул:

— Не отставай! Постоянно следуй за мной!

— Да, Босс! — громко ответил дух, с явным удовольствием приспособливаясь к синтезатору речи. — Сегодня светит солнце. А солнце — это так приятно!

— Вот и наслаждайся им, пока есть возможность! — Джек поправил пояс и нырнул в заросли вслед за Скалом.

Скал не предупредил Джека о несметном количестве маленькой летучей мошки. Слава Богу, что эти микроскопические твари не кусались! Джек набросил на лицо тонкую сетку: ему совсем не хотелось заглатывать на ходу облака этой прозрачной мошкой. Насекомые кружили над землей прозрачными колеблющимися слоями. Верхнее облако было чуть выше зеленых древесных глав. Временами верхние облака насекомых ныряли вниз, чтобы поймать и съесть более слабого собрата. Джеку еще никогда не приходилось видеть таких ярких цветов!

— Боуги! — крикнул он. — Включи видеокамеру! Я хотел бы показать это Элибер!

— Запись уже давно включена, Босс! — Боуги неуклюже ковылял вслед за Штурмом. Скал остановил

вился у кромки леса и игриво потянул Джека за край сетки:

— Вот видишь! Теперь ты узнал, для чего мне служат усы.

— Ах вот в чем дело! — ответил Джек. — А я думал, усы нужны тебе для того, чтобы процеживать воду в речке во время ловли рыбы!

Скал расхохотался и хлопнул Джека по плечу. Потом серьезно сказал:

— В этом лесу погибли двое наших разведчиков. Я желаю тебе доброй охоты, мой друг, и прошу тебя, чтобы ты был осторожен.

Фишер шагнул в сторону и тотчас же растворился в лесном полумраке. Его пятнистая шкура была совсем незаметна среди прыгающих бликов тени и света. Если бы не желтые шорты и оружейный пояс, Джек совсем не смог бы различать его. Отрезвленный услышанным, Джек нырнул в тропический лес и осмотрелся вокруг.

* * *

По всей видимости, солнце было у них над головой. Джек чувствовал его живительное тепло сквозь полупрозрачные облака насекомых. В лесу их было немного меньше, чем над поляной. Но зато в лесу было много хищников. Джек посматривал на огромные, нависающие над ним ветки, но из-за сумрака ничего не мог разглядеть. Было сухо, как и обещал Скал, но в ботинках противно хлюпало от пота.

Боуги двигался с потрясающей ловкостью. Довольно-таки быстро он научился идти и при этом не ломать ветви. Скал то и дело двигал ушами и просил:

— Тише! Тише! Тише!

Джек окликнул его:

— Где ты?

— Все в порядке! Скоро мы будем на другой стороне!

Шторм удивился. Ему казалось, что они ходят кругами. Он шепнул Боуги:

— Уточни маршрут по компасу!

Боуги угрюмо переспросил:

— Что считать начальным ориентиром?

— Черт знает что! Они забыли установить координаты приземления! А значит, Боуги попросту не мог проверить их маршрут.

Скал остановился, чтобы перекусить. Он вынул из сумки плитки сухого рыбного завтрака и сказал Джеку:

— Если у тебя есть какие-то проблемы, посмотри сверху! — его усы явно дрожали от смеха. Джек огляделся, и, выбрав дерево повыше, скомандовал Боуги:

— А ну-ка, подсади меня!

Боуги немного постоял, потом взял правую ногу Джека и поднял ее в воздух. Джек покачал головой.

— Нет, Боуги, нет. А ну-ка подними вверх руку! —
Боуги выпрямился и поднял руки вверх. — Опять не то!
— сказал Джек. — Вот послушай, — и он мысленно показал Боуги, что тот должен сделать. Боуги подсадил Джека на дерево.

Скал засмеялся и сказал:

— Ну, такого глупого робота я еще никогда не видел!

Боуги тотчас же подхватил фишера за оружейный пояс и посадил его на нижнюю ветвь.

— Я не глупый. Я маленький. Я еще только учусь!
— сказал он Скалу.

— Мне кажется... — фишер задрал морду и посмотрел на Джека, — что будет лучше, если я подожду тебя здесь.

Джек полез вверх. Дерево было высоким и стройным. Его светло-коричневая кора легко отделялась от ствола. Джек карабкался очень осторожно. Он старался как можно меньше повреждать древесный покров. Ветки были расположены довольно-таки равномерно, так что лезть было легко. Запах коры пьянил. Джеку вдруг захотелось, чтобы у Элибера были такие духи.

Откуда-то снизу встревоженный Скал прошипел:

— Смотри хорошенъко, за что хватаешься, мой дорогой друг!

Джек вытянул руку и увидел совсем рядом с собой ящерицу. Она повернулась и ловко прыгнула на соседнюю ветку.

— Она очень пуглива, но ее укус ужасен, — объяснил фишер.

— Я запомню это, — сказал Джек и перелез на следующую ветку.

Вершины деревьев раскачивал ветер. Джек по-крепче ухватился за ствол, чтобы не потерять равновесие, и осмотрелся. Совсем недалеко от них была огромная поляна. Там, где должны были быть деревья, или, по крайней мере, густая сочная трава, — рыжела мертвая земля. Это был тракианский песок. Шторм не мог ошибиться.

Джек вытер рукавом лицо и посмотрел в ту сторону, в которую указывал Скал. На горизонте виднелись клубы дыма. Кажется, там находилось чье-то поселение. Джек быстро спустился вниз.

Скал спрыгнул со своей ветки и испуганно спросил Шторма:

— Тебя что, кто-нибудь укусил?

— Нет, — сказал Джек, подошел к Боуги и снял шлем. — Послушай, компьютер, — хмыкнул он, — отмечь это место как точку возврата, — он вернул шлем на место. При возвращении будешь следовать согласно показаниям приборов, ясно?

Сам Боуги ничего не видел. Он ориентировался исключительно по датчикам.

Усы Скала задрожали:

— Что случилось?

— Совсем рядом с нами находится тракианская установка, — вздохнул Джек. — Мы увидим ее, как только выйдем из леса. И все-таки мне непонятно, откуда берется песок. Ведь траки... траки никогда не покидают гнездо. Обычно они выкапывают под землей большое углубление, а через какое-то время на поверхности появляется песок.

Фишер озабоченно сказал:

— Ну так пойдем посмотрим?

Джек пошел первым. Через час они уже стояли у кромки леса. Скал наклонился и от отвращения сморщил нос:

— Ты прав, Джек. Этот песок какой-то непастоящий.

— Да. Но это — страшный песок. Он уничтожит Миствальд точно так же, как уничтожил Милос и мою родную планету Дорманд Стенд. Впрочем, кажется, этот песок заброшен.

Джек осмотрелся вокруг. Пятно было большим, но поблизости не было ни одного трака. Почему? Ответа на этот вопрос он пока не мог найти.

— Хорошо. — сказал Джек. — А теперь, Боуги, веди нас к точке возврата.

Боуги повернулся и пошел назад. Через какое-то время Джек со Скалом решили сделать привал. Скал опять вынул из сумки рыбные плитки и протянул пару из них Джеку.

— Нет, — отрицательно покачал тот головой. — Вряд ли мне это подойдет.

Скал пожал плечами и вынул из сумки другие плитки — хлебные и фруктовые. Джек управился с ними и облизал пальцы.

Было около двух часов дня, когда они наконец-таки вышли из тропического леса. Впереди Джек увидел стартовую установку. У него перехватило дыхание от размеров взлетной полосы, стремительно бегущей среди зеленого травяного поля. Дальше, по другую сторону сверкающей серебристой полосы, были видны купола, обнесенные вокруг земляным валом.

Пахло маслом и дымом. Через какое-то время эта база должна была стать поистине огромной — ведь она была рассчитана на три стартовые площадки и три взлетные полосы. Вдали сверкали знакомые обтекаемые конуса талонзов и корсаров.

— О Боже! — сказал Джек. — Кажется, они собираются начать войну!

— Кто? — спросил Скал и схватил Джека за руку.
— Кто это?

— Это те ребята, которые не испугались Пеписа и сами стали бороться с траками и их песками. Это Зеленые Рубашки. Теперь мне понятно, кто ликвидировал песчаное заражение в лесу. Твоя планета будет цела, Скал!

Фишер протестующе зарычал:

— Объясни мне, что хорошего в лекарстве, которое убивает своего пациента?

Джек с любопытством наблюдал за передвижением объектов на базе. Добравшись до Зеленых Рубашек, Джек уже не мог вернуться. Да и как бы он помог Скалу, не проникнув внутрь?

Боуги насторожился. Как собака, он нюхал воздух, приоткрыв забрало шлема.

— Ячу смерть, — через несколько минут сказал он.

ГЛАВА 16

Шерсть на загривке фишера ощетинилась.

— Сейчас мы знаем врага, а значит, найдем способ победить его, — воинственно сказал он.

Джек покачал головой:

— Все не так-то просто. Во всяком случае, я пойду туда. — Он опустился на одно колено и стал выпутывать из ботинка траву. Ему совсем не хотелось видеть глаза Скала. — Ты ведь знаешь, совсем недавно я был в районе Внешней границы. Туман-над-водой тоже знает об этом. Все дело в том, что я искал там Зеленые Рубашки. А если точней — я искал способ отрешить Пеписа от власти.

— Они грабят мою планету! — воинственно тявкнул Скал.

— Я знаю. Они не обращают никакого внимания на тот ущерб, который вам наносят.

Скал скривил морду и выразительно плонул в противоположную сторону:

— Ты думаешь, мне наплевать на ваши миры только потому, что я люблю свой? Я стараюсь следить за новостями, к тому же я знаю, сколько вреда наносят твои беззаботные герои. Да какие герои! Они просто-напросто террористы!

Джек внимательно посмотрел на фишера:

— Ты прав, — просто сказал он и отряхнул пыль с брюк. — Они не более чем убийцы. А со временем могут стать еще хуже. Но однажды они помогли мне. Конечно, из своих собственных корыстных побуждений. А сейчас мне не к кому обратиться за помощью. К тому же у них находится мой разум. Они забрали мою память, Скал, забрали в то время, когда я находился в холодном сне. А мне нужна моя память. К тому же я должен рассказать им, кем они были когда-то.

— А что будет с Миствальдом? И потом, когда ты уедешь, что нам делать с ними?

— Они уже помогли вам, — ответил Джек. — Они сражались с тракианским песком тогда, когда вы о нем даже не знали. Они успели уничтожить гнездо траков на первой фазе его развития, а это гораздо больше, чем вы можете себе предположить.

Фишер с горечью ответил:

— Они грабят нашу природу, наши леса и реки. Они и нас убьют так же, как и траков. Правда, нас они будут убивать очень медленно и очень безжалостно.

— Свяжитесь с ними и расскажите им, что они делают. Может быть, они послушают вас? — устало посоветовал Джек.

— А если нет?

— Они или траки. У вас нет третьего выбора, Скал. От Зеленых Рубашек обороныться просто. Для этого нужно построить фильтрующие дамбы вдоль рек и озер. А траков... траков может остановить только сила.

Скал пригладил свои усы и протянул:

— Однажды я дал тебе нож...

— Я знаю.

— Ты ничего не знаешь! — вспыхнул фишер. — Ты ничего не знал тогда и ничего не знаешь сейчас. Этот

нож символизирует уважаемого врага. Он означает милосердное убийство, если проиграна битва. Мы все доверили тебе ускорить нашу смерть, если мы проиграем битву за Миствальд. Я верил тебе, как другу. Но ведь ты собираешься пойти к ним, не так ли?

Джек положил свою руку на бронекостюм. Он действительно хотел пойти и посмотреть, можно ли проникнуть в лагерь.

— Скал, ты ничего не понимаешь... — покачал головой Шторм.

— Я все понимаю! Ты *предал* своего императора, а теперь *предаешь* и нас!

— Я не предаю вас. Но я совершенно не собираюсь прогонять Зеленых Рубашек с планеты. Дай мне время на то, что мне нужно сделать.

— Ты не будешь с ними сражаться?

— Нет.

Скал тяжело вздохнул. В его янтарных глазах показались слезы:

— Что я должен буду сказать Совету? Что я должен буду сказать о наших погибших?

— Передай Совету, что я постараюсь встретиться с людьми, которые строят здесь несанкционированную базу. Я проведу переговоры, если Совет разрешит им здесь остаться. А что касается убитых... — Джек пару минут помолчал. — Так возможно, что их убили траки. Пока мы не знаем этого.

— Но их могли убить и Зеленые Рубашки!

— Я знаю. Передай старейшинам, что я приношу им извинения за высокомерие и жестокость человеческой расы. Мы не всегда умеем признавать разумность и ценность других существ. Я постараюсь, чтобы семьям погибших предоставили какие-то льготы в

торговле, и еще — я постараюсь, чтобы перед ними извинились.

— А умеют ли эти люди приносить извинения?

Джек утвердительно кивнул:

— Да, безусловно. Мы умеем делать это.

Фишер успокоился и опустил хвост:

— В таком случае, мой дорогой друг, я вернусь один и расскажу старейшинам, что ты изменил нам из самых благих побуждений. А если они нападут на тебя... Нет, я не думаю, что тебя будет так уж легко уничтожить в этих доспехах. Но если тебя убьют, я отомщу за тебя.

Скал протянул на прощание свою лохматую лапу. Джек с облегчением пожал ее. И вдруг он услышал где-то вдалеке свистящий звук, а вслед за этим увидел в небе ослепительную вспышку. Свист стал более отчетливым.

— Черт знает что! — крикнул он. — Скал, беги! Слышишь, беги в лес!

Джек мгновенно снял с Боуги шлем и стал расстегивать бронекостюм.

— Что это? — спросил удивленный фишер.

— Это ж надо! А я еще собирался незамеченным проскочить мимо охраны! Джек сбросил с себя ботинки и бронежилет. — Это тракианские боевые корабли. Сейчас они будут атаковать базу. А еще позже весь этот район будет наводнен войсками траков. Ты не можешь идти со мной. — Джек тяжело дышал. Он спешил сбросить с себя оружейные пояса.

— Но ведь ты не скажешь мне, друг, что они... — Скал уставил палец в раскалывающееся от грохота небо — ... не взяли тебя под прицел?

Этого Джек сказать не мог. Миствальд находился за пределами Доминиона, и здесь мирное соглашение не действовало. Так что на его броню траки могли реагировать так, как хотели.

Фишер победно выгнулся, черные лохматые брови:

— Вот видишь! Значит, хоть кому-то из нас надо спасти для того, чтобы забрать назад твое извинение!

Джек впрыгнул в бронекостюм, закрепил датчики и проверил показания приборов. Скал засунул морду внутрь скафандра и посмотрел на замшевую прокладку с Боуги.

— Ага! Так вот это, значит, и есть твой напарник?
— спросил он.

— Да.

— Интересно...

— Проверь-ка ты лучше свое вооружение! — крикнул ему Джек, приводя в боевую готовность перчатки.

— Боуги, отключи электрошок, а потом — переходи на боевой режим.

«Хорошо, босс!» — тотчас же отозвался Боуги.

Истребители траков были уже совсем близко. Земля задрожала, боевые космолеты Зеленых Рубашек один за одним стали подниматься в воздух.

Джек проверил свои прицельные сетки. Зеленые Рубашки должны были благодарить Бога за то, что это был первый залет траков. Иначе... иначе их ожидал бы массированный бомбовый удар. Судя по всему, у траков не было наземной базы на этой планете, и поэтому они решили обойтись оружием малого радиуса действия. Послышался гром. Кажется, надо было спешить. Он обязан был добраться до Зеленых Рубашек, пока траки не уничтожили базу. Джек схватил фишера на руки и побежал.

* * *

Калин отошел от экранов внешнего наблюдения. Проклятыс траки! Даже в этих сгущающихся, ослепших от дождя сумерках, ощущалось их присутствие. В последнее время Святой Калин чувствовал себя узником. Кажется, траки об этом знали, но их это никак не беспокоило. Он сжал кулак, сделал глубокий вдох и постарался успокоиться. Иногда ему было достаточно один раз посмотреть на жуков, охранявших вход в штаб-квартиру уокеров, чтобы потом болеть несколько дней.

Судя по всему, его друг Пепис сошел с ума. Во всяком случае, другого объяснения происходящему Калин найти не мог. В последнее время император старался проникнуть даже на самые маленькие, явно ненужные ему планетки. Что его толкало туда? Что? Наверное, жажда власти. Да и во всех беспорядках, происходящих вокруг, все больше чувствовалась рука императора. А уж об этом предательском и безумном договоре с траками и говорить не стоило...

Из сообщений, поступавших к нему с Внешней границы, Калин знал, что свободолюбцы, взбунтовавшиеся против Пеписа, сдаваться не собираются. Они готовы на все — вплоть до полномасштабной войны с Триадским Троном. А такую войну при наличии очень серьезной угрозы со стороны ат-фарелов император себе позволить не мог.

Святой Калин ожидал Динаро. Тот должен был доставить ему последние сообщения. Пепис контролировал все каналы связи уокеров, так что самым надежным способом доставки информации становился человек. После инцидента с Гиббоном Калин не знал, может ли он доверять Динаро. Похоже, тот

догадывался, что отношение к нему Его Святейшества изменилось.

За дверью послышались шаги. В комнату вошел Джонатан, а следом за ним — и воинственный уокер Динаро.

Калин приветственно кивнул:

— Здравствуй, Динаро! Какие новости?

— Ваше Святейшество, Фарфунг ушел под защиту императора. Это было сделано для того, чтобы как-то защититься от ат-фарелов.

— Ушел?... Подожди... Что ты меешь в виду под этим словом?

— Жители планеты отреклись от миссионеров и попросили защиты у Пеписа. Хотя... я не думаю, что ат-фарелы в ближайшее время могут напасть на них...

— Все понятно. — Калин подошел к столу из красного дерева и погладил рукой тонкие причудливые прожилки. Древесный узор, сотканный из солнечных лучей и шорохов леса, всегда успокаивал его. — А что, ат-фарелы действительно готовились к атаке?

Динаро отбросил со лба волосы:

— Я не смог найти этому никаких подтверждений. Похоже, что агенты Пеписа проникли в порт, а затем... затем показания приборов были изменены.

— Так просто? — вздохнул Калин. — Ну что ж. Я не могу осуждать колонистов Форфунга за близорукость, — он иронично улыбнулся. — В конце-то концов они сделали лишь то, что считали необходимым.

— Но... Ваше Святейшество...

— Бог с тобой, Динаро! Прекрати относиться ко мне, как к какому-то хрупкому реликту! Я соткан из крови и плоти и свят не более, чем ты.

Динаро вздрогнул, заикнулся, а потом произнес:

— Сэр, у них не было никаких шансов отбить даже учебную атаку, а уж что говорить о настоящей! Нет, я тоже не осуждаю их. Пепис разыграл эту карту очень искусно.

Калин нахмурился:

— Расскажи об этом Джонатану и Маргарите. Пусть они предупредят остальных о тех играх, в которые играет наш маленький рыжий император. Хотя... Я не думаю, что Пепис будет повторяться...

— Да, сэр. Но почему Пепис делает это именно сейчас?

— Да потому, что он вступил в союз с траками.

— А разве он не мог сделать то же самое, когда воевал с ними?

— Может быть, и мог. Но в то время вероятность настоящего вторжения была слишком велика. Траки до сих пор не остановились: Они приобретают все новые и новые планеты для своих инкубаторов. К тому же они пошли на союз с нами только потому, что они боятся нас гораздо меньше, чем ат-фарелов. В сущности, мы нужны им как буфер.

Динаро молча слушал.

— Кстати, а что с записями? — спросил у него Калин.

Динаро покраснел:

— Записи уцелели. Они рассчитывали на то, что их уничтожат ат-фарелы, и даже не побеспокоились о том, чтобы избавиться от компрометирующих материалов до того, как планета перейдет под власть Пеписа.

Калин почувствовал себя очень старым... На Фар-фунге была одна из самых больших колоний уокеров. К тому же она находилась на пути к Внешней границе. Конечно, информация, попавшая в руки Пеписа, боль-

шого ущерба Святому Калину нанести не могла... Хотя... Это могло кончиться и другим: Пепис почивает острой неуверенность в себе... Да, конечно. Ведь владелец Триадского Трона так боялся разрастающейся «империи» уокеров...

— Будь осторожен, — сказал Калин Динаро. — Скорее всего, теперь Пепис постарается сфабриковать дело об измене.

— Об из — ме — не?

Калин горько ухмыльнулся. Если Динаро и был воинствующим миссионером, это еще не означало того, что он желал присвоить себе любую планету, на которую попадал. И все же — сейчас Динаро предстоял открытый конфликт с императором, а он явно был не готов к этому. Впрочем, самому Калину стычка между миссионерами и Пеписом была совершенно не нужна.

— Пепис давно уже поговаривает о том, что из меня мог бы получиться *гораздо лучший* правитель, чем он, — устало пояснил Калин.

— Все понятно... — пробормотал Динаро.

Святой Калин пристально посмотрел на молодого человека:

— Динаро...

— Да, сэр?...

— Скажи мне, что слышно об Элибер?

Легкий румянец выступил на загорелом широкоскулом лице:

— Ничего, сэр.

Интересно, почему он так покраснел? Может быть, он смущен тем, что не смог ничего узнать? А может быть, для этого есть какие-то другие, более реальные причины? Калин строго посмотрел на Динаро:

— Я обязательно должен знать, где она.

— Вы же знаете, как она воспитана, сэр. Ее не так-то просто обнаружить.

— Да, это я знаю. Но сейчас она находится под моей опекой. — Калин был очень озабочен.

Динаро воспринял эти слова, как вызов:

— Хорошо, я найду ее, сэр.

— Я надеюсь на тебя. Кстати, когда будешь уходить, пошли ко мне Джонатана.

Калин сгорбился и подошел к экранам внешнего наблюдения. Элибер и Джек опять не выходили у него из головы. К тому же, кроме новостей, принесенных ему Динаро, у него была и еще одна новость. Час назад ему рассказали о еще одной атаке ат-фарелов. ...*Пленных они не брали...*

ГЛАВА 17

Элибер потребовалось целых четыре недели для того, чтобы отыскать код к записям Уинтона. Вообще-то, могло случиться так, что она не угадала бы этот код никогда. Но она предположила, что если имя свергнутого императора Рерига оказалось паролем, открывающим входную дверь, то имя Пеписа, которому Уинтон был обязан больше всего на свете и которого больше всего на свете ненавидел, вполне может оказаться ключом к его секретным файлам. В этом была некая своя извращенная логика. Элибер прекрасно знала, что ни Пепис, ни Вандовар Баластер никогда не станут разгадывать код. Ей самой только чудом удалось сделать это.

Записи Уинтона были отрывочны. Элибер не сразу привыкла к образу мыслей этого человека. Но довольно-таки скоро она обнаружила заметки об активной деятельности Зеленых Рубашек и о поисках женщины по имени Принцесса. Уинтон вышел на ее след буквально перед самым отъездом на Битию. А на Битии он погиб.

Записи были очень короткими и наполовину зашифрованными. Элибер смогла понять немногое: Принцесса имела аристократическое происхождение и обнаружить ее было очень трудно. Записи подтверждали их догадки о том, что на Лазертаун Джека отправили

Зеленые Рубашки после каких-то манипуляций самого Уинтона. По сути, отправка Джека в эту колонию была для него смертным приговором. А после того, как Шторм сумел уцелеть, его посчитали очень опасным.

Еще более ценной оказалась информация о том, что на Битии готовилась ловушка для Калина. Его Святейшество должен был погибнуть либо там, либо — если это не удастся — впоследствии, в результате прямого конфликта с Пеписом. Конечно, на Битии все вышло по-другому: Джек, сам того не подозревая, оказался исполнителем древнего пророчества, а Уинтон погиб.

Элибер едва успела отключить компьютер Уинтона, когда робот-охранник прошел в помещение. Она тихонько сидела в темноте и размышляла о прочитанном.

— Внимание! Оставайтесь на месте! Предъявите идентификационный чип! — противным скрипучим голосом скомандовал робот.

Элибер совершенно не собиралась ничего предъявлять. Она спокойно вынула из-за пояса небольшую баночку и рассыпала вокруг себя ее содержимое. Этот аэрозоль действовал довольно-таки интересно: с одной стороны, он выводил из строя видеокамеры робота, с другой — здорово охлаждал ее собственное тело, так что и теплодатчики становились совершенно бесполезными. Робот беспомощно завертелся на месте. Элибер выскоцила в коридор, но, к несчастью, рукой зацепилась за манипулятор механического сторожа. Робот развернулся и выстрелил в ее сторону. Ярко-синий луч отскочил от бронированной стены. Элибер побежала. Робот выстрелил в противоположную стену. В соседних коридорах послышался шум: это охранная сигнализация подняла на ноги полицию. Элибер глубоко вздохну-

ла и, чтобы сократить путь, прыгнула на два лестничных пролета вниз. Черт! Кажется, она приземлилась не слишком удачно! Элибер стиснула зубы от боли и побежала по лестнице.

Прямо на бегу она отцепила наручный микрорекордер и выбросила его. Вот так вот! Пусть половят ее подольше! Этот приборчик записал звук ее шагов, когда она бежала по коридору, а сейчас на полную мощность проиграет для охраны запись.

В самом конце коридора виднелись тяжелые двери. Даже если Элибер каким-то образом удастся пройти, все равно она попадет в поле зрения телекамер охраны. Элибер прижалась к стене и осмотрелась. Дверь была открыта! Она медленно захлопывалась: видимо, кто-то только что прошел через нее. Она подскочила к двери, юркнула в нее и, прихрамывая, пошла вперед. Интересно, удалось ли камерам заснять ее? И можно ли будет опознать ее по этой записи? Джек содрал бы с нее шкуру, если бы узнал, как она рискует. Но главное... главное, чтобы он не попался первым... Элибер потерла запястье и выскочила из здания.

Чья-то огромная рука схватила ее за локоть:

— Мы уже во второй раз встречаемся с вами, леди Элибер! — Крок подтянул ее поближе к себе и как можно более тихо пророкотал: — Я думаю, что вы очень плохо ориентируетесь в темноте. Встаньте на мои ботинки и держитесь за руки. Они все равно увидят только мою спину. — Крок обнял Элибер, покрепче прижал ее к себе и спокойно зашагал через дворцовую площадь. Сзади послышались крики.

— Нет-нет, я ничего не видел. Я был на дежурстве, а сейчас я ухожу, — пробормотал Крок.

— Что вы делаете? — испуганно спросила Элибер.

— Я увожу вас отсюда. Вы ведь плохо запоминаете предупреждения: я предупреждал вас, что вы должны держаться как можно дальше отсюда.

— Да, да, я помню, — сказала Элибер. — Теперь мои дела здесь уже закончились.

Они приближались к выходу. Этот сектор двора всегда был хорошо освещен и отлично патрулировался. Элибер прыгнула под дерево, в спасительную тень:

— Спасибо. Дальше я попробую добраться одна.

— Да нет. Я не думаю, что наш полицейский министр — дурак. Стойте здесь. Сейчас я подгоню свой автомобиль.

Элибер спряталась за дерево. Голова кружилась. Руки подрагивали. Кажется, ей надо было довериться Кроку.

Автомобиль остановился рядом с деревом. Задняя дверка открылась, Элибер подползла к ней и юркнула внутрь.

— Куда мы направляемся, леди?

— В трущобы. В любой бар.

Крок крякнул. Автомобиль тронулся. Они уже миновали ворота, когда загудели сирены всеобщей тревоги и выходы были перекрыты.

Милосец тяжело вздохнул:

— Значит, вы собираетесь остаться там?

— Да, — тихо сказала Элибер. Она понимала, что у нее нет никаких сил идти.

— А куда вы направитесь дальше?

— Не знаю, — сказала она. — Во всяком случае, я пойду туда, где будет безопасно. Она подумала о том, что вполне можно скрыться у Калина, но тут же отбросила этот вариант: Пепис очень хорошо знал об их дружбе. И вдруг она поняла, куда ее должен отвезти Крок.

* * *

Могучий милосец осторожно толкнул Элибер рукой. Она проснулась.

— Мы ехали всю ночь и, кажется, наконец-то куда-то попали, — прорычал Крок.

На улице было темно. Перед ними стояло огромное белое здание. Его стены отливали серебром в мерцающем лунном свете. Элибер посмотрела вокруг и привычным взглядом заметила множество телекамер охраны. Женщина, которую она искала, проживала здесь.

— Ну и что же это такое? — насмешливо спросил Крок. — Это склеп или храм?

Элибер хмыкнула:

— Ни то и ни другое. Сэди — довольно-таки известная ростовщица. — Она показала рукой на глубокий вход-туннель. — Это здание чем-то похоже на айсберг. Большая его половина находится под землей. — Элибер захлопнула дверцу и задумалась: — Спасибо, командир.

— тихо сказала она.

Крок кивнул:

— Всегда рад помочь. Скажите мне, если вы что-нибудь об этом знаете... — Крок задумался и замолчал.

Элибер кивнула головой. Она знала, о чём он хотел её спросить.

— Я слышала, что Джек жив. Он жив и сражается до сих пор.

Милосец широко улыбнулся:

— Спасибо! Сейчас уже поздно, леди Элибер. К тому же мне нужно время, чтобы напиться. Если я приеду трезвым, в казарме заподозрят что-то неладное.

Элибер отошла в сторону. Автомобиль тронулся. Когда она спустилась в туннель, телекамеры охраны зажужжали, поворачивая к ней свои объективы.

* * *

— Нет, нет. Я не договаривалась о встрече, — сказала Элибер вот уже, кажется, в десятый раз. — Мне нужно поговорить с Сэди. Вполне возможно, что нам с ней удастся разрешить одну важную проблему.

— Она стояла возле огромной двери и слушала голос компьютера

— Мадам просила ее не беспокоить.

— Да кто же это? — на экране показалась довольно-таки крупная женщина с симпатичной ямочкой на подбородке. Она настороженно посмотрела на экран: — Кто это? Выйдите, пожалуйста, из тени! Я впушу вас только тогда, когда узнаю!

Элибер подошла к двери и отбросила капюшон с головы.

— Боже мой! Элибер! Это ты!

— Да, мадам, — тихо ответила Элибер.

— Как прекрасно! За это время девушка превратилась в очаровательную женщину! А где Джек?

Нет, с Сэди далеко не все было просто. Элибер поняла это за те полчаса, которые ей пришлось препираться с упрямым компьютером.

— Джек погиб, — тихо ответила она.

— Это срутида. Я слышала сообщения репортеров. Пусть они покажут его тело, и тогда я поверю, что Джек Штурм мертв. — Она устроилась поудобнее на своей кушетке. — Чего ты хочешь, дорогая?

— Мне нужно убежище, — сказала Элибер и упала в обморок.

ГЛАВА 18

— Твоя помощь будет оценена по заслугам; — сказал командир базы. Они очень устали и теперь решили перекусить. Их лица все еще были черны от копоти. Чуть-чуть в стороне рабочие ели свои холодные завтраки. Сейчас уже можно было говорить о *победе*. Траки были отброшены, а они потеряли только один истребитель, да еще — недостроенный купол и два складских ангаров. В общем-то все обошлось благополучно. Бульдозеры уже работали и восстанавливали взлетные полосы.

Командир базы подумал и добавил:

— Все дело в том, что из-за тебя у меня возникли проблемы. Мне сообщили, что я не должен тебя отпускать...

— Я и сам хотел бы остаться, — ответил Джек. Почерневший от копоти Скал добавил:

— А меня вы, если можете, отпустите к реке. Вот тогда уж меня не удержит никто!

Командир Стуб перевел взгляд на Скала:

— А с вами, сэр, поскольку вы являетесь представителем местного правительства, мы должны обращаться как с послом. Но поскольку у нас самих нет никаких официальных полномочий... — Стуб замолчал и неопределенно пожал плечами.

— У вас не было бы полномочий, если бы мы не вмешались в этот конфликт, — ответил Скал и посмотрел на свою тарелку. Фишер умудрился перемешать весь свой завтрак — мясо, фрукты и овощи — так, что он стал неузнаваем. Он подергал усами, загреб полную ложку невообразимого винегрета и стал есть.

— А у вас случайно не найдется пива? — вдруг осведомился он.

Стауб поспешил сказать:

— Да, да, конечно. Наши холодильники совсем не пострадали от бомбардировки. — Он щелкнул пальцами, и к нему тотчас же бросились адъютанты.

— При всем уважении к вам, — пробормотал Джек, — я никак не могу понять, почему вы отказываетесь от помощи. Вы же видели возможности бронекостюма в этой схватке с траками и не могли их не оценить.

— Оценить я могу. Но доверять тебе я не могу. — Стауб был очень властным человеком. Его лицо загорело, а у краешков быстрых серо-зеленых глаз прыгали лучистые морщинки. Он постучал по столу пальцем: — Нас предупредили, что мы должны быть осторожны с тобой, Штурм. Тебя считают агентом Пеписа.

Джек усмехнулся:

— Насколько это известно Пепису, я мертв.

— В таком случае я напомню тебе, — сказал командир, — что твоё пребывание на Лазертауне было нелегальным. Ведь ты занимался агентурной работой.

Джек иронично улыбнулся. Все, что он делал в Лазертауне, входило в область его личных интересов. А если Стауб не был уверен в нем, значит, Джек должен был убедить его в собственной благонадежности.

Вернулся адъютант с тремя коробками пива. Скал с шумом открыл свою банку.

— Я бы мог добраться до вас и более обычным путем, кстати, у меня ведь были еще одни доспехи. Но с этим ничего не вышло: я попал в засаду у Гиббона на Мальтене.

— У кого? — спросил Стуб и оторвался от пива.

Джек не обратил никакого внимания на его вопрос:

— Потом я нашел дорогу к скагбутсам на Виктории. Бутси очень заинтересовалась моей броней, но нам помешала сговориться очередная пиратская бомбардировка.

— Да с тобой опасно разговаривать! — усмехнулся Стуб.

Джек посмотрел на огромную дыру в потолке столовой и кивнул:

— Во всяком случае, на сегодня хватит.

— Подожди... — командир выслушал доклад адъютанта о нанесенном ущербе, отдал кое-какие распоряжения и опять посмотрел на Джека:

— От скагбутсов до нас довольно-таки длинный путь.

Скал ударили хвостом и оскалил мелкие зубы:

— Это была моя вина, командир. Я перехватил его по дороге и попросил приехать к нам. Моя планета заражена, и нам срочно нужна была его помощь.

— Ты думаешь, что в заражении виноваты мы? — спросил Стуб.

Фишер утвердительно кивнул.

— Я понимаю... — Стуб глотнул холодного пива. — Мы ведь сбросили здесь излишки топлива и бракованые снаряды. Конечно, это дурная привычка, так что, Скал, я извиняюсь перед тобой и твоими старейшами.

ми. Я раздобуду средства для дезактивации, если вы официально разрешите нам устроить здесь свалку.

— Что он имеет в виду? — спросил Скал у Джека.

— С излишками топлива или боеприпасов истребитель не может заходить на посадку. Их обычно скидывают над незаселенными районами или болотами. Правда... — Джек задумчиво потер висок, — поверхность Миствальда — это одно сплошное болото. В общем, они могут поставить фильтрующие установки в прилегающие к этому району трясины.

— Ты уже говорил мне об этом, — вздохнул Скал.

— Да.

Скал положил на стол пушистый хвост. Этот жест как-то странно подействовал на нервы Джека и командира Зеленых Рубашек. Фишер бережно погладил свой шелковистый мех:

— Возможно, до него и трудно достать, — сказал он, — но это — часть моего тела, и уход за хвостом так же важен, как и уход за ушами. — Он выгнулся кончик хвоста и мелкой дробью забил им по столу.

— Вот так и на Миствальде. Здесь нет второстепенных мест.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду... — Стaub достал новую банку с пивом. Скал убрал хвост со стола. Адъютант кашлянул. Он явно ждал указаний. — Как можно скорее подготовьте очистные установки. Мы засоряем водные пути, — сказал Стaub. Адъютант кивнул и вышел из столовой.

Скал закончил свой завтрак и огляделся вокруг: место рядом со Стaubом пустовало.

— Примите мои соболезнования, командир, — сказал фишер. — Ведь у вас погиб товарищ.

Стaub посмотрел на кресло и покачал головой:

— Нет, это произошло не сегодня. Мы потеряли нашего лидера во время Песчаных Войн.

— И тем не менее, вы до сих пор держитесь...

— Стаемся... — Стуб резко замолчал, заметив, с каким вниманием его слушает Штурм, но потом улыбнулся: — Да. Зеленые Рубашки делают все, что могут.

— Вы бы не добились таких успехов, если бы не использовали хотя бы половины выпадающих вам шансов. Так почему бы вам не воспользоваться моим предложением?

— Если ты — тот самый маяк, по которому Пепис обнаружил эту базу, я не смогу тебя принять. — Стуб посмотрел Джеку в глаза. — Ты ведь знаешь это выражение: «ц е н а р и с к а».

— Ц е н а? ... Я принесу вам на блюде голову Пеписа.

В комнате наступила гробовая тишина. Потом Стуб запрокинул голову и громко захохотал.

— Ну уж нет! Если мы сделаем из императора мученика, нам не удастся заменить руководство.

— Конечно, нет. Для начала я предоставлю вам доказательства его измены, которые сразу же лишат его доверия народа. После этого начнутся протесты, которые в результате и приведут к падению Триадского Трона.

— Но ведь вы рыцарь, — строго сказал Стуб. — Так почему же вы хотите этого?

— Потому что... — Джек тяжело вздохнул, — я присягал не Пепису, а Реригу.

— Реригу? Но ведь это совершенно невозможно! Ведь это должно было происходить двадцать пять лет назад! В таком случае, вы должны были быть человеком моего возраста!

— А вы уже давно состоите в Зеленых Рубашках? Скал откинулся на спинку кресла и медленно потягивал пиво. Он явно наслаждался разговором.

— Да уже со временем Песчаных Войн, — ответил командир Джеку.

— Я не знаю, насколько долго вы пробыли в подполье. Вы не помните о том, что у рыцарей был командир, который однажды выступил на Конгрессе Доминиона в прошлом году, еще до союза с траками?

Стауб заинтересованно посмотрел на Джека:

— Ходили какие-то слухи...

— Хорошо. Так вот, тот командир — это и есть я.

— Тебя обнаружили, когда ты находился в холодном сне?

— Да. Меня обнаружили на транспортном корабле. Я единственный, кто выжил после Милоса, чтобы рассказать правду.

— Боже мой! — Стауб отодвинул от себя тарелку. Он явно отказывался верить собственным ушам. — Но это невозможно!

— Ну, все слухи, которые ходят вокруг этого, вы знаете не хуже меня. — Джек допил остаток пива и замолчал.

— В таком случае, где же ты был столько лет? — удивленно спросил командир.

— Старался выжить, — безразлично пожал плечами Джек. — Сначала меня укрывали Зеленые Рубашки. Но они делали это по своим соображениям. А потом я понял, что самое безопасное для меня место — это императорский дворец. Во дворце я докопался до того, кто предал нас на Милосе, да и во всех Песчаных Войнах. А потом... потом в очередной раз предали меня, заключив новый союз с траками.

— Нас всех предали, — угрюмо сказал Стaub.

Джек кивнул:

— Да. К тому же пришло время действовать, и мне нужна помощь.

Стaub встал и прошелся вокруг стола:

— Если ты говоришь правду, тебе пришлось многое пережить.

— А если он солгал, мы сумеем об этом позаботиться, — прибавил военный, сидящий за соседним столиком.

— А если все это правда, — закончил Джек, — я смогу дать вам как раз то, что вы ищете: *симпатию народа и поддержку Доминиона*.

— Каким образом?

— Я думаю, что нам стоит атаковать Клактут.

Командир засмеялся:

— Ты, наверное, сумасшедший. В прошлом году вам, рыцарям, дали там по заднице. Атаковать планету-инкубатор? Да вам еще повезло, что траки вас всех там не перерезали!

— Но вы ведь не знаете, что Пепис *заранее* сообщил им о нашем нападении

— Что? — недоверчиво переспросил командир.

Джек кивнул:

— Они уже ждали нас. Но все равно — мы их хорошенько потрепали. Именно после этого нападения Трикатада предложила Пепису союз. Но вот на что Пепис совсем не рассчитывал, — так это на то, что мы там увидим.

Стaub тихо сел в кресло:

— Ну... и что вы там увидели?

— *Фермы для откорма людей*. Да, да, люди, которых мы считали погибшими во время Песчаных Войн,

все еще живы. Конечно, они живут безо всяких надежд, но они живут. До этого мы знали, что траки — убийцы, а теперь мы знаем, что они к тому же еще и людоеды. — Джек поднялся с кресла и взволнованно заговорил: — Каждый пленник — это целая история страдания и мужества. Они были преданы. Именно это позволило Пепису свергнуть Рерига и сесть на Триадский Трон. А для тех, кого мы не сможем вернуть, смерть будет избавлением.

— Я не могу, — командир отрицательно покачал головой. — Я не могу отдать приказ на действия в глубоком космосе.

— Но вы ведь хотите этого?..

— Да, да, черт возьми! Я этого хочу! И я доставлю тебя на Клактут! Но для этого... — Стaub посмотрел на Скала, — понадобится гораздо больше установок и гораздо больше площадей для базы.

Фишер невозмутимо пожал плечами:

— Если вы перестанете загрязнять почву, причин для отказа не будет. Тем более, что все это временно.

Стaub улыбнулся:

— Извините, джентльмены, но сейчас я должен выйти на связь.

ГЛАВА 19

Дом ростовщицы утопал в роскоши. Во всех углах и проходах, громоздясь друг на друга, красовались редкостные антикварные вещи. Элибер доставляло удовольствие неслышными шагами скользить мимо них. Это была ее старая игра: насколько близко ее рукав мог пролететь от предмета, чтобы не коснуться его? Сэди с веселой улыбкой наблюдала за своей гостьей. Элибер подошла к ней и стала на колени перед креслом. Женщина ласково потрепала ее по волосам.

— Я вижу, тебе уже лучше?

— Конечно.

— Извини, что я не могла побывать с тобой. У меня было очень много неотложных дел.

— Это мне надо извиняться за вторжение.

— Я рада тебе, — сказала Сэди. — К тому же у тебя крупные неприятности. Тебя ищут Баластер и Святой Калин. Расскажи мне, от кого из них ты скрываешься?

Элибер поудобнее уселась на пол:

— От Баластера, — сказала она и пожала плечами.

— Ага... — Сэди задумалась. — Ну что же. Даже Пепис не беспокоит меня. Какое-то время ты будешь здесь в полной безопасности, только вопрос — как долго?

— Это хороший вопрос, — кивнула Элибер. — Но этого я и сама не знаю.

— Может быть, ты захочешь договориться с кем-нибудь еще?

Элибер стало интересно: что придумала Сэди? Эта женщина была очень умна и опасна.

— У меня нет другого места, — покачала она головой. — Ведь меня долго не было в трущобах Мальтена. Вы единственная, кому я могу доверять здесь.

— Я понимаю. — Сэди широко улыбнулась. — К тому же, все на свете имеет свою цену.

— Я не могу взять со своего счета ни копейки, — быстро ответила Элибер. — Баластер моментально меня выследит.

— Деньги могут подождать, — усмехнулась Сэди. — К тому же на всякий случай Джек открыл у меня небольшой счет. У меня есть кое-какие проблемы, Элибер. А у тебя много талантов.

Элибер почувствовала, как изменилось настроение хозяйки дома, и выпрямилась:

— Вам нужна моя помощь?

Сэди кивнула:

— Да. И этим ты сможешь рассчитаться за прибежище.

Элибер знала, что Сэди прекрасно известна ее воровская репутация. Но эти стены были толстыми и надежными, и больше ей не хотелось скитаться. Элибер не могла отказать Сэди.

— Я сделаю все, что в моих силах. Когда нужно будет приступать?

— Приступать? Сэди удивленно расширила глаза и засмеялась. — Дорогая, я совершенно не прошу тебя красть для меня!

— Нет?

— Нет. Мне нужна твоя помощь в морге.

* * *

Джек лежал в гамаке и вслушивался в едва различимый гул крейсера. Ему предоставили отдельную каюту, но она была так мала, что если бы он захотел чихнуть, ему пришлось бы выйти в коридор. Ночник горел тускло. Он задремал, и через час опять проснулся в холодном поту. Ему снились траки и Песчаные Войны. На борту крейсера было несколько истребителей. Их вторжение на Клактут должно было быть молниеносным. На борту установили множество видеооборудования. Командир Стабу согласился с Джеком: *основной целью этого рейда было уничтожение главного гнезда траков и получение видеоматериала, необходимого для дискредитации Пеписа.*

Джек пошарил по карманам и нашел сноторвное. Флакончик был почти пуст. Он открыл пробку и вылил последние капли себе на язык, потом лег и постарался заснуть.

Уже в полудремотном состоянии он вспомнил Боуги. Сейчас бронекостюм находился в хранилище. В солнечных батареях было достаточно энергии для питания берсеркера. Несмотря на звуковой синтезатор, встроенный в скафандр, Боуги так и не научился говорить как следует. И все таки Джеку было забавно болтать с этим духом. Это существо тоже думало о войне, хотя его воспоминания о ней были весьма отрывочны. Но все же Боуги был уверен в *победе* и всегда подбадривал Джека.

«Пойдем воевать!» — говорил Боуги Штурму.

— Воевать — с кем? — спрашивал его Джек.

«А разве это имеет какое-то значение? Мир полон страшных врагов и блестящих побед».

* * *

Джек шел по земле другого мира. Рядом с ним шагал Боуги. Перламутровое покрытие костюма отсвечивало на солнце золотым огнем. Джеку так и казалось, что он идет рядом с духом, сотканным из огненной материи.

— Я не люблю убивать — сказал Джек.

«А как же быть с благородством воина?»

Джек остановился и посмотрел вокруг. Пейзаж был настолько потусторонним, что если бы он на самом деле шагал по этой планете, ему требовалось бы множество самых различных приспособлений.

— Боуги, я не могу судить о том, кто благороден, а кто нет. У нас есть поговорка: каждая медаль имеет две стороны.

«А что это значит?»

— Для того, чтобы посмотреть, что написано на другой стороне медали, мы должны ее повернуть и рассмотреть как следует.

Огненные доспехи вспыхнули светлым пламенем:

«Судить об этом довольно-таки трудно».

— Вот именно.

«Тогда что подразумеваю, говоря о благородстве в войне?»

— Я думаю, что если ты сражаешься за то, во что веришь, — ты благородный человек.

Боуги замолчал, а потом остановился и протянул Джеку перчатку:

«Ты гораздо старше меня».

— Я думаю, да.

«А сейчас ты воюешь с траками?» — Джек почти физически почувствовал волну гнева, исходящую от Боуги. Свечение бронекостюма стало еще сильнее. —

«Это враг», — воинственно сказал дух. Да, да, конечно. Именно этот гнев заставлял Джека носить доспехи. Он охватывал его и горел где-то внутри...

Сон кончился, и Джек погрузился в туманную темноту.

* * *

Его разбудил сигнал тревоги. Шторм вскочил и побежал в трюм. В трюме, у плоского внутреннего экрана уже собралось много бойцов.

— В чем дело? — спросил Джек.

. Через пару секунд на экране появилось лицо командира Стуба.

— Нас преследуют три неизвестных корабля, — сказал он. — Нашей скорости недостаточно для того, чтобы войти в гиперпространство. Всем находиться в состоянии боевой готовности. Если они не ответят на запрос, может завязаться драка.

Джек повернулся, и, к своему удивлению, увидел рядом с собой адъютанта Крейслера:

— Нам здорово не везет! — сказал Шторм.

— Если бортовые компьютеры так и не сумеют опознать корабли, будет еще хуже, — ответил адъютант.

Джек удивленно поднял брови:

— Но как же тогда они управляют полетом?

— Это самые лучшие компьютеры, которые нам удалось достать. — Глаза адъютанта были красными от недосыпания. — А второй крейсер сейчас слишком далеко от нас.

Второй крейсер вылетел с другой планеты. Недалеко от Клактура они должны были встретиться. Джек не сомневался в том, что второму кораблю уже сообщили о происшествии.

Вдруг экран засветился:

— Незнакомцы опознаны, джельтмены. Ими оказались ат-фарелы.

В трюме стало очень-очень тихо. Командир кашлянул и продолжил.

— Никаких признаков того, что они готовятся к атаке, пока нет. Мы по-прежнему пытаемся выйти на связь.

— Мы обгоним их! — сказал кто-то тихо.

Нет, это было невозможно. Уж это-то Джек знал точно. На экране снова появился Стгауб:

— Они приближаются очень быстро. Если нам не удастся переговорить с ними, нам придется нанести удар.

Джек вздохнул и попытался добраться до микрофона внутренней связи. Вдруг что-то взорвалось. Трюм вздрогнул. Джек еле-еле удержался на ногах. Ат-фарелы могли их прихлопнуть, как мух. В этом он не сомневался. Но Джек совсем не ожидал нападения. До этого ему пришлось наблюдать другое: он видел, как пришельцы уничтожают траков. Шторм нажал на кнопку внутренней связи и крикнул:

— Не стреляйте! В этом — наша единственная надежда!

— Кто говорит?

— Джек Шторм.

Стгауб вздрогнул. Раздался второй взрыв. Заревел сигнал тревоги.

— Они не оставили нам ни одного шанса, Шторм! — ответил командир. — Немедленно доложить о состоянии корабля! Похоже, с траками нам придется сражаться в другой раз. Всем! Всем! Всем! Эвакуация! Мы покидаем корабль!

К Джеку подошел адъютант Крейслер:

— Пойдемте, сэр. Совсем не стоит терять время. Мы ведь не знаем, сколько спасательных капсул в исправности.

Джек рванулся в левый коридор, но Крейслер остановил его. Тонкие пальцы адъютанта сжали Джека, как клещи:

— Нам сюда!

— Нет-нет! Ведь там мой бронекостюм!

— Но у нас все равно нет места для доспехов!

Джек резко оттолкнул Крейслера. Корабль еще раз тряхнуло. Коридоры заполнились густым серо-синим дымом. Джек понял, что к складу он пробраться уже не сможет. Он вздохнул и пошел за Крейслером. И тут он услышал отчаянный призыв Боуги:

«Босс! Я в беде! Горит трюм!» У Джека не было времени даже на то, чтобы ответить ему. Толпа увлекла его за собой и потащила к спасательным модулям.

«Босс!»

Джек пытался устоять на ногах, но вдруг зацепился за что-то и упал. Кажется, у него появился шанс быть затоптанным. Крейслер схватил его за руку и бросил в маленький отсек.

Капсула затряслась. Она готовилась к отделению от корабля. Эта капсула была рассчитана как раз на двух человек, и его напарником был адъютант Крейслер. Сломанный крейсер остался позади. Боуги оказался в ловушке. Джек схватился за голову и заплакал.

ГЛАВА 20

Комнаты для криогенного сна, расположенные глубоко под землей, конечно же, не были моргом. Но запах смерти явственно витал в них. Здесь было холодно и тихо. Неподвижные тела лежали прямо на плитах. Некоторые были прикрыты простынями. Элибер ходила вдоль них с маленьким портативным компьютером и вносила в него важные статистические данные. Медицинские компьютеры постоянно выводили информацию на экраны. Элибер оделась тепло, но се все же знобило. Ей смертельно не нравилась эта абсолютная тишина. Но ходить здесь живой и бодрствующей было все-таки лучше, чем лежать среди этих охлажденных тел. К тому же два раза она уже испытала на себе всю прелест криогенного сна и теперь надеялась, что больше этого не повторится.

Некоторые тела хранились здесь вместо залога: люди не смогли вовремя уплатить свои долги. И хотя Сэди никого из них не могла держать в холодном сне более двух лет, из этой картины все равно становилось ясно, насколько Мальтен безжалостен к банкротам.

В богатом районе города были другие развлечения. Там имелись криогенные ванны, в которых можно было провести лет десять только для того, чтобы

избавиться от лишних морщин. Погружаться в холодный сон на более длительное время врачи не рекомендовали. Джек провел в состоянии холодного сна семнадцать лет, и от этого здорово пострадала его память. Элибер знала многих, кто добровольно согласился провести несколько лет своей жизни в криогенной камере только для того, чтобы избежать банкротства. С человека, находящегося в холодном сне, снимались налоги, а проценты, набежавшие за пять-шесть лет, спасали семейства от долгов. Но были и другие истории. Истории о том, как проснувшийся оказывался в еще более плотных сетях бесконечных долгов.

- Элибер очень хотелось, чтобы мониторы не давали сбоя. Конечно, криогенные установки передавали информацию и на главный медицинский компьютер, но Сэди вела собственные записи. Элибер была полностью уверена в том, что все собранные ею данные будут когда-нибудь использованы. Это был единственный банк данных на Мальтене, к которому Элибер еще никогда не имела доступа. В общем-то, Сэди являлась не столько ростовщицей, сколько менялой. Только Принцесса иногда платила ей за драгоценности. Элибер была полностью уверена в том, что у Сэди были с ней какие-то постоянные дела. Да, конечно. Сэди наверняка сталкивалась с аристократической женщиной, обладающей неограниченной властью среди Зеленых Рубашек.

К сожалению, время Элибер было очень ограничено. Скоро Сэди поймет, что работа закончена, а товар, который еще нужно украсть, ожидает ее на нейтральной пересыльной станции. Если Элибер хотела посмотреть на компьютерные записи Сэди, она должна была

сделать это сейчас. Сейчас — или никогда. Элибер подошла к главному компьютеру и передала на его файлы информацию, накопившуюся на ее маленькой машинке. В этой комнате было тепло, и она быстро отогрелась.

Работа была довольно-таки скучной. Ей пришлось долго заниматься ручной корректировкой данных. В этом компьютере была спрятана еще одна программа. Вот к ней-то и хотела подобраться Элибер.

* * *

Совершенно неожиданно Боуги перестал чувствовать Джека. По крейсеру больше не стреляли. Боуги чувствовал, как бушует пламя внутри корабля. В его грузовом трюме было темно и холодно: пожарная система сработала быстро и мгновенно потушила огонь.

Боуги не мог припомнить, случалось ли ему когда-нибудь оставаться без Джека. Конечно, иногда их контакт нарушался, но — совсем ненадолго. Боуги очень испугался: неужели же схватка закончилась так быстро? Послышался громкий металлический лязг. Боуги прислушался. Загудели насосы в воздушных шлюзах. Кажется, судно было взято на абордаж. Может быть, вернулся Джек? На какую-то секунду Боуги обрадовался, а потом — снова поник: существа, проникшие на борт их крейсера, совсем не походили на Джека. Берсеркер вздрогнул от мысли о том, что все оборудование на корабле очень скоро начнут проверять. Значит, он сам будет обречен на уничтожение... «Как же так? — подумал Боуги — столько лет пробиваться к жизни, чтобы вдруг — исчезнуть?»

Он притаился за ненадежной бронированной скорлупой воинских доспехов и съежился от страха. Боуги кричал о помощи. Ему очень, очень, очень нужен был Джек. Но ответа не было.

* * *

Экран компьютера засветился голубым светом. Элибер внимательно следила за светящимися строчками, бегущими по экрану. Она просматривала файл за файлом. Да-а, с такими данными ни один клиент не расстался бы добровольно... Элибер крутанулась в кресле и невольно бросила взгляд на дверь, за которой сотни людей безмолвствовали в холодном сне. Кажется, для получения такой информации существовала одна-единственная возможность...

Это было запрещено законом... Но Сэди все-таки делала это! Она погружала спящих в петлю непрерывного сна, а то, что ее клиент думал или делал до того, как попадал в эти стены, перегружала в компьютерную память. В общем-то, это был редкостный садизм...

Элибер было непонятно, зачем она сама роется в этих данных. С чего она взяла, что Принцесса когда-то была здесь? Кажется, она принимала желаемое за действительное.

И вдруг Элибер подумала, что у Сэди могут быть такие же записи и о ней. Вернее, о той Элибер, которой она была до Битии. Ведь в те времена она умела *убивать силой собственной мысли*. ... А сейчас у нее была возможность вернуть утраченные способности назад... Да... Недаром Джек так упорно искал файлы со своей собственной памятью...

Как долго она думала? Кажется, уже больше часа прошло с тех пор, как Элибер обосновалась в кресле около запретного компьютера. Когда в дверях появилась Сэди, она даже не смогла испугаться: какой-то столбняк напал на нее.

— Ты работаешь очень быстро, но мне жаль, что ты именно таким образом рассчитываешься со мной! — сухо сказала ростовщица.

ГЛАВА 21

Элибер повернулась и спокойно посмотрела в жесткие глаза Сэди:

— Ты — насильница, — сказала она. — Я встречала много уличной дряни, но это... это в тысячу раз хуже.

— Это всего лишь страховка, — спокойно ответила Сэди. — И потом, не тебе меня судить, моя дорогая. Ведь ты пришла ко мне именно за этим? Скажи, ты ведь поэтому умоляла меня дать тебе приют?

— Да нет, не за этим. Убежище мне нужно было потому, что я проникла в файлы Пеписа.

Сэди ахнула и открыла рот от удивления:

— Ты до сих пор любишь преподносить сюрпризы! Вот что, выключай компьютер и поднимайся наверх. Мне здесь холодно.

— Нет. — Элибер отрицательно покачала головой. — Мне нужно здесь кое-что найти.

— Ничего. Наверху стоит терминал. Если я почувствую, что это тебе действительно нужно и к тому же ты сможешь за это заплатить, мы договоримся.

Элибер встала. Она была вынуждена подчиниться.

* * *

Второй корабль искал их довольно-таки долго. Трое суток они дрейфовали в космосе. Джек видел, как ат-

фарелы подогнали буксир и утащили куда-то их расстрелянный крейсер. Когда это произошло, он уже не чувствовал Боуги. Скорее всего, его верный спутник погиб при пожаре. Утрату Боуги Джек воспринимал как свою собственную смерть. Ему казалось, что последнее звено, связывающее его с эпохой Песчаных Войн, навсегда утеряно.

К тому же, ни один рыцарь ни при каких обстоятельствах не имел права утратить свои доспехи. Единственным событием, оправдывающим такое происшествие, была смерть. Джек понимал, что отныне он навсегда обесчещен. Он не только потерял бронекостюм, при этом он еще умудрился отключить блок самоуничтожения. А значит — враг мог захватить и изучить доспехи. Оставалось надеяться только на одно — на то, что ат-фарелы пока не имеют никакого представления о рыцарских бронескафандрах.

По капсулам никто не стрелял. Крейслер бессмысленно смотрел на пульт и с нескрываемым ужасом в голосе повторял одно и то же:

— Мы торчим здесь вот уже третью сутки. Почему они не уничтожают нас? Это ведь так просто!

Джек терпел это нытье долго, но потом не выдержал и сказал:

— Заткнись!

... Второй крейсер не спеша подобрал все капсулы и еще три больших спасательных модуля. Два человека погибли. Остальные члены экипажа были целы и невредимы. Штурму выделили отдельную каюту. Он принял душ, позавтракал и пошел в навигационную рубку.

Командир Стгауб был уже там. Он разговаривал с незнакомым человеком в штатском с явными манерами воинного. Они взглянули на вошедшего Джека:

— Познакомьтесь! Джек, это капитан Тронски. Трон, это тот самый человек, который предложил нанести удар по Клактуту.

— Если бы я знал, что мы встретим в этом квадрате ат-фарелов, я бы не предлагал этого, — передернулся плечами Джек. Они пожали друг другу руки. Трон был одет в спортивный костюм защитного цвета. Его седые волосы были аккуратно пострижены. Тронски взглянул на звездную карту, появившуюся на настенном экране, и показал пальцем:

— Мы думаем, что они появились вот отсюда. Мы до сих пор не знаем, ожидали нас здесь, или просто воспользовались подвернувшейся возможностью.

Джек вопросительно посмотрел на Стаяба:

— Удалось сделать хоть какие-то снимки?

Тот отрицательно покачал головой:

— К сожалению, ни одного. Ат-фарелы прошли мимо нас с огромной скоростью. Похоже, что они самой были готовы катапультироваться.

Трон поднял левую бровь и кивнул:

— Да, я тоже думал об этом.

— Хорошо. Но куда они могли направиться отсюда?

— Либо к Внешней Границе, либо к Клактуту. —

Стаяб облизал потрескавшиеся губы. — Джентльмены, это создает определенные проблемы. Если ат-фарелы уже там, стоит ли нам продолжать полет к намеченной цели?

— Да и хотим ли мы вообще продолжать его? — тихо добавил Джек.

Стаяб и Трон хором ответили:

— Мы настроены на борьбу.

— Это так. Но основное видеооборудование пропало вместе с нашим крейсером. А с другой стороны, если мы не сможем получить никаких свидетельств против

Пеписа, нас обвинят в нарушении мирного договора. И так и так неприятности будут.

Стауб согласно кивнул:

— Вот именно, Джек. Неприятности будут, и так и так. На этом корабле много оружия. Может быть, нам и не удастся осуществить наших планов в первоначальном виде, но какой-то, я думаю, довольно-таки значительный удар по императору мы нанесем.

— И заберем оттуда наших парней? — обрадованно спросил Тронски.

— Сейчас не время спорить. Вполне возможно, что у нас будут серьезные потери. И все-таки у нас достаточно талонзов для того, чтобы всех эвакуировать.

Джек внимательно посмотрел на Тронски:

— Насколько я понимаю, это самоубийство.

Стауб тихо возразил:

— Да, они немногое нам оставили. И все же — это лучше, чем ничего.

Джек тотчас же вспомнил своего инструктора, постоянно повторявшего новобранцам:

— Есть доспехи — есть солдат. Нет доспехов — нет солдата.

Как знать? Может быть, время докажет обратное?

— Вы меня извините, но я хотел бы подумать, — сказал Джек, — увидимся через полчаса на площадке.

* * *

Калин готовился к отъезду. Кажется, ему предстоали сборы. Он стоял посреди своей комнаты и осматривал немногочисленные вещи, заполнявшие ее пространство. В общем-то, у него было только две вещи, которые он действительно хотел бы оставить себе: фарфоровый чайный сервиз и небольшой столик из красного дерева. Но взять их с собой Калин не мог. Фарфор

не выдержал бы вибраций при выходе из гиперпространства, а стол, к сожалению, был достаточно тяжел.

Вот прожил человек большую часть жизни, а так ничего и не нажил! Калин печально улыбнулся: ну что ж! Ведь он сам, весь без остатка, принадлежал Богу, а мебель... мебель была создана лишь для того, чтобы помочь ему скоротать время быстротекущей жизни.

Калин так и не смог выполнить обещания, которое он дал Джеку Шторму. Он не сумел взять Элибер под свою опеку. Впрочем, он надеялся, что Джек простит его за это: после долгих поисков Элибер обнаружили у ростовщицы Сэди, а там были такие замки, которые не решался взломать даже Пепис. Элибер будет там в полной безопасности до тех пор, пока не надоест Сэди.

Динаро уже стоял в дверном проеме и поджидал его.

— Я прощаюсь со своим домом, — вздохнул Калин.

— Но ведь вы же вернетесь! — удивленно ответил Динаро.

— Конечно. — Никогда раньше Калин не сомневался в этом. А теперь... он взял портфель и вздохнул: — Я надеюсь, что Джонатан уже составил список указаний для Маргариты?

Динаро кивнул. У него опять было совершенно непонятное выражение лица. Что с ним происходило в последнее время? Это являлось загадкой даже для Калина. Его Святейшество осторожно спросил:

— Ты сумел сделать то, о чем я тебя просил?

— Да, конечно. Элибер передадут, что Джек добрался до базы Зеленых Рубашек в Миствальде. Но... Я не понимаю... А вы-то откуда знаете об этом?

— А ты и не должен понимать всего, что я делаю.

— Калин ласково пожал руку Динаро. — Я не Зеленая

Рубашка. Но ведь ты знаешь не хуже меня, что совесть миссионера обнимает весь мир!

Динаро удивился. Калин подумал, что даже этот парень не понимает до конца причин его путешествия. Звездные карты были разложены по всей комнате Его Святейшества. Один он точно знал, куда в следующий раз ударят ат-фарелы, и он хотел быть там.

В приемной Калина окликнул Джонатан:

— Ваше Святейшество, на связи император. Он хочет с вами поговорить!

— Передай ему, что меня уже ждет корсар и мы не можем опаздывать, — махнул рукой Калин.

Джонатан нахмурился. Калин посмотрел на него и с удивлением заметил, что на висках его телохранителя пробивается седина.

— Его Величество говорит, что ваш отлет задерживается на неопределенное время...

С его старым другом становилось трудно ладить! Калин посмотрел на дверь такой привычной и такой уютной комнаты. Да нет, пожалуй, даже ради разговора с Пеписом он не должен возвращаться туда. Ведь каждый раз ему становится все труднее выходить из дома!

— Хорошо. Я поговорю с ним прямо отсюда! Но... надо сделать как-то так, чтобы наш разговор проходил конфиденциально...

— Я подожду вас внизу, у машины, — быстро сказал Динаро.

Калин кивнул:

— Но только смотри — никаких стычек с охраной!

Молодой человек внимательно посмотрел на Калина и поправил на шее деревянный отполированный крестик:

— Нет, — сказал он тихо. — На этот раз никаких стычек с траками не будет.

Джонатан подождал, пока Динаро выйдет, и возмущенно вздохнул:

— Да-а! Он становится нахальным!

— Все будет в порядке! — успокоил его Калин. — Просто у Динаро очень горячая кровь. — И вошел в маленькую звуконепроницаемую кабинку у экрана связи.

Как только Калин устроился в кресле, экран засветился.

— Доброе утро, Пепис! — приветливо сказал он. — Чем могу служить?

— Не болтай ерунды, Калин, скажи мне лучше, что ты задумал?

— Я по горло занят защитой моих колоний на отдаленных планетах. А ты?

Пепис загадочно блеснул своими зелеными кошачьими глазами и громко сказал:

— А я по горло сыт траками.

— Насколько я помню, это был твой выбор, — невозмутимо ответил Калин.

— Да, это так. Но расскажи мне, почему ты покидаешь наш чудесный Мальтен?

Калин пожал плечами:

— Просто... я решил прогуляться.

Император пристально посмотрел в глаза Его Святейшеству. Кудряшки над его головой зашевелились, как солнечные protuberанцы. Его Величество загадочно улыбнулся:

— Всю свою жизнь я ловлю звезды. Но одна или две из них вполне могут избежать сетей.

Джонатан давно уже махал Калину сквозь стеклянную дверь. Они опаздывали.

— У тебя нет никаких причин для того, чтобы задерживать меня, Пепис, — осторожно сказал Святой Калин.

— А как быть с обвинением в измене? — по-кошачьи вкрадчиво спросил император.

— Если бы ты думал об этом, — нетерпеливо ответил Калин, — ты бы мне не позвонил. За мной пришли бы солдаты. Мне не нужна твоя империя, друг, и ты знаешь об этом.

Пепис откинул за спину свою великолепную золотую мантию и задумчиво затеребил край рукава.

— Миссионеры, дорогой Калин, были до тебя. Будут они и после.

— Да. Я тоже надеюсь на это.

— Черт возьми, Калин! Не вынуждай меня принимать крайние меры! Если твои колонисты желают стать частью моей империи, для тебя в этом нет ничего плохого! В конце-то концов, это никак не связано с их верой!

Калин наклонился совсем близко к экрану, так, чтобы Джонатан, стоящий рядом с прозрачной дверью, не мог по движению губ догадаться о том, что он говорит императору:

— Есть царство повыше твоего, Пепис. Это — царство нашего Господа. Царство, в котором выручка с налогов направляется не на войну, а на мир и на благо человека. Оттолкни меня! Я обращусь за помощью к Доминиону!

— Но они никогда не помогут тебе, слышишь?

— Не делай вид, старый лис, будто ты недооцениваешь меня. Мы знаем друг друга слишком давно.

Пепис замолчал и нахмурился, а потом торопливо спросил:

— А если... если я отвяжусь от тебя, ты останешься?

— Сейчас — нет. Мне надо провести кое-какие расследования в космосе.

Император резко выпрямился:

— Боже мой! Уж не собрался ли ты в гости к ат-фарелам?

— Ты знаешь догматы миссионеров точно так же, как и я. *Если Сын Божий шагнул в космос, никто не ведает, куда ступила его нога.* Как знать, может быть, и ат-фарелы слышали это изречение?

— Калин, я...

— Послушай, Пепис, мы очень опаздываем. Мне надо идти.

— Калин...

— Император! — голос Калина стал громким и требовательным.

Пепис внезапно успокоился и махнул рукой:

— Хорошо. Сейчас не время для споров. Но однажды придет день, когда нам придется поговорить с тобой о том, у кого из нас больше власти!

Калин ничего не ответил. Он выскочил из кабинки и на ходу крикнул Джонатану:

— Быстрей! Быстрей! Поехали быстрей! Он может передумать!

ГЛАВА 22

Боевой крейсер вздрагивал. Кажется ат-фарелы разбирали его на части. Боуги все еще лежал в грузовом отсеке. Ему было страшно. Он сжимался от каждого удара. Приборы показывали, что прежде, чем начать демонтаж, ат-фарелы обрабатывали каждую секцию радиоактивными лучами и дезинфицирующими растворами. После такой обработки выжить было трудно.

Боуги включил прибор ночного видения и поежился: темнота казалась ему чем-то вроде смерти. Он был очень голоден и очень одинок. Он вспомнил об Элибер. Удастся ли ему выжить? Ведь он обязан рассказать ей о судьбе Джека! Было время, когда он запросто мог обмениваться с ней мыслями, но с тех пор она очень изменилась. Если ее не было рядом с ним, он уже не мог услышать ее мысли.

Совсем недалеко от него послышался скрип. Кажется, это был какой-то грызун. Боуги хотел схватить его, но животное взвизгнуло и бросилось прочь. Оно было шустрым, очень шустрым. И все-таки Джеку запросто удалось бы поймать грызуна. У него было мгновенная реакция. А вот Боуги так и не смог сделать это. Боуги посмотрел, как маленькое животное, наверное крыса, промчалось в другой конец трюма и скрылось среди ящиков.

И вдруг двери распахнулись и вспыхнул свет. Он был очень ярким, и Боуги на какое-то время ослеп. Он

не видел, как входили ат-фарелы. Да, собственно, если бы он и видел, что бы он мог сделать? Ровным счетом ничего. Он мог только молиться.

* * *

Джек довольно-таки быстро вспомнил, где находится главный инкубатор. Перепуганные траки выбегали из облепленной грязью норы. В небе парили сотни десантников. То тут, то там вспыхивали языки оранжевого пламени. Еще не коснувшись ногами земли, бойцы запускали ракеты. Одного из солдат Джек узнал сразу. Час назад он во всеуслышание заявил, что желает пролететь с огнеметом над гнездом траков. Это было равносильно самоубийству. Но если... если он все же сделает это, они выиграют время.

Джек подробно рассказывал всем им, что их ожидает на Клактуре, но при виде ферм, огороженных колючей проволокой, и безумных людей, нагишом бегающих вдоль заграждений, все замерли.

— Двигаемся! Двигаемся! Никто не стоит на месте! Все, у кого есть видеокамеры, снимают на пленку то, что возможно снять! Но на месте не стоит никто! — Джек уже охрип от крика.

Один из бойцов весело посмотрел на него и подмигнул. Кажется, это было последнее, что он успел сделать в своей жизни. Откуда-то выскоцила толпа траков, и один из них тут же снес голову зеваке. Джек бросил гранату и откатился в укрытие. Комья земли и осколки камней взлетели в воздух. Джек вскочил на ноги и стащил с плеча винтовку. Надо было идти дальше.

Песчаное гнездо траков возвышалось прямо перед ними. Оно могло уходить под землю даже на полкилометра. Скорее всего сейчас он бежал как раз над подземными ходами. Ему надо было проникнуть вниз.

Но как? Да скорее всего никак, если сами траки не затащат его туда... Нет, вот уж это был совсем не лучший вариант. Джек посмотрел на часы. До конца атаки оставалось минут пятнадцать. На горизонте вот-вот появятся талонзы и попытаются забрать их отсюда.

Траки появились неожиданно. Их хитиновые панцирные оболочки трещали от ярости, а рыжие ячеистые глаза бегали по сторонам, выискивая возможные жертвы. Стрелять смысла не было: расстояние между траками и людьми было слишком маленьким. Один из траков прыгнул и схватил Джека за руку. Джек не стал сопротивляться, наоборот, он решил податься вперед. Трак потерял равновесие. Джек пнул его металлическим ботинком в живот. От боли трак раскрыл свои огромные челюсти. Джек размахнулся, и бросил ему в глотку гранату.

Трак задыхался. Видимо, граната перекрыла ему дыхательные пути. Джек быстро отскочил в сторону. Граната взорвалась прямо в глотке у трака. В воздух полетели куски мяса и разорванной панцирной оболочки.

Джек проверил пояса с боеприпасами. У него осталось пять гранат. Оранжевое пламя, извергаемое лазерными огнеметами, на какую-то секунду привлекло его внимание. Трахианское гнездо разваливалось, как спелый арбуз. Джек остановился и отышался. Рядом с ним хрустнула ветка. Он резко повернулся и хотел выстрелить, но рядом с ним стоял совсем не трак. Рядом с ним стояли три человека с абсолютно тупыми и бессмысленными глазами. Джек в панике замахал руками:

— Ну здесь же стреляют, слышите? Прочь отсюда! Прочь отсюда! Пошли вон!

Женщина посмотрела вслед убегающим самцам. Ее груди свисали до пояса, а лысая голова была покрыта сеткою страшных шрамов. Наверное, когда-то она была красивой и даже разумной, но сейчас... Джек схватил ком земли и запустил в нее. Она тряхнула головой и побежала за остальными — подальше от линии огня. Джек осмотрелся и увидел в двух шагах от себя фруктовое дерево. Ага! Так вот в чем было дело! Вот почему они не хотели уходить!

Вдруг — непонятно откуда — послышался шепот:

— Уходи отсюда, приятель, я совсем не шучу, — в голосе слышалось явное отчаяние. Кажется, у говорящего был какой-то знакомый акцент... ну да, акцент жителей центральной части Доминиона... Джек выпрямился. Ему показалось, что голос идет из-под земли. Шторм прыгнул на метр влево и толкнул ногой кочку, покрытую высокой травой. И земля и трава фонтаном взметнулись вверх. Из-под кочки показался человек. Он увидел Джека и застыл. По его бледному лицу покатились слезы.

— О Боже! — сказал он. — Вы вернулись!

Джек отвел в сторону гранату. Маленький мужчина быстро выпрыгнул из норы. В руке у него светился человеческий череп.

— Я занимался раскопками, — быстро сказал он. — Я совершенно тайно занимался здесь раскопками с прошлого года. Да, да, после нашей атаки. Я надеялся, я знал, что вы обязательно вернетесь. Как только я услышал, что приближаются корабли, я бросился сюда, в мое секретное убежище. — неожиданно человек опустился на колени. — Кто бы вы ни были, пожалуйста, пожалуйста, возьмите меня домой!

— Кто ты? — спросил потрясенный Джек.

— Я... — человек чего-то испугался. — Нет, нет. подождите! Я — Матердан. Я был ксенобиологом. Я попал в плен к тракам двадцать три года назад. Пожалуйста, заберите меня отсюда, или... или убейте меня!

Кажется, этот человек знал о траках больше всех. Джек протянул Матердану руку и помог ему встать. Позади них земля разверзлась с оглушительным треском, и из образовавшейся щели показались траки. Джек швырнул гранату и быстро посадил маленького человека к себе на плечо. Нужно было бежать. Траки все лезли и лезли из-под земли. Матердан упал на землю и завыл. Джек вытащил из пояса с боеприпасами последние гранаты и швырнул их в траков. Он упал. Гранаты взорвались. Шторм лежал совершенно оглушенный и не мог пошевелиться. Прямо под ним заворочался и застонал Матердан. Джек перекатился на бок. Матердана, кажется, вырвало, Джек вскочил на ноги. Он был ранен, но пока не мог определить, насколько серьезно. До эвакуации оставалось пять минут. Джек схватил Матердана за руку и помог ему подняться.

— Пошли! — крикнул он. — Если ты не выберешься отсюда сейчас, ты не выберешься отсюда уже никогда!

Маленький человечек не задавал вопросов. Поддерживая друг друга, они побрали через канавы и рытвины к поджидающим их талонзам.

Джек представил Матердана Стгаубу:

— Этот человек изучал траков более двадцати лет.

ГЛАВА 23

Дезинфекция кончилась, и свет погас. В трюме было тихо. Боуги осмотрелся и увидел на стене схему корабля. Кажется, если он изучит этот чертеж, он сможет как-то выбраться из крейсера... Он отошел от контейнера, помеченного биркой «Джек Шторм», и приблизился к схеме.

Где-то в соседнем отсеке послышался визг плазменных резаков. Корабль вздрогнул. Боуги съежился. Он очень хорошо знал этот звук: они с Джеком слышали его, когда посещали нелегальные заводы.

Когда двери в трюм открылись во второй раз, Боуги уже был готов. Он с оглушительным ревом бросился вперед, пролетел над незнакомцами и помчался в отсек, где должны были находиться спасательные капсулы. Две из них были открыты. Боуги нырнул в одну из капсул и захлопнул за собой люк. Уже в космосе Боуги понял, что только что видел ат-фарелов, и ужаснулся. Капсула послушно вошла в гиперпространство, оставив далеко за собой захваченный неприятелем корабль, и так же легко вышла из него в каких-то неведомых глубинах космоса.

* * *

— Я-то думал, — сказал Матердан, садясь на краешек госпитальной койки, — что ты потерял свой

мизинец из-за меня. Но доктор говорит, что это старая рана. Ничего, твоя рана затягивается быстро. Когда мы прибудем на Миствальд, ты будешь как новенький.

Джек внимательно посмотрел на ученого. Тот увидел, что Джек очнулся, и перестал говорить. Джек и без него знал, что он будет как новенький. Повреждение было пустяковым: огонь слегка подпалил ему спину, вот и все. Он приподнялся и сел рядом с Матерданом на край кровати:

— Ну а ты-то как?

Матердан помолчал, а потом заговорил нервно и сбивчиво

— Я полагаю... я надеюсь, что со мной все будет в порядке. Я... Я не знаю... — он обхватил руками колени и отсутствующим взглядом посмотрел на больничный пол. — Я не знаю... пока... пока правда не станет всем известна...

— Правда? — заинтересованно переспросил Джек.

Матердан утвердительно качнул головой:

— Да, да, именно. Ведь я жил там, где не жил никто. Я видел, как траки выращивали их и делали из них... корм...

— Ты мог им как-то помочь? Ты мог как-то это остановить?

Матердан вздохнул:

— Нет, нет и еще раз нет!

Джек спустил ноги на пол. Было холодно, спина все еще болела.

— В таком случае, ты не сделал ничего плохого, — сказал он.

— Как?... Но я ведь работал на траков!... — Матердан явно не верил своим ушам.

— Ты выжил. — Джек устало посмотрел на Матердана. — Мы все понемногу занимались этим. Ты знаешь, например, где я потерял свой мизинец и три пальца на ногах?

Ксенобиолог отрицательно покачал головой:

— Тогда слушай, — сказал Джек и встал с кровати.

— Тебе нельзя вставать! — забеспокоился Матердан.

— Ничего! Я гораздо быстрее выздоровлю, если буду ходить, — улыбнулся Джек и стал рассказывать ученому свою трагическую историю. Глаза Матердана засияли от слез.

— Ну вот, — закончил Джек. — Сейчас ты уже знаешь обо всем том, что мне пришлось пережить.

Матердан закрыл руками лицо и заплакал громко, как ребенок. Потом, успокоившись, сказал:

— Они сохранили мне жизнь только потому, что надеялись на мою помощь. Я притворился. Конечно, может быть, я и мог бы им помочь, но я не стал делать этого.

— Помочь? — Джек очень удивился. — Но как?

— Все дело в том... короче, я знаю, почему тракти роятся.

— Я тоже знаю. Это процесс размножения, — ответил Джек. — К тому же у нас есть подтверждения тому, что они соперничают со своими старыми врагами.

— Нет-нет, я говорю о чем-то гораздо большем. — Матердан немного помолчал. — Все дело в том, что *Трикатада* — это их последняя и единственная детородная самка.

Джек схватился за голову. Через пару минут ксенобиолог осторожно спросил:

— Джек, послушай, с тобой все в порядке? Может быть, у тебя лихорадка?

— Ты хочешь сказать, — затряс головой Джек, — что все песчаные планеты заселила одна королева?

— Да. И ты не можешь себе представить, в каком они отчаянии. Когда ее не станет, траки начнут вымирать.

— Матердан, подожди, а ты уверен в этом?

Матердан пожал плечами и отвел взгляд в сторону:

— Конечно, уверен. Я был ее личным акушером все эти двадцать лет.

Вот так. Матердан сотни раз мог бы убить Трикададу и остановить траков. Джек стиснул зубы. Что делать! Этот человек не был убийцей, и Джек не имел никакого права осуждать его. Джек тихо сказал:

— Но мы ведь можем остановить песок.

— Что? — переспросил ксенобиолог.

— Мы можем использовать это знание и попытаться хоть как-то остановить Песчаные Войны.

Матердан покачал головой:

— Нет. Они никогда на это не согласятся. Это все равно, что попытаться остановить рождение ребенка в самой середине родов. Инстинкт гонит ее точно так же, как и остальных траков. Может быть... может быть, ее можно будет уговорить хоть на немного замедлить размножение...

Джек с интересом посмотрел на Матердана:

— Послушай, а что ты думаешь делать дальше?

Тот пожал плечами:

— Я надеюсь на то, что смогу пригодиться Стабубу. Ведь я — очень ценный свидетель. К тому же, я больше всех знаю об истинной природе траков. — Он встал. — Спасибо тебе, Джек. Я очень утомил тебя. Я... я приду к тебе позже.

Джек улыбнулся. Маленький человечек скрылся за огромной тяжелой дверью.

* * *

... но главное — не говори об этом Святому Калину.

Помощник пилота резко замолчал. Калин вошел в командирскую рубку и улыбнулся:

— Что же это за такая страшная вещь, о которой я ничего не должен знать? — он посмотрел сначала на помощника Иванова, а потом — на Джонатана.

Джонатан нахмурился:

— Мы перехватили какой-то сигнал.

— В самом деле? А это случайно не ат-фарелы? — с любопытством спросил Калин.

— Господи, надеюсь, что нет, — ужаснулся бледный Джонатан. Калин склонился над приборами и хмыкнул:

— Прекрати, Джонатан. Я забрался в этот забытый Богом уголок космоса именно потому, что хочу встретиться с ат-фарелами.

— Что?! — темнокожий Иванов побледнел.

Джонатан с грохотом опустился на стул:

— Насколько мне известно, Ваше Святейшество, они сначала стреляют, а потом уже выходят на связь.

— Может быть. — Калин пожал плечами. — Но мне кажется, что вы совсем не думаете о том, что ат-фарелы — совершенно новая раса. А ведь никто даже не попытался разобраться, в чем дело и что происходит на самом деле.

Иванов нервно пробормотал:

— В чем же здесь разбираться? Все и так предельно ясно: мы имеем дело с хладнокровными убийцами.

Калин рассматривал запеленгованный объект. Он был явно разочарован:

— Ну, кто бы это ни был, к ат-фарелам он не может иметь никакого отношения. Я слышал, что их крейсеры огромны.

Иванов тоже посмотрел на экран и насторожился:

— Кажется, это спасательная капсула.

— Ну значит нужно ее поймать.

... Они ждали, когда закончится герметизация воздушного шлюза. Джонатан положил руку на плечо Калина и вкрадчиво сказал:

— Ваше Святейшество, мы ведь не знаем, что там внутри. Может быть, вам лучше уйти в кабину? А потом я вам все доложу.

Калин сердито покосился на своего телохранителя:

— Не трясишь надо мной, Джонатан. Мне приходилось видеть такие страшные сцены, что ты и представить себе не можешь. Пока мы не вскроем это яйцо, я никуда не уйду.

Два человека, одетые в защитные костюмы, осторожно приблизились к капсуле. Из отвинчивающегося люка послышалось слабое шипение. Они заглянули внутрь. Один из них повернулся к окну, выходящему во внутренний коридор, и сказал:

— Это странная штука. Она похожа... на мертвого робота...

— Что? — Калин втиснулся носом в стекло. К счастью, причальная площадка на их корабле была вращающейся, и поэтому он мог уловить нужный момент и заглянуть внутрь капсулы. Его Святейшество тихонько отодвинулся от Джонатана, чтобы тот не почувствовал сильный нервный озноб, колотящий старика.

— Отнесите его в мою комнату, — через пару секунд скомандовал он.

— Сэр? — Джонатан непонимающе посмотрел на Калина.

— Да, да. Отнесите его ко мне и оставьте меня одного, — повторил старик.

Для того, чтобы поднять бронекостюм и перенести его в каюту Святого Калина, потребовалось четыре человека. Калин стоял, засунув руки в карманы, и безучастно наблюдал за ними. Бронекостюм несли осторожно: его нельзя было стукнуть или уронить. В дверях показался Джонатан:

— Я не хочу, чтобы меня беспокоили, — упрямо повторил Калин. — И прошу тебя проследить за этим.

Помощник озадаченно посмотрел на него:

— ... Мне кажется... я знаю этот бронекостюм...

— Я в этом не сомневаюсь. — Калин захлопнул дверь прямо у него перед носом. — Он подошел к доспехам и склонился над ними. У него так сильно тряслись руки, что какое-то время он не мог открыть шлем.

По расчетам Калина, в этом районе должны были объявиться ат-фарелы. Так что спасательную капсулу они обнаружили не случайно. Из этого следовало, что район атаки Калин определил верно. Ошибся он только во времени. Защитное стекло шлема прогнуло и открылось. Доспехи Джека были пусты.

Калин опустил руку внутрь бронекостюма и притронулся к Боуги. Дух был теплым и бесформенным. Он первно пульсировал в его руке.

— Не бойся, Боуги. Я — друг, — тихо сказал Калин.

ГЛАВА 24

Ночью Элибер проснулась. Она лежала, свернувшись в комочек под теплым байковым одеялом, и никак не могла понять, что разбудило ее. Почему-то она вспомнила Джека и улыбнулась, потом осторожно выбралась из своего гнезда. Вдруг дверь в комнату открылась, и резкий свет ослепил ее.

В дверях стояла Сэди.

— У нас возникли проблемы, Элибер, — сказала она. — Это касается твоего звонка к Джеку.

— Проблемы? — А вы уже получили ответ? — Элибер ничего не понимала.

— Нет, — покачала головой Сэди. — Но Зеленые Рубашки были опознаны, как недавние налетчики на Клактут, и Джек замешан в этом. Он был одним из их руководителей. Ты сама знаешь, как сильны траки на Мальтене, так что, если они решатся нанести ответный удар, у нас будут крупные неприятности.

Элибер набросила на плечи одеяло и поежилась:

— Но вы дозвонились Джеку? — еще раз спросила она.

— Да. И, к сожалению, это привлекло кое-чье внимание. — Сэди отошла в сторону, и за ее спиной выросла темная фигура. Господи! Кажется, это был Бандовер Баластер!

Баластер потеснил ростовщицу и заговорщически улыбнулся Элибер:

— Старые изречения, как всегда верны, — пробормотал он. — От нас можно сбежать, но от нас нельзя спрятаться. — Баластер щелкнул пальцами, и за его спиной показались два огромных трака.

— Арестуйте ее, — кивнул им Вандовер. — Пепис желает с ней немножечко поговорить.

— Сэди... — Элибер вопросительно посмотрела на ростовщицу. Та невозмутимо пожала плечами:

— Видишь ли... я больше не могу помогать тебе, Элибер! ... Извини...

Баластер широко улыбнулся:

— Нет, все-таки мне нравится, когда мои планы воплощаются в жизнь так блестяще!

Траки вошли в комнату. Как всегда, они клацали что-то своими ужасными челюстями. Элибер отступила к столику и попыталась достать из ящичка оружие. Она слышала, как Джек рассказывал о схватках с этими мерзкими жуками, но к их легким и точным движениям она готова не была. Что, что она могла сделать? Кажется, спасения не было.

Когда жуки тащили Элибер мимо Вандовера, он, как бы издеваясь, погладил ее по волосам и обратился к Сэди:

— А сейчас мы нанесем небольшой визит в вашу лабораторию холодного сна. На этот раз сам император просит вас о помощи.

Может быть, Сэди и почувствовала на себе взгляд Элибер, но она не показала этого. Ее добродушный тон мгновенно куда-то улетучился. Ей предлагали сделку, а она была дельцом.

— Время — деньги, как говорит пословица, мой дорогой Баластер. — Если вы просите меня помочь вам на общественных началах, вы поступаете неразумно. Я не вожу экскурсий под свои ледяные своды.

Элибер напрягла мышцы и проверила, крепко ли держат ее траки. Конечно, они держали ее очень крепко. Она хотела сбраться с мыслями и попытаться предпринять что-то неожиданное, но никак не могла придумать — что? Баластер засмеялся и опять погладил Элибер по волосам:

— Бог с вами, мадам, какие экскурсии? У меня есть клиент, и я хочу его охладить. Он громко засмеялся и посмотрел на Элибер: — Не плачь! Там тебе будет гораздо спокойнее, малышка!

* * *

На Миствальде у Джека было много дел. Он возился с кинохроникой, привезенной с Клактута, и собирая по кусочкам кадры, которые удалось отснять. Вместе со Стaubом вот уже час они сидели у большого плоского экрана и просматривали смонтированную пленку.

— Вот только неизвестно, поможет ли нам это, — сказал командир.

— Судя по всему, они не собираются нам верить, так что нам потребуется как можно больше фактического материала.

— Но больше у нас ничего нет. Ведь почти всю видеоаппаратуру мы потеряли вместе с крейсером! — вздохнул Стaub.

— Я знаю, — кивнул Джек и отвернулся от экрана.

— А что касается траков, так они уже орут, что мы мясники.

— А ты думал, что тебя назовут героем? — насмешливо спросил командир.

Джек хлебнул глоток терпкого холодного пива и спокойно заметил:

— Да нет. Я уже не первый день живу на этом свете, и прекрасно знаю, что мы редко получаем то, на что надеемся.

Стауб удивленно выгнул свои рыжие брови:

— Эге! Насколько я понимаю, ты циник?

Джек хмыкнул и посмотрел в потолок:

— Циник? Скорее — реалист.

Дверь скрипнула и приоткрылась. В комнату заглянул молодой солдат, заменивший погибшего на Клактуте Крейслера:

— У нас посетитель, сэр, — неуверенно сказал он.

— Кто?

— Это фишер. Вернее... насколько я понимаю, это одна из самок. Она говорит, что очень хотела бы видеть Джека Шторма. Джек поднялся. Скорее всего, это была Туман-над-водой. Кажется, у его друзей опять что-то случилось.

— Я пойду поговорю с ними, Стабу? — спросил Шторм.

Стаб поднялся с кресла:

— Я думаю, нам стоит пойти вместе. Где она?

— В столовой накрыт небольшой столик, сэр, — щелкнул каблуками адъютант.

Ну да, конечно, это была Туман-над-водой. Она стояла к ним спиной, но когда они вошли, ее круглые уши чуть заметно вздрогнули. Значит, она услышала, что Джек уже здесь. Фишерка стояла как-то уныло и безвольно, свесив на пол свой длинный блестящий хвост.

— Помоги мне, Солнышко, — сказала она, обернувшись к Джеку. — Псевдоимператор Мудрый Зуб взял Скала в заложники.

— В заложники? А как это произошло?

— Его вызвали на станцию субпространственной связи в Фишбурне. Он явился, и его встретили агенты. Они... — Туман-над-водой замолчала. Ее темно-синие глаза наполнились слезами.

— Он жив? — быстро спросил Джек.

Она кивнула. Слезинка, повисшая на кончике длинного прозрачного уса, блеснула, дрогнула и упала на пол.

— Я не знаю, поймешь ли ты меня... — мягко и вкрадчиво сказал Джек. — Все дело в том, что я потерял свой бронекостюм, так что сейчас я беспомощен. Я... я не могу спасти Скала.

— Как! Неужели же ты бросишь его! — всплеснула лапами фишерка.

— Он — заложник, — ответил Джек. — А всякий заложник имеет свою цену. Какое-то время Мудрый Зуб будет держать его у себя. А мы постараемся как-то уладить эту историю.

— У него нет времени! — гневно прошипела Туман-над-водой и хлестнула хвостом в звенящем воздухе. — Ты дурак, Солнышко.

Кажется, он действительно чего-то не понимал. Во всяком случае чуть ли не в первый раз в жизни Джек почувствовал себя неловко.

— Я ценю дружбу со Скалом, я ценю дружбу с тобой, — сказал он. — Но ваш мир мне незнаком. Я совершенно не разбираюсь в ваших политических играх.

— К черту всякую политику! — крикнула Туман-над-водой. — Его задержали только потому, что он позволил этой базе функционировать! Скал стал заложником из-за тебя, а Мудрый Зуб не дурак, он отлично знает о возможностях Зеленых Рубашек. Если Скала не выкупят в течение двух суток, он будет казнен без суда и следствия. А ты ведь знаешь, что мы — все еще варвары. Если Скал будет казнен, Мудрый Зуб начнет хватать всех подряд и казнить, казнить, казнить. Этому не будет никакого конца. А у нас... у нас не будет выбора. Мы все должны будем пойти и сдаться...

Джек вздохнул и прикинул: какие у него есть варианты? В сущности без бронекостюма он почти ничего не мог сделать.

— Хорошо, — сказал он наконец. — У нас есть единственная возможность. Я пойду и сяду в тюрьму вместо Скала.

— Нет, что ты! — с ужасом ахнула Туман-над-водой.

— Если мы попробуем вырвать Скала силой, это приведет к военному конфликту. А разве вы хотите воевать так же, как воевали всего несколько лет назад? Конечно, нет. Мудрый Зуб желает получить повстанческих вожаков? Хорошо. Он получит одного из них. Он умрет от счастья, заполучив в руки инопланетянина. Я думаю, что какое-то время он будет радоваться и бездействовать. За это время вы как можно дальше упрячете Скала. Я надеюсь, что это вы сумеете сделать? Ведь у вас есть какая-то подпольная организация?

— Да, — кивнула головой Туман-над-водой, — у нас есть организация «Сопротивление фишеров».

— Вот и прекрасно, ведь, честно говоря, других вариантов все равно нет, — устало сказал Джек.

Стауб неодобрительно покачал головой:
— Послушай, ты слишком сильно рискуешь!
Джек махнул рукой:
— Ладно. В конце-то концов, что я могу еще сделать?

* * *

Императорский дворец был просто великолепен. Никогда до этого вынужденного путешествия Джек не был в столице фишеров — Свомберге. Туман-над-водой осторожно вела глиссер над городом. Сквозь облака виднелись улицы и площади зеленого города, раскинувшегося над синим озером. Толпы фишеров беспечно шагали по своим делам, и никто из них даже не посмотрел вверх на маленький юркий глиссер.

— Тебе нравится наша столица? — спросила Туман-над-водой. Похоже, ее совсем не интересовало, как выглядит Свомберг рядом с другими инопланетными городами. Она была уверена в том, что ничего равного по красоте просто не может существовать на свете.

Глиссер летел вдоль реки. Внизу мелькали маленькие домики на сваях. Слева мелькнул холм с террасами. Прямо за ним начинался горный хребет, упирающийся снежными вершинами в облака.

Огромный дворец из зеленого мрамора размещался на верхней террасе. Вокруг него были расположены огромные бассейны с фонтанами. Пожалуй, резиденция Триадского Трона не могла даже сравниться с этой жемчужиной Миствальда. В цветущих зарослях порхали огромные сказочные птицы с разноцветными хвостами. Когда глиссер стал опускаться, они закричали и захлопали крыльями. Облако насекомых как-то странно застыло в воздухе, словно бы не решаясь приблизиться к этому сказочному великолепию. Когда они подлетели

ближе, Джек разглядел, что все огромное пространство дворцового комплекса было накрыто прозрачной чешуйчатой сеткой. Охранник — фишер редкого черного цвета — встретил глиссер и сказал им поставить машину под навес.

Туман-над-водой спрыгнула на землю и крикнула:

— Передай Мудрому Зубу, что я здесь. Он уже давно ожидает меня.

Потом маленькая фишерка оглянулась на Джека, и как-то просительно посмотрела ему в глаза:

— Спасибо, — сказала она и извиняюще шевельнула хвостом. Кажется, вплоть до этого момента она искала другой выход.

Шторм кивнул:

— Не за что. Ты же знаешь, что я всегда рад помочь вам.

На лестнице появилось еще несколько охранников. Туман-над-водой и Джек поднялись к сияющим малахитовым дверям. Охранники следовали за ними. У входа во дворец, в нише из зеленого мрамора, сидел Скал. Кажется, его как следует побили: он то и дело прижимал лапу к ребрам и тяжело со свистом дышал.

Пленник нахмурился и внимательно посмотрел на Джека:

— Вот так, дорогой друг, — сказал он. — Получается, что ты — мой выкуп.

Джек развел руками:

— Это все, что я могу сейчас сделать для тебя, Скал.

Скал потер лапкой черный блестящий нос:

— Но прежде, чем ты уйдешь, я передам тебе сообщение, которое получил по межпланетной связи. Ведь оно было для тебя!

— Для меня? — растерянно переспросил Джек.

— Да. Его послала Элибер. Она сказала: передай Джеку, что файлы с его памятью обнаружены. Пусть возвращается.

Джек был потрясен. Неужели же Элибер удалось найти его прошлое?

Скал облизал разбитые губы и осторожно спросил:

— Ответ будет?

— Нет. Пока нет. — Джек покачал головой. — Ничего не бойся. Мудрый Зуб не сможет меня удержать. Ты выберешься отсюда в безопасное место, и я начну действовать, а потом... потом я смогу ответить сам.

Охранники уже обступили Джека. Туман-над-водой и Скал беспрепятственно прошли сквозь строй и направились к глиссеру.

Джек обратился все к тому же черному блестящему фишеру:

— Я надеюсь, что император уже ждет меня?

Фишер опустил морду и повел Джека за собой.

Во дворце было прохладно и сумрачно, как в лесу. Повсюду виднелись деревья и цветы, сделанные из нефрита. Потолок над головой был увит резными листьями, чем-то напоминающими виноградную лозу.

В конце огромного зала на троне восседал император фишеров — Мудрый Зуб.

— Хорошо! Хорошо! Я очень рад! — закричал он. — Я надеюсь, что бедному Скалу рассказали о том, какой богатый выкуп получил я за него?

— Вы ожидали еще кого-нибудь? — с интересом спросил Джек.

— Нет. Если только вы — Джек Шторм. Конечно, Скал совсем не думал о таком повороте событий. Скорее всего, он решил, что старейшины сделают из него

великомученика. Иногда мне даже казалось, что ему это нравится. А теперь и ему, и всему фишерскому Сопротивлению надо удирать в глубь лесов и зализывать свои раны.

Правитель Миствальда совсем не понравился Джеку. Это был огромный разжиревший фишер рыжего цвета. Кажется, он догадался о том, какое впечатление произвел на своего гостя. Он оскалился и резко спросил:

— Послушай, Джек Шторм, ты понимаешь, что база должна быть срочно ликвидирована?

Джек посмотрел на часы:

— Насколько я знаю, сейчас она должна быть уже эвакуирована. Все оборудование, оставшееся на базе, будет уничтожено. Так что вам не достанется ничего.

Мудрый Зуб был в ярости. Он щелкнул хвостом и прокрежетал:

— Ты больше не нужен мне, Джек Шторм. — Потом он повернулся к охране и рявкнул: — Взять его!

За троном раздался какой-то шорох, и вдруг Джек услышал громкий голос Элибер:

— Джек! Джек! Беги!

От неожиданности Джек застыл, как вкопанный. Из-за занавески выскочили два огромных рыцаря в бронекостюмах и схватили его. Джек попытался вырваться. Нет. Хватка металлических перчаток была крепкой. Сопротивляться не имело смысла.

Занавес за троном с шумом отъехал в сторону, и Шторм увидел Элибер, Баластера и Пеписа. Император Триадского Трона был одет в парадные пурпурно-золотые одежды. Баластер, как обычно, поеживался в своей черной робе. Элибер... Элибер выглядела довольно-таки

странно. Вульгарное синее платье с глубоким декольте плотно обтягивало бедра. Нет, насколько мог понять Джек, сама по своей воле она никогда не выбрала бы для себя такого наряда. И все-таки она была красива даже сейчас.

Вдруг Элибер крикнула, вырвала руку из огромных лапищ Баластера, выхватила из туфли нож и приставила к горлу министра. Пепис схватился за голову и крикнул:

— Стой!

Баластер увернулся, схватил Элибер и скрутил ей руки. Два рыцаря в бронекостюмах повалили Шторма на пол. Баластер выругался и забрал у Элибер нож.

Пепис презрительно посмотрел на императора Миствальда и скомандовал:

— А теперь — покиньте нас на какое-то время.

Мудрый Зуб покосился на него с явной ненавистью и слез с трона.

Пепис подобрал свои пурпурные одеяния и взгромоздился на малахитовый трон чужой планеты:

— Вот теперь ты мой! — сказал он Джеку. — И теперь я смогу сделать с тобой все, что захочу.

— Ну так делай, — усмехнулся Джек. Он лежал, уткнувшись лицом в мраморный пол. Два рыцаря в бронедоспехах сидели у него на спине. — Делай, делай. Ведь ты приехал сюда специально для этого! Но прежде чем ты сделаешь со мной то, что задумал, я хочу предупредить тебя кое о чем. Мы привезли с Клактута любопытные документы. У нас имеются стопроцентные доказательства того, что ты вступал вговор с траками не один, а целых два раза.

Пепис ойкнул и махнул рукой:

— Послушай, Джек Шторм, если ты пообещаешь мне, что ты будешь себя хорошо вести, я прикажу им поднять тебя с пола.

Джек повернул голову и твердо посмотрел на императора:

— Не надейся, Пепис. Тебе придется убить меня здесь. Я совсем не желаю, чтобы ты делал из меня какой-то пример для назидания. Я — плохое наглядное пособие для воспитательной работы.

— И это все, что ты можешь мне пообещать? — удивленно переспросил Пепис и добавил: — Я думаю, что тебе стоит выслушать меня.

Элибер всхлипнула, подошла к Джеку и помогла ему встать с пола. Джек откинул волосы со лба, обнял Элибер и спокойно посмотрел на императора:

—Ты изменник, Пепис, и на этот раз у меня есть этому доказательства...

вызов принят

ПРОЛОГ

Космический корабль, отданный во власть атмосферным течениям и силе притяжения, чем-то напоминал рыбачью лодку, сплетенную из ивняка и обтянутую брезентом. Немолодой человек стоял у огромного иллюминатора и наблюдал за проплывающими мимо него облаками. Он пытался рассмотреть планету, монолитной глыбой обозначенную внизу. Облака шли слоями, но через просветы в них все-таки можно было различить опаленные континенты. Голубизна океана и светящаяся масса разреженных облаков скрывали большую часть поверхности, но полоски зеленого и коричневого все же мелькали то тут, то там. Предварительные сообщения, поступавшие с орбитальных станций, вселяли надежду: на планете еще сохранились чистая вода и трава, а также кое-какие кустарники. Были здесь и полезные ископаемые. Один дорогостоящий норцит может помочь воскресить Кэрона из небытия

— Что же — опять — *воскрешение из мертвых?* Только на этот раз речь идет уже о планете... — подумал человек и улыбнулся. Усталая улыбка осветила лицо изнутри, расправила тяжелые складки морщин, тенью румянца скользнула по обветренным щекам.

События последних лет очень состарили его, смертельной усталостью согнули когда-то крепкие плечи. На нем был рабочий шахтерский комбинезон с множе-

ством карманов для инструментов, а поверх комбинезона — темно-голубой плащ с эмблемой уокеров. Огромный старинный крест на груди поднимался и опускался в такт его дыханию. События последних лет состарили его. Только глаза оставались все теми же — бодрыми и живыми окна в душу, сохранившую жар уверенности и убежденности.

— Джек будет этим гордиться. Он вернул планету к жизни! — громко сказал Святой Калин и оторвал взгляд от иллюминатора. Один Бог знает, каких усилий всем им стоила история с Кэроном. Но теперь работы по восстановлению планеты уже начались. Его Святейшество вздохнул и опять проник к иллюминатору.

На фоне стоящего рядом с ним бронекостюма, сверкающего в лучах солнечного света, Святой Калин выглядел почти карликом.

— Нам следовало бы захватить Джека с собой, — сказали доспехи великолепным грохочущим басом.

Этот бронекостюм не был пуст внутри, хотя ни человека, ни робота в нем обнаружить не удалось бы. Маленькая, живая, пульсирующая инопланетная плотьросла внутри бронескафандра, как цыплёнок внутри своей хрупкой скорлупы. «Боуги» — так называл это существо Джек.

— Сейчас Джек очень занят. Он прилетит на Кэрон, но чуть-чуть попозже, — терпеливо сказал уокер. Он не стал углубляться в детали происходящего. Политические интриги вполне могли задержать спасение человечества, но Калин уже давно смирился с этим. А вот Боуги смирение, как видно, пока было недоступно:

— Все равно, вам надо было взять Джека с собой! — как маленький капризный ребенок, сказал металлический великан. Его кулак без особого труда мог бы смять

в лепешку любого человека, но Святой Калин даже не дрогнул, когда рука Боуги легла ему на плечо. Рокочущий голос стал тише и задрожал:

— Так... — сказал Боуги, — кажется, на горизонте появились межпланетные корабли...

Датчики, встроенные в бронескафандр, были намного чувствительнее человеческих глаз. Когда Калин понял это, он чуть не задохнулся от волнения. Правая рука как-то сама собой скользнула по шее вниз и нашупала крест.

— Слава тебе, Боже мой! — синими губами прошептал Калин. — Ты надоумил меня, и я оказался прав!

Крест, крепко сжатый в кулаке, резанул ладонь.

Святой Калин совсем не был дипломатом, и если глубокую человеческую веру позволительно было бы назвать профессией, он оказался бы корифеем этого ремесла. Кажется, именно вера толкнула его и в эту опасную переделку: Его Святейшество твердо верил в то, что у человечества нет никаких прав на войну с существами, которых оно никогда не видело. К тому же, его возраст позволял ему прекрасно понимать, чего желает от тебя тот, кто переходит тебе дорогу.

Небеса разверзлись. С воем и грохотом флот атфарелов вошел в атмосферу Кэриона.

Их корабль, как утная плетеная рыбачья лодка, раскачивался на волнах облаков, освещаемый прожектором космического фрегата.

ГЛАВА 1

Звук от соприкосновения с поверхностью планеты пробежал дрожью по всей поверхности корабля. Этот звук напоминал набатный звук колокола, возвещающего о конце путешествия и о прибытии. После нескольких недель полета в вакууме шум, тысячеголосым эхом множащийся в воздухе, казался оглушительным словом жизни.

Устройства для подачи искусственного воздуха отключались одно за другим. В ушах у Шторма зазвенело из-за резкого перепада давления, и он откинулся на мягкую спинку пассажирского кресла. Джек обеспокоенно взглянул на Элибер. Ее каштановые волосы, рассыпанные по плечам, мешали видеть выражение ее лица.

— Сейчас наш маленький император покажет нам все, на что он способен! — судя по голосу, звенящему нотками горечи и усталости, молодая женщина была очень взволнована. Она скользнула взглядом по стенам каюты и повернулась к Джеку. — Я думаю, что ты уже достаточно хорошо изучил его. Он шпионит за нами. К тому же — мы до сих пор его пленники.

— Возможно. — Джек раздраженно пожал плечами. — Но я сделал для него все, что мог сделать, а может быть, даже и больше.

Элибер повернулась к экранам наблюдения. Когда ее голова коснулась его плеча, Шторм почувствовал волну радостного возбуждения и улыбнулся.

Дверь в каюту отдыха со слабым свистом открылась, и на пороге появился император. Маленький жилистый человечек с белой кожей и невероятным количеством веснушек на носу внимательно посмотрел на них. Его ярко-рыжие волосы, как всегда, развеивались над головой, а зеленые кошачьи глаза беспокойно бегали по сторонам.

— Командир Шторм! — сказал император низким волевым голосом, совсем не подходившим к его маленькому и немощному телу. — Поскольку вас еще не лишили официально звания командира рыцарей Доминиона, я предлагаю вам встать и отдать честь своему императору.

Джек Шторм усмехнулся, затем — нарочито медленно встал и отдал салют Пепису. Они внимательно посмотрели друг другу в глаза. Император не выдержал первым: он сморщил нос и отвернулся в сторону, пытаясь избежать открытого взгляда бледно-голубых глаз своего подданного. Уголки рта Джека Шторма насмешливо дрогнули.

— Я послал за почетным эскортом, — сказал Пепис и смахнул пылинку с золотисто-красного походного джемпера.

— Стоит ли так по-детски играть в слова? За эскортом или за охраной? — вызывающе спросила Элибер.

Лицо Пеписа вспыхнуло огненным румянцем гнева. Он сунул руку в карман и надменно спросил:

— А какая, собственно говоря, разница? Вы согласились вернуться на Мальтен, а это — мои владения.

Элибер сжала губы и промолчала. Хотя она вполне могла бы напомнить императору, что Мальтен, а вернее — мальтенские трущобы, были и ее владением тоже. Когда-то она жила в них, перебиваясь с хлеба на воду и стараясь не умереть. А потом появился Джек...

— Но — только без траков, — быстро сказал Шторм и придинулся поближе к своей спутнице.

Пунцовий румянец мгновенно сошел со щек Пеписа, гнев сменился вымученной дрожащей усмешкой:

— Это желание мне понятно, — сказал он. — Я еще не забыл того болезненного страха, который заставил вас бежать с планеты. Что бы тут ни происходило, а я не желаю, чтобы из-за вашей прихоти развалился Союз, который мне удалось возродить с таким трудом!

— Союз? И это вы называете союзом? На вашу территорию проникли враги, а потом законодательным путем покорили вас, но вы слишком слепы, чтобы увидеть хоть что-то, — руки Шторма напряглись и сжалась в кулаки. — Хотел бы я знать, как им удалось втянуть вас в это!

— Есть вещи, о которых вам ничего неизвестно, — надменно сказал император.

— Так почему же вы не возьмете на себя труд разъяснить мне, в чем дело? В чем суть ваших планов?

Пепис раздраженно надул губы, вынул руку из кармана и ударил кулаком о стену, потом — подошел к пульте связи и скомандовал:

— Снимите защитные экраны с иллюминаторов!

Защитный экран на иллюминаторе начал подниматься, и темную каюту залил яркий свет мальтенского солнца. Пепис ткнул пальцем в сияющее пространство на противоположной стороне космического порта. Джек

повернул голову и посмотрел туда, куда указывал император. Его глаза сузились.

— Это уокеры.. Они услышали о прибытии моего личного корабля и пришли посмотреть, не привез ли я назад их горячо любимого Калина, — голос Пеписа дрогнул от горечи. — Они — мятежники.

Джек выпрямился. Охрана императора, состоящая из траков и рыцарей в бронекостюмах, еле сдерживала напор уокерской толпы. Это зрелище вызвало у Шторма ощущение какой-то бесконечной ноющей боли.

— А они знают, что Святого Калина нет на корабле? — растерянно спросил он.

— Да, да, черт побери, да! Они успели узнать об этом еще тогда, когда мы были в пути. Конечно, помешать этому сброду я не мог, но все-таки я надеялся на лучшее! — император подошел поближе к окну. — Это и есть то наследство, — произнес он негромко, — которое пожелал мне оставить упрямый старик.

В мягких карих глазах Калина Джеку приходилось видеть и негодование, и гнев, но это совсем не было сутью священника. Его Святейшество, как лидер религиозной общины, никогда не желал войны, а тем более — войны религиозной. Скорее, дело обстояло наоборот: уокеры приобрели известность благодаря честности и справедливости, которые исповедовало все движение. Да и на новых планетах, так быстро и легко осваиваемых ими, искали они не материальные блага, а след Господа своего Иисуса Христа — ведь он вполне мог бы посетить любой из населенных людьми миров. Их религия была такой же терпимой, как и все другие, которые знал Джек. А этот фанатизм... Шторм еще раз посмотрел в окно... Нет, этот фанатизм не походил ни на что, о чем мог когда-нибудь мечтать Святой Калин.

Джек почувствовал, что сейчас должен что-то сказать, и повернулся к императору, но тот как-то странно и безучастно смотрел перед собой.

— В общем, вы можете называть моих доблестных рыцарей почетным эскортом, охраной и Бог знает как вообще, но выйти из корабля без их помощи мы не сможем. Через эту толпу нам не пробиться. — Пепис отвернулся от окна и добавил хриплым напряженным голосом: — Теперь ты не только предстанешь перед верховным судом и отбудешь срок за совершенную измену, ты ответишь мне и за те убийства, которые произойдут здесь.

Император фыркнул, еще раз посмотрел на Джека и вышел.

Элибер подняла голову и подождала, пока шаги Его Величества не стихнут в коридоре, а потом внятно, почти по слогам, произнесла:

— Оч-чень приятный в общении чело-век!

Джек хмыкнул, разжал кулаки и осторожно провел пальцем по бархатистой коже Элибер.

— Мы неплохая пара, — сообщил он ей. — Рыцарь-изменник и воровка!

Она засмеялась и порывисто сжала его пальцы.

— Правильнее будет сказать: убийца и воровка. Ты ведь никогда не предавал своего рыцарства, — ее голос резко зазвенел в гулкой тиши корабля. — Это Пепис предал, распустил, разложил и рыцарей и саму идею, объединяющую этих людей.

Эти слова дробными маленькими молоточками засстучали в висках Джека. Он наклонился над Элибер и ласково прошептал:

— Ведьма!

— Герой! — ласковым шепотом ответила она.

* * *

Весна не делила людей на богатых и бедных. Ее ровный радостный свет падал и на императорский дворец из розового обсидиана, и на серые покосившиеся строения мальтенских трущоб. Густая зеленая поросьль не обращала внимания на холодный ветер и косую мелкую дробь ледяных дождей. Каждое растение, запустившее корни в землю, должно было выжить. И растения упорно росли вверх, разрывая асфальт и бетон, попадающиеся на пути. Только стены роскошного императорского дворца не допускали в себя живую бушующую жизнь, да и сама трава, будто бы чувствуя свою неуместность в этих величаво-холодных апартаментах, отступала назад и заселяла огромные клумбы и мягкие тенистые лужайки, а если ей не хватало места на отведенных для нее площадях, переселялась на тренировочные площадки, надеясь выжить даже под коваными каблуками солдатских сапог. Конечно, на тренировочных площадках трава погибала, не успев вылезти из-под земли, а на ее месте росла новая, и опять неутомимо торила пути к свету, чтобы снова оказаться затоптанной тяжелыми военными сапогами. Но в этот день у травы была передышка, и она шелестела, стараясь вырасти как можно выше и поглотить как можно больше воды и света. Трава не хотела думать о своей судьбе.

Лассадей, сержант рыцарей Доминиона, по праву считался виртуозом на тренировочных площадках Мальтина. Лысая голова сержанта потемнела и сморщилась от лучей весеннего солнца. Он наклонился над перилами мостика наблюдения и с отвращением плунул. Площадки пустовали, хотя в такие дни и ветеранам и новичкам сам Бог велел заниматься военной подготов-

кой, но взбунтовавшиеся уокеры не выпускали солдат с первого этажа дворца, и Лассадею оставалось только чертыхаться и благодарить судьбу за то, что на подмогу императору, как всегда, спешили траки. Кажется, министр Вандовер Баластер, как всегда, извлек пользу из обычного человеческого страха перед чужаками.

Благодарил судьбу сержант совсем не из любви к стрекочущим внизу жукообразным — просто их появление давало ему возможность не отдавать никаких приказов, а значит, не брать на душу лишнего греха. Сержант посмотрел на толстые огнеупорные стены ограждения, выплюнул очередной кусок жвачки и вошел в небольшую командную рубку из прозрачной звукоизолирующей пластины. Нет, Лассадею совсем не хотелось влипать в историю с уокерами. Он прочитал пару приказов, светящимися буквами пробежавших по экрану, и, ничего на них не ответив, спустился вниз.

Мастерские были так же пусты, как и тренировочные площадки. Раздевалки для солдат, уставленные многочисленными ячейками-шкафами, были наполнены страхом, таким же осязаемым, как грязь и пот.

Бездельные помещения удручающе действовали на сержанта. Только робот-подметальщик, скрипя и постанывая, все еще делал свое немудреное дело. Лассадей прошелся по помещениям, кожей чувствуя, как телекамеры охраны поворачивают вслед за ним свои темные окуляры, и выбрался на свежий воздух.

Наверное, теперь ему следовало пройти в казармы. Уж там-то, судя по всему, должна кипеть жизнь. Лассадей вздохнул и прибавил шага. И действительно, на лужайках у небольших жилых помещений сидели новобранцы и бывалые солдаты, разбившись на маленькие

группки, они чистили и полировали свое личное оружие.

— Императорский корабль прибыл в порт, — сказал Лассадей. — Мне нужна почетная охрана из двадцати добровольцев, но для этой цели потребуются самые лучшие воины. — Это было именно то распоряжение, которого боялся Лассадей, но поскольку ему придется выполнять его, пусть уж под рукою будут самые отборные вояки.

Ветераны поднялись и разбрелись по разным углам, громко и ожесточенно споря о случившемся. Их аргументы были хорошо понятны сержанту — те же самые мысли заставили его только что бесцельно слоняться по пустым тренировочным площадкам. А впрочем, и этих аргументов и этих суждений сержант уже по уши наслушался за последнее время. Он разозлился и явился:

— Если у кого-то из рыцарей возникают проблемы, обращайтесь ко мне! Император Триадского Трона имеет право вызвать почетный эскорт. Мы будем сопровождать Пеписа и командира Шторма, и, клянусь всеми победами, которые мы одержали в Песчаных Войнах, если командира будут судить — я хочу, чтобы это делали открыто, открыто и решительно, — Лассадей посмотрел вокруг. Его громовой голос заставил притихнуть молодых рыцарей. Они нерешительно поглядывали то друг на друга, то на сержанта и напряженно молчали.

Юноша со свежим рубцом на подбородке вскочил со скамейки:

— Сержант, — ломающимся от волнения голосом сказал он, — Мы похоронили этого человека со всеми

армейскими почестями, а сейчас его тащат из могилы живого, здорового и в кандалах.

Лассадей погрозил новичку толстым пальцем:

— Этот человек, — строго сказал он, — ваш командир.

— Да нет, он был им когда-то! — крикнул мальчишеский голос из-за дверей казармы. — А теперь у нас в командах ходячий меховой шар с Милоса!

— Правильно! Правильно! Правильно! — как эхо, раздалось со всех сторон. — Он говорит правду! Он чужак!

— А может быть — это ты здесь чужак? — зло ответил новобранец. — Ты — чужак, а милосец с траками — свои, — парни дружно захочотали.

Лассадей задумчиво потер подбородок и, подождав, когда смех хоть немного утихнет, сказал:

— Милосец Крок — мой начальник, командир рыцарей, и нам не подобает отзываться о нем плохо. Ведь он представляет здесь честь Тракианской Лиги, ну, а мы с вами — представители Триадского Трона и Доминиона. Крок выполняет командирские обязанности и при этом никого не притесняет. Наверное, вы забыли, что на войне траки не берут плленных — за исключением самых лучших представителей других рас. Так вот, Кроку пришлось побывать в плену у жуков и пробить себе дорогу наверх через их ряды. Сегодня, когда мы встретимся с императором Пеписом, от вас потребуются мудрость и молчание — ведь Джек Шторм был хорошим командиром, а как последний рыцарь Доминиона, он заслуживает особого уважения.

— Он *предатель*! — резко ответил молодой голос. Сержант посмотрел в темноту, из которой прозвучали эти жесткие слова, но так и не смог увидеть рыцаря,

которому они принадлежали. Жалкий салага! Лассадей надул щеки и, подумав немного, сказал:

— Да, кое-кто так считает, но лично мне пока этого никто не доказал.

— А для чего же он разыграл свою смерть? — спросил чернобровый парень в синей замшевой куртке. Другой, с каштановыми волосами и девичьим румянцем во всю щеку, добавил:

— Но он ведь потерял свои доспехи!

На поляне стало тихо. Кто-то нерешительно произнес:

— А так ли это на самом деле? Неужели же и правда он потерял бронескафандр?

Лассадей выплюнул жвачку и хрипло сказал:

— Да. Кое-какая правда здесь есть.

Есть оружие — есть солдат, нет оружия — нет солдата — эту фразу им повторяли каждый день с тех пор, как стала действовать воскрешенная гвардия императора Пеписа. Даже ценою собственной жизни не уступать своего оружия врагу — вот что было законом и смыслом внутренней жизни для собравшихся здесь солдат. Тысячи их товарищей, тяжело раненных в бою, подрывали себя для того, чтобы траки не могли узнать секрета бронескафандра. К тому же — доспехи врастали в душу этих людей, становились их второй кожей и второй натурой. Многие из рыцарей даже сейчас поеживались при мысли о том, что когда-нибудь им придется уйти в отставку и они лишатся этой блестящей пуленепробиваемой оболочки. Все правильно, есть оружие — есть солдат, нет оружия — нет солдата, а Штурм умудрился потерять свои серебристые древние доспехи. Уже одно это было равносильно измене.

— Мы не сможем разобраться в том, что случилось, — хрипло сказал Лассадей. — По крайней мере до тех пор, пока не услышим от самого Шторма, что произошло.

Стройный немолодой человек с нашивками капитана показался в проеме двери. Он посмотрел в глаза сержанту и тихо спросил:

— А что, если Пепис не позволит нам узнать об этом?

Лассадей качнулся на своих кованых каблуках. Это была невероятная мысль!

— Нет, — покачал он головой. — Этого не произойдет.

Капитан Травеллини посмотрел на свежий шов, соединивший поврежденную поверхность на рукаве бронекостюма, смахнул пылинку с блестящей бронированной поверхности и, глядя куда-то в небо, сказал:

— А с чего вы взяли, что Пепис готовит для Джека военный трибунал? В конце-то концов, Шторма всегда подводила государственная система!

Рыжий веснушчатый новобранец, склонившийся над ботинками цвета ржавого металла, выпалил:

— Я думаю, что все это несправедливо!

Травеллини дернул уголками рта и громко произнес:

— Скорее всего, никто из нас не узнает, что заставило командира Шторма покинуть Мальтен и что принудило его сейчас вернуться на планету. Но у нас нет права судить его до тех пор, пока мы не побывали в его штурме.

— Все верно, — потеплевшим голосом отозвался Лассадей. Его гнев смягчило само присутствие капитана.

на. Видимо, и в сердца солдат запали эти слова — их голоса становились все тише и тише, все мягче и мягче звучали их высказывания.

Такое в рыцарском корпусе творилось в первый раз — никогда раньше никого из них не привозили на планету без оружия, в кандалах, да еще — обвиняя в *трусости и измене*. Но никто из них, кроме Джека Шторма, и не боролся с императором. Лассадей тяжело вздохнул и спросил:

— Ладно, бесхребетники в сверкающей славой броне, кто из вас решится сегодня пойти со мной?

Из тени молча вышел Роулинз. В сердце Лассадея шевельнулось какое-то нехорошее предчувствие. Этот молодой парень был точной копией Шторма, с пшеничными волосами и ярко-голубыми глазами, но копией улучшенной, как бы очищенной от грязи дворцовой жизни. Ни цинизм, ни разочарование, ни чья-то злая воля еще не затронули его. Можно сказать, что он был ближе к оригиналу, чем сам замученный и затравленный Джек. Правда, после событий на Битии Роулинз очень изменился — Святой Калин, спасший жизнь парня, подействовал на того каким-то прямо-таки магическим образом. Когда-то Роулинз был адъютантом Шторма, а что касается Святого Калина, так многие уокеры поговаривали о том, что Его Святейшество вытащил рыцаря с того света каким-то чудодейственным и абсолютно непонятным простым смертным методом.

— Сержант, — мягко сказал Роулинз. — Мне бы хотелось выяснить кое-какие детали.

У Лассадея на сей счет имелись свои соображения, он коротко кивнул:

— Хорошо. Но это — потом. Кто пойдет со мной и лейтенантом Роулинзом?

* * *

Элибер первой увидела рыцарей, рассекавших толпу народа. Щедрое мальтенское солнце сверкало на яркой, всеми цветами радуги переливающейся броне. Синие, красные, зеленые и желтые скафандры с каждой минутой приближались к ним. Кажется, у них не было возможности провести машину для императора и Джека через толпы протестующих уокеров. В комнату отдыха неслышной, крадущейся походкой вошел Пепис.

— Рыцари уже здесь, — сказала Элибер и посмотрела на императора.

Джек сидел в кресле, запрокинув голову и закрыв глаза. Тонкие морщинки на его высоком белом лбу разгладились и совсем исчезли. Семнадцать лет криогенного сна сделали его намного моложе сверстников. Конечно, годы, проведенные на службе у императора Пеписа, углубили морщинки в уголках глаз и горькие складки в уголках губ, но его сильное тело оставалось таким же крепким, как и раньше. Штурм вздрогнул, услышав металлическое позвякивание, открыл глаза и увидел, что император Пепис держит в руках наручники.

Он ничего не сказал. Да и что можно было сказать в такой ситуации? Только взгляд его потемнел, когда Пепис приблизился к нему.

ГЛАВА 2

Элибер шла по коридорам дворца, не обращая никакого внимания на синие тени, прыгающие по стенам. В резиденции Пеписа было очень холодно. Не низкая температура, а выстыивший воздух нежилых помещений создавал ощущение зябкости. Элибер поежилась. Чёрное шелковое платье, которое она носила в последнее время, совсем не защищало ее от ледяного холода одиночества.

Жуткая картина, которую довелось ей наблюдать в мальтенском порту, до сих пор стояла у нее перед глазами: ряды скрежещущих траков, ощетинившиеся против безоружных людей, требующих вернуть им Святого Калина. Император Пепис с побелевшими губами. Стелющийся и что-то подобострастно бормочущий Баластер и ряды сверкающих бронескафандров вокруг них. Если бы не рыцари, им бы не удалось добраться до машин.

Когда они подошли к машинам, сердце Элибер оглушительно забилось — сквозь бронированные доспехи ей удалось разглядеть знакомое лицо. Баластер зарычал и издал какой-то нечленораздельный звук. Кажется, он тоже узнал воинствующего уокера Динаро — правую руку Калина во всех военных вопросах.

— Этого типа надо арестовать при первой же возможности! — пробормотал он.

Джек сделал вид, что не слышит этих слов. Он поднял голову и решительно посмотрел в жесткие глаза человека, притаившегося за рядами траков. Когда-то он учил Динаро носить бронекостюм.

Элибер испугалась и дернула Джека за руку, умоляя его очнуться и не смотреть на уокера таким открыто недоброжелательным взглядом — воинственный Динаро, как всегда, был вооружен до зубов, а резной деревянный крест, висящий на его груди, далеко не всегда мог служить порукой сдержанности своего обладателя. Но Джек не обращал внимания на Элибер, он все смотрел на Динаро жестким вызывающим взглядом.

— Ты вернулся без него! — вдруг крикнул воинственный уокер, и его голос полоснул через толпу, как луч лазера.

Джек остановился. Как по команде, тотчас же остановились и рыцари, сопровождающие их. На фоне бронекостюмов любой самый высокий человек мог бы показаться карликом, но только не Джек Шторм — военная выправка и гордая посадка головы делали его выше и значительнее сопровождавшего его эскорта.

— Динаро! — Шторм холодно блеснул своими голубыми глазами. — Если бы я пошел с ним, он вернулся бы вместе со мной! Конечно же, только в том случае, если бы мы вообще вернулись живыми.

Динаро заморгал, провел рукой по узорному шахтерскому свитеру и сжал деревянный крест.

— Джек! — Элибер опять дернула Шторма за руку, но толпа, уловившая обрывки этого разговора, зашлась в диком крике. Траки защелкали и навалились своими хитиновыми панцирями на беззащитную человеческую толпу.

Динаро изогнулся и швырнул Шторму что-то непонятное и тяжелое. Тот подпрыгнул и перехватил в воздухе сверкающий предмет.

— Вы служите убийцам! — грозно крикнул воинственный уокер. — Найдите его, — успел добавить он, борясь с относящей его в сторону человеческой массой. — И говорите правду, слышите, только правду!

Джек разжал ладонь. Небольшой деревянный крест с удивительно тонкой резьбой лежал на его ладони.

— *Крест Святого Калина!* — еле слышно вздохнула Элибер. Джек посмотрел на Динаро и, подняв руки, крикнул:

— Да, я слышу тебя!

* * *

Эти воспоминания постоянно будоражили Элибер. Она гнала их от себя, как какую-то страшную муть, но они наплывали снова и снова и опять будоражили и мучали. Насколько она понимала, это Динаро поднял уокерский мятеж. Собственно, если бы не бунт уокеров, и она и Джек Шторм давно бы уже были мертвы, но сейчас император остро нуждался в них. Элибер прекрасно понимала, из какого теста слеплены Пепис и его министр Баластер. О! Они расправятся со Штормом и с ней при первой же возможности! Но Джек... слава Богу, Джек умеет делать невозможное.

Больничное крыло дворца пустовало — суетящиеся люди в белых халатах заполняли эти коридоры только тогда, когда здоровью императора угрожала непосредственная опасность. У входа в клинику Элибер на минуту задумалась. Конечно, она могла бы открыть какой угодно замок, но законы чести требовали, чтобы арестованный Джек Шторм оставался в своей темнице.

Кажется, сам Джек решил поступить именно так, и хотя Элибер считала это глупостью, она не решалась нарушать покой Джека.

В коридоре раздался шум, и она мгновенно отвлеклась от своих безрадостных мыслей. Что это было? Кажется, щелканье тракианских щупалец по обсидиану! Через минуту шум стал тише, но Элибер невольно поежилась и брезгливо мотнула головой.

Неслышными, крадущимися шагами из двери, ведущей в соседний коридор, вышел ненавистный министр Пеписа Баластер.

— Вы обещали, что траков в охране не будет! — зло крикнула Элибер.

Вандовер поклонился и, с нескрываемой иронией ответил:

— Добрый день, леди Элибер! А какая, собственно, надобность императору или мне приставлять к вам охрану?

Волна гнева залила ее щеки жарким красным огнем:

— Я не собираюсь терпеть траков в пределах собственной видимости и в пределах видимости Шторма. Кстати, могу поздравить вас с тем, как бездарно вы решили проблему Песчаных Войн! Большего количества жуков никогда не было на планете. Вы повернулись вверх брюхом и позволили этим насекомым выпустить из собственных животов кишки!

— Резкие слова бросает мне в лицо прекрасная шлюха! — Баластер посмаковал последнее слово, и желваки на его щеках заходили, как маленькие мельничные жернова. Злющие темные глаза впились в Элибер: — А если вы со Штормом — специалисты по налаживанию контактов с чужаками, так попробуйте

пообщаться с ат-фарелами! С траками мы, по крайней мере, можем перекинуться парочкой слов и как следует поторговаться при этом, но ат-фарелы... Ат-фарелы — это черная дыра, безвозвратно заглатывающая целые планеты.

Элибер фыркнула и пошла прочь. Этот человек ее не интересовал.

Баластер потолкался возле наглухо закрытой двери, так, будто он мог видеть сквозь нее, и мягко сказал:

— Скоро доктора закончат подготовку Шторма. Я пришел сказать, что пока все идет удачно.

Сердце подскочило прямо к горлу Элибер и застучало часто-часто.

— Значит, препятствий для возвращения Джеку потерянной памяти нет? — резко спросила она.

— Да, — уклончиво кивнул Баластер. — Конечно, не исключая самого командира Шторма. Если доктора не обнаружат каких-то противопоказаний, все будет отлично. — Вандовер повернулся к Элибер и посмотрел на нее колючими черными глазами. Элибер вызывающе усмехнулась. Министр растянул пухлые губы и попытался изобразить хоть какое-то подобие улыбки. — Имплантация памяти, утерянной в результате семнадцатилетнего холодного сна, — это довольно-таки рискованный опыт. Мне даже не верится, что Шторм добровольно пошел на такой риск. Но с другой стороны — это самая необычная награда, какою награждал когда-либо император своих подчиненных.

Элибер презрительно посмотрела на Баластера и сказала:

— Наверное, вы и вправду считаете это риском. Но Шторм думает по-другому. Для него это — самая желанная из всех наград.

— Пепис очень хочет, чтобы нашли Святого Калина, — вкрадчиво проговорил министр. — Никто из нас не желает *священной войны*, которая явно состоится, если глава уокеров не найдется вовремя. Этой войны не хочу даже я. — Баластер помолчал. — Я пришел к вам за помощью, леди Элибер.

Элибер напряглась:

— Ну и чего же вы хотите?

— Страсть командира Шторма к утерянному прошлому уступает только его страсти к вам. Вы ведь вполне можете им управлять, леди! Может быть, для начала командир отыщет Святого Калина, а уж потом будет калечить себя, имплантируя в собственный организм целую череду воспоминаний, наполненных ужасом и болью? Убедите его повременить с этой операцией!

«Ну да — повременить до того момента, пока ты не сможешь разрушить запись, снятую с мозга Джека!» — подумала Элибер.

— Для того, чтобы найти эту ленту, — сказала она, — мы с Джеком прошли через ад.

— В самом деле? — Баластер зло хихикнул. — Через ад и еще через организацию Зеленых Рубашек, — само название мятежной группировки, казалось, вызывает у министра неприятный вкус во рту. — Но Шторм решил, что этого ему мало, и сейчас собирается пройти еще через один ад, а нам он нужен не только здоровым, но и физически сильным.

Элибер попыталась улыбнуться:

— Видите ли, министр, Святой Калин исчез абсолютно бесследно. Ни ваши помощники, ни его церковь не знают даже приблизительно, где он может находиться. Я не думаю, что имею хоть какое-то право просить Джека приостановить операцию по возвращению памя-

ти до тех пор, пока что-то не прояснится со Святым Калином. Это было бы несправедливо. — Элибер изо всех сил старалась отвечать министру с ледяным спокойствием. Ей было понятно, что чем более нежелательной для Вандовера была операция по возвращению Джеку памяти, тем с большим упорством Шторм должен был настаивать на своем. Нет — Элибер уставила глаза в пол. — Она не позволит себе взглянуть на Баластера, пусть сверлит ее своим злобным шизофреническим взглядом. Она не позволит Вандоверу вывести себя из терпения.

— Ну а как же вы сами, леди? — вкрадчиво заговорил Баластер. — Готовы ли вы сами пойти на такой риск и потерять его? Ведь воспоминания могут и не сложиться в одно целое, так что — Шторм может вспомнить свою жизнь до холодного сна и начисто забыть то, что происходило с ним после пробуждения. Леди Элибер, неужели же вы желаете стать за бывшими?

Элибер скжала зубы. Одно только предположение, что Джек Шторм способен забыть ее, повергало ее в нескончаемый ужас. Она упорно смотрела на розовые обсидиановые плиты пола и молчала — пусть министр не думает, что потряс ее.

Баластер подождал ответа, а потом понимающе улыбнулся:

— Я так и думал. Мы с вами союзники, леди Элибер, возможно, не очень удобные друг для друга, но все же союзники. На этот раз я призываю вас проявить эгоизм — ведь всем нам нужен один и тот же результат. Подумайте как следует. — Баластер замолчал и подождал, что ему ответят, но, не дождавшись ни единого слова, повернулся и пошел прочь.

Она смотрела в спину Баластеру до тех пор, пока он не исчез за поворотом коридора, и только убедившись в том, что министр уже не видит ее, топнула каблуком по розовым обсидиановым плитам и громко сказала:

— Идиот!

Конечно, больших перспектив ни у Джека, ни у нее не было. Их будущее давно уже представлялось Элибер подернутым дымкой тумана. Может быть, Джек боролся с траками так долго, что не смог перестроиться и принять предложенного жуками мира. А может быть, он все-таки был прав, и ат-фарелы являлись не заклятыми врагами человечества, как об этом любил говорить император Пепис, а просто новой расой, обнаружившейся в космосе, расой, с которой надо искать контакты и идти на сотрудничество, а совсем не воевать.

Временами на Элибер накатывало отчаяние. В общем-то, не все, что делал Штурм, совпадало с его личными желаниями. Но был ли у них выбор? Она слышала, о чем шептались молодые рыцари в императорских казармах: Джек Штурм — *трус и предатель*, да к тому же еще и *убийца*, которого милостивый император Пепис вернул на планету в кандалах.

К тому же, для широкой публики Джек так и оставался мертвецом, в память которого совсем недавно отгрохали грандиозные похороны, так что сейчас со Штурмом можно было делать что угодно, не опасаясь вызвать гнев у широких масс населения. И все же человек, который мог подумать, что бывший командир рыцарей Доминиона беззащитен, — глубоко ошибался.

Дверь внезапно открылась, и суетливые мысли Элибер закружились и улетели прочь, как подхваченные сильным порывом ветра осенние листья. Джек! В

этой комнате был Джек! Врачи сновали взад и вперед, не обращая никакого внимания на Элибер.

— Насколько я понимаю, сейчас он в превосходном состоянии, — сказал помощник главного хирурга. — Но все-таки хотелось бы посмотреть на зачатки пальцев прежде, чем он покинет нас. Насколько я могу понимать, в ближайшее время соединительная ткань шрамов будет только утолщаться.

— Не обращайте внимания на имплантанты, — махнул рукой главный хирург. — Ведь он достаточно хорошо обходился и без этих пальцев. Меня гораздо больше беспокоит то, что происходит у него в мозгу. Впрочем, должен признать, что для человека, который семнадцать лет провел в криогенном сне, электронная активность мозга совсем неплохая. А интересно, знает ли Пепис, куда он попал с этим...

Врачи вышли из комнаты и прошли по коридору в другой блок. Их голоса утихли.

Джек! Элибер осторожно заглянула в комнату. Шторм сидел, согнувшись у лабораторного стола, и застегивал мундир. Его песочные волосы растрепались, а бледные голубые глаза смотрели в дальний угол, явно не различая ничего из происходящего вокруг, — на какие планеты унесся сейчас он в своих мыслях? Джек все еще оставался молодым и сильным, хотя со времени его выхода из длительного криогенного сна прошло уже много лет... что и говорить, ведь и сама Элибер почти что выросла у него на глазах!

Она вошла в комнату и окликнула:

— Джек! Баластер говорит, что ты сможешь вернуть свою память!

Шторм давно уже привык к манере Элибер входить и выходить совершенно беззвучно, как кошка. Он спо-

койно посмотрел на нее и улыбнулся. Морщинки в уголках синих глаз сделались еще глубже.

— Будем надеяться на лучшее! — Шторм подошел к Элибер и притянул ее к себе.

Она занервничала:

— Джек, пока ты тут проходил медицинское обследование, я совершенно случайно увидела Джонатана.

Джонатан — правая рука Святого Калина — был единственным оставшимся в живых после злосчастной экспедиции уокеров.

— Ты говорила с ним? — быстро спросил Шторм.

— Нет... он находится в коме, но они не знают, что случилось, — на нем нет никаких следов. — Элибер вздрогнула. — Ты знаешь, вокруг Джонатана сейчас такая охрана, какой я уже давно не видела. А потом... не похоже это на Святого Калина — взять человека с собой, а потом бросить его.

Джек покачал головой:

— Элибер, возьми себя в руки! Ты слишком сильно беспокоишься!

Элибер вытянула шею и посмотрела прямо в глаза Шторму:

— Беспокоюсь? Да... Но ты мне даешь слишком много поводов для беспокойства!

Джек наклонился к ее лицу и поцеловал маленький дрожащий подбородок, а потом доверчиво и тихо сказал:

— Знаешь, наверное, мне надо будет повидаться с Джонатаном до того, как меня упекут в криогенную камеру. Кажется, эта процедура займет дня четыре, а то и больше.

Элибер тряхнула головой. Перед ее глазами все еще стояло большое безжизненное тело Джонатана,

опутанное разноцветными проводами и накрытое белой простыней. Медицинские мониторы исправно сообщали о том, что жизнь в организме личного охранника Калина еле-еле теплилась.

— Как ты думаешь, это возможно? — тихо спросил Джек.

— О всех реалиях нашего бытия тебе лучше консультироваться у меня, солдат. — Элибер вздрогнула, и из ее глаз хлынули слезы. — Я не думаю, что у Джонатана могут быть какие-то возражения или соображения. Он же еле жив. А потом... Мне приходится так сильно волноваться за тебя...

— Бывали времена, когда мы умели найти друг друга и сквозь несколько галактик, — припомнил Джек и прижал к себе плачущую Элибер.

Он приподнял ее голову, вытер слезы с глаз и поцеловал ее долгим поцелуем. В глазах у Элибер закружились все миры, все планеты, все звезды.

ГЛАВА 3

— Я перехватил сообщение Зеленых Рубашек, — сказал Вандовер Баластер, даже не пытаясь скрыть выражения довольства и гордости, покривившего лицу пухлых губ.

— Вы же видите, что я занят! — капризно ответил император, погруженный в работу с картотекой компьютерных данных.

— Такие материалы не игнорируют, — Баластер усмехнулся и положил перед Пеписом небольшой листок с компьютерной распечаткой.

Пепис нехотя взял листок и пробежал по набранным мелким шрифтом строчкам.

— Где вы это раздобыли? — спросил он удивленно, и его рыжие волосы солнечными протуберанцами взметнулись над головой.

— Они пытались передать это Шторму, когда мы конвоировали его через космопорт, наполненный восставшими уокерами.

Пепис еще раз взглянул на расшифровку секретного послания:

— *Бунт уокеров поможет сохранить вашу жизнь*, — медленно, почти по слогам прочитал император. — *Ждем новых подробностей*. — Император Пепис откинулся на спинку мягкого кожаного кресла. — Ну что ж. Мы догадались, что Шторм как-то связан с Зелеными

Рубашками, а эта находка подтверждает наши подозрения. Кстати, а Джек знает, что это послание было перехвачено?

— Думаю, нет, Ваше Величество, — изогнулся в подобострастном поклоне Баластер.

Пепис кивнул и включил информационный компьютер, на экран которого поступала информация со всех планет Триадского Трона.

— Пошлите по обычным каналам связи какуюнибудь информацию о том, что бунтующие уокеры только ухудшат положение Шторма, — кивнул император министру полиции. — И еще информацию о том, что мне надоело потакать гражданским выступлениям, и в ближайшее время я вынужден буду в корне изменить свою внутреннюю политику и заняться подавлением бунтов.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — щелкнул каблуками Вандовер. — А как быть с девушкой?

— А-а! Ну, поскольку в данный момент она является для Джека источником бесконечного счастья, нам придется обсудить этот вопрос позднее.

Баластер кивнул и подошел к двери.

— Вандовер! — чуть повернув голову окликнул император.

Министр остановился:

— Я весь — внимание.

— Мы знаем, что петля памяти Джека Шторма была извлечена из хранилищ ростовщицы Сэди, — волосы императора качнулись над головой и затрещали.

— Это значит, что она хранила ее у себя как залог под один из займов. Надеюсь, вы уже выяснили, кто заложил ростовщице память нашего рыцаря?

— Пока нет, Ваше Величество...

— Это жизненно важная информация! — от нетерпения Пепис даже затопал ногами в черных лакированных ботинках.

Вандовер кивнул.

— Да, и еще... — император посмотрел в холодные глаза министра. — Президент Доминиона просит пересмотреть процентные ставки под их займы. Финансирование военных действий уносит гораздо больше средств, чем мы думали. А еще — они очень просят выделить две дополнительные единицы для их звездного флота.

Темные глаза Баластира заметно посветлели:

— Я думаю, что мы сможем выполнить обе их просьбы.

— Хорошо, — император кивнул и пригладил наэлектризованные волосы. — Я надеюсь, что эту войну нам удастся выиграть.

Министр поклонился и вышел за двери.

* * *

В маленьком вестибюле центральной резиденции уокеров огромная фигура Динаро выглядела особенно внушительно. Рядом с этим молодцем Вандовер Баластер чувствовал себя как-то неуверенно и смутно — тощий, почти нематериальный, как тень, беспомощный и бессильный. Он обнажил свои желтые зубы в холдной вышколенной улыбке:

— Я благодарен вам за то, что вы предоставили мне возможность встретиться с вами.

Динаро кивнул:

— Это место для нас свято, министр. Я надеюсь, что вас не очень смутит разговор в вестибюле. Конечно, у нас есть и ширмы, и звуконепроницаемые кабинки, а если бы Святой Калин был здесь, он наверняка принял бы вас в своих апартаментах, но...

— Да-да. — Вандовер нырнул в кресло за маленькой гобеленовой ширмой и с интересом посмотрел, как огромный Динаро усаживается на стоящий рядом жалобно скрипящий диван. Когда-то этого воинственного уокера пригрел Джек Шторм, принял его в рыцари, спасая от гнева императора Пеписа, и научил владеть бронекостюмом. Конечно, все это делалось по просьбе Святого Калина из Блуила — в путешествиях на отдаленные планеты Доминиона уокерам очень часто требовалась военная охрана. Сейчас Динаро считался преемником Его Святейшества, и эта репутация защищала его крепче любой брони. Баластер облизал пересохшие губы и тихо сказал:

— Я пришел, чтобы посмотреть, смогу ли я для вас что-нибудь сделать, пока нет Святого Калина.

Динаро дрогнул. Его рука, лежащая на деревянном подлокотнике дивана, сжалась в кулак:

— Самое лучшее, что вы сможете сделать, так это убрать нашу охрану. Весь дом уже пропах траками, — поморщился молодой уокер

— Но ведь рыцари находятся здесь для вашей же безопасности! — с притворным удивлением воскликнул министр.

— Разве траки могут быть рыцарями? — презрительно поморщился Динаро.

— Я сообщу об этом императору, — неопределенно кивнул Баластер

Конечно, это был пустой разговор, ни снимать охрану из жукообразных траков, ни сообщать о подобном желании уокеров императору Вандовер не собирался, и они с Динаро прекрасно знали об этом.

— Спасибо за заботу, министр, — кивнул уокер. — Сожалею, но мне надо идти и заниматься неотложными делами.

Вандовер, все еще сидящий в кресле, снизу вверх посмотрел на Динаро:

— Да, да, я понимаю, сейчас у вас много дел. Возможно, когда поправится Джонатан, он сможет вернуться к своим обязанностям помощника Его Святейшества, хотя сам Калин все еще не вернулся на планету...

Динаро посинел и изменился в лице. Он схватился за голову и плюхнулся на дребезжащий всеми своими ржавыми пружинами диван:

— Что вы имеете в виду?

Министр смущился:

— Да? А я думал, что вам уже рассказали об этом... Несколько недель назад Джонатан был доставлен к нам одним из наших корсаров. Он до сих пор не приходит в себя, и поэтому обеспокоенный император держит его в собственном дворцовом госпитале. Я очень сожалею, Динаро, но я действительно думал, что вам об этом уже известно.

Уокер дернулся и опять вскочил на ноги. Синий цвет сошел с его лица, уступив место лихорадочному румянцу. Джонатан отправился в путешествие вместе со Святым Калином, значит, император скрывал от временного главы уокеров жизненно важную информацию

— Я хотел бы... — голос Динаро задрожал. — Я хотел бы увидеть Джонатана.

Баластер пожал плечами:

— Я понимаю ваше беспокойство, ведь разговор с Джонатаном может помочь отыскать Святого Калина.

Но ваш соратник до сих пор без сознания, кажется, он в шоке, так что поговорить с ним нельзя. Правда, врачи говорят, что есть надежда вытащить его с того света на этот.

— А Шторм его видел?

Министр отрицательно покачал головой:

— Командир Шторм — человек осторожный и обстоятельный, и хотя я уверен в том, что, выздоровев, Джонатан станет одним из его фаворитов, в данный момент у командира рыцарей много своих забот.

Динаро помолчал, пытаясь придумать хоть какой-то выход из ситуации, и наконец заметил:

— Наверное, на императора придется оказать давление...

Вандовер смахнул пыль со своего темного парадного мундира и усмехнулся.

— Императору Пепису надоело потакать гражданским беспорядкам, — медленно сказал он. — К тому же, Шторм знает, что Джонатан всегда у него под рукой. Ведь человек в коматозном состоянии не встанет с постели и не пойдет прогуляться по улицам Мальтена! А из обширных владений уокеров можно извлечь кое-какую пользу, конечно, пока отсутствует Святой Калин из Блуила, — министр опустил глаза и заговорил совсем тихо. — Никакого секрета в том, что Шторм хочет сместить Пеписа с Триадского Трона, нет. А для того, чтобы осуществить это, ему нужна поддержка. Именно для этого он налаживал отношения с Зелеными Рубашками, а теперь собирается добраться и до уокеров. Так что отсутствие Святого Калина входит в сферу его личных интересов.

Динаро задышал, как загнанный зверь, и посмотрел болезненными глазами куда-то в дальний конец вестибюля.

— Так вы знаете это... — наконец-то произнес он.

— Я — министр полиции, — кивнул Баластер. — Как вы понимаете, без разведывательных органов я ничего не буду стоить. Что же касается Пеписа, так он мой император, и даже если он очень нуждается в помощи Джека Шторма, я не колеблясь сообщу ему о том, что он пользуется очень опасным инструментом.

— Видимо, точно так же поступлю и я, — тихо отозвался молодой уокер. — Спасибо, Баластер. Вы сообщили мне очень важную информацию.

Вандовер выбрался из-за ширмы, кивнул Динаро:

— Всегда буду вам рад! — и вышел на улицу. Только миновав охрану из щелкающих панцирями траков, министр позволил себе победоносно улыбнуться.

* * *

Шторм стоял у постели Джонатана, гораздо более походящей на большие детские ясли. Элибер действительно не преувеличивала: от того человека, которого раньше знал Джек, осталась только оболочка.

Личный телохранитель Калина был огромным, сильным и, вместе с тем, застенчивым, как ребенок. А сейчас он похудел и обмяк, будто бы сломался в самой середине своего естества. Мерное бульканье, щелчки и постукивания работающей аппаратуры наполняли комнату Элибер, стоящая рядом с Джеком, вздрогнула и попятилась к двери. «Интересно, — подумал Шторм, — когда меня отыскали на блуждающем корабле после семнадцати лет криогенного сна, я был в таком же состоянии?»

Элибер была очень бледной. Она вздохнула и тихо сказала Джеку:

— Они поставили его на искусственное жизнеобеспечение сразу же после того, как отыскали. А с тех пор ему с каждым днем становится хуже и хуже.

Шторм посмотрел на мониторы. Колонки цифр, показывающие, в каком состоянии находится организм больного, даже такому невеликому специалисту в медицине, как он, говорили, что человек, лежащий перед ними, вряд ли когда-нибудь поднимется с постели.

Джек посмотрел на большой экран, занимающий половину стены. То, что наблюдение за Джонатаном велось постоянно, было ему понятно, а вот определить, человек или компьютер осуществляет его, он не мог.

— Какие у него шансы? — спросил Джек, подойдя к экрану постоянного наблюдения.

— Его жизнь можно поддерживать сколько угодно, но будет ли в этом смысл... — экран не загорелся, но по неровному голосу, раздавшемуся в микрофоне, Шторм понял, что разговаривает не с машиной, а с человеком. Да и сам смысл ответа выдавал чисто человеческий мозг — машину всегда беспокоили только механические функции, о смысле жизни и ее цели она задуматься не могла.

Джек взглянул на Элибер, все еще стоящую у входной двери, и тихонько спросил:

— Как ты думаешь, Джонатан примирился со своей участью?

Элибер покачала головой:

— Я не знаю, Джек.

Он хмыкнул:

— А жаль. Например, мне хотелось бы понять, увезли Калина или он уехал по собственной воле.

— Калин ни за что не оставил бы Джонатана в таком состоянии, — с негодованием ответила она.

— Не говори так, Элибер, — покачал головой Джек.

— Пока мы видим как раз обратное — Калин оставил его. А вот по собственной воле или по принуждению — это вопрос.

Щеки Элибер залились пылающим румянцем:

— Джек Шторм, как же ты можешь такое говорить!

Джек посмотрел на нее кротко и нежно:

— Мне надо знать, а поэтому я обязан задавать вопросы. Кто нашел Джонатана? Куда они летали? Может быть, Святой Калин посещал какие-то митинги на периферии Доминиона, и там их застигли беспорядки? А может быть, они были перехвачены кем-то неизвестным? Где искать виновников — среди врагов или среди друзей? Вот в чем вопрос.

Элибер подошла к нему и тихо сказала:

— Извини, а я думала...

Джек улыбнулся и посмотрел на человека, лежащего в огромной медицинской люльке:

— Джонатан, ведь ты был и моим другом. Что бы ты рассказал мне, если бы пришел в сознание?

Шторм положил свою руку на неподвижное плечо первого помощника Калина. Вдруг — по безжизненному телу прокатилась судорога. Элибер охнула от изумления, и звук ее голоса слился с сиреной включившейся сигнализации. Экраны мониторов засветились вспышками яркого света. Джек отдернул руку и инстинктивно отскочил на шаг от кровати.

— Что происходит? — крикнула Элибер голосом, напряженным от страха.

Тело Джонатана прыгало и извивалось. Из-за конвульсий нарушились контакты, и сейчас много прово-

дов, питающих тело, висело в воздухе. Джек знал, что врачи вот-вот будут здесь, а пока ему надо хоть как-то удержать больного на кровати. Он подошел к уокеру и обхватил его тело своими сильными тренированными руками.

Шторму казалось, что время течет очень медленно, как настоящий тяжелый загустевший мед, а он, Джек, застрял в его гуще и не может выбраться наружу. Он слышал голос Элибер, но не мог разобрать слов, которые она говорила, — они были слишком растянутыми для него. Он хотел понять, что происходит, и вспоминал мучительно и долго, что вывести Элибер из равновесия очень трудно, но мысли путались и увязали в густой массе времени. Шторм не мог понять ничего. Он не ощущал той энергии, которой наполняли тело Джонатана работающие приборы, не слышал треска электрических разрядов, от которых дыбом вставали волосы, он видел одно: руки личного телохранителя Калина схватились за его руки и тянули его упругое тело вниз, а глаза — до этого безжизненно закрытые — широко раскрылись и уставились в потолок.

— Помогите! — громко прохрипел больной, и врачи госпиталя вырвали его из рук Джека.

* * *

— Эта кома была вызвана гипнозом. — Баластер чмокнул и поджал бледные губы. — Кстати, гипнозом очень плохого качества. Насколько я понимаю, Джонатан мог бы умереть.

— Самогипнозом? — растерянно переспросил Джек. Министр полиции пожал плечами:

— Как знать! Персонал говорит, что сейчас телохранитель Его Святейшества отдыхает. Насколько я по-

нимают, от него вы узнали о Святом Калине гораздо больше, чем от кого-нибудь другого.

Джек нахмурился, вспомнив поток бессвязных слов, выплеснувшихся из Джонатана перед тем, как врачам удалось разорвать их руки.

— Боюсь, что из этого ничего нельзя понять, — тяжело вздохнув, сказал он.

— Понятно, — с явным недоверием в голосе произнес министр и посмотрел на Элибер. — А вы? Возможно, вам удалось что-нибудь уловить в этом потоке?

— Я? — вздрогнула Элибер. Ее лицо все еще было иссиня-бледным. — Я п-по-д-д-думала, что он умирает, — запинаясь, сказала она.

Вандовер помолчал и, надменно задрав голову, произнес:

— И это огорчило вас, леди? Насколько я понимаю, в мальтийских трущобах вам приходилось довольно-таки часто сталкиваться со смертью!

Элибер вспыхнула, сжала кулаки и уже хотела ответить что-то министру, но Джек встал между ними и с высоты своего роста посмотрел на маленькую и щуплую фигурку Баластера:

— Вы — министр полиции, — спокойно сказал он. — И поэтому вы должны с большой осторожностью обращаться с находящимися с вами рядом людьми. Император нуждается не только в ваших делах, но и в вашей корректности.

Баластер попятился к дверному проему и сказал сквозь зубы:

— Император послал меня к вам, чтобы сообщить, что завтра, а-а-э, перед вашей процедурой... он готов с вами встретиться. С другой стороны, мы оба предупреждаем вас, что вы находитесь в безопасности только

в этом крыле дворца. Доброй ночи, леди Элибер и командир Шторм, — министр откланялся и исчез за дверью.

Элибер вздрогнула и помахала в воздухе руками, будто пытаясь отогнать от себя липучий призрак Вандовера Баластера, и опять вспомнила беспомощно лежащего Джонатана.

— Ужас! — поежившись, сказала она.

— Ты права, — кивнул Джек. — Калин не мог бы бросить его по собственной воле. А мы... насколько я понимаю, нам опять придется разочаровать Вандовера. Элибер, ты могла бы вывести меня отсюда?

Она прижалась к нему:

— Конечно. Но куда мы пойдем?

— Знаешь... — Джек задумался. — Из того, что говорил Джонатан, я не понял почти ничего. Но слова «комната для медитаций» он повторил три раза. Значит, с этой комнатой связано что-то очень важное.

Элибер понимающе кивнула:

— Хорошо, Джек. Значит, туда мы и отправимся.

* * *

Комнаты Святого Калина очень много смогли бы рассказать о своем владельце внимательному человеку. Того, что на человеческом языке принято называть роскошью, не было здесь и в помине. И все же эта комната была богата и роскошна — тысячи удивительных экспонатов, вывезенных из далеких миров, наполняли ее. Джек отышался. Им все-таки удалось проникнуть в апартаменты Его Святейшества, не потревожив ни траков, стоящих у дверей резиденции, ни бдительного уокерского персонала. Шторм оглянулся по сторонам и с непонятной ностальгией подумал, что у него

никогда не было уголка, который он по праву мог бы назвать своим домом. За редкими исключениями, почти всегда ему приходилось ютиться либо во временных помещениях, либо в бараках.

Элибер осторожно присела на маленький диванчик у столика, сделанного из настоящего красного дерева.

— Я еще никогда в жизни не была в калиновской комнате для медитаций, — задумчиво сказала она.

Джек заметил удивительную чистоту и опрятность помещения. Создавалось впечатление, что хозяин комнаты отлучился на минуту и вот-вот вернется назад.

— Он планировал вернуться, — тихо сказал Шторм.

— А может быть, у него было слишком мало времени на сборы, — робко возразила Элибер.

Джек остановился у узенькой винтовой лестницы, ведущей в комнату для медитаций, и оглянулся на свою спутницу:

— Поднимемся?

— Н-нет! — нерешительно сказала она.

Он улыбнулся:

— Хорошо. Тогда я пойду один.

Забота и любовь Джека укрепили психику Элибер и загнали за железную непроницаемую дверцу ее прежние, пугающие и плохо подчиняющиеся ей способности. Время от времени она ощущала странный огонь, как и раньше, пробегающий по нервам, а иногда ей казалось, что татуировки, которыми покрыл ее тело на Битии всемогущий Хуссия, опять проступают сквозь гладкую белую кожу. Наверное, ее сенсорная сверхчувствительность не пропала совсем, она затаилась и спряталась до поры до времени.

Элибер внимательно осмотрела комнату. Она чувствовала здесь присутствие Калина, как чувствуют еле уловимый запах испарившихся духов.

Дверь в палату для медитаций была распахнута, и Джек, немного поколебавшись, вошел внутрь и осмотрел комнату внимательным, цепким взглядом.

Видимо, комната для медитаций была центром, в который направлялись информационные волны всех медитирующих уокеров. Как только Шторм переступил порог, его окружили трехмерные образы самых разнообразных миров — наверное, всех, с которыми соприкасался человек со временем выхода в космос.

Ограниченный опытом маленького материального мира, который он хорошо знал, Джек застыл посередине комнаты и, как бы защищаясь, поднял руку: о, эти вселенные, наплывающие на него, были очень древними! Они возникли гораздо раньше песков, войн, траков, и даже раньше человека. Самым краешком своего натренированного сознания он мог захватить образы Дорманд Стэнд, Опуса, Мальтена, потом... комок слез неожиданно подступил к его горлу: мимолетным зеленеющим видением в его сознании возник Кэрон — покрытый лесами, щебечущими птицами, еще не сожженный огнем. Кэрон... Джек пошевелил растопыренными в воздухе пальцами, и далекий мир с ясной отчетливостью вспыхнул у него перед глазами. Видение было длительным и удивительно отчетливым. В конце Концов Шторм понял, что ему следует отойти, и присел на скамейку, на которой обычно медитировал Калин.

Быстрые ясные картины проносились сквозь сознание Джека долго, а потом он ощутил, что глаза его уже не фокусируют объекты. Кажется, еще пара секунд — и Шторм впадет в настоящий транс. Песчаная планета

Милос мелькнула перед ним вместе с тяжелыми воспоминаниями и рассыпалась в полутемном воздухе. Джек был потрясен.

— Джек! — откуда-то снизу окликнула его Элибер. — С тобой все в порядке?

— Оставайся внизу. Я не нашел тут ничего интересного, — откликнулся он.

Выходя из сенсорного поля, Шторм оглянулся — планета Милос мелькнула где-то на самом краю его периферического зрения и погрузилась в небытие.

ГЛАВА 4

Сирена тревоги гудела под сводами императорского дворца. Элибер вскочила и затрясла головой, пытаясь отбросить остатки сна.

— Что случилось? — взволнованно спросила она.

Джек сел на кровати и попытался уловить тип сигнала тревоги, гудящего и воюющего с какой-то тоскливою силой. Он вскочил, натянул на себя брюки, рубашку и ботинки, а потом, махнув Элибер поскорее одеваться, хрюпло сказал:

— Насколько я могу понять, это сигнал тревоги из госпитального отсека. Что-то случилось с Джонатаном.

Штурм метнулся к двери. Элибер одернула на себе легкое платьице и двинулась за ним.

В стене, отделявшей медицинский отсек от коридора, дымилась округлая черная дыра.

— Боже мой! — схватилась за голову Элибер. — Они пробили эту стену насовсем!

— Оставайся здесь! — строгим голосом сказал Джек и нагнулся, готовясь нырнуть в расплавленное отверстие.

— Почему? — хотела сказать Элибер, но ее слова заглушил треск хитиновых панцирей траков, бегущих по дальним коридорам на сигнал тревоги.

— Да, они скоро будут здесь, — буркнул Джек и исчез в развороченной дыре.

Элибер плюнула и нырнула вслед за Джеком. В сумерках помещения она различила огромную фигуру в бронескафандре, переключающую контакты и нервно, рывками пытающуюся высвободить тело Джонатана из проводов датчиков.

— Отпусти его, Динаро! — тихо сказал Джек.

Человек в бронекостюме медленно повернулся:

— А! Это вы! Так вы достаточно долго пробыли рядом с Джонатаном, а сейчас он принадлежит мне. Попробуйте — отберите!

Шторм хотел броситься на Динаро, но их силы были вопиюще неравны: один — в бронированном костюме лучшего образца, другой — вообще без какого-либо оружия. Когда-то Джек сам тренировал воинственного уокера, и тот обещал со временем стать одним из лучших рыцарей императора, но он сбежал из войск, так и не доучившись до конца, и Шторм отлично знал все его слабости. Конечно, Динаро всегда был человеком Святого Калина, так что обижаться на него за побег из войск не приходилось. Но то, что он задумал сделать сейчас, выходило за всякие рамки здравого смысла.

За спиной Джека коротко и испуганно вскрикнула Элибер. Кажется, до нее дошел смысл происходящего.

Динаро поднял рукавицу и полыхнул в темноту лазерным огнем. Джек пригнулся и ощутил жар пронесшейся совсем рядом с ним раскаленной струи, потом упал на пол, перекатился, у самых ног Динаро присел на корточки и, выхватив из кармана нож из небьющегося, особо прочного стекла, воткнул его снизу вверх в небольшое углубление, в котором располагался источник жизнеобеспечения скафандра.

Кинжал сверкнул в воздухе и проскользнул внутрь, но Динаро отпрянул в сторону, и кинжал выскочил. Джек сжался и хотел откатиться от уокера в бронескафандре, но не успел, и почувствовал мощный удар кованого ботинка. Слава Богу, удар пришелся по касательной, иначе грудная клетка Шторма развалилась бы, как карточный домик.

Динаро вздохнул, нагнулся и вытащил чуть окрашенный кровью кинжал из энергетического узла скафандра. Значит, Шторм умудрился не только попасть в энергоузел, но и поранить самого уокера. Потом — разогнулся, поднял Джонатана и с болью в голосе сказал:

— Не делай этого, командир!

Джек посмотрел снизу вверх на темное, совершенно непрозрачное стекло шлема:

— Я не могу позволить тебе сделать это, Динаро!

— Во-первых, ты не можешь остановить меня, а во-вторых, я выполняю задание, а ты — нет.

Джек усмехнулся:

— Ты ошибаешься, приятель. Если бы ты пробыл в составе рыцарей подольше, так ты бы получше узнал свои слабые места.

Динаро рявкнул и опять выпустил в Джека веер лазерного огня.

— А я-то думал, — сказал он, — что ты знаешь, кто наш настоящий враг!

— Я знаю, не сомневайся! — сказал Шторм и прыгнул прямо на Динаро.

— А-а-а! — громким пронзительным голосом закричала Элибер.

Джек так и не понял, из-за чего она кричала — из-за них с Динаро или из-за того, что в лабораторию один

за одним стали вползать вооруженные траки. В комнате сразу запахло горячей медью, а Шторм ненавидел этот запах гораздо больше, чем запах смерти. Один из траков выстрелил — не то в Динаро, не то в Шторма, скорее всего, он был бы рад убить их обоих. Джек опять увернулся.

— Прекратите немедленно, иначе вы поубиваете всех! — истошно закричала Элибер.

Динаро перекинул Джонатана на левую руку, а правой схватил Шторма и поднял его над землей.

— Эй, ты! — извиваясь в воздухе, попытался крикнуть Джек. Кажется, воинственный уокер все рассчитал верно — сейчас он служил отличным щитом и для Джонатана, и для Динаро.

— Не пытайся остановить меня! — крикнул уокер.

— А я попытаюсь, черт возьми! — Шторм подтянул обе ноги вверх и изо всех сил ударил каблуками в бронированное сочленение шейного сегмента. Послышался треск, и голова в шлеме явно наклонилась назад. Джек опять подтянулся и опять ударил каблуками. Шов начал расходиться.

Элибер закрыла рот руками. Она изо всех сил старалась не кричать. Разве найдется на всем белом свете хоть один человек, готовый вступить в схватку с рыцарем в бронескафандре, будучи при этом и безоружным, и абсолютно никак не защищенным!

Динаро чертыхнулся и полез в массивную дыру во внешней стене помещения.

Траки больше не ждали. Их жертва убегала, и они, вскинув лазерные винтовки, стали палить во все подряд. Элибер кричала до какой-то одуряющей хрипоты. Динаро разжал перчатку и бросил Джека, покрытого волдырями от лазерных ожогов, на пол, потом выстРЕ

лил и уложил прямо на месте несколько траков, повернулся и молниеносно покинул поле боя.

Секундой позже явился массивный лохматый Крок, а за ним — перепуганная медицинская служба. Элибер с негодованием посмотрела на охрану — проклятые, мерзкие, кровожадные жуки! — потом обвела взглядом помещение.

Все вокруг было забрызгано кровью. Боже мой, сколько ее здесь было! Казалось, что воздух пропитался насквозь ее тяжелым соленым запахом. Элибер наклонилась к Джеку. Его руки были скользкими от крови и абсолютно холодными, он был в сознании — веки то и дело подрагивали, и глаза блестели сквозь ресницы естественным и болезненным блеском.

* * *

Видеть Джека в кровати для тяжелобольных было ничуть не лучше, чем стоять у наглоухо закрытых дверей операционной. Элибер тяжело вздохнула. Только горячее, воспаленное лицо Шторма было свободно от бинтов. Лихорадка красно-синими пятнами горячила щеки. Тело Джека было похоже на кокон шелковичного червя, лежащий среди паутины проводов медицинского оборудования. Он лежал совершенно неподвижно, даже грудь не поднималась от дыхания... хотя в холодном сне этого и не должно было быть. Вандовер Баластер следила за Элибер молчаливой тенью, но она решила не обращать никакого внимания на его присутствие.

— Еще чуть-чуть, и Джек был бы мертв, а этот кретин радуется, видя, как я мучаюсь, — с горечью подумала она.

Вандовер подошел ближе и положил руку ей на плечо. Элибер непроизвольно дернулась.

— Из-за полученных повреждений, — вкрадчиво сказал министр, — Шторму придется побывать под наблюдением в течение двух недель. Доктора попросили меня сообщить вам об этом.

Кажется, Баластер давно привык быть плохим вестником, и это совсем не печалило его.

— Сколько это нужно будет для сохранения здоровья, — бесстрастным голосом ответила Элибер. Баластер постоял рядом с ней еще какое-то время и, не найдя, что сказать, повернулся и вышел. На глаза Элибер накатились слезы и мелким осенним дождичком закапали на лицо. Шторму все-таки имплантировали его память, и сейчас Элибер очень хотела разделить с ним щемящую радость этой долгожданной победы, но слезы капали и капали, и какие-то странные мысли мелькали в голове: а что, если человек, которого она так любит, проснется совершенно *другим*?

К тому же, ее очень беспокоило то, что лента с записью памяти Джека осталась в руках их сомнительных союзников, — да какое союзников! — попросту заклятых врагов. Броде бы, император выполнил свое обещание и вернул Шторму все его воспоминания, но кто знает, что будет дальше?

ГЛАВА 5

Он опять был молодым, веселым и жаждущим жизни, хотя внутри него все заледенело. Создавалось впечатление, что его охладили всего целиком. Впрочем, это было почти невероятно — вряд ли армия пойдет на риск и погрузит в холодный сон молодого, совсем еще необстрелянного рекрута... это слишком дорогое удовольствие.

Да, он попался на удочку, и теперь над ним нависал, как какое-то огромное веретено, неопознанный космический объект.

— Без бронекостюма нет солдата. А если кто-то из вас сейчас не рассыпал этих слов, так мы повторим их вам еще две тысячи раз! Все вы прошли курс начальной военной подготовки, но это еще далеко не все. Только лучшим позволено носить боевое оружие, а вы... вы совсем не кажетесь мне лучшими. Не так ли?

— Нет, сэр.

— Погодите! Я выжму из вас все, что возможно, и те, кто пройдет мою науку, окажутся действительно лучшими! Конечно, я делаю это совсем не потому, что лично вы мне нравитесь, просто — это моя работа — отбирать в рыцари самых лучших. А когда вы станете достойны носить оружие, вы не найдете на этих лужайках никого, кто лучше меня сможет объяснить вам, что вы достигли своей цели, и научить вас не зависеть от

собственного скафандра, а управляться с ним, дружить со своим костюмом, как с человеком, есть и спать в нем, чинить все возникающие поломки. Вы меня поняли, парни?

— Да, сэр!

А еще... Наконец-таки Джек мог вспомнить это отчетливо и ясно... еще у него была мать. Каштановые волосы, бледно-рыжие, почти незаметные веснушки, синие глаза, смотрящие через залитое солнечным светом поле.

«До свидания!» — крикнул он ей и скрылся за роющей шумящих на ветру деревьев.

Да, теперь он помнил все. Он победил свои собственные немощи и обуздал бронескафандр, потом — попал на Милос. Тракианские пески поглотили его родную планету Дорманд Стэнд и еще — полдюжины планет Доминиона. Останки его матери теперь покрывает сыпучий безжизненный тракианский песок. Кто оплакал ее смерть? Никто... даже он, Джек, мог сделать это только сейчас.

Он хотел заплакать, но внутри него было так много холода, что слезы замерзали, так и не дойдя до глаз.

* * *

Пепис оторвал взгляд от информационного экрана. Его рыжие волосы плавали в облаке излучаемого его собственным организмом электричества, как яркие солнечные протуберанцы. Он нажал на клавишу и выключил компьютер, увидев, что Вандовер Баластер нервно мнется у дверей.

— В чем дело? — недовольным голосом спросил император.

Вандовер посмотрел на темный, только что отключенный экран:

— Из госпиталя сообщили, что передача записи памяти в мозг Шторма вот-вот закончится.

— Так быстро! — Пепис положил на стол карандаш с золотым набалдашником.

Баластер даже сжал кулаки — он совсем не хотел показывать императору свои эмоции.

— Эта процедура длилась целых двенадцать дней.

Император крутанул вертящееся кресло. И без того худой, за последнее время он здорово состарился и стал как бы усыхать. Жаркое солнце Мальтена никогда не покрывало его кожу загаром, только веснушки — яркие, рыжие, кричащие — усыпали нос и щеки каждую новую весну. Осторожные зеленые глаза остановились на Баластере:

— Ну и что мы будем иметь, когда он очнется? Это будет наш послушный инструмент или опасная бомба замедленного действия?

Министр наклонил голову. Он бы отдал черту свою душу, чтобы хоть краешком глаза заглянуть в те сообщения, которые всего минуту назад мелькали на голубом пространстве экрана, теперь черного и безжизненного. Но Пепис никого не допускал к этой информации. Что же — ведь именно контроль за централизованной информационной системой помогал императору удерживать власть на всех планетах Триадского Трона и держать первенство в мирах Доминиона. Рериг, который сидел на троне до Пеписа, тоже отлично управлялся с этим, но нынешний император был воистину виртуозом. Вандовер подавил клокочущую в сердце злость:

— Я думаю, мой император, что у вас будет отличная машина для войны.

— Так ли это? — Пепис покачал ногой в кожаном домашнем шлепанце. — Последнее время нам приходится довольствоваться одними надеждами. А где Элибер?

— О, Элибер насторожена. — Лицо Вандовера сделалось озлобленным и ожесточенным, и Его Величество сразу же заметил это:

— Ну, она все-таки женщина! — сказал император негромко и насмешливо, потом замолчал, прислушиваясь к еле слышным шагам в коридоре. Все, что Баластер думал о подруге Шторма, Пепис понимал едва ли не лучше самого министра. — Если наш план сработал, — он потянулся и откинулся на спинку кресла, — значит, мой трон спасен.

— Насколько я понимаю, — кашлянул министр, — леди Элибер потеряла для нас ценность.

— О! — теперь уже довольно громко хихикнул император. — Она будет нам нужна столько же, сколько будет нужен Джек.

Вандовер недовольно поморщился:

— Но вы ведь сможете сказать ему, что выслали Элибер за пределы города в целях ее же безопасности. В конце-то концов, Мальтен окружен уокерами, а наши отряды контролируют только небольшие лазейки для доставки продовольствия.

Пепис зажмурился и расхохотался как мальчишка:

— А я бы на месте Джека нам не поверил!

— Но вы же его император!

— У свободного человека не бывает императоров, — махнул рукой Пепис. — А Элибер и есть та единственная заложница, которая может удержать Шторма во дворце. — Пепис ласково погладил провода, соединяющие между собой разные компьютеры коммуникацион-

ной сети. — Она ваша, Вандовер, но только тогда, когда Джека не будет на планете. Но что бы вы с ней ни сделали, я не хочу, чтобы при этом оставались следы, ведущие к нам обоим. Ясно?

Вандовер почти не мог сдерживать себя. Какой-то жестокий жар пронзил его грудь, будто бы внутренности прокалывали пикой.

— Мудрое решение, — выдавил он. — В конце-то концов, она — обыкновенная преступница.

— Обыкновенная — это то слово, которое к ней меньше всего подходит, — пожал плечами Пепис. — Сообщите мне, когда Шторм проснется, — император повернулся к экрану, и его пальцы, как юркие розовые бабочки, запорхали над клавиатурой.

Вандовер поклонился и вышел из комнаты. Он бы многое отдал, чтобы узнать, что сейчас вспоминает Джек Шторм.

* * *

Песок закрывал весь горизонт. Джек выругался и посмотрел на ремонтные линии, оборудованные прямо под открытым небом. Черные, красные, белые и зеленые бронекостюмы, требующие срочного ремонта, грудами лежали поверх трахианского песка. Где-то далеко слышалась стрельба. Шторм провел пальцем по запаянному шву лежащего у его ног скафандра — что за чушь! Да этот шов развалится не только от удара трака, от любого дуновения встречного ветерка! Угрюмый милосец посмотрел на него снизу вверх.

— Я знаю, что жарко, — посмотрел Джек на мохнатого аборигена. — И все-таки в системах циркуляции бронекостюмов не должно быть никакой пыли. — Жалкое подобие полотняного навеса хлопнуло у них над

головой, и полосатая тень прошла по медвежьей морде милюса.

— Лейтенант, — ответил рабочий густым рокочущим басом. — Мы делаем все, что возможно. А потом, пыль, насколько я понимаю, — наименьшая из ваших проблем.

— Меня интересует, — резко ответил Джек, — благополучие моих людей. Солдаты постоянно жалуются на то, что вооружение не ремонтируется должным образом и не обеспечивается энергией. И еще... я не желаю слышать о том, что кто-то из вашей команды растаскивает наши ресурсы.

Милюсец недовольно замолчал. Его бегающий взгляд почему-то напомнил Шторму взгляд свиньи.

— Вы можете мне и не верить, лейтенант, но мы делаем для ваших людей все возможное. И ваш комплект оружия тоже будет готов вовремя, — милюсец махнул лапой и сплюнул в едкую, бежево-серебряную пыль. — Вам надо беспокоиться только о траках. О траках и о их песке.

Утерянная память вновь ожила в Джеке. Чего только не видел он в ярких, мучительных снах! Он вспомнил обо всем — и о том, почему он ненавидит траков, и о том, какие тайны хранит в себе трекианский песок, и о том, почему он не доверяет милюсцам. Он вспомнил — что значит воевать без энергозапаса, когда почти невозможно двигаться, и могилой рыцаря становятся его собственные доспехи. Он снова вкусили горькие плоды поражения на Милюсе и ужас преданных солдат, покинутых своими главнокомандующими. Теперь он знал, что император Рериг, которому когда-то присягали и он, и его солдаты, стал жертвой обмана со стороны собственного племянника Пеписа. Что ж! Рериг запла-

тил за это сполна — он потерял трон и лишился жизни. А еще он вспомнил, что транспортные корабли никогда не прилетят к людям, за исключением, может быть, нескольких.

...Да, к рыцарям всегда относились как к пушечному мясу. Сколько всего сумел он вспомнить за эти дни! Но о чем бы ни думал Шторм — о детстве, родителях, юности, — в его мыслях всегда оставалась какая-то странная тень. Как змея из адского подземелья, она ползла за летящими мыслями и проглатывала их. Джек думал, думал... но не мог остановить свои мысли!

Что же это за змея, пожирающая все, что удалось ему вырвать у своего прошлого? Ему очень жарко в бронескафандре. Со лба капает пот и постоянно заливает слипающиеся глаза. Датчики на коже невыносимо щиплют. Ладно, хотя бы замшевая прокладка на спине поглощает излишнюю влагу. Их атакуют траки.

Джек понимал, что это — всего лишь вернувшаяся память, и все-таки атака является для него реальностью. Его обманули снова. Как странно движутся его мысли! Почему-то и дело перед его глазами возникает какая-то светящаяся дуга? Ну вот, он опять попался в ловушку к тракам, и его люди разбиты, энергии в бронескафандрах почти нет, так что — рано или поздно их поглотят тракианские пески. Джек ощущает на своей спине дыхание новой жизни: белый пылающий огонь, пожирающий ненасытную змею!

...А это что такое? Скафандры его солдат разваливаются, как скорлупа, выплевывая из себя огромных ящероподобных существ. А-а! Милосские берсеркеры! Как много слухов ходило в казармах об этих чудовищах! Шторм всегда считал эти слухи признаком трусости и бредом, но вот — они оказались верными. Эти

чудовища выводятся прямо из тел рыцарей, пожирая их и превращая чужую плоть в свою собственную. Отвратительные, скользкие гофрированные тела вырываются на волю и без разбора атакуют и рыцарей и траков. А! Это все проклятые милосцы! Это они, понимая, что теряют свой мир навсегда, подсунули в энергоскафандры вирус этой дряни.

И все-таки Штурм очень хочет жить. И верит, что именно жажда жизни сможет провести его через все испытания.

...Огонь, посыпаемый энергоперчатками, все еще поражает траков. Их хитиновые панцири трещат, отламываются и корчатся в пламени. Сколько же он их уничтожил? От постоянного лазерного огня его костюм нагрелся до невозможной температуры. Жарко! Жарко! Ну вот! А ведь еще немногого, и в пылу сражения он не услышал бы его! По каналу связи поступает особо важное сообщение: транспортный корабль наконец-таки спускается на песчаную площадку.

...О Боже мой! Похоже, что их соскребают с поверхности Милоса, как раздавленных жуков... да, довольно-таки жестокий каламбур! И все же... Вот это — все, что осталось от лучших бойцов Доминиона? Да, он хорошо знает, что такое усталость после битвы и что такое шок, но он должен идти вперед, и он хватается за поручни и влезает на транспортный корабль. Кажется, из всех оставшихся в живых только один Джек и держится на ногах.

Борттехник помогает Джеку снять бронекостюм. Пот стекает с тела густыми липкими ручьями. Наконец-таки Джек сбрасывает криогенные ботинки и подходит к щуплому человечку, который уточняет лично-

сти вновь прибывших по отпечаткам ладоней и узорам глазных яблок.

Медицинская сестра в криогенном отсеке дает ему в руки узелок:

— Тебе понадобится это, солдат. Душ направо, а это — номер твоей криогенной капсулы. Да, а еще... спрячь этот узелок в капсуле, а уже потом отправляйся в лабораторию.

Медсестра явно не хочет смотреть Шторму в глаза. Конечно, ей некогда, но все-таки он говорит:

— Мы потеряли Милос.

— Да, да... — как-то странно отвечает она.

— Очень жаль. Я так старался!

За спиной Шторма уже переговариваются грязные и утомленные рыцари. Сестра пожимает плечами:

— Но ведь не ты один отвечаешь за эту войну. Пойми, нам очень некогда. Мы должны успеть вывезти отсюда людей до того, как эти проклятые жуки поймут, что они победили.

...Они — это армия. Во всяком случае, еще совсем недавно каждый из них думал именно так. А сейчас все, чего они хотят, — так это хорошего горячего обеда, и еще раз — хорошего горячего обеда, а потом — незамедлительного отдыха на несколько дней. Впрочем, отдых у них будет. Каждому предстоит впереди несколько месяцев холодного сна. Их корабль огромен и почти весь сверху донизу уставлен криогенными модулями, здорово смахивающими на гробы. Джек пробирается по коридору к шкафчику со своим бронекостюмом и открывает дверцу.

— Ваше оружие инфицировано, — сообщает механический голос. Ну да, вот тут, в стенке, скрыт микрофон! — Скафандр должен пройти карантин и специальное

медицинское обследование. Впоследствии он будет либо промыт, либо уничтожен.

Есть оружие – есть солдат, нет оружия – нет солдата.

– Всем выстроиться и разбиться по группам. – Ага, это уже общая команда для всех эвакуированных. Вокруг устало пошаркивают те, кто еще кое-как держится на ногах. Шторм пытается убедить себя в том, что он – счастливчик. Ведь на Милосе погибли тысячи, и погибли только для того, чтобы несколько сотен оставшихся в живых смогли добраться до дома. А он, Джек Шторм, – все еще рыцарь, он все еще носит оружие, а значит, даже из этого беспримерного поражения он должен будет вырвать какую-то, пусть даже и маленькую, победу.

Шторм опять пытается соединить воедино прошлое и настоящее. Но темная змея вновь набрасывается на его воспоминания и пожирает, пожирает, пожирает их. Он пытается открыть глаза, но его веки заволакивает холодный лед.

ГЛАВА 6

Капсула, похожая на плетеную лодку, резко покачнулась и отделилась от корабля. Боуги настроил компьютеры небольшого кораблика на наблюдение за атфарелами. Когда человеческий крик, горячий, как лазерный луч, раздался в наушниках его скафандра, страх и боль сжали все существа Боуги. Тогда бронескафандр лежал в контейнере, поставленном в крошечной аппаратной рубке корабля, и Боуги не заметили враги.

Конечно, боль и страх были знакомы Боуги. Джек Штурм провел его через множество таких испытаний. И все-таки чувства, на этот раз возникшие в нем самом, вызывали ощущение стыда и неловкости. Как это так — позволить напасть на себя страху? Это было для Боуги полным откровением. Хотя, вспоминая разговоры с Джеком, он понимал, что достаточно пожил и научился бояться смерти. Теперь ему было понятно, почему иногда Штурм колебался во время боя и старался выбрать самый оптимальный и самый безопасный ход. Ведь обратной стороной войны была смерть, а любое живое существо на свете боялось ее.

Нет, Боуги совсем не лелеял в себе это неприятное чувство. Он был солдатом и знал, что такое вкус войны и победы. А теперь, вспоминая тосклиwyй крик Калина,

он понимал еще и другое — и ему, непонятному существу Боуги, суждено постоянно меняться.

Боуги постарался отогнать от себя мрачные мысли. Он должен дождаться Джека. Ведь Святой Калин обещал, что рано или поздно Шторм появится здесь, и тогда Боуги покажет ему путь. Но для этого ему следует зарядить бронескафандр и обеспечить себя энергией, столь необходимой для продолжения жизни. Он будет ждать Джека. Он не будет слушать запись о взятии в плен Святого Калина.

* * *

Человек, смотревший на Баластера с экрана компьютера, не проявлял никаких эмоций, да министр и не рассчитывал на это. Желтая кожа и расширенные от частого применения наркотиков зрачки выдавали в его собеседнике постоянного жителя мальтенских трущоб.

— А кто это будет? — тихо спросил человек.

— Неважно — кто, — нетерпеливо отмахнулся Баластер. — Я передам вам тело... а вы... вы как следует приготовьтесь к тому, чтобы инсценировать убийство в трущобах.

— Хорошо, — какая-то тень проплыла по лицу старика. — Но вы должны предупредить меня об этом за двадцать четыре часа.

— Считайте, что я уже предупредил вас.

Резкие глубокие морщины обозначились вокруг глаз неизвестного.

— Хорошо. Я с этим справлюсь. А что делать с опознавательным чипом?

Широкая довольная улыбка расплылась по лицу Вандовера:

— А у нее его нет, так что — делайте, что хотите.

Он нажал на кнопку отключения связи, и экран погас.

Большая или маленькая, а все-таки это была удача. Вандовер потер руки и решил еще раз обдумать все как следует. Тело Элибер никогда не удастся идентифицировать должным образом, ни вообще отыскать. Ну, а если ее все же найдут, все вокруг этого преступления будет указывать на неимоверные зверства Зеленых Рубашек.

Лампочка вызова связи опять зажглась на панели компьютера. С Вандовером желали поговорить. Отвечать ли? Баластер сомневался. Если это Пепис, он потребует от него срочного доклада о происшествиях за два последних дня, а он еще не просмотрел отчеты полевых командиров. Информация поступала к нему и из служб Полиции Мира, и от дворников, и от вахтеров — от тысяч и тысяч ничем не приметных людей. Частицы этой информации были слишком драгоценны для того, чтобы игнорировать их. Вандовер вздохнул и все же решил выйти на связь.

Экран оставался темным. Значит, человек, говорящий с ним, не желал, чтобы Баластер видел его лицо. И все же аппаратура записывала голос, а значит, вероятность розыска неизвестного с каждым словом увеличивалась.

— Министр? — спросил невидимый собеседник.

— Да, — ответил Баластер и зажмурился от дикой смеси диалектизмов мальтенских трущоб и странных словечек, вывозящихся обычно с планет, примыкающих к внешней границе:

— Несколько лет назад вы разыскивали *оружие*... изготовленное на заказ.

Холодная дрожь пробежала по спине Вандовера

— Оружие?

— Да, *оружие*, изготовленное для специальных целей. Когда-то вы обыскали весь Мальтен, чтобы отыскать его. Но потом Уинтон погиб, и след оружия потерялся

— А-а! — неопределенно сказал Баластер и вздохнул, потом вытер со лба пот. — Ну так вы его нашли?

— И да и нет, — уклончиво сказал собеседник. — Во всяком случае, я знаю, о каком человеке идет речь, а дальше вы уже сможете разобраться без меня.

От напряжения у Вандовера побелели костяшки пальцев. Ведь Уинтон умер, так и не успев передать ему всей информации. Конечно, они не очень доверяли друг другу и, прямо сказать, были не лучшими партнерами. А это сугубо секретное оружие они готовили долгих пятнадцать лет. К сожалению, Баластер не смог получить доступ к секретным файлам Уинтона, но теперь... теперь нужная информация сама шла к нему в руки.

— Хорошо, — быстро ответил министр. — А как мне проверить правильность вашей информации?

Информатор помолчал минуту, а потом удивленно ответил:

— Но вы ведь знакомы с программированием подсознания. Скажите ключевое слово, и убийства последуют одно за другим.

— Так... — Баластер пару минут подумал. — Ну и кто же олицетворяет собой то *оружие*, которого мне так не хватает?

— Его готовил уличный пройдоха Рольф с двумя подростками. В общем-то, это обычные мерзавцы. Но его контакт с Уинтоном был хорошо замаскирован. Он подготовил для убийств девушку по имени Элибер.

Сейчас ее нет в трущобах Мальтена, и еще — у нее никогда не было опознавательного чипа.

— Прекрасно, — холодно ответил Вандовер. — Прекрасно. Об остальном я сам позабочусь.

Так вот почему Уинтон до сих пор не устранил Элибер! Баластер понял это только сейчас. Это же надо! Та, которую он искал так долго, все эти годы была у него под носом! Конечно, они с Уинтоном ревностно хранили втайне друг от друга каждый — свою часть плана. Бывший шеф мальтенской полиции не был знаком с психическим программированием, поэтому он тщательно скрывал от Вандовера имя объекта их деятельности, а Вандовер, в свою очередь, прекрасно разбирался во всем, что было связано с насилиственным вторжением в чужое сознание.

«Уинтон, дорогой, вы были умницей!» — подумал министр и нежно погладил пальцами клавиатуру компьютера. Значит, удар по Элибер должен быть отменен. Или... постепенное, медленное затягивание петли — тоже хорошая тактика. Ну-ка, а если припомнить хорошенько? После возвращения с Битии эта леди была гораздо более покорной. Баластер отдал бы свою правую руку, чтобы подробно узнать обо всем, что случилось на этой кровавой планете. Ведь именно там планы почти всемогущего Уинтона пошли вкривь и вкось и вместо исполнения всех желаний привели предшественника Вандовера к смерти. А может быть, Элибер уже не была способна к выполнению той функции, к которой ее готовили так долго и тщательно? Во всяком случае он, Баластер, никогда не ощущал в ней скопления психических сил. Действительно... А ведь Уинтон твердил, что убийца, которого готовят для них, это настоящий талант, совсем непохожий на тех шарлата-

нов, к которым коллекционировал Пепис в своем восточном крыле дворца, и к тому же талант крупный – удар этого убийцы может быть направлен прямо в сердце или в мозг и действует мгновенно и безотказно.

Видимо, прежде, чем начать какие-то действия, Баластеру надо как следует изучить всю информацию, имеющуюся в файлах Полиции Мира. А еще... ну конечно, ему могла бы здорово помочь ростовщица Сэди – ведь она не один раз давала девушки приют. Сэди обязательно согласится сотрудничать с ним – ведь она деловая женщина, поднаторевшая в искусстве компромиссов, этакий тростник, колеблемый, но не ломаемый ветром.

Вандовер достал из кармана чистый носовой платок и вытер вспотевший лоб. Ладно-ладно, будет ему нервничать! Чему быть, того не миновать. Если окажется, что девушка утратила свои психические способности, он успеет устраниТЬ ее.

ГЛАВА 7

Элибер заснула прямо в коридоре, у дверей операционной, в которой Джек Шторм обретал свою потерянную память. Какой-то тухлый запах, характерный для траков, их щелканья и скрипты, их страшная, почти материальная злоба наполняли помещение.

За дверями операционной слышались оживленные голоса. Элибер открыла глаза и потянулась в оккупированном ею мягким кресле. Что ж, ей удавалось сохранять бдительность и в других, более опасных, чем это, местах. Чего стоили, например, одни кишащие убийцами мальтенские трущобы! А Бития... А другие, мало кому ведомые планеты, на которых она ждала Джека, ждала и не могла дождаться, и такая черная, страшная, всепоглощающая тоска охватывала все ее существо-

врач в белом халате и высоком крахмальном колпаке выглянул в коридор из дверей подсобного помещения и, увидев Элибер, сказал:

— Передача записей с памятью закончилась. Через пару часов адаптации Джек Шторм сможет принимать посетителей.

Элибер вскочила с кресла и побежала к доктору:

— Как он?

— Как вам сказать... — доктор кашлянул. — Нам пришлось к ленте с его памятью прицепить особый компьютерный вирус, который должен помочь адапти-

роваться. Ведь с тех пор, как Джек утратил свои воспоминания, прошло много лет!

— Я не поняла... — тревожно переспросила Элибер.

— Так что вы сделали?

Врач оглянулся через плечо и посмотрел, что происходит в лаборатории за его спиной, потом глянул в глаза Элибер, и жесткая складка вокруг его волевого рта едва заметно дернулась:

— Нам пришлось добавить ему небольшую ориентационную программу.

— Да, да, кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, — посиневшими губами пробормотала Элибер. — А кто, черт побери, все это санкционировал?

— Пепис, — еле слышно ответил врач и вошел внутрь лаборатории. Дверь за ним бесшумно закрылась.

— Черт! — пробормотала растерянная Элибер и сжала руки в кулаки. Траки у дверей операционной вели себя как-то странно. Когда-то Джек учил ее читать выражения на этих лицах-масках, и все же она никогда не могла до конца справиться с этой наукой. Вот сейчас — они приказывали ей что-то? Или негодовали от того, что она нарушила какие-то правила?

— Не беспокойтесь, ребята, — махнула рукой Элибер и решила больше не обращать никакого внимания на жуков, гораздо больше ее интересовало другое — что там опять натворил Пепис?

— Послушайте, — обратилась она к командиру траков, стоявшему чуть-чуть поодаль. — Я прошу сделать это для вашего же блага. Вы ведь знаете, что Джек Шторм не переносит траков, а через пару часов он выйдет из лаборатории. Так не лучше ли заменить охрану? — Элибер улыбнулась и вышла. Какое-то странное предчувствие шевельнулось у нее внутри. Что де-

лать? Она должна была что-нибудь сделать. Элибер спустилась по розовой мраморной лестнице и прижалась лбом к резной раме круглого, как в трюмах корабля, застекленного цветными стеклами окна.

Чьи-то осторожные шаги раздались прямо у нее за спиной. Кто это? Элибер обернулась. Ах, вот в чем дело! Прямо рядом с ней стоял министр Его Величества Вандовер Баластер.

— Леди Элибер?

— Министр... — тихо отозвалась она, и вдруг ее существо наполнилось необъяснимой, иррациональной радостью. Да, ей опять удалось как-то противостоять Вандоверу, пока Джек находился в руках врачей. А скоро ее любимый будет вместе с нею. Будет ли... эта дополнительная программа, которую велел ввести в его мозг Пепис... что было заложено в ней?

Холодные глаза Вандовера сверкнули так, будто бы он мог прочитать все ее мысли. Отчаянная радость, только что наполнившая ее, сразу же сменилась яростью. Но Элибер умела держать себя в руках и умела управлять своими чувствами.

— Я ждал вас, — сказал министр, — и был крайне удивлен, не обнаружив вас у дверей операционной. Врач сказал мне, что говорил с вами. Да, кстати, вы сегодня прекрасно выглядите.

— Благодарю вас, — сухо кивнула Элибер. — Когда я смогу увидеть Джека?

— Сейчас. Конечно, если вы готовы.

Она заколебалась. Слишком много мучительных мыслей заполняло ее мозг. Они наплывали и теснили друг друга так, что Элибер не могла уследить за ними и никак не могла их рассортировать. Да, да, да, в конце-то концов Джек победил, но что это будет озна-

чать для нее... нет, для них обоих? И потом, почему он не вышел из операционной и не встретил ее?

— Я жду вас, леди! — мягко подтолкнул ее Баластер.

— Да, да. — Элибер положила руку на розовые мраморные перила лестницы и стала медленно подниматься вверх. Ее длинный плащ шелестел за спиной что-то неуловимое и страшное. Она еле слышала этот шелест, и все-таки ей казалось, что это не плащ, а шелестящий злобой шепот министров Пеписа летит за ее спиной.

— Что за зловещая примета! — растерянно подумала она и переступила порог операционной.

Джек сидел к ним спиной. Чистый белый свитер, надетый на клетчатую рубашку, только оттенял бледность его кожи. Он оглянулся на Элибер. Помощники главного врача считывали показания с медицинских мониторов. Тонкие разноцветные проводки все еще соединяли запястья Шторма с многочисленной медицинской аппаратурой.

— Я буду готов через час, как только медики убедятся в том, что мой сахар в крови пришел в норму, — обернувшись, сказал Джек.

— Договорились, — кивнул Баластер и приказал охране выйти в коридор.

Элибер подошла к Шторму и вздрогнула, увидев какое-то незнакомое выражение в его глазах. Кажется, на этот раз ей придется нарушить все свои правила.

— Джек, — твердо сказала она. — Послушай меня внимательно. Сейчас ты играешь на пользу им. Император велел добавить дополнительную программу в петлю твоей памяти. Только один Бог знает, что они вписали туда.

Злая, безудержная ярость вспыхнула в его глазах:

— Богу это знать совсем не обязательно, — тихо сказал он. — Но я не смогу сказать тебе того, что ты хочешь услышать. Больше нас с тобой ничего не связывает.

Элибер остолбенела. Жгучая боль перехватила ее горло.

— Я сожалею, — сказал Джек и нерешительно посмотрел на нее. — Но в ближайшее время я должен буду заменить пропавшего главу в общине уокеров, а к этому надо очень много готовиться. Вы... Вы простите меня...

— Значит, ты все-таки хочешь отыскать Калина? — по инерции спросила она.

— Я солдат, и мне приказали это сделать, так что... у меня нет выбора, — пожал плечами Джек.

— Кажется, у меня тоже нет выбора! — крикнула Элибер и выскочила из лаборатории. Джек не окликнет ее и не попросит вернуться — это она уже успела понять.

— Куда же вы, Элибер! — Вандовер Баластер поймал ее за локоть как раз на повороте в соседний коридор. Она проглотила слезы и тихим твердым голосом сказала:

— Оставьте меня!

Баластер покачал головой:

— Что бы вы ни думали, а я не несу ответственности за то, что произошло с Джеком Штормом.

— Вы убили его! — отчаянно крикнула Элибер и попыталась вырвать свой локоть из сильных рук министра.

Вандовер вздохнул:

— Могу согласиться с вами — это здорово походит на убийство, но у императора Пеписа достаточно рук для выполнения грязной работы, — щеки Баластера покраснели от напряжения. — Не в моих правилах

выводить людей из игры именно тогда, когда нам больше всего нужны их таланты.

Элибер оглянулась, ища хоть какой-нибудь защиты, но вокруг не было ни рыцарей, ни траков — кажется, министр заранее приказал очистить этот коридор.

— Что вам от меня нужно? — резко спросила она.

— Я думаю, — голос Баластера был странно ласков и вкрадчив, — что мы с вами добиваемся одного и того же. Не стоит посыпать только что появившегося на свет человека в водоворот неприятностей и войн, о которых он разве что смутно догадывается.

— А разве... — Элибер задержала рвущийся наружу крик, — эту ситуацию можно хоть как-то исправить?

Баластер улыбнулся и поджал свои пухлые губы:

— Я хотел бы послать вас вместе с ним, дорогая Элибер, вы ведь могли бы прикрыть его с тыла.

Элибер фыркнула:

— Легче вступить в союз с милосским берсеркером, чем с вами, многоуважаемый министр!

Бровь Баластера насмешливо дернулась, а его липкие пальцы еще сильнее сжали ее запястье.

— Не играйте со мной в игры, леди Элибер. Вы ведь знаете, что я не слишком-то высокого мнения о вашей персоне.

— А я — о вашей, — крикнула она и изо всех сил топнула каблуком о мраморные плиты пола.

— Итак, — Вандовера явно не задел за живое ее ответ. — Мы прекрасно понимаем друг друга. Конечно, у каждого из нас в этой игре свои цели и свои мотивы, но я могу предложить вам следующее: у мадам Сэди хранится петля вашей памяти. По моим сведениям, во время пребывания на Битии вы потеряли многие из своих способностей. Если вы хотите каким-то образом

помочь Джеку, вам надо их восстановить. Я помогу вам сделать это, причем — в очень короткое время. Лента с записью памяти будет готова буквально через несколько часов. Вы согласны?

У Элибер раскалывалась голова. Мысли скользили, путались, свивались в запутанные клубки — как нити разноцветной пряжи, с которыми решил поиграть котенок. А где она, та главная красная нить? Элибер не видела ее. Опять стать убийцей, опять позволить подвергнуть себя подсознательному программированию? Да она ведь совсем недавно прошла через все эти муки ада, так зачем же добровольно соглашаться на то же самое во второй раз? Как зачем? Для того, чтобы помочь Джеку...

А потом... Вряд ли Баластер и сам знает достаточно хорошо все то, что предлагает ей сейчас. Он может реконструировать приемы какого-нибудь уличного хулигана, но с ней... нет, у министра не было возможности узнать все ее секреты. А потом... вполне возможно, что на этот раз ей удастся проконтролировать свой инстинкт убийцы. Рольф был мертв, и ни одно существо в мире не могло запустить в ход ту мину, которая когда-то была заложена на уровне ее подсознания.

Элибер неуверенно улыбнулась и качнула головой:

— Хорошо. Думаю, что мы договорились.

Темные глаза Баластера сверкнули какой-то адской радостью.

— Хорошо. Хо-ро-шо, — медленно сказал он и отпустил ее запястье.

ГЛАВА 8

Джек посмотрел вслед молодой женщине. После ее ухода в воздухе остался след дорогих духов и какой-то смертельной, незаслуженной обиды. Она будила в нем воспоминания, но все же — оставалась для него загадкой. Тайной за семью печатями. Джек повернулся к компьютеру и вынул из него только что прослушанный диск.

И его тело, и его мысли после пробуждения оказались совершенно чужими. Он вспомнил свою юность, но забыл все последние годы. Он стал старше, но как? На его теле были шрамы, но откуда они взялись? Кажется, когда-то он любил эту женщину, но она была ему совершенно незнакома. Конечно, пока он не был стариком. Его физический возраст тянул где-то на двадцать пять — тридцать лет, хотя реальный возраст его жизни уже приближался к пятидесяти. Джек поправлялся быстро, хотя кожа, испещренная рубцами, в нескольких местах сильно болела. Ах, эта кожа! С некоторых пор он напоминал себе странное существо, завладевшее другим телом и живущее в нем. А тот, который раньше называл себя Джеком Штормом, ушел в небытие. Каким он был? За что сражался и что любил? Все это оставалось полной загадкой.

Нынешний Джек Шторм мысленно извинялся перед другим, убитым им Джеком, кажется, он на самом

деле воспользовался его жизнью, но сделать с этим он уже ничего не мог. Тот, убитый Джек не мог поделиться с ним воспоминаниями. Только какие-то смутные предостережения то и дело вспыхивали в мыслях. Итак, он опять был человеком, живущим половиной своей жизни, только теперь он помнил ее начало и не помнил конца.

— Командир Шторм! — в операционную заглянул главный врач госпиталя. — Мы закончили все процедуры. Кстати, сейчас вас хотел бы видеть император Пепис.

Для того, чтобы хоть как-то ввести его в курс событий, ему только что дали пленку, содержащую конспективный обзор недавних лет его жизни. Теперь он имел кое-какие представления о том, кто был его другом, а кто — врагом, и мог поговорить с императором.

* * *

Элибер непроизвольно поежилась. Ее очень пугал холодный сон. Правда, она совершенно не собиралась показывать этого Вандоверу Баластеру. Она опустила веки и плотно сжала губы — пусть не дрожат! — а потом как можно плотнее закуталась в теплую пушистую шаль.

Такси резко затормозило. Вандовер открыл дверь и положил в ее ладонь маленькую кассету. Она даже не взглянула на нее.

— Надеюсь, что здесь нет никаких сюрпризов? — резко спросила Элибер.

— Ну что вы! — Баластер затряс головой. — Посмотрите внимательно — на кассете печать мадам Сэди.

Элибер бросила кассету в карман юбки. Сэди, Сэди... Когда-то Сэди была ее лучшей подругой, а теперь вот в который раз предает ее. Вся эта ситуация была насквозь пронизана ложью.

— Может быть, вы хотите, чтобы я сопровождал вас? — услужливо спросил министр.

— Нет.

Баластер не удивился этому ответу:

— Очень хорошо. В таком случае, я вернусь за вами завтра.

Ну да, конечно, он просто предупреждал ее о том, что без него она не имела права покидать помещения. Наверное, отсюда надо было бежать. Но у нее не было выбора.

* * *

Император Пепис ожидал Шторма в зале для аудиенций. Зал был пуст, только расшитые золотом военные знамена торжественно свисали со стен да легкий ветерок шелестел цветами, обвивающими свод мраморного полукруглого купола. На огромном старинном троне император Триадского Трона выглядел очень маленьким и очень несчастным. Джек ни за что не узнал бы его, если бы ему заранее не показали фотографию этого человека. И все-таки он прекрасно понимал, что знал императора и раньше.

Он подошел к Пепису и отдал салют. В правой части грудной клетки, на месте свежего рубца, резко отзывалась боль.

— Ты не слишком-то позаботился о моем теле, старик, — подумал он, взглянув на императора.

Пепис приветственно помахал ему рукой:

— Чувствуйте себя как дома, командир!

Командир? Ах, да... наверное, за те годы, о которых он сейчас не помнил ничего, лейтенант Шторм получил повышение по службе! Он расслабился и попробовал пару раз глубоко вздохнуть. Боль исчезла. Ему расска-

зали, что совсем недавно он голыми руками справился с рыцарем в полном боевом вооружении. «Есть старые солдаты и есть храбрые солдаты, но не бывает одновременно и старых, и храбрых солдат», — почему-то подумал Шторм, увидев, что император Пепис встал с трона и прошел в небольшую, примыкающую к залу для аудиенций комнатку, явно приглашая Джека последовать за ним.

Личный кабинет императора был совсем маленьким. Два кресла, обитых драгоценным алым бархатом, небольшой журнальный столик между ними и письменный стол явно старинной работы прямо у окна. В общем-то, очень скромно для императора.

Пепис улыбнулся и предложил Джеку присесть.

— Трудно избавиться от старых привычек!

— Привычек? — переспросил Шторм.

Император кивнул и обвел взглядом комнату:

— Да. Здесь нет ни охраны, ни записывающих устройств. Только экраны, мешающие подслушивать, да наша склонная ошибаться память.

Джек почувствовал себя очень неуютно. А ведь, действительно, подсознательно только минуту назад он пытался обнаружить какое-то скрытое оборудование. Кажется, это было безусловным рефлексом, таким же, как дыхание. Интересно, а кто научил его этим вещам?

— Мне сказали, что в процессе операции вы потеряли память о событиях последних семи-восьми лет, — нетерпеливо стукнул пальцами по столу император.

— Мне сказали то же самое, — неопределенно ответил Джек.

— Это плохо. — Пепис сокрушенно покачал головой.

— В прошлом вы работали и на меня и... ну, не станем говорить, что против меня, а сформулируем это более

обтекаемо — на себя самого. Наверное, что-то вас привлекало в этом, если уж вы позволяли себе идти на подобный риск. И тем не менее, я хочу поздравить вас с обретением утраченной когда-то памяти о вашей молодости. Сейчас вы очень много знаете о тех временах, в которые рыцари действительно процветали.

Судя по всему, император ждал ответа. Но что он должен был отвечать? Эта дыра в памяти мешала Шторму мыслить, мешала ориентироваться в реальной жизни.

— Мне сказали, что я должен поблагодарить вас за это, — вежливо кивнул он.

Зеленые глаза Пеписа напряженно сверкнули:

— Вам сказали — еще совсем не означает, что вы согласны с этим! Вы очень напряжены. Как я могу успокоить вас, мой мальчик?

Джек напрягся. Конечно, его память отказалась ему, но интуитивно он знал, что он совсем не мальчик императора Пеписа. Когда-то он поклялся в верности императору Реригу, а Пепис... Пепис был его преемником. Вдруг Шторму показалось, что кабинет, в котором они сидят, наполнился каким-то тенями. Пепис явно не замечал их. Наверное, это были призраки. Но — чьи?

— Скажите мне, — тихо спросил он, — почему после смерти императора Рерига рыцари Доминиона впали в немилость?

Веснушки на лице императора засветились ярким оранжевым светом.

— Мы ведь были обучены вести чистую войну, — продолжил он, пристально следя за изменениями в лице императора. — Природа планет не должна страдать от ошибок мыслящей плоти. Подумайте сами — пройдет девять месяцев, и на свет появится

новый Пепис, а для того, чтобы появился новый Милос или новая Дорманд Стэнд, не хватит никакого времени.

— Рыцари не уследили за Милосом, — спокойно ответил император. — А что касается ваших «почему», так мы сами хотели бы расспросить вас кое о чем. Скоро сюда придет мой новый министр Баластер и сразу же отведет вас в комнату, в которой вы сможете рассказать и записать на пленку все, что вспомнили. Видите ли, вы чуть ли не единственный человек, сумевший выжить после Милоса. Траки захватили планету так быстро, что у нас не осталось ни записей, ни документов, могущих хоть как-то подтвердить, что там произошло на самом деле.

Вот так. Его просяли вспомнить о милосском кошмаре. Пусть так. Они получат эти воспоминания. Но что они дадут ему взамен? Может быть, они вернут ему память о последних годах его жизни? Да нет, вряд ли. «Никому не доверяй, — нашептывал ему внутренний голос. — Если ты сможешь узнать правду, так только у Святого Калина».

— И еще... — Джек вопросительно посмотрел на Пеписа. — Расскажите мне о том уокере, которого я должен буду найти.

— Ага! — Пепис облокотился о другой подлокотник. — До того, как Калин избрал путь служения Богу и стал святым, мы знали друг друга довольно-таки хорошо. Он прекрасный человек, и это — основная причина всех его неприятностей. Если бы это было не так, то либо мы, либо сами уокеры давным-давно изыскали бы способ от него избавиться. — Пепис поморщился и с интересом посмотрел на Шторма. — Это для вас слишком откровенная речь?

Ощущение страшной ошибки и глобального проигрыша вдруг появилось у Джека. Он отлично ощутил, что император с каждым человеком разговаривал по-своему и за каждым словом скрывал свои собственные, одному ему известные соображения. А Джек... Джек был всего лишь солдатом, и только мужество, а не память могло сейчас реагировать на услышанное.

— Хороший человек достоин больших неприятностей, — ответил он двусмысленно.

Пепис выпрямился. Его волосы поднялись над головой и зашумели от разрядов психического животного электричества. Он усмехнулся:

— Я догадываюсь, что это именно так.

— Вопрос в другом, — попробовал собраться с мыслями Шторм. — Почему он не вернулся сам?

— Чем вы недовольны, командир Шторм, и что вы хотите мне сказать? — император выкатил свои зеленые глаза и фыркнул. — Я знаю, как вы относитесь к тракам, и все же моему двору на протяжении многих лет удавалось удерживать баланс и не ввязываться в бессмысленную кровопролитную глобальную войну. А сейчас у нас есть другой враг — ат-фарелы. Мы ничего не знаем о них, кроме того, что они приходят, разрушают и уходят. Мы не можем ни завязать с ними контакты, ни отразить хоть сколько-нибудь эффективно их нападения. И с меня достаточно того, что траки хоть как-то могут управиться с этими чудовищами.

Об ат-фарелах Шторм кое-что помнил. Эта информация, относящаяся к нескольким последним годам существования Триадского Трона, была записана на той кассете с важнейшей информацией, которую он прослушал какие-то полчаса назад. Что-то настораживало Джека. Ах, вот что... эта раса воевала точно так

же, как когда-то обучали воевать его самого в рыцарской школе Рерига. Ат-фарелы никогда не затрагивали природу планеты, они прилетали, наносили мощный удар и исчезали в неизвестном направлении. Ат-фарелы были прекрасно вооружены, ни один рыцарь не смог бы противостоять их разрушительной технике.

— А какова вероятность того, что мне удастся отыскать Калина живым? — с интересом спросил Шторм.

— Скорее всего — никакой, — пожал плечами Пепис. — Скорее всего, вы не обнаружите даже его останков. И все же — Калин не относится к породе людей, которые могут взять да и вот так вот вдруг исчезнуть бесследно. Что касается меня, так я чувствую, что Калин жив. — Пепис вытянул шею и наклонился к Джеку. — А если вы хотите его найти, вы тоже должны будете поверить в это.

— В таком случае, мне потребуется новое оружие, — запнувшись на слове «оружие», сказал Шторм.

Пепис хохотнул:

— Да не волнуйтесь же так! С вас уже сняли мерку. Бронескафандр будет у вас, как только вы этого пожелаете.

Джек мягко улыбнулся. Ему надо было выяснить еще один вопрос, но он не знал, как к этому подступить.

— Когда я вернулся на Мальтен, вы представили меня как предателя и дезертира. Кажется, у меня могут возникнуть трудности с подбором помощников.

Пепис просто выпрыгнул из своего кресла и как-то суетливо заметался по комнате.

— Но вы же мне сказали, что ничего не помните!

Джек тоже автоматически поднялся с кресла. Ах, наверное, ему не стоило этого делать — маленький

император был чуть-чуть выше, чем блестящая форменная пряжка на поясе его брюк... Джек сгорбился, стремясь выглядеть хоть немножечко ниже.

— Я действительно ничего не помню, — сказал он.

— Но пока у меня есть уши, а охрана у моих дверей имеет привычку разговаривать. Я не знаю, как я получил звание командира ваших рыцарей, но я не знаю и того, почему я решил оставить свой пост. Я далеко не ребенок, и брать на веру все, что вы мне скажете, просто не могу.

Рот Пеписа перекосился от отвращения, но император сумел перебороть себя и изменить безобразную гримасу на улыбку:

— Хорошие люди достойны больших неприятностей, — повторил он двусмысленность, минутой ранее сказанную Штормом.

Дверь открылась, и на пороге возник министр императора Вандовер Баластер. Пепис облегченно расхоХтался:

— Вандовер, вы опоздали! У нас был очень интересный разговор!

— У меня были неотложные дела, Ваше Величество, — сдержанно поклонился тот.

— Я полагаю, — Пепис посмотрел на Шторма большими внушающими глазами, — что когда вы будете беседовать с моим министром, вы будете доверять своей памяти, а не пересудам зеленых юнцов.

ГЛАВА 9

На компьютерах сработал сигнал тревоги. Боуги посмотрел на экраны и подпрыгнул от радости: к его небольшой космической капсуле, похожей на плетеную лодку, приближался большой космический корабль! Боуги открыл толстые двери трюма и замер в ожидании — он дождался своего часа: вот-вот в этих выстывших пустых помещениях раздастся голос Джека!

Но в наушниках скафандра не возникало никаких команд, молчали и экраны внешней связи маленького спасательного корабля. Капсула дернулась, как дергается ветхая лодочонка на приливной волне. Кажется, теперь она находилась в доке большого корабля и была зафиксирована.

Да, да, сейчас к нему придет Джек! Боуги уже слышал какие-то звуки за толстой обшивкой корабля.

Он должен был помочь Джеку отыскать след Калина, его миссия была почти уже завершена, и теперь ожидание встречи со Штормом — события, очень важного для него, — согревало душу. Война разделила их друг с другом, но Боуги никогда не терял надежды на встречу.

Но что это? Боуги внимательно посмотрел на ломающуюся под сильными ударами металлическую перегородку. Совсем не рыцари Доминиона и не новые друзья Джека предстали перед ним — его корабль захватили

траки! Они потрескивали своими хитиновыми панцирями и стрекотали, стрекотали на своем противном и непонятном языке.

О, если бы тут был Джек, он не терял бы ни минуты! Уж он-то сумел бы показать, на что способно его личное оружие, и устроил бы этим вонючим жукам такую мясорубку...

Боуги задыхался от ярости. Он обязан обороняться! Каким же глупым, наивным и маленьkim он был до сих пор! Даже не заправил бронекостюм на полную мощность! Но какое-то количество энергии у него все же есть, а потом, ему много раз приходилось воевать вместе со Штурмом, а значит, он умеет побеждать врага. Боуги издал воинственный крик и бросился в атаку.

ГЛАВА 10

Это было похоже на то, что она отыскала в своем шкафу старое, давным-давно забытое платье с карманами, набитыми всякой ненужной чепухой. О, здесь были и маленькие радости, и поросшие травой забвения унижения и обиды. А еще это было похоже на то, будто бы волею судеб Элибер очутилась на песчаном берегу огромного океана. Светит солнце, на берег накатывают волны, а она сидит и в задумчивости перебирает пальцами прибрежный песок. Он стекает с ее ладоней струйками, состоящими из белых, желтых, коричневых и красных песчинок, а она пытается понять, какая песчинка хороша, а какая — нет, и разделить их на разные кучки. Но это невозможно — песчинки сливаются и только так, все вместе, образуют этот мягкий искрящийся песок. А еще бывало и так — самое красивое, самое радужное воспоминание было следствием целой цепи страшных и жестоких событий. Так что, может быть, вместе с плохими воспоминаниями следует отбросить и хорошие?

Элибер лежала совершенно спокойно. Память вернула ей все утерянные ощущения — колющие, болезненные, но свои, родные иголочки, булавочки, гвоздики. Теперь она ощущала, как ее дыхание пробивается сквозь легкие. Как и в юности, ее мозг стал энергичен и активен. Он был сильнее и могущественнее ее ма-

ленькой охлажденной плоти. Элибер стало холодно. Она поежилась и приподняла голову.

Тотчас же рядом с ней появилась медсестра и набросила на озябшее тело теплое стеганое одеяло. Она проверила, не сбила ли проснувшаяся Элибер браслет с датчиками, закрепленный на лодыжке, про-бормотала что-то ободряющее и ушла.

Забытые отрывки ее жизни опять замелькали перед глазами яркими цветными картинками. Они не заслоняли событий последних дней. Значит, она ничего не потеряла, согласившись на предложение Баластера, а взамен приобрела все.

* * *

— Вы оказались правы относительно Шторма, — кивнул Баластер и потер руки — кажется, это был единственный жест, которым министр позволял себе хоть как-то выдавать свои эмоции. — Он полностью ваш. К тому же, он совсем не помнит былых разногласий. Он относится к вам с уважением и почтением, как и положено новобранцу, а вместе с тем до сих пор остается ценным и на многое способным военным. Мы должны были раньше додуматься до таких мер пресечения.

— Да! — Пепис от удовольствия даже хлопнул в ладоши. — К тому же, он отправляется искать Калина потому, что я даю ему такое поручение, а не потому, что они всю жизнь были большими друзьями. Так что я полностью контролирую ситуацию!

Вандовер поднялся и прошелся по комнате взад-вперед:

— Эта ситуация развивается именно так, как я вам и обещал.

— Я очень рад! — кивнул Пепис и посмотрел на министра своими прозрачными зелеными глазами. — Если бы все случилось по-другому, вы убили бы его, не так ли?

— Нет, — дернулся Баластер, будто бы напороввшись на что-то смертельное и острое. — Но я убил бы его, если бы это потребовалось вам. А потом... он все еще опасен — ведь ему до сих пор не нравится, когда им управляют.

Пепис пренебрежительно махнул рукой:

— Это ерунда. Команды дает император.

Вандовер кивнул и уже хотел выйти, но Пепис окликнул его уже в дверях:

— А как насчет девушки?

Вандовер вздрогнул:

— Она моя!

Пепис согласно кивнул:

— Да, да, все, как и договорились.

Баластер нерешительно переступил с ноги на ногу:

— В ближайшее время я ничего не буду предпринимать. Все дело в том, что у Шторма все-таки есть какие-то инстинктивные воспоминания о ней. Я хорошо видел это по выражению его глаз. Так что, если она внезапно исчезнет, у него появятся ненужные подозрения.

Император насторожился:

— А если она окажет на него дурное влияние?

Вандовер обиженно поджал губы:

— Это исключено. Они никогда не смогут сблизиться так, как это было раньше. А теперь... извините меня, Ваше Величество, но у меня назначены важные встречи.

Баластер поклонился и вышел за двери. Он быстро прошел коридор и свернул вправо, в небольшой отсек, ведущий к его собственным апартаментам. Горящий взгляд императора все еще стоял перед глазами министра. Фу ты черт! — Вандовер тряхнул головой.

Его собственные апартаменты выглядели гораздо более мрачно, чем императорские покои. Постоянно работающие компьютеры день и ночь принимали информацию и выдавали ленты с распечатками бесконечных фактов. Что было в них? В основном данные о стычках между людьми и траками, траками и ат-фарелами, ат-фарелами и людьми. В последние месяцы извечная ненависть между людьми и траками заметно активизировалась. Чем это объяснялось? Пока министр не мог отыскать каких-либо разумных объяснений. Не приблизился он и к разрешению загадки ат-фарелов. Откуда взялись эти таинственные существа? Что они из себя представляют? Тайна, тайна и еще раз тайна.

Вандовер нахмурился и посмотрел на последние статистические сводки. Осознавал ли Пепис полностью, какая опасность на них надвигается? Если да, так почему он до сих пор продолжает заигрывать с уокёрами? Может быть, угроза гражданской войны несет в себе какие-то преимущества?

Баластер просмотрел корреспонденцию, только что поступившую по почте, и решил связаться со своим адъютантом.

— Да, сэр! — адъютант сразу же появился на экране внутренней связи.

— Я прошу вас на завтра договориться о встрече с командиром Кроком.

— Хорошо, сэр, — поклонился адъютант.

Милосец Крок в последнее время очень интересовал министра. Конечно, к нему надо было найти подход, но об этом Баластер не беспокоился, за свою долгую жизнь он научился ладить и не с такими существами. А вот информацию от Крока можно было бы получить довольно-таки интересную. Милосец умело балансировал между рыцарями Доминиона и траками и постоянно сглаживал возникающие противоречия. А если учесть, что долгое время Крок пробыл в плену у траков, он должен был разбираться даже в тех вопросах, которые были неизвестны и самому министру.

Вандовер подтолкнул ногой свое крутящееся кресло и, повернувшись, обнаружил, что он не один.

— Добрый вечер, Баластер! — улыбнулась Элибер и вышла из затененного угла.

Да, она была мастерицей своего дела! Ее черносиний наряд настолько сливался с тенями, отбрасываемыми плотными портьерами, что министр и не заметил бы ее, если бы она оставалась неподвижной. Как эффектно она сегодня выглядела! Каштановые волосы подобраны на затылке в пышный тяжелый узел, а в глазах — твердость и уверенность, которых и в помине не было в последние дни. Какой-то ком застрял в горле Баластера. Вандовер вздохнул и попытался собраться с мыслями:

— А я как раз собирался послать за вами машину!

Элибер села в кресло.

— Машину? Все процедуры закончились рано утром, и я не видела смысла сидеть полдня в лаборатории холодного сна, — она посмотрела на него своими глубокими карими глазами.

У Баластера захватило дыхание. Как быстро! Пламя той искры, которую он разжег в ней, уже горело

вовсю. Психическая энергия циркулировала по телу этой молодой леди с таким же напором, как и ее кровь. Как же до этого ей удавалось притуплять и скрывать ее? Нет, это действительно жемчужина, и эта жемчужина должна жить.

Элибер придвинула свое кресло поближе к Вандоверу. От нее пахло духами — слабый, летучий, обворожительный запах! Баластер кашлянул и попытался взять себя в руки.

— Я хотел бы, — мягко произнес он, — чтобы вы не рассчитывали на то, что у нас с вами партнерские отношения, леди.

Выражение ее лица тотчас же стало холодным и резким:

— Я закончила игру в кошки-мышки, — решительным голосом сказала Элибер. — Вы говорите мне «леди», а про себя думаете — «шлюха». Так вот, я совсем не собираюсь выполнять для вас грязную работу, Вандовер, я собираюсь вернуться к Джеку даже в том случае, если он меня не помнит. Я намерена бороться за то, что принадлежит мне!

Вандовер встал с кресла.

— Ну, чего-то такого я и ожидал от вас, но неужели же вы не понимаете, леди, что обнаруживать свои намерения небезопасно? И потом — разве мне и вам выгодно находиться в состоянии войны? Вы действительно уверены в том, что мы больше не союзники?

Элибер решительно тряхнула головой:

— Да, я в этом уверена.

На улицах уже было темно. В коридорах давным-давно зажгли лампы, и их свет проникал в темную комнату. Министр подошел к двери и закрыл киберне-

тический замок, потом — включил свет в кабинете и с интересом посмотрел на свою собеседницу:

— Вот теперь нашей беседе никто не сможет помешать.

Элибер встала:

— Неужели же вы думаете, что меня сможет удержать какая-то дверь?

Вандовер рассмеялся:

— Нет-нет, вы останетесь здесь не из-за дверей и даже не из-за замков.

Ее глаза презрительно сузились.

— Я могу убить вас, — резко сказала она.

— Я знаю! — Баластер рассмеялся и посмотрел на Элибер с видом победителя. — Конечно же, я знаю об этом. Ведь я и есть тот человек, который запрограммировал вас!

ГЛАВА 11

Элибер инстинктивно отпрянула в сторону. Только что она полностью контролировала ситуацию, но нет — это только казалось ей. Оказывается, Баластер играл с Элибер, как кошка с мышкой. Итак, что же она должна сейчас сделать? Ах да, прежде всего она должна сохранить самообладание. Кажется, пока это удавалось ей. Сколько раз у нее возникало непреодолимое желание убить министра ради Джека! А сейчас она просто обязана сделать это — ведь его смерть автоматически становилась ее жизнью.

— Что вы имеете в виду? — Элибер закинула ногу за ногу и насмешливо посмотрела в глаза Вандоверу.

— Я имею в виду, — Баластер остановился у своего письменного стола и с видом хозяина посмотрел на Элибер, — что вам не стоит угрожать мне. Я слишком хорошо знаю, что вы из себя представляете. И потом... у меня есть шифр к той программе, которая в вас заложена. — Вандовер прошел по комнате и еще раз проверил, хорошо ли закрыт замок. — У нас есть о чем поговорить наедине, леди Элибер.

— Мне не о чем с вами говорить, — решительно ответила она.

— Неужели? — Баластер удивленно поднял брови.
— Но, может быть, вы хотя бы послушаете меня? Даже ваш патрон Рольф не знал, как запустить в действие

заложенную в вас программу. Она скрыта в таких глубинных слоях подсознания, что вы сами никогда не сможете догадаться, что заставляет вас убивать. А разве вы не хотите этого знать, Элибер? – Вандовер широко улыбнулся. – Я готов побиться об заклад, что сумею запустить эту программу до того, как вы успеете меня убить.

Элибер выпрямилась и внимательно посмотрела в глаза министра. Все-таки какая-то тень неуверенности сквозила за его дрожащими ресницами.

– А почему вы думаете, что во мне до сих пор действует эта программа? – осторожно спросила она.

– Вы ведь выросли в той команде уличных бродяжек, которые работали на Рольфа?

Элибер невозмутимо пожала плечами:

– Наверное, добрая половина обитателей мальтийских трущоб может сказать о себе то же самое.

Яростный, недобрый огонь промелькнул в глазах министра:

– Речь не об этом. Джек несколько раз защищал вас от Рольфа, а потом его убили.

Элибер опять пожала плечами:

– Ну и что?

Баластер уселся в кресло и пристально посмотрел ей в глаза:

– Я нанял Рольфа для того, чтобы он подобрал мне убийцу. Не глупенького мальчишку, за которым потом надо убирать следы, а особого ребенка с талантами, которые трудно переоценить.

Элибер опустила ресницы. Она больше не хотела видеть тот жестокий огонь, который блестел в глазах Вандовера, и потом, с каждым его словом на нее накатывало отчаяние.

Вандовер облизал пересохшие губы:

— Если вы хотите, я могу описать вам эти способности. Во-первых — хитрость, но это свойство мы можем найти почти у каждого ребенка, проживающего в трущобах. Во-вторых, быстрая реакция, в-третьих, хорошо поставленная речь, в-четвертых, темперамент, полностью соответствующий меткому и быстрому языку. Вы все еще не узнали себя, милая Элибер?

Ненависть, горячая, как кипящая смола, наполнила все ее существо. Волосы, закрученные в пышный узел, стали тяжелыми и потянули затылок вниз. Элибер подняла руки и попробовала распустить прическу, и вдруг нож, который она спрятала в рукав платья, собираясь нанести визит Баластеру, тихонечко кольнул ее пластиковым лезвием.

— Я могу продолжать? — Баластер смотрел на нее явно торжествующе.

Элибер не торопилась опускать руки — она медленно вынимала шпильки и пыталась расплести косу.

— К сожалению, я не та, за которую вы меня приняли, — спокойно ответила она

— Да нет же, — министр нетерпеливо стукнул кулаком по столу. — Та, та, именно та. Однажды Рольф рассказал мне, как он вас обнаружил. Вы тогда были почти ребенком. Так вот, он попытался вас изнасиловать, но понял, что вы настолько сильнее его психически, что он не может этого сделать. Тогда я стал собирать информацию и понял, что иногда, очень редко, встречаются такие аномалии, связанные с полом. — Глаза Элибер вспыхнули и тут же погасли. Министр продолжал дальше: — Может быть, мне попробовать сделать то, что когда-то не удалось Рольфу?

— Я убью вас, — глухо ответила она.

— Возможно, — он подошел совсем близко. — Но не раньше, чем я произнесу те слова, которых вы боитесь больше всего. А потом — вы будете убивать без какой-либо причины или нужды в этом.

Лезвие ножа опять кольнуло ее нежную кожу:

— Ради вас я не буду убивать никогда. — Элибер откинулась на спинку кресла и спокойно посмотрела сму в глаза.

Вандовер метнулся к двери и широко распахнул ее:

— А у вас не будет выбора. Вы принадлежите мне, леди, и с этим почти невозможно справиться. А теперь — убирайтесь отсюда!

* * *

Он видел во сне темноглазого ангела. Этот ангел совсем не был похож на тех пухлых крылатых младенцев, изображения которых украшали апартаменты уокеров. Этот ангел был женщиной, любящей и яростной, и звали его Элибер. Ее белые одежды бились на штормовом ветру, они несли в себе дыхание тьмы и ветра, как это обычно и бывает во время бури. Волосы расплелись, и ветер подхватывал их и швырял прямо на ее злое лицо. Волосы — пара крыльев. Глаза — два праведных негодующих огня.

Джек вздрогнул и проснулся. Какое-то время он лежал с закрытыми глазами и пытался удержать в памяти образ Элибер в голубом кафтане и с удивительными, экзотическими татуировками на коже. Такой она когда-то была на Битии. Воспоминания выплыли из глубины его сознания и тут же исчезли. Он спустил ноги на пол и сел. Воздуха, воздуха, как ему не хватало воздуха! Воспоминания снова нахлынули на него. Пока он не был одним человеком — две, хотя и очень похо-

жие между собою, личности заполняли его существо. Итак, что-то случилось с ним — воспоминания о последних годах его жизни медленно возвращались. А значит, и над его жизнью, и над жизнью людей, которых он любил, нависала опасность. Это было ясно — ведь Пепис недвусмысленно намекнул ему на это. Интересно, а предполагал ли император, что те отрывочные воспоминания, которые остались в подсознании Джека, начнут оживать и накладываться на раннюю, возвращенную ему память?

И Пепис, и Баластер старались подкупить его. Они воевали и с ним, и друг с другом, и с целым миром. Острая яростная боль кольнула сердце. Джек вздрогнул и открыл глаза.

В углу комнаты кто-то шевельнулся, потом мягкий женский голос участливо сказал:

— Вот видишь, ты до сих пор не спишь по ночам! — Через полосатые тени, наполнившие его комнату, к нему шла Элибер. Черное платье с едва заметным темно-синим узором, тяжелая грива золотисто-каштановых волос, а в глазах... и любовь, и ненависть.

— Как ты попала сюда? — удивленно спросил Шторм.

— Раньше ты не задавал мне таких вопросов, — в ее карих глазах мелькнула острая, почти нестерпимая боль. Джек хотел сказать ей, что и сейчас помнит об этом, но побоялся, что подвергнет ее неоправданному риску, и промолчал. Кажется, для начала он должен будет разобраться в том, какие ограничения вложил в его подсознание император, а уж потом действовать. Он постарался придать глазам выражение пустоты и холода и скучающим голосом спросил:

— Я должен помнить о том, что ты — вор?

Она присела на краешек постели и тревожно посмотрела на Шторма:

— Ты уже поговорил с Баластером?

Джек с трудом отвел от нее глаза. Кого же она напоминала ему сейчас — черно-синяя, мрачная? Ах, да, огромных птиц, которые пролетали над полями его отца на планете Дорманд Стэнд.

— За последние дни я успел поговорить со многими людьми, — безразличным голосом сказал он. — Насколько я понимаю, ты — единственный эксперт в области моих снов.

Она посмотрела на него твердо и пристально:

— Ты действительно не узнаешь меня?

— Нет, — покачал головой Джек.

Элибер закрыла руками лицо, а потом оторвала руки и опять посмотрела на Джека.

Так вот что называл адом Святой Калин! Шторм должен был успокоить свою любимую и не мог. Что-то серьезное происходило с Элибер: Она нуждалась в его поддержке и любви, а он молчал и старался не замечать боль, разрывающую его сердце.

— Мы неплохая пара, — горько сказала Элибер. — И вполне годная для того, чтобы думать о спасении миров.

— Я только солдат пехоты, — ответил Джек и сам страшно удивился этому ответу. Видимо, его молодая, вновь обретенная память заговорила в нем. — Но я делаю все, что могу.

Элибер бросилась к его ногам:

— Джек, послушай, мне, наверное, лучше сейчас уйти?

Он промолчал. Элибер встала и медленно приблизилась к нему. Ее губы нашли его губы, и его губы

послушно ответили на поцелуй. Влажная слеза мелькнула в ее темных глазах:

— Послушай, где-то в тебе похоронен человек, которого я любила. Он не мог пропасть бесследно, нет. Может быть, когда-нибудь ты сумеешь отыскать его?

Джек неуверенно кашлянул:

— Если этот человек вернется, ты узнаешь об этом первой.

— Я надеюсь на это, — она смахнула с глаз слезы и выскользнула из комнаты.

Шторм сжал кулаки. Черт побери, Элибер явно находилась в беде, а он чувствовал это, видел ее и никак не мог помочь! Да нет, за такое императоров не просто сбрасывают с трона, за такое выпускают им кишки!

* * *

Когда-то Калин думал, что в молитве сосредоточена жизнь, а теперь молитва превратилась для него в единственное средство общения. Когда он молился, в нем постоянно возникала острыя режущая боль, но она придавала силы. Это было ново и необычно, ведь раньше любая молитва успокаивала его.

Калин встал с колен и сел на колченогий табурет, кое-как сколоченный из неоструганных досок.

Калин послушно говорил вслух, надеясь, что атфарелы запишут его речь и постараются разобраться в значении произносимых им слов. Но вот записывали ли они его речи?

Пока контакт не удавался. Похоже, его персона совсем не интересовала ат-фарелов. А потом, Святой Калин так и не понял — есть ли у них слух? И слова, и жесты, и пение — чего только не испробовал он за эти

дни, чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание неизвестных!

Стены и потолок его камеры были сделаны из материала, не известного в мириах Доминиона, — легкий и прочный, чем-то он напоминал пластмассу, но при этом блестел, как драгоценный отшлифованный металл. Видимо, эта камера или клетка могла быть сложена и убрана, когда в ней отпадала надобность.

Калин положил свои широкие ладони на больные старицкие колени и стал энергично растирать суставы. И сухожилия и вены просвечивались сквозь прозрачную кожу. Плоть таяла в нем. Ему как-то удалось объяснить ат-фарелам, что он нуждается в пище и питье, и они приносили ему воду и какие-то неизвестные фрукты, но всегда — в маленьком, совсем недостаточном для него количестве.

— Ты всего лишь старый дурак, — пытался успокоить себя Святой Калин. — К ат-фарелам тебя толкнуло тщеславие, а это грех и твоя глубинная суть. Так терпи, если Всемогущий Господь решил тебя наказать!

Боже мой, каким же дураком он был! Он думал о контакте с неизвестными и уверял себя, что у него все получится просто и быстро, а среди уокеров назревало восстание, и даже в его присутствии Пепис с трудом балансировал между миром и гражданской войной.

— Надо сначала навести порядок в собственном доме, а потом уже отправляться в иные миры, — проговорил он и опять начал растирать больные колени. Если бы Джонатан увидел, до какого состояния довел себя Его Святейшество, если бы он увидел, в каких лохмотьях находится сейчас Святой Калин... — Его Святейшество даже улыбнулся от этой мысли. — О, Джонатан просто-напросто разъярился бы!

Калин опять стал размышлять об ат-фарелах. Может быть, сам он чего-то не разглядел и не понял в них? Для того, чтобы заставить их приносить себе пищу, ему потребовались поистине титанические усилия, но победа была слишком маленькой и ничтожной. Хотя... он должен был смириться и уповать на Господа. Ведь даже для такой ничтожной победы нужна Его воля. Кажется, его друг Пепис кое в чем был прав – Калин слишком быстро забыл, с чего он начинал свою жизнь. А ведь в юности теплое жилище, одежда и кое-какая пища считались у него очень большой победой! А значит, он обязан был рассуждать гораздо более здраво. Как знать, может быть, он искал Царство Божие в тех местах, где его не могло быть?

Он улыбнулся и пробормотал:

– Вот так вот, Святой Калин из Блуила, век живи, век учись.

ГЛАВА 12

— Мы знаем, где находится Динаро, — довольноым голосом сказал Вандовер Баластер.

— Где?

Министр почтительно поклонился императору:

— На внешних границах. Не знаю, для чего, но он оставляет за собой четкие следы.

Император усмехнулся:

— Это-то я предполагал. Динаро хочет, чтобы его нашел Шторм. — Пепис пригладил свои торчащие волосы, и они затрещали под рукой. — Меня удивляет совсем другое: очень уж долго вы его искали. Будьте уверены, Джек Шторм на днях тоже получит какую-нибудь весточку.

Министр кивнул:

— Это нам на руку. Во всяком случае, тогда он еще больше захочет отправиться в путешествие.

Пепис посмотрел на Вандовера с какой-то зловредной, горько-сладкой улыбкой.

— Будьте уверены, Вандовер, я хотел бы отправить его на поиски Калина как можно быстрее. Да, еще... Откройте зал для аудиенций. Я хотел бы, чтобы меня посетили все лидеры уокеров.

От удивления Баластер даже открыл рот:

— Но, Ваше Величество...

Император махнул рукой:

— Ничего мне не говорите! Если я сам не пущу их во дворец, рано или поздно они сломают двери. А так, по крайней мере, здесь буду управлять я, а не толпа. И пусть уокеры тоже не забывают, что здесь тронный зал, а не столовая. И еще... я хочу, чтобы на этой встрече присутствовал Шторм...

— Но уокеры хотят не чьей-нибудь, а вашей крови, — покачал головой Вандовер. — Я не советую проводить вам такие эксперименты, Ваше Величество, особенно если вы делаете это для того, чтобы как-то обелить Шторма.

— Он мой защитник, — сердито фыркнул император. — И поэтому мне придется позаботиться о его репутации.

— А как быть с Зелеными Рубашками?

Пепис пожал плечами:

— Зеленые Рубашки заключили соглашение с уокерами. Если мы заручимся поддержкой миссионеров, так и Зеленые Рубашки будут как-то обезврежены. А сейчас мы находимся на грани гражданской войны, и поэтому нам не стоит слишком много думать о собственной гордости, — император посмотрел на министра. — А вы как считаете?

Видимо, к императору опять поступила какая-то информация, о которой Баластеру ничего не было известно. Министр поежился: интересно, куда клонит Пепис?

— Хорошо. Пусть будет так, — после короткого раздумья сказал он.

— В таком случае, — кивнул головой император, — договоритесь с полицией. Мне не нужны массовые беспорядки с разрушением жилищ и человеческими жертвами.

— Да, да, — сказал Вандовер уже у двери. — Я все организую. — Что-то в холодном взгляде императора подсказало ему, что положение суперсеръезно.

* * *

— Я бы отдал свою голову, чтобы пойти с тобой, мой мальчик! Но, видишь ли, это не моя стезя! — маленький и плотный Лассадей едва поспевал за Джеком.

Шторм улыбнулся:

— Но тогда мне придется взять у тебя рекрутов, а если я это сделаю, я сам останусь без головы — Пепису совсем не по душе будет такой вариант.

Они дошли до угла казармы и остановились как раз в том месте, где из-за красной кирпичной стены выглядывали белые пластиковые стены мастерских, а чуть левее виднелись желто-зеленые, вытоптанные рыцарскими бронированными сапогами тренировочные площадки. Эти площадки были и знакомы и незнакомы Джеку. Воспоминания скользили, наслаивались друг на друга, как перемешанные кадры цветного многосерийного фильма. Мгновение — и Джек начинал вспоминать, когда он бывал в этих местах, и что он тут делал, но уже минутой позже все это исчезало из памяти, и Джек думал, думал, думал, но так и не мог придумать ничего.

Лассадей кашлянул:

— А все-таки я рад, что у нас будет возможность увидеть толпу предателей и дезертиrov, которые скрываются за нашими спинами.

Джек повернулся и опять посмотрел на тренировочную площадку.

— Это политика, сержант, — вздохнул он. — Ни Пепис, ни Баластер, ни я сам не сможем гарантировать, что все осталось позади.

Лассадей усмехнулся. Горячее мальтенское солнце сверкнуло на его загорелом лысом затылке:

— Хороший солдат легок на подъем, — он показал на кирпичные стены. — Через пару минут Роулинз будет свободен. Правда... ему еще придется вынести вешалки для бронекостюмов...

— Я буду пунктуален, — успокоил сержанта Джек. Лассадей кивнул и косолапой усталою походкой направился в мастерские. Джек посмотрел ему вслед. Вот так. Император не поместил Шторма под домашний арест, но его статус до сих пор оставался неопределенным. Шторму было обещано, что его реабилитируют только после того, как он отыщет Калина.

Шторм посмотрел на старинную кирпичную кладку стены. Все-таки он не мог контролировать свои мысли. Джек вздрогнул. Его ладони вспотели. Э-э! На этот раз бесстрашный командир рыцарей паниковал! Его разум привел его на эту тренировочную площадку и тут оставил его. Кажется, ему нужно было кого-то встретить!

Шторм потрогал ладонью шершавые кирпичи. Где-то совсем рядом с ним взрывались учебные снаряды, слышались крики и лязг оружия, а потом наступала тишина. На одной из тренировочных площадок шли учения. Джек услышал характерный звук выстрела из лазерной перчатки и улыбнулся: это оружие он знал очень хорошо. Оно было для него чем-то очень большим, наверное, он смог бы назвать его второй кожей.

Джек припомнил, что сейчас должны открыться ворота, а из них — выйти люди в красных, синих и

зеленых скафандрах. О, рыцари в тяжелых доспехах обладали удивительной грацией! Стремительные и плавные, как лесные звери, в красоте движений они заметно превосходили обычных пехотинцев.

«Без оружия нет солдата», — вспомнил Шторм так отчетливо и ясно, будто только вчера закончил обучение на тренировочных площадках императора.

Действительно, ворота открылись, и толпа совсем юных рыцарей в полном боевом вооружении, смеясь, двинулась к дверям ремонтных мастерских.

К Шторму подошел молодой солдат с капитанскими знаками отличия. Он снял блестящий синий шлем и с улыбкой взглянул на Джека:

— Я очень рад встрече, командир!

Шторм взглянул на молодого капитана и смущился — перед ним стояла новенькая и чистенькая копия его самого. Темно-синие глаза, пшеничные, откинутые назад волосы, открытый, прямой взгляд. Тонкие струйки пота стекали со лба рыцаря — кажется, к своим обязанностям тот относился очень добросовестно. Юноша протянул Джеку бронированную рукавицу. Шторм без колебания вложил в нее свою руку:

— Я тоже рад вас видеть, капитан!

За их спинами смертельно уставшие новобранцы тянулись к мастерским. Оружие — прежде всего! Только тогда, когда бронекостюмы будут почищены, заправлены и повешены на свои места на специальных вешалках, новобранцы смогут пойти в казармы и отдохнуть. Молодой солдат в ярко-зеленом бронекостюме крикнул:

— Роулинз!

— Потом, потом, — нетерпеливо махнул бронированной рукавицей капитан и снова посмотрел на Джека.

Ах, да, это и есть Роулинз! Когда-то они были хорошо знакомы. Более того, одно время Роулинз был личным адъютантом Шторма. Джек не мог вспомнить ничего. Его память была совсем рядом, но когда он пытался добраться до нее, она таяла от его внутреннего взгляда, как тают облака под лучами весеннего мальтенского солнышка. И все-таки какая-то сцена, явно связанная с другой планетой, мелькнула в памяти Джека: между рядами битийцев и траков пробирается Роулинз — его одежда запачкана кровью, но сам он цел и невредим, а рядом с ним, опираясь на его руку, медленно идет бедный Святой Калин. Больше Джек не смог ничего припомнить. Но он не терял надежд — когда-нибудь он обязательно вспомнит все, что происходило.

Роулинз отвел Джека в сторонку:

— Спасибо, командир, что согласились встретиться со мной. Я бы хотел переговорить с вами до того, как принимать решение.

— Хорошо, — кивнул Джек. — Я весь — внимание.

Молодой человек нервно повертел в руках шлем от бронескафандра:

— Я бы хотел вместе с вами отправиться на поиски Святого Калина.

Джек удивился: к чему такая секретность? Может быть, Роулинз боялся, что Шторм откажет ему? А может быть, когда-то между ними пробежала черная кошка? Джек внимательно посмотрел на капитана. Чего-то подсказывало ему, что этот молодой рыцарь был весьма уважаемым человёком.

— Если вы сможете уладить дела по службе и отправиться со мной, капитан, вы доставите мне большое удовольствие.

Радость полыхнула из синих глаз Роулинза:

— Вот об этом я и хотел попросить вас, сэр! — улыбнулся он.

— Это действительно так? — с интересом переспросил Джек.

Роулинз опустил глаза и опять стал вертеть в руках шлем:

— Может быть, вы и сомневаетесь во мне, сэр, — тихо сказал он. — Ведь многие говорят, что вместо того, чтобы подчиняться вам, я подчинялся Святому Калину...

«Пожалуй, то же самое мог бы сказать обо мне Пепис, — тут же подумал Джек. — Но бывают ситуации, когда у солдат просто нет другого выбора», — у Джека возникло ощущение того, что то, о чем только что сказал ему Роулинз, он знал и сам. Правдивость этой фразы пронзила его своей редкой чистотой. Роулинз все еще говорил о чем-то.

— ... командир Крок, — закончил он и посмотрел на Шторма.

Джек моргнул.

— Конечно, — сказал он после секундной паузы. — Я обязательно переговорю с ним.

Роулинз отсалютовал:

— Спасибо, сэр. Я буду ждать ваших распоряжений!

Джек с интересом посмотрел на молодого человека, с львиной грацией бредущего к дверям мастерских. «Как же похож на меня этот Роулинз! — опять с невольным интересом подумал он. — Только бронекостюм — не белый, а темно-синий».

Крок... У Шторма не было никакого желания встречаться с этим волосатым жирным милосцем. Джек сжал свою руку, почувствовав боль на месте мизинца.

Роулинз, Крок, Святой Калин... воспоминания опять ускользали от него. И все же, кроме приказа Пеписа отыскать Его Святейшество, Джек и сам хотел во что бы то ни стало сделать то же самое. Джек опять посмотрел на молодых рыцарей в бронекостюмах, все еще сновавших вокруг по своим делам. А вот его костюм находится неизвестно где, к тому же он заражен милосским берсеркером, а значит, представляет для окружающих огромную опасность. Ходили слухи, что его старый бронекостюм остался у Святого Калина. Значит, и поэтому тоже Калина надо было найти как можно скорее. Джек вздохнул, еще раз огляделся по сторонам и решил вернуться в свое временное жилище.

* * *

Элибер нервничала. Сегодня Баластер попросил ее зайти к нему. В принципе, она давно уже была к этому готова. Элибер закрепила на теле взрыватель и небольшой пакетик со взрывчаткой так, чтобы приборы охраны не могли их обнаружить, и стала одеваться. Это взрывное устройство состояло из двух небольших пакетиков, абсолютно безобидных по отдельности, но стоило только веществам, содержащимся в них, смешаться между собой, и все, находящееся на расстоянии пяти футов от них, превращалось в щепки и облака дыма. Вряд ли Вандовер когда-нибудь подумает, что все ее тело обвито проводами, а значит, ее план вполне может оказаться удачным.

Может быть, кому-то это и показалось бы странным, но самой Элибер такое решение вопроса принесло спокойную уверенность. Она застегнула пуговички атласного рубиново-красного платья и посмотрела в зеркало. Волосы падали на плечи густыми локонами, легкий румянец пробивался сквозь смуглую кожу щек...

Если что, ей придется и себя взорвать вместе с этим отвратительным министром. И все же – она считала большой удачей уже то, что ей удалось раздобыть эти пакетики со взрывчаткой: императорский дворец был в осаде, и выбраться из него почти не было возможности.

Элибер улыбнулась своему отражению и подошла к двери. Конечно, ее очень беспокоил Джек, но он уже не мог помочь ей. Слезы сами собой навернулись на глаза. Джек... Джек никогда не простит ей того, что она задумала.

ГЛАВА 13

Калин с отвращением отодвинул от себя половинку тыквы, кое-как приготовленной на пару. Тыква была и миской и обедом одновременно. Нет, все-таки это есть было нельзя. В мягкой и сочной плоти тыквы шевелилось множество личинок и мух, и даже острое чувство голода не могло помочь Его Святейшеству побороть брезгливость. Такая еда время от времени появлялась в его одиночке. Может быть, это обилие личинок и мух было как-то связано с пищевыми пристрастиями ат-фарелов? Он не мог определить, заводилась ли эта гадость в плодах сама по себе, или ее выращивали внутри тыквы искусственным способом? От такой кормежки его желудок значительно поубавился в размерах, и все-таки есть что дают он не мог. Есть именно то, что дают, а не что готовят. Калин вздохнул, выковырял из тыквы несколько крупных червяков и запихнул их под щель, образующуюся между дверью и полом, потом — опустился на колени и попытался отрешиться от мыслей о еде. А может быть, своим отказом от пищи он оскорблял ат-фарелов? Желудок сердито ворчал, и все-таки пища пока была единственным средством общения между ним и этими ящерообразными существами.

Вдруг стены камеры мелко и дробно задрожали. Калин вскочил на ноги и схватился за табуретку. Через

минуту блестящие стены поползли вверх, и он оказался на небольшой открытой площадке, со всех сторон освещенной прожекторами.

Он видел мумии ат-фарелов на Лазертауне и на Калинаде, а еще — на раскопках доисторических стоянок уокеров. Кто они были? Он никогда не знал этого, но даже после тысячелетий лежания в земле они сохраняли удивительную величественность.

А теперь он стоял и дрожал перед тремя ящерообразными особями, и от страха не мог додумать ни одной мысли. «Ангелы! — решил он и тут же поправил себя: — Но и дьяволы тоже».

Они были очень массивны — где-то в три раза больше него. Грузные чешуйчатые тела блестели на свету всеми цветами радуги, верхние конечности, заме-няющие им руки, были гибки и быстры, а глаза, как волшебные угли, светили прямо в душу.

— Боже мой! — крикнул Калин и упал. Он умирал, хотя ат-фарелы и не убивали его — это сердце, его усталое старицкое сердце разрывалось в груди.

Когда он увидел, куда его несут, он стал просить Бога дать ему умереть по пути к этому страшному белому стерильному столу — лабораторному столу для вскрытия и анатомических исследований. Калин стал бить ногами, вырываться и громко кричать — он не хуже ат-фарелов мог понять назначение этого оборудования.

ГЛАВА 14

Вандовер не соизволил обернуться, услышав за своей спиной шаги Элибер.

— А, это вы, леди! — только и сказал он.

Элибер окинула кабинет быстрым взглядом и закрыла двери. Апартаменты Баластера располагались на верхнем, самом фешенебельном этаже дворца. Из его окон хорошо просматривались территории дворцовых парков и верхний район Мальтена с роскошными особняками и дворцами, утопающими в зелени. И все-таки этот кабинет был излишне мрачен и излишне безлик. Элибер предпочитала совсем другую обстановку — мягкий пластик, удобный и легкий, веселые цветные обои, пушистые ковры под ногами.

Вандовер все-таки повернулся и посмотрел на нее. На какое-то время его зрачки расширились, а потом сузились снова.

— Леди, — осторожно сказал он, — разве вы забыли, что у меня нет сердца? — сегодня у Баластера было очень много работы. Он устал, и это было очень хорошо видно — фиолетовые пятна легли под темными глазами, а лицо, и без того бледное, приобрело какой-то нездоровей оттенок. — А может быть, вы забыли, — совсем тихо продолжил он, — что в этой комнате хозяин я?

Элибер почувствовала, что у нее покраснели щеки. Она опустила ресницы и тихо прислонилась к стене. О, пусть только этот хозяин жилища подойдет поближе к ней! Пусть он подойдет настолько близко, чтобы не смог увернуться от ее спасительных пакетиков со взрывчаткой!

Но она ожидала напрасно. Баластер к ней не подходил. Он внимательно смотрел на Элибер и, кажется, пытался проникнуть в ее мысли. Может быть, они играли в какую-то одну игру? И все-таки этот человек не обладал ни силой, ни властью над нею — если бы дело обстояло иначе, Элибер давно бы уже почувствовала это и стала бы его бояться. Она хорошо знала, что такое страх. Да, конечно, она много раз беспокоилась за свою жизнь и за жизнь Джека, но это был совсем не тот обессиливающий страх, который она испытывала в мальтенских трущобах, пытаясь выжить, выжить, выжить, выжить... С тех пор, как умер Рольф, этот страх никогда не нападал на нее, а сейчас она почувствовала его снова.

— Мне совсем не обязательно ощущать себя вашим хозяином каждую минуту. — Баластер повернулся и медленно прошелся по комнате. — Но и того, что когда-нибудь вы сможете стать моим партнером, я вам обещать не стану.

— Для меня ставкой в этой игре является Джек, — с трудом произнесла Элибер, разжав ссохшиеся губы.

— Да, вашей ставкой является Джек, — Баластер кивнул и сделал паузу. — Но я не могу гарантировать вам его безопасность. Уж слишком большое количество людей вовлечено в борьбу за империю. И все-таки я

могу обещать вам, что не буду принадлежать к числу тех, кто желает его смерти.

Элибер внимательно посмотрела на Вандовера. Странная речь. Надежда и проклятие как бы объединились в его словах воедино. Ну и еще, конечно, за последним высказыванием скрывался намек на то, что поводом к убийству Джека Шторма может послужить и она.

— Нет, такой вариант меня не устраивает, — решительно сказала Элибер.

Баластер пожал плечами:

— Моя дорогая девочка... — бесконечно похабным голосом сказал он. Так всегда получалось у Вандовера: если он хотел сказать «девочка», у Элибер в ушах неизменно звучало «проститутка». — Вы выполните ту программу, которую я в вас заложу.

— Только через мой труп! — Элибер набросилась на Баластера, одной рукой пытаясь вырвать клок волос из его редкой шевелюры, а другой — пытаясь выхватить пакетики со взрывчаткой, спрятанные за толстой нитью ожерелья.

Баластер рявкнула и схватил Элибер за руки. Стакан с водой, стоящий на небольшом журнальном столике, упал на пол и разбился. О, этот хилый министр оказался гораздо сильнее, чем могла себе представить Элибер! В мгновение ока он вывернул ее руки за спину. Она вскрикнула и изо всех сил ударила Баластера каблуком в живот. Он судорожно вздрогнул и выпустил ее, но потом снова схватил:

— А ну-ка отвечайте, что вы задумали, леди?

Элибер судорожно пыталась вырвать из лап министра правую руку. Она должна была добраться до пакетиков со взрывчаткой и осуществить задуманное!

— Я слушаю! Что вы задумали?

Вандовер тряхнул ее и прижал к стене. Ожерелье проскрежетало по шершавой твердой поверхности и расстегнулось.

— А-а! — Баластер заметил тонкий золотистый проводок, обвивающий ее шею.

— Я никогда, слышите, никогда не буду убивать по вашему заказу! — крикнула Элибер и изо всех сил забилась у него в руках. Этому идиоту все равно ничего не удастся сделать с ней! Из нее был и был горячий психический огонь. На тебе! Элибер чувствовала, как ее мысли пронзили его, Баластер побледнел и покачнулся. На тебе! На тебе! Элибер наносила и наносила удары.

Создавалось ощущение, что мир вокруг них взорвался и сошел с ума. Предметы поднимались в воздух и беспорядочно летали по комнате, картины срывались с металлических крюков и падали со стен, мебель приплясывала на своих местах, словно бы собираясь сорваться с места и убежать в какую-то другую, соседнюю комнату. А книжный шкаф... его старинные резные дверцы распахнулись, и огромные фолианты, как пушинки, один за другим вылетали наружу и как сумасшедшие начинали круговой танец по комнате. Все сорвалось с мест и в вихре закружилось по кабинету.

Элибер затаила дыхание. Сейчас, через минуту, Баластер разожмет свою хватку и отпустит ее руку, а потом упадет у ее ног мертвым.

Баластер был смертельно бледен. Он скорчился и судорожно хватал воздух посиневшим ртом, и вдруг — какой-то свет мелькнул в глазах Вандовера. Вращение над их головами замедлилось, предметы стали замедлять движение и падать на пол, потом шум затих, и

только огромные книги все еще хлопали закрывающимися обложками.

Вдруг — Баластер подпрыгнул и громко захохотал:

— Так вот что вы задумали, леди Элибер! — он выкрутил ее руку, а потом резко рванул с шеи золотистый проводок. — Вы хотели взорвать? Взорвать и меня и себя? А потом, когда ваши выкрученные руки не смогли дотянуться до этой взрывной смеси, вы решили убить меня при помощи вашей психической энергии? А вы огонь! Честное слово, вы огонь! Вот, правда, я сам похож на спокойную холодную воду. Может быть, не очень чистую. А уж вы-то наверняка сказали бы, что в этом омуте воды меньше, чем грязи... ну да ничего... Моя психическая сила никогда не была особенно большой, но теперь я подкармливаюсь тем, что исходит от вас, и становлюсь сильнее. Кормите же меня, Элибер!

Не убила? Она до сих пор не убила его? Острый приступ страха пронзил все ее существо.

— Отпустите меня! — Элибер из последних сил рванулась из его железных объятий. Черные точки поплыли у нее перед глазами. Вандовер тряхнул ее и еще сильнее прижал к стене, потом — наклонился к ее уху и толстыми, жирными, противными губами четко и внятно произнес лингвистический код.

— А теперь ты пойдешь и убьешь...

Элибер была в его власти.

ГЛАВА 15

Над Мальтеном висела ночь. Телекамеры охраны, реагирующие на световые пятна и неясные движущиеся тени, пропустили мимо своих окуляров хрупкую юркую фигурку, продвигающуюся с какой-то изломанной грацией. Ни единого сигнала тревоги не раздалось в хрупкой ночной тишине. Быстро и ловко худенькое существо в черном капюшоне миновало темные и светлые участки спящего сада и подобралось к светящемуся окну на первом этаже.

У окна сидела женщина в махровом купальном халате. Видимо, она совсем недавно вышла из ванной, а теперь вот сидела у зеркала и рассматривала свое лицо. Лицо было холеным и подчеркнуто аристократичным. Только маленькая морщинка между бровями выдавала не совсем молодой возраст его хозяйки. А впрочем, скорее, это был материальный след ее непомерного высокомерия. Она слишком много хотела в этой жизни и, к тому же, привыкла получать желаемое. Впрочем, ее род позволял ей такую роскошь — все ее деды и прадеды входили в тройку сильных, из столетия в столетие управлявших этой планетой.

Женщина вздохнула, еще раз посмотрела на свое лицо и стала быстрыми умелыми движениями накладывать косметику. Она совершила эту процедуру каждый день, и каждый день наносила на лицо точно такой же

грим, как и сегодня. Женщина надула губки и закрепила на затылке свои пышные выющиеся волосы, потом — сбросила халат и надела белое кружевное платье, еще раз взглянула на себя и выключила небольшую лампочку, горящую прямо перед зеркалом. Все было как всегда. И, как всегда, в любую минуту она готова была начать революцию.

— Ты хитер, Пепис, — обратилась женщина к потемневшему зеркалу. — Но ты слишком поздно начал свою игру. Так что скоро ты будешь иметь спущенного с цепи Шторма.

Худенькое существо прижалось к стене у ярко освещенного окна и затаило дыхание. Видеокамеры по прежнему фиксировали движения света и тени, шелестящие листья, блики фар автомашин, проезжающих за чугунной оградой. Убийца очень быстро кончил свою работу. Для этого ему даже не пришлось проникнуть в комнату или прострелить окно. Элегантная женщина, которую очень многие на этой планете знали под условной кличкой «Принцесса», вскрикнула и упала на пол. Кровь тонкою струйкой вытекла из ее тонко очерченного носа и из ушей, украшенных бриллиантами, но даже смерть, так легко справившаяся с нею самой, не смогла разгладить складку высокомерия между ее тонкими бровями.

* * *

Баластер вошел в маленькую комнатку для конфиденциальных встреч, расположенную в фешенебельном квартале Мальтина. На лице человека, в ожидании примостиившегося у массивного обеденного стола, явно проступали горе и враждебность. Гость взглянул на вошедшего министра и пересел на другой стул — так,

чтобы стол располагался как раз между ними. Вандовер невольно улыбнулся, заметив это движение.

Его собеседнику на вид можно было дать лет сорок пять: жгуче-черные волосы уже слегка подпалила седина, когда-то аккуратная стрижка потеряла всякую форму, волосы, упавшие на лоб, обнажили наметившиеся залысины.

— Я хотел поговорить с тобой, Нейлор! — поприветствовал гостя Баластер.

Нейлор что-то недовольно пробормотал и сделал вид, что не заметил протянутую Баластером руку.

— Новости доходят к вам довольно-таки быстро, — недовольным голосом сказал он.

Баластер развел руками:

— А какой смысл содержать целую армию полицейских, дворников и консьержей, если при этом нельзя вовремя узнавать интересующие тебя вести? Я все прекрасно знаю. Дом убран. Дубликаты пленок и записи отправлены в какое-то другое место.

Нейлор тяжело посмотрел в глаза Баластеру:

— А теперь вы хотите знать, что убило ее?

Вандовер покачал головой:

— В каком-то смысле это несущественно. Принцессы нет в живых, а без нее вы не знаете, что делать и как существовать дальше.

Нейлор вспыхнул:

— Я пришел на эту встречу только потому, что вы сказали, что у вас есть для меня кое-что интересное. А сидеть и слушать, как вы злорадствуете, я совершенно не собираюсь! — он шумно вздохнул и ударил кулаком по столу.

— Я совсем не злорадствую, мой друг, — поспешил утешить его Баластер. — Напротив, я готов принести

вам соболезнования. Мы проделали очень много полезной работы, но, к сожалению, нам предстоит сделать ее еще больше.

Нейлор насторожился:

— Что вам от меня нужно? — спросил он и сжал кулаки.

Министр ничего не ответил. Он положил на стол свои холеные руки и сложил пальцы в тайный знак приветствия, знакомый только узкому кругу правящей элиты Зеленых Рубашек.

Нейлор еще долго молчал и наблюдал за движением пальцев министра полиции. Наконец он облизал губы и нервно спросил:

— А почему, собственно говоря, я должен вам верить?

— Вы прекрасно знаете, что я не могу вам этого сказать. — Вандовер неопределенно кашлянул. — Но ведь и я не знаю, могу ли я доверять вам. И все-таки в моем положении откровенность с вами ведет к гораздо большим последствиям. — Вандовер оглянулся. Блики хрустального бара падали на пол и на серую одежду гостя, рядом со столом стоял старинный патефон, и сейчас черная пластинка, чуть покачиваясь, кружилась вокруг своей оси, и из-под тонкой иглы вылетали звуки старинного вальса. Баластер не торопил своего гостя. Он смотрел по сторонам и терпеливо ждал, когда же Нейлор наконец-таки придет к какому-нибудь решению.

В конце концов Нейлор вздохнул и пожал плечами:

— Чего конкретно вы от меня хотите?

— Что ее убило? — быстро спросил министр.

— Мы думаем, что это было звуковое оружие. —

Нейлор нервно потеребил пальцами рукав рубашки. —

Но мы совсем не уверены в этом. Видеокамеры охраны ничего не записали. Только всплеск какой-то энергии засветил пленки, но это продолжалось не более минуты. Мы пытались провести экспертизу и пришли к выводу, что с этим видом лучей современная наука еще не знакома. А что касается официального медицинского заключения, так причиной смерти названо обширное кровоизлияние в мозг. В принципе, это и действитель но может быть естественной смертью.

— Но вы же не думаете, что это было так?

— Такая версия нас мало устраивает.

— А как же вы будете без нее обходиться?

Нейлор задумался. Он пододвинул к себе хрустальный графин и один из стоящих тут же стаканов, налил воды, отпил глоток, но так ничего и не сказал.

Вандовер согнулся над столом и заговорщически прошептал:

— А что, если вместо хаоса, который вот-вот должен захватить организацию, я предложу вам объединиться?

* * *

Королева Трикатада с явным удовольствием зашелестела своими сияющими крыльями, когда генерал Гузул приблизился к ней и сделал реверанс. Ее жесткие панцирные крылья разошлись веером, а из-под них появились тонкие прозрачные подкрыльшки. Они вспыхнули голубым сиянием, затрепетали и зашелестели, распространяя тонкий чарующий аромат. Воистину, на такое великолепие была способна только королева! Гузул подпрыгнул и защелкал всеми своими ногами. О, ему была оказана редкостная честь! Королева убрала свои тонкие подкрыльшки под блестящие панцирные крылья

и коротким жестом показала Гузулу, что тот может подойти поближе к ней.

— Как хорошо, что вы вернулись под мое крыло, Гузул! — нежно прострекотала она. — Ни одна встреча после долгой разлуки за все это время не была для меня столь приятной!

Гузул почтительно склонил голову:

— Только обязанности могут заставить меня покинуть вас, моя королева!

— Как обстоят наши дела в Доминионе?

— Старинный враг так же силен и непонятен, как и всегда, — генерал стукнул по полу передним щупальцем и стал расхаживать взад и вперед по тронному залу. — И только ваше явное превосходство в скорости кладки яиц удерживает людей в безвыходном положении.

Королева встрепенулась. На ее радужной лицевой маске отразились и гордость и печаль. Эти чувства были переданы так умело, что Гузул невольно остановился и восхищенно вздохнул. Глаза королевы загорелись любовным блеском, но она опустила веки и посмотрела в сторону.

— Мне отпущено очень мало времени, генерал, — тихо произнесла она.

Это было общим горем их расы: С непосильной обязанностью откладывать столько яиц, чтобы восполнить постоянные потери их Тракианской Лиги, — могла справиться только королева. И все-таки, сколько ни старалась Трикатада оставить после себя среди тракианских песков хотя бы одну плодовитую самку — это не удавалось ей. Тот день, когда королева состарится и больше не сможет откладывать яйца, приблизился, а значит, приближался и день, в который всем тракианским мирам будет подписан окончательный приговор. И

все же — чем больше яиц успеет отложить Трикатада, чем больше планет успеют они превратить в песчаные колыбели для своих маленьких, тем больше вероятность того, что в их мире появится следующее плодовитое поколение. И все-таки чем больше рождала Трикатада, тем быстрее ветшало ее тело и тем неумолимее она близилась к концу. Гузул хорошо понимал, что уже при его жизни война с людьми может быть окончательно проиграна и их раса прекратит свое существование.

Трикатада внимательно посмотрела на него:

— Насколько верно составлены ваши планы?

Генерал отсалютовал:

— Не волнуйтесь, моя королева! Наш бывший враг и теперешний союзник не имеет ни малейшего представления о наших предстоящих планах. Из нас получилась бы прекрасная брачная пара — вы и я... — Гузул закашлялся от смущения и опять заходил взад-вперед перед сияющим троном. — Люди верят, что мы союзники, и пока нам удается доминировать. Причем мы достигаем перевеса, задействовав всего лишь треть наших войск.

— Ах, только треть? — королева довольно кивнула головой.

Гузула волновали звуки, которые издавала королева. Может быть, на генерала действовала весна? А может быть, и что-то еще — более важное и более властное? О, он совсем не хотел думать о войне. Его сердце быстрее и быстрее стучало в груди.

— Как вы и приказали, моя королева, — отвесил поклон Гузул.

— Королевский совет поддержал меня. — Трикатада еле слышно щелкнула тяжелыми крыльями. Ее фасет-

ные глаза сверкнули и померкли. — А впрочем, ведь они боятся мне перечить. Я — их единственная надежда.

Гузул знал, что подразумевала Трикатада последней фразой. Ведь если хотя бы один раз королевский совет пойдет против ее воли, королева обидится и отложит на какое-то время очередное вынашивание личинок. Пожалуй, именно их общее тракианское горе помогало королеве прочно и просто удерживать власть в своих многочисленных щупальцах: Тракианская Лига объединилась в поддерживающий ее союз только потому, что другого выбора не было. Ни у одной другой политической фракции не имелось плодовитой королевы, которая с легкостью могла бы сместить ее с трона.

Королева медленно поднялась и внимательно посмотрела на Гузула:

— И все-таки ваши действия нельзя назвать полностью удачными, мой генерал!

Гузул покорно опустил голову.

— Да, моя королева, вы, как и всегда, правы. Командир по фамилии Шторм все-таки выжил, хотя вы и приказывали нам убить его. Но я не думаю, что он один сможет раскачать Триадский Трон или миры Доминиона даже в том случае, если он догадается о том, что происходит. Люди совсем не похожи на нас. Ни одно существо в мире не способно вместить в себя столько силы и столько власти, сколько это удается вам, моя королева!

Трикатада опять довольно сверкнула глазами:

— Что ж, генерал Гузул! Я думаю, сейчас разумнее всего направить ваши таланты на поиск Святого Калина. Наши информанты в мирах Триадского Трона сообщают, что император Пепис намерен немедленно начать его спасение. Кстати, в этой операции будет

принимать участие Шторм. Мне это совсем не нравится. К тому же уокеры слишком долго мешали нашей работе по поиску норцитовых рудников, так что если они до сих пор и не догадались о назначении норцита, так обязательно сделают это в ближайшее время. Короче, я хотела бы, чтобы Калина отыскали мы, а не подданные Пеписа.

Гузул поклонился:

— Да, моя королева. — Он был исполнительным воином, и выслушав приказ один раз, никогда не заставлял повторять его.

Трикатада помолчала и продолжила:

— Постарайтесь ознакомить с деталями операции Крока. Этот лохматый милосец — довольно-таки способное существо, а в прошлом он не один раз приносил нам пользу.

— Как будет угодно Вашему Величеству, — щелкнул хитиновыми панцирными крыльями Гузул. Его лицевая маска изменилась: выражение храбрости и воли явно читалось на ней. — Линии защиты уже проверены, моя королева, так что если на этот раз на нас нападут атфарелы, удар придется по человеческим мирам. Ну что же! Нам надо выжить, а значит, у нас есть право принести жертву. А когда люди станут бороться и умирать, наши новые корабли унесут нас далеко-далеко от этой схватки. Я, Гузул, торжественно обещаю вам — мы одержим победу!

ГЛАВА 16

Это было похоже на тонкую кожницу, сползающую с лука. Его жизнь покидала его — слой за слоем. Горькие, сладкие, радостные и горестные составные его естества отходили один за другим, и каждая потеря была болезненной. И все-таки Святой Калин упорно цеплялся за жизнь, не желая упустить ее совсем, на-всегда. Сейчас ат-фарелы наблюдали за ним так же, как и несколько часов назад, тогда, когда они исследовали его систему кровообращения, кишечник, легкие. Он не знал, что они думали о его человеческой сути, но хирургами они были неплохими — именно благодаря их тонкому мастерству он до сих пор был жив.

Странно жить, но при этом почти не иметь тела, искать комфорта — а получать острую физическую боль, измучившись, искать смерть, идущую из израненного тела, а находить тысячи светящихся точек в заброшенной Богом душе.

Он попытался вспомнить Джека Шторма в сияющем бронескафандре, потом — Элибер, потом — императора Пеписа и его бесчисленных слуг, но душа не прирастала к этим образам, как раньше. Что-то случилось с ним, что-то сломалось в нем самом.

И все-таки он не мог просить у Бога смерти и цеплялся за жизнь своего тела и жизнь своей души всеми способами, которыми располагал.

Рано или поздно это должно было закончиться. Постепенно он осознал, что ат-фарелы собирают воедино его разъятую плоть. Тихие звезды его жизни и его мысли, далеко друг от друга отодвинутые тонкими острыми скальпелями, снова приближались друг к другу и складывались вместе. Он уже не был рассыпан на куски, и темная смерть не решалась ступить на порог.

Когда Святой Калин проснулся, он почувствовал такую жгучую и нестерпимую боль, какой никогда не ощущал в своей жизни. Ат-фарелы разобрали его на части, а потом собрали снова. И все-таки их великолепные умения и навыки мало в чем помогли. Собственно, этого и следовало ожидать: откуда им было знать строение человеческого тела!

ГЛАВА 17

— Я слышал, что сегодня император принимает посетителей, — в мраморном вестибюле дворца переминался с ноги на ногу маленький, тщедушный, совершенно высохший человек. — Видите ли, мне необходимо как можно быстрее переговорить с Пеписом.

Совсем недавно он сбежал из лаборатории Зеленых Рубашек и теперь оглядывался по сторонам и все не мог найти себе места, боясь, что его обнаружат. Ему посоветовали отыскать министра Полиции и переговорить лично с ним. Женщина, скорее всего принадлежащая к дворцовому персоналу, внимательно посмотрела на маленького человечка:

— Будьте добры, назовите мне ваше имя, церковное звание и номер членского билета.

— Церковное звание... — запнулся человечек. — Да я...

Женщина невозмутимо посмотрела на него:

— Вы не принадлежите к партии уокеров?

— Почему же, нет, нет... — путаясь и краснея, ответил маленький человечек. — Вообще-то я ксенобиолог.

— Очень сожалею, — невозмутимо ответила грузная женщина. — Но сегодня император принимает только уокеров.

— Но я... — нервно затрясся человечек.

— Очень сожалею, — перебила его женщина. — Сегодня должны пройти переговоры с забастовочным комитетом. Прием посетителей по личным вопросам император начнет только после того, как решит вопрос о всеобщей стачке.

— А может быть, — никак не унимался Матердан, — я смог бы переговорить с министром Баластером? У меня есть для него очень важная информация!

Женщина долго выслушивала его просьбы с безразличным видом, но теперь ее терпение явно кончилось. Она поднялась со стула и загородила дорогу маленько-му высохшему человечку. Высокая, грузная, эта женщина возвышалась над ним, как средневековая башня. Да еще крест — резной, блестящий нет-нет, да и подрагивал у нее на груди.

— Я вызвала дворцовую охрану, — она потеснила его к двери. — Мне кажется, что вам лучше уйти до того, как траки появятся здесь.

Матердан развернулся и побежал вперед. Встречаться с траками? Господь упаси! Попадаться в руки Полиции Мира? Наверное, в его положении и это не лучше. Поросшая деревьями аллея у дворцовых ворот была пуста. Матердан оглянулся и отряхнул свою измятую одежду. И все же если он смог попасть сюда по своим документам, он не должен был так просто сдаваться! Пусть его лабораторные исследования плохо оплачивались и держались в секрете, те сведения, которыми он располагал, больше нельзя было держать в тайне — они могли повлиять на судьбу всей Траянской Лиги. Что делалось на свете! Эти подлые траки как хотели разгуливали по Мальтену, Принцесса умерла, Зеленые Рубашки после ее смерти пришли в состояние полнейшей неорганизованности. Нет, Матердан больше не мог ждать!

Где-то поблизости шли траки. По старой привычке Матердан сумел различить их шаги вовремя и на всякий случай шмыгнул в густые заросли кустарника, окружающие небольшую лужайку. Матердан упал в траву и обхватил голову руками, стараясь унять сильную нервную дрожь: уж слишком много времени ему пришлось провести в пленах у траков, чтобы видеть этих жуков снова и снова. Ксенобиолог прислушался, о чем переговаривается между собой жукообразная охрана. О! Эти солдафоны, конечно же, говорили о желании побывать на приличной войне и как следует поразмывать свои щупальца. Да, все траки были сильны и глупы. Из всех из них, пожалуй, один генерал Гузул был тонким интриганом и способным политиком.

Когда траки прошли мимо, Матердан выполз из-за куста и осмотрелся. За кустами, окружающими лужайку, виднелась высокая кирпичная стена. Ах, это, кажется, одна из тех площадок, на которых тренируются императорские рыцари! В таком месте лучше не попадаться в руки не только жукам, но и людям. Матердан юркнул в листву. Вовремя! Рядом с ним зазвучали неясные человеческие голоса.

— Дело сделано — костюм подобран и как следует экипирован, — сказал грубый голос.

Второй, более мягкий голос ответил:

— Крок очень удивил меня.

Тише, тише, надо во что бы то ни стало еще раз услышать этот голос! Матердан даже подпрыгнул от неожиданности.

— Я бы отдал свою левую руку, чтобы узнать, почему это Трикатада спустила его со своего крючка да еще позволила занимать такую огромную должность!

А сейчас прозвучит второй голос. Матердан насторожился и затянул дыхание.

— Крок никогда не любил траков, но и я не должен рассчитывать на союз с ним, так что со мной отправятся Роулинз и Элибер.

Матердан приподнял голову и выглянулся из-за побросших густыми листьями ветвей. Теперь он хорошо видел говорящих людей и никак не мог прийти в себя от удивления. Мог ли он забыть или перепутать с кем-нибудь другим человека, который когда-то спас ему жизнь, вытащив его из трахианского Клактута? Шторм... Джек Шторм... Но ведь Шторм был арестован Пеписом и объявлен предателем! Что за чудеса?

— Наверное, я зря беру с собой Элибер, — сказал Шторм. Лассадей проворчал что-то, а потом сказал:

— Может быть, теперь она и не сможет поддержать тебя так, как это делала раньше.

— Не в этом дело... — Шторм обернулся и посмотрел куда-то поверх головы Матердана. — Она заслуживает лучшей участи. Ведь Пепис так и не восстановил меня в прежней должности. Я *изменник*, а значит, когда я найду Святого Калина, император перестанет во мне нуждаться и вышвырнет меня на окраину вселенной, а может быть, и на тот свет. Короче говоря, у меня нет будущего.

— Не говорите так, командир, — покачал головой Лассадей. — Вы совсем не дезертир и не изменник.

Матердан поднялся с колен. Его информация имела особую ценность, и он не знал ни одного человека, кроме Джека Шторма, который сумел бы распорядиться ею так же толково. Он уже хотел вылезти из кустов и подойти к Джеку, но его смущили эти резкие слова «предатель», «дезертир». Матердан задумался. Вдруг

— быстрая движущаяся тень упала на него. Ксенобиолог посмотрел вверх и съежился: какое-то огромное существо в бронекостюме спускалось с дерева. Лицевое стекло шлема было опущено, и Матердан не мог рассмотреть лица. Он закрыл глаза руками и попятился.

— Что вы здесь делаете, маленький человечек? — бронированная перчатка схватила его за шкирку и подняла в воздух.

— Шторм, — еле слышно выдавил ксенобиолог. — Мне нужен командир Шторм.

Огромная железная рука тряхнула его в воздухе:

— Что вы сказали?

Матердан закашлялся и стал беспомощно болтать ногами.

— Я должен найти командира Шторма! — его плохонькая рубашка треснула и поползла по швам. Матердан упал на землю; тут же поднялся и побежал от неизвестного рыцаря.

* * *

Матердан еле добрался до своего засекреченного убежища в мальтенских трущобах. Он закрыл дверь на два замка со сложным шифром и прислонился к стене. Каждый нерв в его маленьком теле пульсировал от напряжения. Плечо болело, и все-таки он был цел!

Его пульс еще долго бился с удесятеренной скоростью, но времени отдыхать и приходить в себя не было. Ксенобиолог вошел в комнатку, оборудованную под лабораторию, открыл шкафы и стал выгребать из ящиков пленки с результатами своих исследований. Он должен был срочно все это уничтожить. Наверное, Зеленые Рубашки не зря засекретили его работу — после того разговора, свидетелем которого он невольно оказался, ксенобиолог вообще перестал понимать, кому

можно верить. Видимо, политика была такой грязной штукой, что к ней не стоило подходить близко.

Матердан укрепил на штативе большой тигель и бросил на его дно несколько кусков сухого спирта. Вот так — теперь пленки будут гореть быстро и почти без дыма. Одна, вторая, третья... да стоило ли их считать? Работа была почти завершена, и все, что нужно, прочно запечателось в его памяти. И все же — ни в какие чужие руки эти факты не должны были попасть. Когда будут уничтожены все пленки, ему придется взорвать лабораторию и сбежать в какое-нибудь укромное место. И Зеленые Рубашки, и траки будут преследовать его, а значит, дальнейшие действия надо хорошо обдумать.

Матердан был так занят собственными мыслями, что даже не услышал, как открылась наружная дверь и на пороге появился лохматый медведеобразный милосец. Ксенобиолог вскрикнул. До сих пор он знал только одного милосца — того самого, который служил одновременно и тракам, и Доминиону.

Гигант широко разулыбался и показал клыки:

— Я шел за тобой, малыш. Расскажи мне, о чем важном ты должен был сообщить командиру Шторму?

Матердан отступил к стене и с ужасом посмотрел на милосца:

— Я... мы... у меня есть для него информация...

— Только для Джека? — переспросил милосец и прошелся по комнате. — Давай не будем дурачить друг друга, парень! Я — Крок, а ты — Матердан. Моя королева с нетерпением ждет твоего возвращения.

— Я... мы... — в горле у ксенобиолога пересохло. — Я не трацианская собственность, а свободный человек!

— Свободный, а к тому же еще и страшно перепуганный. — Крок покачал головой. — Я сейчас скажу тебе

то, что знают очень немногие, — я тоже свободен. И все же моя королева отрубит мне голову и выпустит кишку, если узнает, что я тебе это сказал. Короче, сегодня ты приходил в императорский дворец, чтобы найти Шторма. У Джека сейчас большие неприятности, так что, если хочешь передать ему что-то, сделай это через меня.

Матердан провел дрожащими пальцами по стене:

— А п-по-т-том в-вы уй-д-д-д-ете?

Лохматая морда Крока разулыбалась. Матердан все еще не знал, что ему делать, но вдруг — лохматая рука в бронированной рукавице легла на его плечо. Боль и ужас быстро довершили дело. Слова посыпались из ксенобиолога, как орехи:

— Все дело в норците. Расскажите ему... Шторм знает. Я работал над этой проблемой. Расскажите ему... Я жил среди траков. Их низшее сословие — трутни — здорово отличается от других. И еще я знаю, почему траки так нуждаются в норците. Расскажите ему... Какое-то время я думал, что они покрывают норцитом крылья, но это не так. Старое оружие Джека покрыто норцитом. Он был уверен, что траки не могли его видеть. Вообще-то они могли его видеть, но не видели.... Расскажите ему...

— Помедленнее! — зарычал Крок и тряхнул Матердана за плечо. Матердан вдохнул в себя глоток воздуха и опять заговорил:

— Это происходит примерно так: траки перемалывают норцитовую руду в порошок и глотают ее. Норцит здорово усиливает боевые качества их воинов. А низшие касты этим не занимаются — они ведь не воюют! Когда норцит имеется в составе другого тела, траки чувствуют его, но при этом думают, что перед ними стоит другой трак. Но так было раньше. Теперь они

знают, что враг использует норцит, и принимают это в расчет. Но кое-чего они совсем не знают. А именно — норцит неблагоприятно влияет на них самих. Короче, скажите Джеку, что все заключено в норците.

Матердан замолчал и внимательно посмотрел на Крока. Он специально сформулировал последнюю фразу двусмысленно и загадочно — очень уж не хотелось маленькому человечку обо всем, что он узнал такою ценой, сообщать милосскому медведю. А Шторм... Шторм с легкостью додумает недостающее.

— Это все? — пристально посмотрел на него Крок.

— Да. А вы запомните это?

— Конечно, — милосец непонятно хмыкнул. — Я все запомнил очень хорошо. А ты?

Матердан вздохнул:

— А я только что сжег записи.

— Это правильно, — милосец подошел к Матердану. — Мне очень жаль тебя, малыш...

Ксенобиолог закричал и протестующе замахал руками, но кости его черепа, зажатые в огромных лапищах Крока, треснули, и он обмяк прямо в медвежьих лапах. Крок давил на череп ученого до тех пор, пока не убедился в том, что тот уже десять, а может быть, и двадцать раз мертв. Он положил на пол маленькое тело и, посмотрев на него, сказал:

— В этом ты не прав: никто не может быть полностью свободен. Траки загоняли бы тебя до полусмерти, а теперь... теперь ты недосыгаем для них.

ГЛАВА 18

Центральный экран связи, высотою от пола до потолка, с трудом вмешал передаваемое крупным планом изображение. Пепис поправил свою пурпурную мантию, улыбнулся величественной собеседнице и велел всем посторонним выйти из кабинета.

Тракианская королева смотрела на него с явной насмешкой, ее фасетные, очень похожие на стрекозы глаза поблескивали и таинственно мерцали. Пепис пригладил рукой торчащие волосы, и они раздраженно затрещали разрядами статического электричества.

— Я не умею запугивать своих союзников, — королева внимательно посмотрела на императора. — Но мы так много вложили в наши отношения, что просто не можем позволить себе разрушить создавшийся альянс. Триадский Трон находится на грани гражданской войны. Доминион никак на это не реагирует. Тракианская Лига пришла к выводу, что нам необходимо вмешаться в то, что творится у вас на планете.

Пепис открыл рот. Это что — нарушение договора? Удар в спину? Впрочем, от этих союзничков можно было ожидать всего. Он непроизвольно сжал руку в кулак и полыхнул зелеными глазами:

— В таком случае мне придется объявить о прекращении действия нашего договора.

Император не предполагал, что траки умеют смеяться, но сейчас... сейчас он видел собственными глазами наглый, неприкрытый смех Трикатады. Она совсем не сдерживалась — ее лицевая маска ходила ходуном, а великолепные панцирные крылья тряслись и щелкали друг о друга:

— А каким же способом вы собираетесь осуществить это, Пепис? За это время наши миры успели так крепко переплестись друг с другом! Ваше оружие — это наше оружие. И потом, разъединиться — это означает остаться наедине с ат-фарелами... Я думаю, что сначала вам стоит навести у себя порядок, а потом уже ссориться с нами. Мы будем ждать с нетерпением. — Трикатада величественно наклонила голову, и экран погас.

Пепис отвернулся от экрана и трясущимися руками расстегнул булавки на своей мантии. Уступить влияние в Доминионе тракам? Если даже Шторм в ближайшее время отыщет Святого Калица и беспорядки прекратятся, это не решит ничего. Только безусловное влияние на Конгресс Доминиона могло удержать императора у власти. К тому же, Трикатада вполне недвусмысленно намекнула ему на захват траками Мальтена под видом введения военного положения на планете. Видимо, этот разговор — только первый в цепи таких же неприятных и дерзких. Очень, очень многое в этот момент зависело от Шторма. Если блокировка памяти, установленная Пеписом, перестанет работать, когда Джек окажется вне пределов досягаемости Баластера, командир рыцарей станет как раз тем орудием, в котором так нуждается Пепис.

Но время не ожидало, и император, задумчиво посмотрев на себя в зеркало, поправил мантию и опять застегнул бриллиантовую булавку. «Я верну вам ваше-

го Святого, дорогие уокеры, — подумал он. — А еще — я верну себе почти утерянное царство». Итак, впереди у него была встреча с тишайшими уокерами, которые громко и настойчиво расшатывали трон.

* * *

Джек проснулся и ощущил горький вкус модрила на губах. Пустая склянка от снотворного была зажата в его кулаке. Он разжал пальцы и бросил на пол розовый полупрозрачный пузырек. В эту ночь он победил. Его сны и его воспоминания после пробуждения остались с ним. Программа, внедренная в его мозг Пеписом, то и дело давала о себе знать. Память, как рваное полотнище военного флага, зияла дырами. Это обстоятельство досаждало ему и днем, но особенно плохо Шторм чувствовал себя ночью. Конечно, модрил был не лучшим из имеющихся в арсенале медицины средств, но другие снотворные просто не действовали, а для того, чтобы хоть как-то восстановить свою память, стоило пойти на больший риск. Джек давно понял, что рано или поздно его память вернется окончательно, его волновало другое — в любой момент он мог совершить непростительную ошибку в разговоре с Пеписом или Баластером.

Джек встал и прошел в ванную. В коридоре он невольно остановился: тонкий, ни с чем не сравнимый запах духов висел в воздухе. Может быть, пока он спал, к нему снова приходила Элибер? Джек прошелся по коридору. Нет, видимо, этот запах ему просто почудился. Он не видел Элибер уже несколько дней, хотя Лассадей говорил ему, что она во дворце и недавно приходила примерять свой бронекостюм.

Джек включил душ, и упругие струи воды приятно забарабанили по коже. Шторм вспомнил все и по-

прежнему не мог жить без Элибер, но он не знал, как сказать ей об этом. Слишком уж много ушей было вокруг, ушей длинных и грязных, жадно слушающих каждое его слово. Наверное, пока ему оставалось надеяться на то, что Элибер сумеет позаботиться о себе сама, как она делала раньше.

Пепис и Баластер решили разыграть перед уокерами маленькое представление, видимо, надеясь таким манером утихомирить их. Джек был знаком с организацией уокеров совсем не так хорошо, как Джонатан, Динаро или секретарша Калина Маргарет, — но он хорошо понимал, что сейчас миссионеры паникуют и то, что годами упорного труда наработал Святой Калин, находится в опасности. Джек подозревал, что на ту удочку, которую собирается закинуть император, уокеры не клюнут, и именно поэтому хотел сам присутствовать на сорище. Пепис, как всегда, издал дурацкий указ, ясно гласящий: «Никаких бронекостюмов!» Если бы на месте императора оказался Шторм, он издал бы совсем другой указ: «Никаких траков!»

Итак, сегодня состоится официальное воскрешение Джека. Триадский Трон объявил, что он умер, и справил пышные похороны за много месяцев до того, как хитрому Пепису удалось выследить его и доставить на Мальтен как изменника и дезертира. Итак, это будет день решительных действий. Джек подумал и надел свою военную форму со знаками отличия командира рыцарей Доминиона.

* * *

Элибер постояла перед зеркалом и решила надеть закрытое платье. Проходя по комнате, она как бы со

стороны наблюдала за собой. Что с ней случилось? Она двигалась, как дешевая, грубо сработанная кукла. Видимо, ей надо было рассказать о случившемся Джеку. Что с того, что сейчас он почти не помнил ее? Шторм всегда был джентльменом, и вряд ли программа, введенная в его мозг Пеписом, могла лишить его этого качества. Джек убьет Вандовера, чего бы это ему ни стоило. И все же... Все же, она не сможет попросить Джека отдать свою жизнь за нее. К тому же, Баластер мог обыграть Шторма — что ему стоило ей же, Элибер, нашептать на ухо приказ уничтожить командира рыцарей Доминиона, пока тот размышляет, как лучше провести эту операцию?

Элибер отвернулась от зеркала. Она не могла выдержать своего собственного взгляда. Как она могла проиграть? Как она могла позволить Баластеру внедрить в свои мысли грязные и черные семена?

Раздался звонок. Элибер подбежала к двери и быстро раскрыла ее, ожидая увидеть Шторма. «Джек, ты пришел раньше времени!» — хотела было сказать она, но запнулась на полуслове: перед нею стоял Баластер.

Сегодня он был в парадном серо-голубом костюме, и выглядел как одно из тех ядовитых лезвий, которые она временами прятала в своей одежде.

— Леди! — обратился он к ней тоном, который заставил Элибер вздрогнуть. «Ну да, — подумала она, — он всегда говорит л е д и, а думает ш л ю х а». — Вы ждали кого-то другого?

Элибер усмехнулась:

— Старые привычки живут долго. Что вам нужно? — она отошла от двери, постаравшись сохранить дистанцию между собой и им.

— О, совсем немного. Я хотел бы попросить вас пройти со мной в зал. Пепис тоже спустится туда в ближайшее время.

— Я могу дойти и без вашей помощи, — отрезала Элибер.

— Без сомнения. И все же — я хотел бы вам кое-что сказать.

Элибер отшатнулась:

— Я уже и так сделала для вас достаточно много!

Баластер захохотал:

— Элибер, Элибер, неужели же вы и вправду думаете, что я способен потратить столько денег и столько времени ради одного-единственного убийства? То, что было, — это лишь маленькая прёлюдия к дальнейшему, — его губы неожиданно сделались тонкими и злыми. — А ну-ка, Элибер, подойди сюда!

Ее затошило. Она сделала шаг в сторону и громко крикнула:

— Только не Джек!

— Нет, нет, совсем не Джек, — успокоил ее Баластер. — Джек еще должен будет отыскать Святого Калина, а если нам очень повезет, так и открыть секреты ат-фарелов, — он согнул указательный палец. — Ну, ну, ближе, леди! Я прекрасно знаю ваши нелады с системами охраны. Конечно, комната не прослушивается, но все же есть вещи, о которых можно говорить только шепотом.

* * *

Зал для аудиенций был переполнен. На огромных экранах, специально для этого случая размещенных между мраморными колоннами, плыли изображения тысяч планет, на которых когда-либо побывала нога

человека. В потоках искусственного ветра колыхались разноцветные знамена. Неясный шепот перекатывался по рядам собравшихся уокеров.

Маленький человечек в золотистой ливрее выбежал на помост и объявил:

— Сегодня Его Императорское Величество Пепис принимает прошения и жалобы. Поприветствуем же как следует нашего императора!

Толпа загудела, выражая недовольство, гнев, но все-таки и восхищение верховной властью, так присущее не подходившим к ее подножию людям. Зал как бы раздумывал несколько минут, но потом, пересилив разногласия, захлопал в ладоши.

Дверь, ведущая в личный кабинет Пеписа, открылась, и из нее вышел он сам — в пурпурной мантии с тонким золотым шитьем, украшенной алмазами и изумрудами, — маленький, хитрый, властный и величественный человечек. Пепис коротко кивнул собравшимся и прошел к трону. Тут же появился непонятно откуда взявшийся министр полиции Баластер и, как тень, стал за императорским плечом. Вообще-то Вандовер опоздал, и опоздал здорово — император даже стал сомневаться в том, что увидит своего помощника на сегодняшнем сборище. Император глянул на Вандовера: на черном атласном жилете ministra ясно золотились длинные женские волоски. Это было интересно. Пепис обвел глазами зал — Элибер в толпе не было, зато Джек Штурм, одинокий и сосредоточенный, сидел в предпоследнем ряду и безотрывно смотрел на императора.

Видимо, Баластер все-таки осуществил свое намерение и избавился от Элибера. Интересно, как же это ему удалось? Но сейчас для таких размышлений време-

ни не было. Пепис встал, и монотонно шумящий зал сразу затих

— Дорогие друзья! — О, Пепис был мастак произносить речи! Он окинул зал горящими глазами и попытался соединить в одно целое неисчислимое множество сидящих перед ним людей. — Этот торжественный зал, зал для аудиенций, сегодня открылся в первый раз после исчезновения Святого Калина из Блуила. Долгие годы он был моим другом, умеющим в нужную минуту поддержать и дать добрый совет, долгое время он руководил религиозной общиной уокеров. Многие из вас обращались ко мне с просьбой организовать поиски Святого Калина, ничего не зная о том, сколько усилий по отысканию Святого предпринимают и Триадский Трон, и Доминион. Местонахождение Калина до сих пор неизвестно, но у нас есть кое-какие соображения о том, куда он исчез. Сейчас я хочу информировать вас, что, скорее всего, Его Святейшество не был потерян, он был взят в плен ат-фарелами. — Пепис сделал эффектную, заранее рассчитанную паузу. Уокеры молчали. Потом кое-где послышался плач, кое-где — приглушенный шепот. Император пробежал по толпе взглядом и скосился на секретаршу Калина Маргарет — пожилая грузная женщина стояла вместе с репортерами и спокойно смотрела перед собой. Кажется, это не было для нее особой новостью. Пепис довольно хмыкнул. Значит, Маргарет получила такое же сообщение по своим каналам! Зал гудел. Пепис откашлялся и продолжил:

— Я не знаю, почему Святой Калин пошел на такой риск. Но мне кажется, что он надеялся на контакт с этим таинственным и непобедимым врагом. Что же! Наш старый друг всегда ставил общественное благо

выше собственного. И все-таки, в Его Святейшестве нуждаются на Мальтии, и если мы сможем найти его, мы попросим его вернуться!

Пепис опять замолчал. В зале раздались овации и крики. Но вот что заинтересовало императора: кажется, его предположения на тему Вандовера Баластера оказались неправильными: вдоль рядов, поближе к трону, пробиралась Элибер в ярко-изумрудном платье. Штурм тоже увидел ее и непроизвольно повернул голову.

Сейчас начнется самая трудная часть встречи. Журналисты и представители уокеров вот-вот станут задавать вопросы. Пепис решил предусмотреть хотя бы некоторые из них. Он вытянул руки ладонями вниз, как бы прося зал успокоиться, и объяснил:

— Я предвижу некоторые из ваших вопросов. Мы не можем пойти на военные действия с ат-фарелами. Все дело в том, что это не принесет никаких результатов. У наших врагов есть возможности для строительства огромных военных кораблей и их использования, значит, попытка отбить Святого Калина может кончиться атакой ат-фарелов на целый ряд заселенных нами планет. Мы очень уязвимы.

Пепис сделал паузу, выпил глоток воды из стоящего на маленьком столике хрустального бокала иглянулся на Баластера. Министр полиции весело улыбался.

— Мой новый и очень способный министр полиции, — кивнул на него Пепис, — сумел найти самое оптимальное решение. Вместе с Тракианской Лигой мы начали возводить межзвездную оборонительную линию. Насколько я понимаю, это дает очень хорошие результаты. «Я обманул их, но дал им надежду», — подумал, замолчав, Пепис. — К тому же, никто из присутствую-

щих здесь не обладает достаточной информацией для того, чтобы противоречить ему»

— Что же касается поисков Святого Калина, так я и мои коллеги пришли к выводу, что маленькая группка избранных будет самой эффективной в поисках нашего пропавшего друга. Человека, который возглавит поиск Его Святейшества, я уже нашел.

Примерно полтора года назад мне пришлось присутствовать на похоронах офицера, сделавшего для Триадского Трона безмерно много. Представьте себе, какой шок я пережил, когда мне доложили, что этот офицер не умер и его тело не затеряно на одной из далеких и малодоступных планет! Офицер оказался живым. Более того — он оказался дезертиром. Мы проверили, насколько достоверно это сообщение, и нашли пропавшего рыцаря. Сейчас он находится среди нас, и я предоставляю ему право отыскать Святого Калина из Блуила и таким образом смыть с себя позор дезертирства. — Пепис тряхнул головой и скосил зеленый глаз в сторону Шторма. Тот внимательно смотрел на императора. Его Величество скривил губы от досады: это же надо, насколько он самоуверен! Стоит среди толпы, которая может разорвать его на части за предательство интересов Триадского Трона, и делает вид, что ничего не происходит!

Шторм посмотрел в кошачьи глаза императора, вздохнул и стал пробираться сквозь толпу к помосту. Он легко поднялся по ступенькам, поклонился публике и стал слева от императорского трона.

— Леди и джентльмены! — Пепис торжественно растягивал слова. — Перед вами последний рыцарь, уцелевший в Песчаных Войнах, командир императорской Гвардии Джек Шторм. — В зале поднялся шум. Кто-

то кричал, кто-то — аплодировал, кто-то — изо всех сил топал ногами. Пепис немного подождал, а потом продолжил свою речь: — В командире Шторме многое противоречий. И все-таки он всегда поступает так, как считает нужным. Ради меня он перенес столько горя и столько страданий, что другого, более слабого офицера, это давно сломало бы. Его храбрость и умение думать — бесценные качества, которым нельзя научиться. Насколько я понимаю, Джек Шторм — единственный человек, который сможет отыскать Святого Калина, конечно, если тот еще жив. К тому же он сам просил меня предоставить ему возможность искупить свою вину. — Пепис немного помолчал. — Я решил дать ему такой шанс. — Император отошел от микрофона и пригласил на свое место Джека.

Наступила глубокая тишина. Потом репортеры, плотной стеной толпящиеся у сцены, стали задавать Джеку вопросы. Шторм был спокоен. В принципе, он ожидал от императора именно такого хода.

— Командир Шторм, почему вы оставили свой пост? Может быть, вам помешала трусость? — нагловатый репортер ждал ответа.

Видеоэкраны, развешенные по всем стенам, вспыхнули. Джек облизал пересохшие губы. Элибер подошла к самому краю охраняемой площадки и стала рядом с Маргарет.

— Прежде чем ответить на отдельные вопросы, я хотел бы сделать заявление. — Шторм окунул взглядом зал. — Я оставил должность командира рыцарей при императоре Пеписе только потому, что был уверен в том, что союз с траками наносит вред и Доминиону, и Триадскому Трону. — Джек минуту помолчал. Он чувствовал, как на него смотрят император и министр

полиции. — К тому же, я решил выяснить природу нашего истинного врага — ат-фарелов. Император Пепис думает, что я — лучший кандидат для такого поручения. Я не уверен в том, что это предприятие кончится удачей, но я хочу показать себя солдатом, достойным рыцарского звания!

Когда Джек замолчал и отошел от микрофона, толпа заволновалась. Пепис улыбался загадочной улыбкой:

— Теперь я знаю, почему именно тебя я выбрал для выполнения этой работы! — сказал император так тихо, что его не мог слышать никто, кроме Шторма.

Аудиторию ответ Джека явно не удовлетворил. Вопросы и обвинения сыпались со всех сторон. Потом к краю помоста подошла Маргарет и зал затих.

— Нас не удовлетворяет ваш ответ, — сказала она, и усилители разнесли ее слова по всему залу. — Обещания императора столь же пусты и нечестны, как и все, что касается политики Триадского Трона. Император не только не желает выслушать то, что мы думаем, он еще и предлагает нам, чтобы поиск святого Калина возглавил *предатель*, уверяя при этом, что только *предатель* может нас спасти. Нас не устраивает такое решение вопроса, и мы не поддерживаем вас. У вас больше нет мандата, с помощью которого вы можете нами управлять, Пепис!

Обстановка накалялась. Джек посмотрел на зал и нашел в нем своих друзей — рыцарей. Они медленно поднимались к помосту с троном, чтобы отделить императора от аудитории.

Пепис встал:

— Триадский Трон находится в состоянии войны. Вы знаете, какой страшный враг угрожает нам всем. Несколько миссионерских поселений на отдаленных

планетах уже пострадали от устрашающего ат-фарела. Если мы будем ссориться друг с другом, мы не сможем победить во внешней войне!

— Вы сами выбрали это. — Маргарет ткнула пальцем в императора. — Именно поэтому мы столь единодушны в своем отношении к вам.

Рыжие волосы Пеписа взметнулись и взвихрились над головой. Пепис подошел к самому краю сцены и в упор посмотрел на Маргарет:

— Вы угрожаете мне гражданской войной! Офицеры! Выведите из зала эту женщину!

Шторм посмотрел на Элибер. Она стояла как раз рядом с Маргарет. Что-то короткое и отрывистое сказал министр полиции Баластер, но Шторм не рассышал его слов, он увидел, что Элибер с затаенною мукой посмотрела на Вандовера и потом повернулась лицом к Пепису.

Император вскрикнул и покачнулся. Толпа, сразу почувствовав неладное, стала кричать. Шторм понял, что Его Величество падает, и поспешил на помощь.

ГЛАВА 19

Все вокруг задвигалось и засуетилось. Шторм подхватил на руки ослабевшего безвольного Пеписа, посмотрел в глаза Элибер и крикнул:

— Уходи!

Баластер потемнел, как грозовая туча, потом развернулся и метнулся к выходу за помостом. Император был в беспамятстве. Ярко-красные струйки вытекали из его ушей и носа. Рыцари выгоняли уокеров из зала, в дворцовых коридорах явно завязалась драка.

Через какое-то время в зале появились траки во главе с командиром Кроком. Траки все еще были вооружены легкими лазерными винтовками, хотя их боевое снаряжение уже было модифицировано — энергетические перчатки и электропривод, который шел от перчаток к голове, делали жуков похожими на каких-то странных мутантов.

— Проследите, чтобы эта территория как следует охранялась! — крикнул Джек Кроку и отвернулся. Ему совсем не хотелось смотреть, как императорские жуки теснят к выходу паникующих, насмерть перепуганных людей.

Шторм осторожно положил императора на помост, и тот застонал. Крок подошел к сцене:

— Медики сейчас будут здесь, но во дворце творится черт знает что. Сюда прибыла целая армия уокеров. Что случилось?

— Я не знаю. — Джек поморщился. Пульс императора был прерывистым и слабым, но он еще дышал, и дышал довольно-таки глубоко. Штурм ослабил застежки на тяжелой парадной мантии Пеписа. — Кажется, у него что-то вроде комы, — сказал Джек и тут же услышал за своей спиной голос Элибер:

— С тобой все в порядке?

— Да... — он мрачно усмехнулся. — Кто бы мог подумать, что Маргарет способна возглавить революцию?

Элибер пожала плечами:

— Скорее всего, она только подала им условный сигнал.

Штурм снова посмотрел на императора. Его рука стала совсем слабой, он холодел.

Джек обратился к милосцу:

— Крок, где же медики?

— Все коридоры разблокированы, командир! — Крок прорычал что-то нечленораздельное. — Медики пытаются к нам пробиться. А еще у меня есть сообщение, что аэропорты и космодромы заняты.

— Все улицы Мальтена залиты кровью, — бесстрастным голосом сказала Элибер. Джек быстро повернулся и посмотрел ей в глаза — нет, он не смог прочитать в них ничего...

— Кто контролирует ситуацию? — спросил он.

— В настоящий момент, по-видимому, никто, — раздался над его ухом голос Вандовера Баластера, только что вернувшегося из своих особо охраняемых покояев. — Но в связи с тем, что император не может

исполнять свои обязанности, а Трон Триады находится в очень трудном положении, обязанности главы государства беру на себя я. — Баластер с интересом посмотрел на Джека и Элибер. — Я только что получил сообщение чрезвычайной важности. В наш внутренний конфликт решила вмешаться Тракианская Лига. Она мотивирует это тем, что у них, как у наших союзников, нет другого выбора, кроме как введение военного положения. Конечно, все это делается по поручению императора Пеписа.

— Оккупация, освященная законом... — пробормотал Шторм и посмотрел в глаза человеку, возвышающемуся не помосте. — Ты, сукин сын...

— Джек! — предостерегающе сказала Элибер.

Шторм обернулся и увидел настороженного Крока с лазерной рукавицей, направленной прямо на него. Джек улыбнулся, посмотрел на императора, потом — на лохматого милосца и сказал:

— Не беспокойся, если сейчас сюда не придут врачи, с моей помощью или без нее, а Пепис все равно отправится на тот свет.

Милосец кивнул, повернулся и вышел. У дверей зала для аудиенций медведя осветил яркий всплеск огня — это было похоже на удар молнии. Крок вздрогнул, помедлил минуту, а потом решительно пошел в коридор. Во всех помещениях дворца кипела схватка.

Минут через пятнадцать милосец вернулся с командой медиков. Джек опустил на пол похолодевшую руку Пеписа и отошел в сторону — сейчас императору могли помочь только врачи.

* * *

Элибер стояла в госпитальном отсеке дворца и нервно посматривала во все стороны. Светло-коричне-

вый свитер оттенял глубину ее карих глаз. Эта первая, почти звериная тревога, наполнявшая все ее существо, лишний раз подчеркивала природную женскую грацию и красоту девушки. Элибер скосила на Джека шоколадно-коричневый глаз с золотистыми крапинками по краям и нервию, почти что резко сказала:

— Если бы ты был таким мужчиной, какого я знала когда-то, этого не случилось бы.

— Я не могу отвечать за сердечно-сосудистую систему императора, — спокойно ответил Шторм.

— Конечно, нет! — Элибер посмотрела на Джека с явным чувством превосходства. Наверное, она была права и имела право и на злость, и на презрение — ведь Джек не смог помочь ей тогда, когда она так нуждалась в его помощи, а кроме того, он не смог сохранить свою тайну и раскрылся Вандоверу Баластеру. Правда, министр никак не показал ей, что что-то понял, — император после операции оправился, кровотечение прекратилось и угроза летального исхода отодвинулась, так что, несмотря на полную беспомощность Пеписа, интриги министра были затруднены. К тому же на планете полыхало восстание, и реальная власть могла в любую минуту ускользнуть не только от императора Триадского Трона, но и от его министра. Так что времени на Шторма и Элибер у Вандовера попросту не было.

Джек посмотрел на обсидиановые стены больничного блока и поморщился — за последнее время госпитальная обстановка ему изрядно надоела. Он отошел от полыхающей негодованием Элибер — пусть немного успокоится! — и подумал, что должен побывать еще где-то. Вот только вопрос — где?

Не имея доступа в космопорт, с планеты нельзя было вылететь. Наверное, именно поэтому больше все-

го крови проливалось на территории мальтийских космопортов. Императорские войска сражались с повстанцами. Военная разведка доносила, что фракции уокеров не ладят между собой, а значит, возможность найти Святого Калина будет целиком зависеть от того, кто захватит космодромы. Видимо, траки понимали это не хуже Шторма. По последним данным, их силы концентрировались в направлении космических вокзалов и — более того — жуки захватывали все больше и больше объектов. К счастью, главный космопорт столицы был оборудован как крепость — его техническое оснащение позволяло отражать наземную агрессию и агрессию из космоса.

Если Святой Калин до сих пор был жив, его время было уже на исходе. Шторм должен был спешить и не мог позволить себе ввязываться в длительную гражданскую войну. Ему нужно было не просто покинуть планету — а покинуть ее как можно быстрее. Он понимал это всем своим существом. На карту было поставлено многое. Пепис и Баластер играли в какие-то игры, окончательного смысла которых Джек не понимал, но он понимал другое — это мелкое самолюбивое политикианство расколет человечество на враждующие лагеря и откроет миры Триадского Трона для завоевания аттарелам и тракам. А тогда никому из людей не удастся выжить.

То, что раньше Шторм воспринимал как личный нравственный поиск, как дань дружбе и любви, сейчас приобрело огромные масштабы и стало с у д ъ б о ю м и р а. Джек не знал, может ли он взять на себя такую огромную ответственность, но, кажется, у него не было другого выхода.

Дверь в палату императора открылась, и в коридор медицинского блока вышла медсестра. Она вопросительно посмотрела на Джека:

— Вы — командир Шторм?

Он кивнул:

— Да!..

Хорошо — сестра открыла дверь шире, как бы приглашая Джека войти. — Император пришел в себя. Пока он еще не совсем адекватен, так что на многие его высказывания не стоит обращать внимания, имейте это в виду, когда будете разговаривать с Его Величеством. Он требует вас к себе. — Медсестра минуту помолчала. — Имейте в виду, что император очень слаб и его не следует волновать.

Элибер расслабилась и тихо пробормотала:

— Главное, что он жив... — и хотела пойти в палату вместе с Джеком, но медсестра преградила ей дорогу:

— Извините, но вас мы пустим в другой раз, а сейчас можно пройти только командиру. Пепис слишком слаб для того, чтобы принимать посетителей.

Элибер поморщилась и отошла в сторону.

Император выглядел плохо. Маленький, беспомощный комочек плоти никак не напоминал того человека, от взмаха руки которого еще недавно зависели судьбы миров. Сеть проводов и трубок, соединяющих больной организм с медицинской аппаратурой, покрывала худенькое тело. Огненно-рыжие волосы унылыми прядями висели вокруг головы — в них уже не было того зажигательного электричества, которое позволяло им раньше полыхать над императорским членом. И — более того — первый раз в жизни Джек увидел, что в алоей голове Пеписа много седины. Что-то произошло и с

лицом императора — его левая сторона была вытянута и странно, болезненно искривлена.

Джек наклонился и посмотрел в зеленые глаза Его Величества.

— Шторм... — произнес Пепис с явным усилием. Его язык не слушался его, а губы расплзались в беспомощной улыбке. — Ш-т-о-р-м... — еще раз с усилием повторил император.

— Да, да, это я! — Джек наклонился еще ниже.

— Ч-т-о... ч-то про-ис-хо-дит? — каждое слово императора было длинным, растянутым, он не говорил, а последним усилием воли выдавливал из себя звуки. — О-ни м-не не с-с-с-кажут.

Джек положил руку на плечо Пеписа, пытаясь хоть как-то успокоить его.

— На планету прибыли траки.

Император закрыл глаза. Похоже, то, что сказал Шторм, не было для него новостью, хотя это известие и не радовало Его Величество. Пепис собрался с силами, открыл глаза и опять посмотрел на Джека:

— Не забывай, Шторм, кто ты такой. Прими у Крока командование императорскими рыцарями. Сражайся так, чтобы все мы смогли выбраться отсюда. Победи траков и найди мне Святого Калина.

Джек улыбнулся:

— Это приказ?

— Да... — еле заметно кивнул головой император

Джек вытянулся по стойке «смирно»:

— Я не стану уверять вас в своей верности, Ваше Величество, и торжественных обещаний давать тоже не буду. Я найду Святого Калина, а потом мы с вами обсудим вопрос, кому следует сидеть на Триадском Троне.

Глаза Пеписа на минуту расширились, он устало кивнул и издал что-то, что должно было бы называться смехом:

— Что-то такое я и предполагал...

— Да, вы не могли предполагать ничего другого. — Джек вздохнул. — И потом — приказывать мне вести войну с траками — это излишне. — Шторм кивнул Пепису и вышел.

Элибер в коридоре не было. Видимо, она так и не дождалась, когда Джек выйдет от Пеписа. Дворец и прилегающие к нему территории уже были освобождены от восставших, звуки боя теперь доносились из прилегающих к дворцовому комплексу улиц. Но порядка в розово-мраморных владениях Пеписа все еще не было — разбитые статуи, выбитые стекла, следы взрывов и человеческая кровь свидетельствовали о только что кипевшем тут сражении.

Шторм поспешил к баракам — там его давно уже ждал Роулинз. Джек кивнул:

— Капитан, я только что был у императора Пеписа. Так вот, он реабилитировал меня и отдал соответствующие распоряжения. Так что выполнению нашего задания ничто не должно препятствовать.

Молодой белокурый офицер отдал честь:

— Я жду ваших указаний, сэр!

* * *

Вандовера Баластера Элибер нашла в маленькой засекреченной комнатке военного командования, среди бесчисленных компьютеров и средств дальней и ближней связи. Она откинула со лба волосы и решила подождать, когда министр полиции обратит на нее внимание. Она очень нервничала. В горле было сухо, слова застревали у нее во рту и не хотели выпархивать

наружу. Вандовер не обращал на нее никакого внимания. Элибер кашлянула и обратилась к военному министру:

— Я повторяю: вы можете потребовать от меня всего, чего захотите, но не отправляйте меня в путешествие вместе с Джеком.

Баластер захочотал. Он хохотал долго, издевательски долго, и смысл его смеха бесконечно унижал Элибер. Вдруг министр холодно улыбнулся и сверкнул своим черным глазом:

— Послушайте, Элибер, насколько я понимаю, вы здорово недооцениваете себя. Вы должны сделать для меня еще очень многое. Вы знаете, мне нужен живой Шторм, а лучше вас позаботиться о его безопасности не сможет никто. Так что — идите и готовьтесь к путешествию!

Элибер хотела выйти, но Вандовер схватил ее за руку и притянул к себе:

— А еще вам следует хорошенько запомнить, что я сам решаю, что мне делать, и не нуждаюсь ни в чьих советах.

ГЛАВА 20

— Это и есть те возможности, которыми мы располагаем. — Шторм закончил речь. В казарме было тихо. Джек вытер пот со лба. На Мальтене было очень жарко, и кондиционёры, работающие вполсилы из-за разрушений, принесенных уокерами, не делали воздух прохладнее. Конечно, в центральных залах дворца стояли приборы, обеспечивающие владения императора электричеством и всем необходимым, но к солдатским казармам это не относилось. Жара донимала и других. Лассадей повернулся к еле слышно шумящему кондиционеру, усмехнулся и пробормотал:

— Могучая техника! А нельзя ли открыть дверь на улицу, командир?

— Пока рано, сержант! — Шторм вздохнул. От жары, или от напряженных нервов, но его голова опять не слушалась его. Рецидив после операции... А ведь сейчас ему как никогда нужен был быстрый и холодный ум! — Итак... — он посмотрел на притихших рыцарей. — Надеюсь, что это понимают все, — возврата назад не будет, если операция, которую мы запланировали, закончится неудачей. — Он хотел добавить, что может случиться так, что и возвращаться им будет некуда — ведь если траки сломят оставшихся рыцарей, через какое-то время Мальтен превра-

тится в песок. К тому же те разрушения, которые каждый день приносило восстание, вот-вот должны были нарушить работу защитных экранов и сделать человеческие миры абсолютно открытыми для ат-фарелов.

— А что с Пеписом? — спросил Роулинз, и его ярко-синие глаза как-то странно сверкнули.

— Ему немного лучше. — Штурм вздохнул. — И все же — император очень слаб. Сейчас вместо него всеми делами на планете распоряжается Баластер, так что выводы и политические прогнозы сделать нетрудно.

Лассадей прислонился к стене:

— Хорошо, сэр, мы будем действовать, как договорились.

— Чего бы нам это ни стоило, — строго добавил Роулинз.

Джек кашлянул. Ему совсем не хотелось, чтобы один уокер рыл яму другому уокеру, но другим способом попасть в космопорт было нельзя. Там давно уже обосновалась военная фракция миссионеров, так что, никто, кроме бывших подчиненных Святого Калина ни улететь с планеты, ни прилететь на нее не мог. Собственно, Штурму не нужно было ничьих разрешений и снисхождений, да и на успешный ход переговоров, даже если их будет вести представитель другой уокерской фракции, он не рассчитывал — он рассчитывал на собственную силу и храбрость, а еще — на хорошее прикрытие со стороны товарищей.

Лассадей вздохнул, нажал кнопку и открыл дверь. В душной комнате стало немного прохладнее. На пороге замаячила огромная фигура Крока. Медведь горько усмехался:

— А меня, насколько я понимаю, отстранили от совещания? А зря! Если нам удастся отыскать Святого Калина, это повлияет на судьбы всех, находящихся в этом помещении! Вот я, милосец, состоящий на службе у траков, нахожусь здесь вроде бы по приказанию своих хозяев, но это совсем не так. У меня есть своя воля, и когда приказания траков совпадают с моими собственными желаниями, я их выполняю. — Крок торжественно выпрямился и каким-то странным, таинственным голосом сказал: — А вы знаете, что на Милосе стало гораздо меньше песка?

— Что?... — от неожиданности лицо Шторма вытянулось.

Милосец уклонился от прямого ответа:

— Я не стану повторяться. Слушайте меня внимательнее, мой друг!

— Вы сказали, что на Милосе стало меньше тракианского песка? — Шторм вопросительно посмотрел на Крока.

— Да, — кивнул милосец. — Моя родина — это слишком крепкий орешек для того, чтобы ее победить. Так происходит и со мной — я тоже оказался для жуков крепким орешком.

Джек облокотился о спинку кресла и внимательно посмотрел на милосца. Он знал, что Крок — один из лидеров небольшой общины разумных милосских медведей, которым удалось выжить после завоевания их родной планеты траками. Он давно уже слышал о том, что у Крока есть взрослые сыновья и дочери и давние, десятилетиями лелеемые мечты. Теперь мечты милосца становились реальностью. Ведь если на Милосе песка недостанет для того, чтобы выводить в нем личинки, тракам придется уйти с планеты. А

если жуки покинут Милос, туда можно будет послать группы специалистов по землеобразованию, и через какое-то, пусть и очень большое время, изуродованный мир станет живым и здоровым. Конечно, Кроку до этого дня дожить не удастся, но его дети и внуки смогут увидеть возрождение родной планеты собственными глазами. Казалось бы, офицер Тракианской Лиги, побежденный и лишенный своей родины, и надеяться не мог на то, что когда-то наступит такой день. Но Крок выжил и дождался первых обнадеживающих вестей. И все-таки эта новость подтверждала внутреннее ощущение Джека, что милосскому медведю не стоит доверять полностью — слишком уж специфические цели преследовал тот.

— Мы опаздываем, дорогой Джек! — Крок встал со стула. — Готовится массированная атака. Восставшие требуют выдачи Пеписа.

Джек встал, взял со стола пакет, который он подготовил для полета в космос на поиски Святого Калина, и кивнул:

— Насколько я понимаю, нам надо получше вооружиться. И еще — сейчас самое подходящее время для того, чтобы окончательно решить, кто наш истинный враг.

Крок издал какие-то нечленораздельные звуки — он не то засмеялся, не то заворчал. Он вышел из дверей и пошел по асфальтовой дорожке с такой скоростью, которая никак не соответствовала его огромному росту. У тумбы с объявлениями о распорядке дня в рыцарских казармах стояло два трака. Джек оглянулся, никого больше вокруг не было. Тогда он нанес удар одному из жуков, а Крок справился со вторым.

— Это несчастные случаи, связанные с восстанием, — медведь усмехнулся и посмотрел на Шторма.

— Да, конечно. — улыбнулся тот и отпихнул от себя мертвого жука ногой. — Сколько траков у нас в бараках?

Крок прикинул:

— Где-то около сотни... А могу я вас попросить, командир, чтобы вы выставили их в авангарде защиты? Уокеры с минуты на минуту будут у стен дворца!

— Неплохая мысль. Так и действуйте, — кивнул Джек. — Мы возьмем мастерские, выставим охрану, а потом вернемся к дворцу. А там будет видно...

* * *

Элибер упаковывала вещи. Руки дрожали и не хотели делать даже самую простую работу. Как ей жить дальше? В очередной раз ей удалось ускользнуть от Вандовера Баластера, но, ускользнув от него самого, она никак не могла ускользнуть от его грязных мыслей. Они поселились в ее мозгу и разрослись до неимоверных размеров — черные, жирные, злобные, мысли Баластера душили ее собственные юркие и светлые мысли. Интересно, как это Вандовер мог достигать такого эффекта?

Элибер вздрогнула, села в кресло и закрыла лицо руками. Ей нужно было расслабиться и попытаться привести себя в порядок. Она сделала глубокий вдох и начала медитировать: «Чистый воздух, чистые легкие, чистые мысли... Чистый воздух, чистые легкие, чистые мысли...» На этот раз простое упражнение для снятия напряжения не помогало. Вандовер Баластер... он обязательно заставит ее убить Джека Шторма. Уж в этом-то Элибер ни капельки не сомневалась. Но вот когда он заставит ее это сделать? И потом, а сможет ли она противостоять этому грязному чудовищу? Ведь она, скорее всего, даже не услы-

шит слов, которые Вандовер будет через тысячи миль шептать ей на ухо, так как же она станет бороться с его командами?

Она вытерла слезы. Они ничем ей не помогут. И потом — в данной ситуации даже слезы — непозволительная роскошь. Она ведь хотела стать сильной и опасной, и вот, пожалуйста, она получила назад свой дар. Только непонятно, как она теперь будет смотреть в глаза Джеку? Скорее всего, он уже не сможет полюбить ее, как прежде...

Элибер скакала кулак. На худом запястье выступили синеватые сухожилия. Элибер внимательно посмотрела на них. На том месте, где остальные жители Мальтена носили микрочип, у нее не было даже следа от шрама. Носить компьютерный идентификатор? Увольте! Она должна была быть свободной и боролась за свою свободу. Элибер подняла кулак над головой.

Итак, первое, что она должна была сделать, так это позаботиться о том, чтобы жизни Шторма ничего не угрожало.

Пронзительный звук сирены прервал ее невеселые мысли. В динамиках гудело:

— Общая тревога! Повторяем: общая тревога! Нас атакуют!

Элибер чертыхнулась, схватила свой чемодан и выбежала на улицу.

Повстанцы прорвались к дворцу до того, как рыцари успели организовать линию обороны. В своем новом бронекостюме Шторм чувствовал себя превосходно — он был хорошим солдатом и умел ценить достоинства доставшегося ему оружия. А оружие было что надо. Маленький танк, способный выдер-

жать на своих плечах добрую половину вселенной... Рыцарь Доминиона, поднимай лазерную перчатку и иди в бой, а если тебе нужно оружие помощнее, так грузи на плечо лазерную пушку и пали по космическим кораблям...

И все-таки на врагов, которые совсем не были для него врагами, он смотрел с таким замешательством в первый раз в жизни. Он совсем не хотел видеть мертвыми этих отчаявшихся и, в общем-то, во многом правых людей. Он совсем не хотел пускать в них лазерные лучи и потом смотреть, как горит и рассыпается на мелкие угольки их плоть. Уокеры боролись за то же, за что боролся и Джек, а разница заключалась в том, что он и повстанцы попались в разные ловушки... ловушки, расставленные императором Пеписом.

Крок возвышался над пультом связи. Своим ревущим медвежьим голосом он отдавал быстрые приказы:

— Итак, никакого самоволия! Мы выполняем строго оборонительную задачу! Мы не можем пустить повстанцев в императорский дворец, но, с другой стороны, нам не нужны и лишние трупы.

Джек осматривал территорию. Он крутанул тумблер связи и попробовал поговорить с одним из своих подчиненных:

- Роулинз!
- Да, сэр!
- Мастерские освобождены?
- Да, сэр! Мастерские закрыты. Рядом с ними выставлена охрана.

Это была хорошая новость. Значит, их оборудование будет сохранено и не попадет в руки к мятежни-

кам. Шторм задумчиво посмотрел на свою лазерную перчатку. Впереди их ждал бой. Кажется, отряду рыцарей придется отступить в главное крыло императорского дворца и держать оборону. Конечно, через какое-то время всем им понадобятся боеприпасы и провизия, да и вообще такое решение нельзя назвать безупречным.

На раздумья времени не было — камеры охраны сообщили о приближении повстанцев. С криками и руганью уокеры бросились в атаку. Сначала рыцари стреляли поверх голов — война с траками, к которой привыкли солдаты императора, очень отличалась от войны с собственными согражданами.

Мятежники шли лавиной. Шторм никогда не думал, что их так много. Он покосился на Крока в специальном, приспособленном для его фигуры военном обмундировании и прохрипел:

— Кажется, сегодня нам придется плыть в человеческой крови...

Крок прохрипел что-то нечленораздельное.

* * *

Император Пепис соображал плохо. Он приподнял голову, но тут же опять уронил ее на подушки — держать ее на весу у него не было сил: потом открыл правый глаз и посмотрел в пространство перед собой — левый глаз не слушался его и не открывался. Это было последствием того кровоизлияния, которое приковало его к медицинской койке, а может быть, и лишило трона.

На краешке его кровати сидела посетительница. Она протянула руку, взяла с тумбочки влажную марлю и приложила ее к больному глазу императора.

— Спасибо... — сказал Пепис и ужаснулся звуку собственного голоса — тихий, хриплый, не то шепот, не то хрип...

— Не стоит благодарности, — ответил молодой, звонкий и хорошо знакомый ему голос. Император улыбнулся:

— Мне трудно рассмотреть вас, Элибер, но слух у меня пока что отличный.

— Вот и прекрасно. А лед должен вам немножечко помочь. — Элибер протянула Пепису небольшую чашку со льдом. Император взял ее дрожащей рукой и попытался подняться — нет, конечно, он для этого слишком был слаб. Хорошо еще, что медицинская кровать самой новой конструкции, неимоверно чуткая к любым желаниям врученного ею электронному попечительству пациента, тут же поменяла положение. Дрожащими пальцами император выловил из чашки несколько кусочков льда и отправил их в рот. Освежающая влага медленно поползла вниз по горлу. Его глаза чуточку прояснились.

Элибер беспокойно посмотрела на дверь.

— Что происходит? — спросил император.

Элибер пожала плечами:

— Кто-то начал гражданскую войну. На мой взгляд, так сделать мог только фанатик и придурок.

Пепис засмеялся и тут же подавился кусочком льда. Пока он кашлял, Элибер успела взять у него из рук чашку и пересесть на стул.

— О войне я знаю. — Пепис вопросительно посмотрел на девушку. — А что происходит именно сейчас?

— Думаю, вам не стоит волноваться. — Элибер старалась говорить как можно спокойно. — Ваши рыца-

ри вас защищают, так что госпиталь — это самая безопасная часть дворца. А вообще-то мы завязли по шею...

Император попытался как-то осмыслить происходящее. Голова болела, и реальность ускользала от него. Наконец-то он собрался с мыслями и сообразил, что сейчас у самых стен дворца создаются заградительные барьеры. Его рыцари оборонялись и, кажется, оборонялись безуспешно.

— Боже мой! — выдохнул он. — Неужели же все это зашло так далеко?

— В настоящий момент — да. — Элибер внимательно посмотрела в его потухшие зеленые глаза. Может быть, эта юная леди была чуточку жестока, и все-таки она показалась императору прекрасной.

— У вас есть какие-нибудь идеи?

— Нет. — Пепис покачал головой. Тело болело, но это была еще половина беды. Гораздо хуже было то, что многие участки кожи потеряли чувствительность. Он немножко подумал: — А где медсестры?

— А-а... — Элибер как-то равнодушно посмотрела в сторону. — Большинство персонала сбежало из дворца... Лакеи, повара, горничные, ну и, конечно же, медики. Но это не страшно. — она как-то криво усмехнулась. — Главное, что у вас еще остались ваши рыцари.

— Да... Я должен был предвидеть такой поворот событий. — Что-то, отдаленно напоминающее угрызения совести, шевельнулось в душе императора: каких интриг ни плел он против Джека Шторма, а командир рыцарей все же не оставил своего императора в тяжелую минуту! Хотя... конечно, он оставался во дворце совсем не из-за привязанности к императору. Просто у

этого человека было свое понятие долга. — А где Баластер?

— О-о... — Элибер неопределенно махнула рукой. — Ваш министр отдает какие-то распоряжения офицерам полиции. Как вы знаете, сейчас он выполняет ваши обязанности.

— Знаю, знаю, дорогая, — излишне торопливо ответил Пепис и закашлялся. Элибер поднялась со стула и поддержала его голову до той минуты, пока кашель не прошел, потом протерла влажною марлей пересохшие губы императора и дала ему отпить несколько глотков воды из специальной хрустальной поилки в виде маленького чайничка. Элибер смотрела на Пеписа хмуро и озабоченно:

— Мне кажется, что все обойдется и вы будете жить.

— В самом деле? — император зажмурился. — Если бы у меня была ваша вера!..

— Вера... вера... вера... во что? — В палату вошел Вандовер Баластер. — Пепис, насколько я могу судить, вы выглядите значительно лучше!

— Что происходит? — здоровый глаз императора требовательно смотрел на министра.

Министр поглядел на Элибер, а потом опять перевел взгляд на Его Величество.

— Пытаюсь держать ситуацию под контролем. Рыцари не очень-то хотят проливать кровь своих собственных сограждан, поэтому Крок дал приказ отступать. Я думаю, что это неплохое решение. Зачем проливать реки крови, если без этого вполне можно обойтись.

Император попытался приоткрыть левый глаз. Нет, у него опять ничего не получилось.

— Как вы думаете, моя гвардия удержит позиции? — спросил он. Элибер отвела глаза в сторону. Пеписа сильно резануло выражение отчужденности, появившейся на ее лице. Кажется, и тут он сделал ошибку — ему не следовало вверять ее судьбу собственному министру. Пепис опять закашлялся, но на этот раз никто не пришел ему на помощь. Когда приступ кашля прошел и Его Величество смог опустить голову на подушку, коридор перед его палатой наполнился вооруженными рыцарями. Император отчетливо слышал столь привычный ему грохот их бронескафандров.

ГЛАВА 21

— Рыцари императора! — на здоровый глаз Пеписа набежала слеза. — Уж они-то будут до конца сражаться за мои интересы!

Этот день длился бесконечно долго. В коридорах дворца постоянно стреляли и дрались. Крики, стоны, разрывы снарядов создавали неимоверный шум. Его Величество чувствовал смертельную усталость, но, несмотря ни на что, старался не засыпать. Собственно, сейчас бодрствование и было единственным признаком жизни, который он мог проявить. Наконец-таки, все стихло.

Бронекостюм, изготовленный специально для Элибер, стоял тут же, в углу медицинской палаты. Она то и дело косилась на него, но пока не двигалась со стула. Происходящее, как это и случалось с ней всегда, не могло отбить аппетита, и чувство голода заставило Элибер подняться, найти пакет с сухим завтраком и раскупорить его. Сухой завтрак был отменно вкусен. Элибер нанизывала на вилку кусочки сочного холодного мяса и с удовольствием отправляла их себе в рот.

— Не беспокойтесь, Ваше Величество. — Элибер подцепила на вилку очередной кусок. — Рыцари будут бороться за свою жизнь, а это очень важно — ведь в таком случае и их и ваша цели совпадают!

Пепис внимательно посмотрел на нее. Конечно, ее стоило бы побранить за отсутствие всяческого уважения к собственному императору, но, кажется, в данном случае это было бесполезно — он знал эту юную леди слишком хорошо. Ее манеры всегда напоминали ему какой-то огромный шкаф, набитый фантастическими нарядами — в зависимости от обстановки и ситуации эта полуледи, полууличная девчонка вытаскивала из своей коллекции нужную интонацию, нужный жест, нужное словцо и таким образом создавала очередной феерический наряд. Император вздохнул. В чем-то, конечно же, она была права — на медицинской койке, опутанный сетью проводов и зависящий от работы медицинской аппаратуры, он был беспомощнее грудного младенца. Пепис еще раз посмотрел на Элибер. Кажется, он начал понимать, чем она привлекла Шторма — кроме природных красоты и грации, в ней жило прирожденное свойство узнавать правду, какой бы она ни была, и сохранять о ней ясное представление.

— Кажется, я здорово в вас ошибался, — сказал император и сам удивился своим словам.

И вдруг глаза Элибер наполнились ненавистью. Пепис сжался от неожиданности, но через секунду эта черная злость в ее глазах пропала, и император засомневался, была ли она на самом деле.

Элибер проглотила кусок мяса:

— Сознайтесь, император, вы ведь специально мешали Джеку во всех его начинаниях! Сознайтесь, и я освобожу вас от всех ваших трубок!

Пепис поперхнулся. Его слабое дыхание поддерживалось медицинскими аппаратами. Конечно, через какое-то время он поправится, но сейчас освободить его

от этих бесчисленных трубок — значило освободить его от жизни. Уж это-то он понимал хорошо.

— Напротив. — Пепис постарался говорить спокойно. — Я делал все, чтобы хоть как-то помочь ему.

Элибер кинула ногой:

— В таком случае, ему вредил Вандовер.

Пепис едва заметно кивнул.

— А! — Элибер смяла пакет со съеденным завтраком и, как какого-то заклятого врага, со злостью отшвырнула его в угол. — Все мы проводим тут свою жизнь, как мухи в паучьей паутине.

Пепис посмотрел на смятый пакет.

— Я оставил его специально для вас, — тихо сказал он, так тихо, что эта юная леди едва ли рассыпала то, что он произнес. Элибер подошла к своему бронекостюму. Он был блестящим, так как поверх темно-синей, почти что черной эмали, был покрыт норцитом. На вкус императора юная женщина могла бы выбрать не столь мрачный цвет. Кажется, Элибер что-то пробормотала. А может быть, императору это почудилось?

— Кажется, я тоже ошиблась в вас, — долетел до Пеписа ее еле слышный голос.

Лавина событий, обрушившихся на них за последние сутки, донельзя утомила императора. Да и разговор с этой строптивой девчонкой давался ему с большим трудом.

— Я думаю... что мне пора спать... — тихо сказал он.

— Хорошо. — Элибер не соизволила к нему повернуться. Последнее, что увидел Пепис перед навалившимся на него сном, — хрупкую женскую фигурку, задумчиво гладящую рукой бронированный рукав бронекостюма.

* * *

Император проснулся от неимоверного грохота. В коридорах стреляли. Элибер подошла к Пепису и изменила угол наклона его кровати так, чтобы император мог видеть получше.

— Что случилось? — спросил Его Величество, взглянув на ее напряженное лицо.

— Они бежали... хотя... я совсем не уверена...

Дверь в палату открылась, и в помещение вошел Шторм. Он снял свой шлем, прикрепил его к поясу и посмотрел на императора.

— Джек! — выпалила Элибер, но тут же прикусила губу — Шторм не обращал на нее никакого внимания.

— Мы удерживаем наши оборонительные позиции, — обратился он к Пепису. — Но мы больше не можем их удерживать, — его голубые глаза посветле-ли от боли. — Я хочу объяснить вам, сэр. Никто из нас не хочет развязывать полномасштабную гражданс-кую войну. К тому же над нами завис огромный тракианский корабль. Жуки угрожают нам начать военные действия. Насколько я понимаю, они не будут очень уж долго раздумывать, стоит ли им вступать в борьбу.

Пепис облизал пересохшие губы:

— Вандовер... — он отпил глоток воды из протянутого Элибер стакана. — Где Вандовер Баластер?

Джек вздохнул:

— Министр следит за ат-фарелами. У них, кажется, что-то происходит. А мне необходимо как можно быстрее покинуть планету и отправиться на поиски Святого Калина. Поймите, Ваше Величество, у нас больше нет времени.

Пепис еще раз облизал губы:

— Микрофон, — взяточно и четко сказал он. — Подключите меня к микрофону.

Джек подключил императора к линии всеобщей связи планет Триадского Трона и отошел в сторону, к окну. Над городом висела ночь. Языки красного пламени, устремленные вверх, выглядели особенно яркими на фоне непроницаемого бархатного мрака. Слышались взрывы. То там, то тут вспыхивали лучи лазерных винтовок. В тишине медицинской комнаты раздался голос императора:

— Подданные Триадского Трона! К вам обращается император Пепис. Я прошу вас прислушаться к моим словам и прекратить кровопролитие. Вы сами приближаете свою гибель. Сложите оружие. Предоставьте поисковой группе возможность беспрепятственно покинуть планету и отправиться на поиски Святого Калина. Я думаю, что вместо того, чтобы продолжать эту бессмысленную войну, всем нам следует сесть за стол переговоров

Магнитофоны записали голос императора и передавали его сообщение непрерывно в течение получаса. Шторм надел свой шлем и стал крутить ручки настройки связи, пытаясь в разноголосом шуме битвы уловить что-то, хоть отдалено напоминающее официальный ответ мятежников императору. Ответа не было. Собственно, сам-то Шторм его и не ждал. Он включил волну, на которой работали рыцари императорской гвардии, и сказал:

— Крок! Насколько я понимаю, наши уокеры решили напороться на грубость. Роулинз, готовься к выходу, а ты, Лассадей, не спускай глаз со своих головорезов! — Джек замолчал и стал ждать, когда до него донесутся звуки атаки. Внутри бронекостюма было душно, и он

задыхался. Его воспоминания и мысли опять перепутались. Где он был? Что с ним происходило? Ах да! Когда-то давно он был рыцарем Доминиона и вел «ч и с т у ю в о й н у». Этого принципа он придерживался всю свою жизнь и с ним вошел в черноту сегодняшней ночи...

* * *

Командир Крок снял шлем.

— К сожалению, министр, — обратился он к Вандоверу. — Мы сделали все, что смогли, к тому же без массовой резни.

Вандовер ходил по больничной палате мимо постели Пеписа, и его длинные черные одежды колыхались в такт его движениям. Министр неприязненно посмотрел на милосца:

— Командующий, насколько я знаю историю, еще ни один полководец не смог выиграть битвы, отступая.

— Конечно, сэр. — Милосец обнажил огромные желтые клыки. — Но впереди нас ждут другие битвы.

В комнате наступила напряженная тишина.

— Где Джек? — нервно спросила Элибер.

— Он скоро будет. Там произошло несчастье. — Крок неопределенно кивнул в сторону коридоров. — Есть раненый. Командир Штурм выносит этого рыцаря из пекла.

— А как траки? Что происходит с охраной? — министр выжидательно смотрел на огромного медведя. Крок безразлично пожал плечами. Может быть, он что-то сказал, но его слова потонули в грохоте, раздавшемся в конце коридора. Вдруг — двери открылись и в палату вошел Джек. На его руках покачивался раненый.

— Я думаю, его надо поместить в эту же палату. По крайней мере, на этот момент у нас нет выбора. — Шторм глянул на императора.

В коридоре было полно огня и дыма. Из темноты вынырнул Роулинз и поспешил на помощь Джеку. Элибер ахнула — бронекостюм Роулинза был поврежден и залит кровью. Джек развернулся, прикрывая броней свободное пространство в дверях. Через секунду из коридора выскользнул Лассадей. Шторм нажал на кнопку в стене и закрыл толстые металлические двери в медицинскую палату. Лассадей вытащил откуда-то банку холодного пива и вручил ее Шторму. Тот хмыкнул:

— Скудный рацион, не так ли?

Сержант хмыкнул и махнул рукой двум рыцарям-новобранцам, чтобы они как следует уложили раненого. Джек смотрел на них и с наслаждением потягивал пиво. К нему подошел Баластер.

— Что нового? — не скрывая испуга, спросил министр.

— Нового? — Шторм вздохнул. — Мы не пользуемся защитным экраном. У нас для этого слишком мало мощности. А что касается этого дворца, так он выдержит два или три штурма без особого ущерба для себя. — Джек замолчал и прислонился лбом к холодной банке пива. — Нам нужно время.

Крок открыл двери палаты и выглянул в коридор. По нему в черных, почти непроглядных потемках двигалась целая груда оружия.

— Отлично! — прокричал милосец. — Я уверен, что кое-что из этого металлолома скоро мне понадобится!

Шторм ободряюще улыбнулся Пепису и Элибер:

— Вероятно, эта ночь будет очень долгой и очень трудной!

— А что вы предпринимаете? — капризно и нервно спросил министр полиции.

— Можно сказать, Баластер, что мы много часов подряд вели бой, а сейчас у нас наступило затишье. Противоположная сторона сейчас ведет перегруппировку сил и обдумывает результаты случившегося. Видите ли, пока мы только отбивались от них, и все же уокеры понесли серьезные потери. Мы имеем дело с фанатиками, и очень многие говорят о том, что это надо учитывать. — Шторм допил пиво и торжественно поднял вверх банку. — Ваше здоровье, Вандовер! Так вот, не забывайте, что почти никто из повстанцев не видел нас во время настоящей схватки. Конечно, пару раз на стадионе, в торжественной обстановке, мы демонстрировали свои возможности. Но стадион и ситуация реального боя, мягко сказать, не совпадают. Так вот, сейчас уокерам пришлось посмотреть на нас. Теперь они знают, чего им стоит бояться. А теперь — он взглянул на бледного как смерть Баластера, — если вы не возражаете, я хотел бы немножечко поспать.

Джек прошел в дальний угол комнаты и прямо в бронекостюме улегся на пол.

От Шторма больше нельзя было ничего добиться, и Баластер, округлив свои черные глаза, зло посмотрел на Элибер. Она свернулась калачиком в мягкое кресло и решила не обращать никакого внимания на министра полиции.

Баластер повернулся и вышел из комнаты. С постели императора донеслись какие-то непонятные звуки. Что это — легкий храп или изо всех сил сдерживаемый хохот — Элибер сказать не могла.

* * *

Громкий лязг металла у дверей медицинской комнаты раздался перед самым рассветом. Первым, как всегда, проснулся Шторм. Он вскочил на ноги и подошел к дверям. Роулинз, Лассадей и Крок сразу же присоединились к нему. Элибер выбралась из кресла и подошла к Пепису, помогла ему сесть и устроиться на кровати поудобнее. Его величество издал какой-то странный мяукающий звук, а потом тихо сказал:

— Следите за Джеком!

Шторм подошел к дверям, открыл их, вышел в коридор и скомандовал двум адъютантам:

— Открыть двери на лестницу!

— Командир... — сбивчивым голосом ответил адъютант. Наши сканнера показывают, кто там находится...

— Я знаю кто там, — резко прервал его Джек. — Открывайте двери.

Адъютанты отдали салют и поспешили выполнить распоряжение. Двери открылись, и в медицинский отсек сразу же влетел запах гари и золы. Шторм сделал шаг вперед и насмешливо пропел:

— А-а! Какая неожиданность! Генерал Гузул! Мы предоставляем себя в ваше распоряжение!

Элибер чуть не задохнулась от негодования и стыда, когда увидела, что Джек склонил колено перед огромным траком.

— Мне бы хотелось, чтобы хоть кто-нибудь потрудился мне объяснить, что тут происходит! — с раздражением крикнул Пепис.

Элибер влезла в бронекостюм, быстро загерметизировала швы и громко сказала:

— Мне кажется, император, что мы с вами находимся в другой реальности, — потом наставила палец на

траков, пытающихся сдвинуть с места кровать императора и, кивнув на многочисленные провода и трубы, презрительно произнесла: — Следите за аппаратурой, жучьи морды!

Элибер подошла к окну, посмотрела на выжженные лужайки рядом с дворцом, на которых стояли трахианские корабли, и крикнула Пепису:

— Насколько я понимаю, ваши садовники, увидев этот кошмар, напыются с горя!

Пепис засмеялся. Его мраморный розово-обсидиановый дворец выглядел ужасно — следы бойни, пожара и разрухи виднелись повсюду. Что же, кажется, ему надо поблагодарить Шторма и Крока за их прозорливость — теперь, перед лицом полномасштабной агрессии, взволновавшиеся уокеры опомнятся. Как только трахианские корабли приземлились на императорские лужайки, огонь прекратился. Правда, их брал в плен генерал Гузул, а это было плохо. Конечно, ему сказали, что королева Трикатада желает незамедлительно переговорить с Пеписом, а уж перед жучьей королевой он не мог предстать слабым и разобранным.

Элибер ободряюще похлопала Пеписа по плечу. Кажется, она понимала, о чем он сейчас думает.

Шествие возглавлял Вандовер Баластер. Он был обвшен всевозможными сумками и чемоданами и от груза вещей пригибался и никак не мог выпрямить спину. Кажется, он отлично знал, что их всех ожидает, и собрался в дорогу заблаговременно... За Баластером следовали Шторм и еще несколько рыцарей.

— Кажется, нас ждет веселенькое путешествие! — сказала Элибер, посмотрев на космические членки у кораблей.

— Ничего, — попытался успокоить император не то ее, не то самого себя. — Я доведу это дело до конца.

— Конечно, — выпалила Элибер. — Ведь у вас нет другого выбора! — Она скосила глаз на сопровождавших их траков. Что и говорить, на пленников они походили гораздо больше, чем на союзников, — несколько рыцарей, министр полиции, беспомощный император — какое жалкое и постыдное зрелище!

Джек был спокоен. Во всяком случае, после того, как он сдался в плен Гузулу, он выглядел спокойным и бледным. Элибер не могла определить, что на самом деле скрывается за этим холодным покоем.

Джек наблюдал за тем, как они подходят к одному из членков. Его мысли скользили и путались. Они шли в самое логово врага, и если сейчас каждый из них не будет собранным и внимательным, никому не удастся вернуться обратно. Он старался держать себя в руках и контролировать каждый свой шаг, но стресс и усталость, накопившаяся после битвы, отнимали последние силы. Если бы сейчас Шторм оказался без бронекостюма, он, наверное, споткнулся бы и упал, но верная броня поддерживала тело и немного успокаивала дух. Шторм взглянул на Крока, идущего рядом, и ужаснулся — на какое-то мгновение Милос и Мальтен смешались в его сознании, и он перестал понимать, как их можно различить и отделить друг от друга.

Милосец старался развлечь Шторма и что-то говорил, Джек вынужден был отвечать, и это прояснило мозг. Повсюду, в маленьких укрытиях, похожих на холмики, сидела траянская охрана. Двигатели сработали. Они вошли в трюм, Джек закрыл глаза и стал вслушиваться в монотонный шум стартующего кораб-

ля. Где-то рядом с ним стонал император Пепис. При таком состоянии здоровья этот коротышка может и не пережить тех перегрузок, которые связаны со стартом. Он удивился собственным мыслям. Собственно говоря, а важна ли была для него жизнь и смерть этого человека? На обдумывание этого вопроса времени не было. На его тело навалилась страшная тяжесть. Корабль набирал скорость.

* * *

Джек очнулся и обнаружил, что траки возятся с его бронекостюмом. Это было связано с проверкой оружия перед полетом. Дежурные траки насмешливо стрекотали и обсуждали между собой его слабость. Джек поставил на пол свои бронированные ботинки и выпрямился. Что же! Как бы ни смеялись жуки, а он все равно был значительно выше двух этих далеко не маленьких трахианских особей. Шторм огляделся и увидел, что рядом с ним стоят другие люди. Это придало ему какую-то уверенность — ведь его действия должны были помочь им правильно вести себя. Итак, Шторм был побежден. А вот почему при этом он остался жить? Это обстоятельство было для него неразрешимой загадкой. Охраняемый двумя траками, он вышел из челнока и попал внутрь другого, более крупного корабля.

Они прошли несколько отсеков и попали в большой зал, посреди которого, охраняемая многочисленными трахианскими гвардейцами, восседала королева Триката. Ее ослепительно-радужное тело блестело, а хитиновые щитки на спине беспрерывно щелкали.

— Добро пожаловать на корабль, мой доблестный солдат! — обратилась она к генералу Гузулу.

Шторм невольно обратил внимание на то, что свое приветствие Трикатада произнесла на человеческом языке и только потом повторила его тракианским щелканьем. Кажется, на первых порах властительница жукообразных собиралась проявлять уважение к своим пленникам.

Гузул почтительно склонился перед королевой.

В горле у Шторма стоял комок. С того места, где он находился, он запросто мог бы поразить королеву траков. Вместе с нею прекратил бы существование род этих агрессивных и недобрых жуков и человечество раз и навсегда избавилось бы от половины своих кошмаров. Но за это им пришлось бы поплатиться жизнью всех находящихся на корбле людей... Джек еще думал, что ему надо сделать, когда королева подняла на него свои глаза и он услышал голос Гузула:

— Моя королева, разрешите представить вам командира рыцарей Джека Шторма! Вы слышали много похвал его способностям! — генерал церемонно поклонился.

Похвал? Джек еле сдержал себя, чтобы не засмеяться. Королева махнула клешнеобразной лапой и отпустила охрану, потом нажала на кнопку и открыла дверь ангара у себя за спиной:

— У меня есть для вас сюрприз, Джек Шторм! Сюрприз, полностью соответствующий вашей военной славе!

Когда Шторм увидел, что находится за дверью, у него перехватило дыхание — ослепительно сияющий, жемчужно-белый, ни с чем на свете не сравнимый по своей красоте, перед ним стоял его старый бронекостюм. Бронекостюм, который Джек считал утерянным на века!

И сразу же старый кошмар овладел его душой. Что планировали траки? Скорее всего, они знали, что его костюм инфицирован, — ведь они хорошо помнили о тех ужасах, которыми сопровождалась война на планете Милос.

Джек бросился к своему оружию. Ему нужно было как можно скорее вырвать замшевую прокладку и разрушить того хищника, который вызревал внутри перламутрового красавца. И вдруг — за его спиной во весь голос закричала Элибер:

— Джек! Джек! Не делай этого! Это же Боуги!

ГЛАВА 22

От натиска Шторма бронекостюм упал на пол. Элибер бросилась к Джеку и повисла на его шее. Ее била дрожь.

— Не делай этого! Не делай этого! — кричала она.

Шторм оттолкнул от себя Элибер. Обеспокоенный Гузул встал между Джеком и королевой траков. Триката да двусмысленно произнесла:

— В конце-то концов это его личное дело!

Шторм добрался до замшевой прокладки. На ней пульсировала почти что незаметная желеобразная субстанция. Она была и живой, и неживой одновременно — с одной стороны, он ничего не мог делать сам — ведь ни рук, ни ног у него не было, а с другой стороны, он прекрасно мог управлять бронекостюмом. Бер-сер-кер... милосский бер-сер-кер...

Элибер вскочила на ноги:

— Нет, Джек! Не позволю тебе убить Боуги! И не заставляй меня причинять тебе боль!

Мысли, как листья, сорванные бурей, закружились в его голове. Милос, Мальтен, Дорманд Стенд... Голос Элибер требовательно и властно звенел в ушах.

Джек посмотрел на нее. Она выставила вперед свой упрямый подбородок и глядела на Джека с явным вызовом. На ее скулах выступил яркий румя-

нец — она прекрасно знала, что Шторм даже не представляет себе, что стоит за ее угрозой причинить ему боль.

Джек почувствовал, что сейчас Элибер находится на грани безумия. Она была похожа на клинок, приставленный к шее. Огромным усилием воли Шторм сдержал себя и не посмотрел на императора Пеписа. Теперь он знал, что вывело из строя Его Величество. Для того, чтобы защитить себя и Шторма, Элибер что-то сделала с собой и возродила к жизни ту темную часть своей натуры, с которой они так долго боролись. Что толкнуло ее на этот шаг? Ведь раньше больше всего на свете она боялась убивать.

Шторм убрал свою руку от Боуги. Бронекостюм, почти пустой внутри, перестал цепляться за его одежду и тяжело упал набок.

Роулинз охранял императора Пеписа и с невозмутимым видом наблюдал за действиями Шторма.

— Любопытно, — затрещала королева Трикатада. — Что же на самом деле управляет этим оружием и делает его активным?

«Что-что, а это вы действительно хотели бы узнатъ», — подумал Шторм и, помолчав минутку, спокойно ответил:

— Робот.

— Вот так? — Гузул недоверчиво защелкал своими надкрыльями и подвинулся вперед. — А я думал, что оружие, управляемое искусственным разумом, у людей запрещено!

— Это действительно так. — В беседу вступил Вандовер Баластер. — То, что вы видите перед собой, было всего-навсего экспериментальной моделью. К сожалению, эксперимент окончился неудачей.

Джек поднял с пола жемчужный бронекостюм и вздохнул:

— Как только мы узнаем все, что нам надо, оружие будет уничтожено.

Королева траков удивленно посмотрела на рыцаря:

— А что вы хотите узнать?

Шторм вздохнул:

— В тот момент, когда исчез Святой Калин, это оружие было вместе с ним. Есть надежда, что видеокамеры внутри шлема смогли хоть что-то записать. Мы проверим все датчики и попытаемся извлечь максимум нужной информации.

— Ах вот в чем дело... — Трикатада махнула крылом Гузулу. — В таком случае мне вдвойне приятно, что мы сумели сохранить для вас эту уникальную вещь. Ваши каюты уже готовы. Вам надо отдохнуть после столь бурных событий и привести себя в порядок. А потом мы сможем побеседовать.

* * *

Элибер, как тень, скользнула за Штормом в его каюту и сразу же бросилась к серебристому скафандрю.

— Что ты делаешь? — с тревогой посмотрел на нее Джек.

Она ответила ему презрительным взглядом:

— Что я делаю? Пытаюсь разобраться с твоим оружием. Ведь ты же не хочешь потерять столь ценные данные?

«Босс! Будем воевать! — в ушах Шторма раздался голос Боуги. — Я верил в то, что вы меня найдете. Но почему Элибер сердится?»

— Элибер действительно сердится, — мысленно ответил Джек берсеркеру. Но ты не говори ей, что сейчас мы с тобой общались!

Бронекостюм поднял правую руку. Элибер раскраснелась от удовольствия, она протянула руку и погладила бронескафандр так, будо эта броня была живой и могла ощущать ее прикосновение.

«Я – всего лишь указательный столб, – обратился Боуги к Джеку. – Калин поручил мне дождаться вас и указать путь». Шторм почувствовал, что по его телу пробежала дрожь.

– Мы выясним это позже, – сказал он вслух. – Все системы бронекостюма, насколько я могу судить, сильно истощены.

Элибер поднялась на ноги:

– Послушай, Джек, это механическое оружие знает слишком многое. Я прошу тебя, никого не допускай к бронескафандру!

Шторм посмотрел ей в глаза:

– Послушай, я хотел бы знать, почему ты мне угрожаешь?

Она вздохнула:

– Видишь ли, у меня не было другого способа остановить тебя, чтобы ты не навредил Боуги.

Джек презрительно фыркнул:

– А что ты знаешь о нем? Это всего лишь паразит с Милоса, кровожадная тварь, берсеркер, питающийся человеческой плотью и разрывающий на мелкие куски любой бронескафандр!

Элибер покачала головой:

– Да нет же, это совсем не берсеркер. А если мы не знаем, кто он такой, так он сам знает об этом! Пойми, Шторм, он живой, живой и разумный!

Элибер хотела выйти из каюты, но Джек встал в дверях и преградил ей дорогу:

– А может быть, ты сможешь рассказать мне, кто я такой?

Она всплеснула руками и сердито топнула ножкой:

— Смогу! Ты осел из глухой деревни, который только что вышел из тракианского членока и никак не может вспомнить ни себя, ни своей жизни, а на меня... а на меня обращает не больше внимания, чем литейщик — на окалину!

В ее голосе звучали негодование и гнев, и она не умела этого скрыть. Джек не мог молчать. Он должен был хоть что-то сказать ей!

— Знаешь, а мне казалось, что когда-то я был твоим Белым Рыцарем... — он закашлялся от волнения.

Она удивленно посмотрела на Шторма и хотела что-то сказать, но он схватил ее за плечи, обнял, притянул к себе и тихо-тихо прошептал:

— Осторожнее, Элибер! Каждую минуту нам с тобой грозят новые опасности!

Элибер хотела обнять его, но вместо этого задохнулась в припадке истерического плача, маленькими своими кулачками застучала в его грудь и выдавила из себя:

— Ты... ты... Что ты заставил меня пережить!

— Я знаю, — еле слышно сказал он и наклонился к ее уху. От рыжеватой пены волос исходил нежный запах духов — ни у одной женщины в мире, кроме Элибера, таких духов не было! Он захлебнулся этим щемящим запахом белопенной черемухи и прошептал:

— Они что-то сделали со мной. В течение многих дней я вообще ничего не мог вспомнить, а теперь я кое-что вспоминаю, но постоянно путаюсь и ошибаюсь. Пепис знает, что происходит, но постоянно кивает на Баластера, — мол, во всем виноват министр.

Элибер фыркнула:

— Знаешь что, твой император тоже далеко не ангел!

— Я знаю, Элибер... — Он еще раз вдохнул в себя черемуховый запах духов, потом совсем тихо прошептал: — Что ты наделала...

Она вздрогнула, отпрянула от него, потом внимательно посмотрела ему в глаза и четко, по слогам, произнесла:

— Я так не считаю.

Шторм упорно вызывал ее на разговор:

— Я знаю, что случилось с императором.

В ее золотисто-карих глазах пробежала какая-то угрюмая тень. Она вздохнула:

— Что ж... Я не могла ничего поделать... А ты... ты собираешься донести на меня?

— Донести? — Шторм удивленно поднял брови. — Элибер, да ты сошла с ума! Какая разница, станет это известно или нет? Ведь сейчас идет война, а ты... — он нежно улыбнулся, — нужна мне на моей стороне!

Она тряхнула пышными локонами:

— Да, Джек, я всегда в твоем распоряжении!

Он улыбнулся:

— Элибер, я думаю, что это будет связано с трудностями и риском. Я прошу тебя, до тех пор, пока мы не вырвемся из лап жуков, до тех пор, пока мы не раздобудем корабль и все, что нужно для поисков Святого Калина, не отходи от меня ни на шаг!

Она глубоко вздохнула, как-то странно поморщилась и сказала:

— Да, Джек, насколько я понимаю, все то, о чем ты говоришь, вполне достижимо.

Он разомкнул руки и отпустил ее. Она подошла к дверям, оглянулась и недоверчиво посмотрела на него:

— Послушай, а что ты решил насчет Боуги? Что за странный приступ был с тобой недавно?

Шторм отвел глаза:

— Видишь ли... мне показалось, что я опять на Милосе... что нас разбили, а сейчас эвакуируют... В общем, у меня бывают такие провалы сознания, когда я не могу понять, что со мной происходит и где я нахожусь.

— Понятно... — Элибер смотрела на жемчужно-белый бронекостюм. — И ты всегда, если не здесь, значит — там?

Он кивнул. Она закрыла рукой глаза и произнесла:

— Всю жизнь эти песчаные войны...

— Да. Всегда одно и то же. — Джек посмотрел ей вслед. Она вышла в коридор, и маленькая корабельная каюта сразу же стала неуютной, тесной и темной. Джек подумал, что, видимо, Элибер была для него светилом, дарующим свет и скраивающим трудную и безрадостную жизнь...

Джек обернулся, посмотрел на бронекостюм и вспомнил, что рядом с ним, в броне, теряющей последнюю энергию, остался Боуги. Он подошел к скафандрю:

— А теперь расскажи мне все, что ты знаешь о Святом Калине.

Джек оказался совершенно не готов к тому, что узнал от неизвестного духа. В голове Шторма раздался страшный, тосклиwyй, находящийся на последнем пределе человеческих сил крик.

ГЛАВА 23

— Вы же понимаете, Ваше Величество, что между гостями и пленниками совсем небольшая разница, — флегматично сказал министр. — Скажем, незначительные перебои в энергоснабжении императорской каюты могут поставить вашу жизнь под угрозу. А теперь о другом. Разведка сообщает, что наши отряды захватили площадь вокруг дворца и богатые кварталы города. Я считаю, что всем нам надо попытаться вернуться на планету до того, как мы возьмем перед союзниками какие-то обязательства.

Во время маленького совещания, проведенного пленниками, Баластер был в центре внимания. Платформу с троном Трикагады и медицинские ясли Пеписа перенесли в грузовой док — там было больше места, и люди и траки могли разместиться вполне свободно. Элибер неотступно следовала за Джеком. Она хотела быть в курсе всех событий, и то и дело поглядывала то на министра полиции, то на Крока, который теперь сопровождал королеву.

Королева что-то напевала себе под нос и беспечно трепыхала радужными подкрыльями. Гузул расхаживал взад и вперед. Он чувствовал свою силу и вел себя довольно-таки нагло.

— Мы видим, насколько слаб Пепис, — сказал он. — А поэтому вправе спросить, кто же в данный момент управляет Триадским Троном?

Баластер побледнел. Такой прямой вопрос ему пришелся явно не по вкусу:

— Видите ли... — замялся он. — Я являюсь всего лишь консультантом Его Величества и могу заверить вас, что Пепис не так слаб, как кажется. Он отвечает за свои действия и может принимать решения, я же просто-напросто исполняю его волю. Что же касается Триадского Трона...

— Замолчите, Вандовер, — прервал его бледный до синевы Пепис.

— Триадскому Трону не грозит никакая опасность... — дрожащим голосом договорил министр.

— Министр! Я же приказал вам молчать! — крикнул император и затрясся мелкой дрожью нескрываемого негодования. Роулинз приблизился к императору, стараясь как-то успокоить и обезопасить его, но тот протестующе махнул рукой.

Трикатада издала звук, похожий на трель. Кажется, она смеялась. Повелительница траков с интересом посмотрела на Пеписа.

— Так может быть, мы обсудим, насколько дееспособен ваш император?

— О, Ваше Величество, — тонко улыбнулся ей Вандовер, — Это мозговой удар. Частичное нарушение функций коры головного мозга...

Пепис внимательно посмотрел на своего министра, ничего не сказал и отвернулся.

— Ваше Величество, — обратилась к нему Трикатада, — рассчитываете ли вы в ближайшее время вернуться на трон?

— А я и не покидал его, — громко ответил император, и весь его подкошенный болезнью характер отразился в этих словах. — Более того, я предупреждаю вас,

королева Трикатада, что любые действия, предпринятые вашей стороной и никак не отраженные в нашем договоре, будут расценены мною как начало военных действий. — Его зеленые глаза вспыхнули. Элибер тихонько шепнула Джеку:

— Посмотри-ка, а Пепис ничуть не боится Трикатады, несмотря на то, что она может расправиться с ним!

— У него нет другого выхода, — так же тихо ответил Джек. — Ты ведь знаешь, что траки не верят раненым и слабым, а также берут пленных!

— В том случае, если не наполняют их телами свои кладовые! — уточнила Элибер. — Послушай, а что собирается делать Крок?

— Пока я не уверен... — Джек посмотрел на милосца. Кажется, сейчас медведь помогал трахианскому переводчику адекватно воспроизвести высказывания людей. А интересно, знают ли Гузул или Трикатада, как близко подошел Крок к тому, чтобы прервать свой вынужденный союз с жуками? Если бы не восстание уокеров, скорее всего сейчас Крока не было бы среди траков.

Джек вздохнул и стал слушать уверения Трикатады в самых добрых намерениях. Она рассказывала Пепису, какие меры собирается принять в ближайшее время. В ее тоне сквозило превосходство и пренебрежение. А может быть, Шторму только казалось?

Трикатада закончила свою речь и повернулась к Джеку:

— А вы, рыцарь, что вы выяснили о пропавшем человеке?

Прямолинейность вопроса вывела Шторма из себя. Он кашлянул:

— Ваше Величество, эта информация строго конфиденциальна, к тому же я привык докладывать только своему начальству. В тот момент, когда я проверял показания приборов, у меня были проблемы с энергобесключением, так что мне удалось выяснить далеко не все. Что же касается Святого Калина, то я определенно могу сказать, что он отправился на поиск ат-фарелов, надеясь найти с ними контакт и провести мирные переговоры. Как он узнал, что ат-фарелы прибудут на Кэррон, остается гадать, но у меня есть достаточно данных для того, чтобы определить то место, на котором он бесследно исчез, а значит, достаточно данных для того, чтобы начать поиски.

— Переговоры с ат-фарелами... — задумчиво произнесла Трикатада. — А для чего ему это нужно? Он получил статус посланника с вашей легкой руки, Пепис? Что же вы там задумали?

Джек посмотрел на императора.

— Послушайте, Шторм, — раздраженно прострекотал Гузул. — Ваш император и ваш министр просят нас выделить корабль для спасения Святого Калина. Но ведь за все на свете нужно платить! — он затрещал своими панцирными крыльями и стал похож на сказочного сердитого жука. — Конечно, я не имею в виду бронекостюм. Оружие — это подарок моей королевы.

Джек хмуро посмотрел на генерала:

— Кстати, мне очень хотелось бы узнать — а как оно попало к вам? Мы ведь союзники, а значит, можем обмениваться информацией!

— Джек! Джек! — попытался успокоить его Вандовер. В разговор вмешалась Трикатада:

— Это вполне уместный вопрос, — заметила она. — Мы изучали ущерб, нанесенный ат-фарелами дальним

мирам. В число этих миров входит и восстанавливаемая сейчас планета Кэрон. Так вот, в атмосфере Кэрона мы обнаружили небольшую космическую лодку с большого крейсера уокеров. Внутри капсулы не было ничего, кроме вашего бронекостюма. Кстати, этот пустой бронекостюм пытался защищаться, но его энергозапас был на исходе. Министр Баластер, я хотела бы узнать, почему группа уокеров оказалась так далеко от своей родной планеты? Мы встречались с последователями Святого Калина и всегда находили общий язык. Вернее... общие интересы... И мы, и они обращаем большое внимание на залежи норцита.

Министр вздохнул:

— Боюсь, королева Трикатада, что уокеров совсем не интересует норцит. Скорее, они предпочли бы разработку золота или платины, ведь в человеческих мирах спрос на норцит совсем не велик. Скорее всего, норцитовые месторождения во многих случаях находились рядом с раскопками. Ведь уокеры в большинстве своем — археологи, и больше всего на свете их интересуют инопланетные древности! Баластер соединил за спиной руки и стал прохаживаться взад-вперед по залу. Странно, но своею позой и своими манерами он очень напоминал трацианского генерала Гузула!

Трикатада наклонилась к Кроку и несколько минут о чем-то стрекотала с ним, потом — выпрямилась и посмотрела на людей. Ее голубоватые хитиновые щитки сверкнули загадочным светом.

— Если уокеры не заинтересованы в разработках норцита, почему они так часто спорят с нами о том, кто будет разрабатывать очередную жилу? И потом... как знать, может быть, и с ат-фарелами они говорят о том

же? А если это так, то для чего нам помогать тем, кто дружит с нашими врагами?

— Такой же вопрос мы можем задать и вам, — твердо ответил Шторм.

Гузул подбежал к нему и возмущенно прокричал:

— Не забывайтесь, мой милый! Вы — всего лишь солдат, а берете на себя смелость отвечать за вашего императора? Более того! Своими речами вы отваживаетесь досаждать моей королеве! Так знайте же, я не потерплю оскорблений! Я вас и так уже вдоволь послушался!

Вандовер что-то испуганно забормотал и стал извиняться. Генерал Гузул пыхтел. Джек сдвинул брови. Он знал, что может последовать за этою вспышкой тракианской ярости. Он обернулся и махнул рукой Роулинзу. Тот кивнул и придинулся поближе к Пепису — в любой момент рыцарь был готов защитить своего императора.

Джек скосил взгляд на Пеписа, а потом обратился к Трикатаде:

— У людей и траков разные концепции отношения к власти. Тракианская королева является единственной плодовитой самкой на всю Тракианскую Лигу. На ней полностью лежит ответственность за продолжение рода, и поэтому подчиненные ее обожествляют. Ответственность перед человечеством императора Пеписа значительно ниже, видимо, поэтому его подчиненные иногда обращают внимание на ошибки императора.

Трикатада издала резкий щелчок, раскрыла свои радужные подкрылья и закрыла ими себя и всех тех, кто находился рядом с троном. Элибер восторженно ахнула:

— Как красиво! А я даже не знала, что у нее есть такие штуки!

— Я тоже этого не знал, — удивленно сказал Шторм и заслонил Элибер от возможного нападения траков. Кажется, замечание, отпущенное им в адрес Пеписа, обидело королеву траков... Конечно же, произнося эту речь, он совсем не подумал о том, что Трикатада не способна породить другую плодовитую самку!

Генерал Гузул почтительно склонился у ног королевы.

Синий от страха Баластер гневно взглянул на Шторма:

— Кто-то должен будет за это заплатить! — прошипел он.

Джек кивнул:

— Конечно. Это было моей оплошностью, так пусть уж Гузул отыграется на моей шкуре.

Когда Гузул поднялся с колен и посмотрел на Шторма с выражением ярости, Крок сделал шаг вперед. Элибер положила руку на плечо Шторма и тихо попросила:

— Не надо!

— Я должен, Элибер! — Джек ласково посмотрел на нее. — Понимаешь, они дадут нам корабль и снаряжение только в том случае, если будут уверены, что мы достаточно сильны для того, чтобы добиться своего! Как ты думаешь, почему Трикатада благоволит к Кроку? Она знает, что он не смог полностью перейти на их сторону. Траки презирают слабых.

— Ты не сможешь победить его без бронекостюма! — захрипел Пепис, с трудом поднимаясь на своей кровати. Император мгновенно утратил бодрое состояние духа, съежился и побелел.

Роулинз, как эхо, повторил слова императора:

— Командир, это самоубийство!

В их разговор вмешался Крок:

— Мой дорогой друг Джек, моя королева оскорблена вашим замечанием. Генерал Гузул бросает вам вызов!

Шторм кивнул:

— Да, Крок. Я уже понял это. Я принимаю его.

Милосец наклонился к самому уху Шторма:

— Вы нанесли точный удар. Королева боится, что вы знаете причину ее самого глубокого стыда. Что касается Гузула, так он не успокоится до тех пор, пока вы не будете мертвы, но я не думаю, что Трикатада способна довести дело до кровопролития.

Шторм кивнул:

— Скажи им, что я воюю за честь Пеписа точно так же, как и за свою собственную. Ведь королева считает, что император слишком слаб для того, чтобы править страной.

Милосец вздохнул:

— Что делать... Ты же хорошо знаешь ее, Джек! — потом сделал шаг назад и стал бегло говорить с траками на их языке.

Гузул зарычал. Крок пожал плечами и что-то ему ответил. Элибер схватила Шторма за руку:

— Джек! Что происходит? Я хочу знать, когда мы отсюда выберемся!

Шторм усмехнулся:

— Пойми, если у нас нет права на самоутверждение, мы нисколько не отличаемся от заключенных. Баластер может сколько угодно подслащать эту ситуацию, но он не даст нам корабля для того, чтобы отправиться на поиски Калина, и не вернет Пеписа в Мальтенский дворец.

Вандовер подбежал к кровати Пеписа и склонился над ним, как грозовое облако:

— Они не посмеют причинить нам никакого вреда! — злобно прошипел он.

Шторм громко засмеялся. Гузул обернулся и удивленно посмотрел на рыцаря. Он явно не понимал, о чем таком могут смеяться люди в самый разгар кризиса.

— Единственный способ добиться уважения трака, — Джек твердо посмотрел в глаза Гузула, — это выбить у него уважение силой.

Гузул отвел от Шторма глаза и стал что-то быстро быстро говорить Кроку. Милосец нервничал и возражал жуку, но тот не соглашался и трещал свое. Джек спокойно наблюдал за этой бурной сценой. Наконец, Крок развернулся, посмотрел на Шторма и объявил:

— Вызов принят. Гузул предлагает поединок один на один.

Элибер рванулась вперед и негодующе затрясла волосами:

— Ну уж нет! Только не на таких условиях! Ведь Джек безоружен!

Крок внимательно посмотрел на нее, потом сказал:

— Минуточку, леди! — и повернулся к Гузулу. Они опять о чем-то защебетали, потом медведь громко объявил:

— Шторм, как и подобает рыцарю, будет в бронекостюме, а генерал Гузул — в тракианских лазерных нарукавниках.

Джек собрался с мыслями. Его новый бронекостюм сейчас заряжался, а значит, он никак не мог им воспользоваться. Таким образом, единственное оружие, которым он в данный момент располагал, — это его старый бронескафандр. Бронескафандр, зараженный

милосским берсеркером! Джек вздрогнул. На него нахлынули воспоминания о Песчаных Войнах. У него не было никакого желания надевать на себя инфицированный бронекостюм!

Крок подошел к Шторму и понизил голос:

— Тебе следует использовать твоё старое оружие, Джек! Другого варианта у тебя нет. А теперь послушай меня внимательно. Я знаю секрет норцита. Траки едят его в виде порошка, чтобы укрепить свои панцири. Твоё старое оружие покрыто норцитовой пленкой. Гузулу будет очень трудно разглядеть тебя во время поединка. Ему все время будет казаться, что перед ним стоит другой трак.

Милосец внимательно посмотрел на него. Джек кивнул. Он сразу же понял всю серьезность того, о чём ему только что сообщил Крок. Вопрос был в другом — насколько он может доверять медведю? Крок отошел от Шторма и присоединился к Трикатаде, Гузулу и стоявшему рядом маленькому незаметному трутню.

Различия между служебными трутнями и траками-воинами сразу бросались в глаза, но траки искусственно поддерживали эти различия. Тот же норцит они начали употреблять в пищу для того, чтобы увеличить разницу между низшим и высшим сословиями и съели такое количество этого металла, что его хватило бы на нужды всего Доминиона и Триадского Трона на много лет вперед.

Но как Крок смог об этом узнать? Джек помнил только одного человека, находящегося вне пределов Тракианской Лиги и располагающего такими сведениями. Матердан... Но ксенобиолог был надежно спрятан среди Зеленых Рубашек. Маленький человечек провел среди траков двадцать лет, и с тех пор, как Шторм

вытащил его из плена, Трикатада неустанно разыскивала беглеца. Именно Матердан когда-то рассказал Шторму, почему траки стали столь воинственным племенем, — у них не было детородных самок, кроме поныне здравствующей королевы Трикатады, и поэтому они в отчаянных попытках продлить существование своего рода, завоевывали все новые и новые планеты для выведения личинок.

Джек отодвинул в сторону Элибер и вышел вперед. Трикатада все еще держала свои радужные крылья открытыми.

— Я воспользуюсь данной мне возможностью и постараюсь показать собственную храбрость. — Джек посмотрел на королеву. Говорить было трудно. Шторм все еще не мог найти равновесия между «молодым» Джеком и «старым» Джеком. Их реакции на происходящее были совершенно различны: Молодого Джека волновала и манила возможность сразиться с генералом Гузулом, но он очень боялся своего старого оружия. Старый Джек приходил в ужас от предстоящей дуэли, но полностью доверял Боуги. Пока в нем боролись две его половины, он внимательно наблюдал за королевой. Ее тело заметно располнело и пульсировало. Значит, она опять была переполнена яйцами.

Может быть, планете Мальтен суждено стать еще одним песчаным миром? Песчаной пустыней, лишенной зелени и воды? Вполне возможно, что все так и произойдет, если сейчас они сделают ошибку и не смогут убедить траков в собственной способности управлять Триадским Троном. В общем-то, выбор был сделан давно — ведь Пепис вступил в союз с их древним врагом. Кожа на горле королевы распухла. Она посмотрела на Шторма:

— Если в этом поединке победите вы, любимец Пеписа, мы будем придерживаться всех статей нашего союзного договора, дадим вам наш самый быстрый корабль для поисков Святого Калина и снабдим экспедицию всем необходимым. Если же победит генерал Гузул, мы будем вести длинные и тяжелые переговоры о нашем общем будущем.

— Как ты себя чувствуешь? — Элибер с тревогой смотрела на Джека.

Джек вздохнул, он почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу, когда он закрыл все швы бронекостюма и желеобразная субстанция под названием Боуги устроилась у него на шее.

— Все в порядке! — буркнул он.

Элибер с сомнением покачала головой:

— Знаешь, а ты не очень хорошо выглядишь!

Он подавил острое желание сорвать с себя бронескафандр. Его рассудок боролся против него самого.

— Я теряю разум, — тихо сказал он.

Элибер ласково погладила его по рукаву бронескафандра:

— Постарайся продержаться! От этого зависит очень многое!

Он кивнул.

«Босс!» — крикнул довольный Боуги. Их чувства слились друг с другом, и Шторм ощущал прилив радостной энергии, исходящей от его компаньона. Но если Боуги не был милосским берсеркером, кем же тогда он был?

«Я — указательный столб, — ответило существо. Я — дорога к Калину и к истине».

— Я должен драться как следует, — сказал Джек.

Элибер прижалась к нему:

— Послушай, ведь он тебя зажарит! — она опасливо покосилась на Гузула.

Шторм кивнул:

— Да, но только в том случае, если у него будет такой шанс. Ты думаешь, что Крок обманывал меня, когда заставлял надевать старый бронекостюм? Нет, скорее всего — нет, ведь он заинтересован в том, чтобы свалить Гузула как правую руку Трикатады. Я не могу объяснить, почему, — но я верю Кроку.

Джек вдел руки в рукава бронекостюма и ощутил легкое покалывание в запястьях. Значит, с энергообеспечением у него был полный порядок. Элибер подала ему шлем. Шторм надел его и загерметизировал.

Внешний мир, который должен был бы стать удаленным от него, сделался еще ярче и красочнее — это его органы чувств соединились с органами чувств Ботуги. Он посмотрел на Элибер — какой прекрасной и родной показалась она ему в этот момент!

— Не волнуйся, — сказал он ей. — Я готов к поединку. Готов так, как не был готов еще никогда. Позволь мне пойти.

— Хорошо, — она отбросила с лица свои пушистые волосы. — Помни, Джек, что бы ни случилось, я всегда буду помогать тебе.

Она смотрела на него серьезно и собранно. Такими же обязательными были и ее слова. Джек знал, что если Элибер произнесла их, то, пока она будет жива, она не отступится от сказанного. Он отдал Элибер честь и повернулся.

Генерал Гузул стоял возле своей королевы.

— Я убью его! — торжественно заявил он.

— Что ж! — пробормотала Трикатада. — Не скрою, что это доставит мне удовольствие! Я хочу, чтобы

Мальтен принадлежал нам. Со временем этот союз стал обременительным, — она погладила щупальцеобразную конечность генерала. — Когда будешь бороться с Джеком, старайся наносить его оружию как можно больше повреждений. Ведь теперь мы знаем истинную цену скафандра! Если мы будем правильно обращаться с доспехами, они приведут нас в логово нашего стаинного врага, и мы наконец-таки сможем расправиться с ат-фарелами.

Гузул замер от прикосновения королевы. Ее тело блестело от зреющих в нем личинок. Новое потомство траков — его работа. А если учесть, что из тысяч вызревающих в Трикатаде яиц одно может оказаться спасением для всего их народа...

— Я буду стараться, моя королева! — нежно пропел он.

Трикатада кивнула:

— А я... я буду внимательно следить за поединком.

* * *

Из грузового отсека вынесли все лишнее. Публика толпилась вверху, на маленьких балкончиках, приспособленных для нужд механиков. Пепис вертелся в своей кровати. Элибер положила руку ему на плечо. Плечо оказалось холодным, и она сразу же потребовала дополнительное термоодеяло и попросила усилить наблюдение за состоянием здоровья императора.

Элибер была виновата в том, что произошло с Пелисом, и если бы она могла искупить свою вину ценой собственной жизни, она сделала бы это, не задумываясь. За все время их общения Пепис ни разу не высказал ни страха, ни подозрения по отно-

шению к ней, и это ее трогало. Император похлопал ее по руке:

— Вы еще слишком слабы для таких развлечений и должны находиться дома! — ворчливо сказала Элибер. Для этого человека, который долгие годы был ее врагом и врагом Джека, у нее находились слова сочувствия и жалости. Если бы на месте Пеписа был Баластер, Элибер, кажется, разорвала бы его на мелкие куски. Это было неожиданно и странно, но она поняла, что цепляется за непоколебимую уверенность, исходящую от Пеписа.

— Джек знает о траках больше, чем о живых людях, окружающих его! — весело сказал император и не заметил мрачного взгляда, брошенного на него министром. — Посмотри, посмотри, они уже вышли на помост!

Для зрителей, собравшихся наверху, оба противника не потеряли ни в росте, ни в своеобразной воинственной грациозности, когда они, подойдя друг к другу, закружились в танце решающей битвы.

Элибер схватилась за плечо Пеписа. Она не знала, сможет ли достаточно быстро нанести удар, если ей понадобится спасти жизнь Шторма. Она вообще не знала, сможет ли силой собственной мысли убить трака — настолько чужими и неприятными всегда казались ей эти жуки. Она смотрела то на Джека, то на Гузула и почему-то думала, что уж если сегодня она и нанесет по ком-то удар, так этим счастливчиком окажется Бандовер.

Баластер как бы услышал ее мысли — он скосил на нее свой черный глаз, усмехнулся противными толстыми губами и пробормотал:

— Я желаю удачи вашему рыцарю, леди!

Элибер презрительно фыркнула и опять посмотрела на ринг. Роулинз подошел поближе к ней и тоже стал внимательно следить за происходящим внизу.

Джек позволил Гузулу нанести первый удар. Ему необходимо было посмотреть на те приемы, которыми собирается пользоваться трак. На передних лапах жука поблескивали лазерные перчатки, а значит, в случае слабой обороны Шторм в любой момент мог превратиться в труп.

Джек не мог вспомнить, приходилось ли ему когда-нибудь один на один сражаться с траком, но он знал, что те, которые рисковали сделать это, в долю секунды были разорваны на мелкие клочки. Именно поэтому бронекостюмы рыцарей и снабжались системами самоуничтожения — это был единственный способ сохранить оружие от жучьих лап.

Скорее всего, Гузул был невероятно силен, хотя Шторм свято верил в одну истину — сила воина прямо пропорциональна силе его ярости.

В бронекостюме Шторму было очень жарко. Пот струился по лицу и мешал видеть. Один из контактов, наспех прикрепленных к коже, щелкнул и отвалился. Боуги пульсировал прямо на шее Джека:

«Босс! Босс! Целься ему в горло!»

«Да нет! Мне необходимо всего-навсего свалить Гузула с ног!» — подумал Джек и ощутил страшный удар сзади.

«Он хочет разорвать нас на куски, Босс!» — прокричал Боуги.

Джек стал двигаться. Он использовал всю силу, заложенную в бронекостюме, и всю собственную многолетнюю выучку ведения боя.

Генерал Гузул был достойным соперником — крупный, сильный, по своим боевым качествам этот трак во много раз превосходил остальных. В темных фасетных глазах генерала алым огнем сверкала злоба. Когда Шторму удалось увернуться, в глазах Гузула на долю секунды мелькнуло недоумение.

«Он потерял меня!» — подумал Джек. Он остановился и развернулся. Реакция трака была такой быстрой, а удар таким сильным, что Шторм не сумел удержаться на ногах и упал на пол.

Кажется, Крок был прав. В его костюме было что-то такое, что мешало траку видеть противника. И все же генерал продолжал бой. Он выстрелил, и волна лазерного огня отбросила Шторма в сторону. Он закрутился на полу ангара. Тело опалило жаркою волной.

Бронекостюм был способен выдержать и мощные удары, и очень высокие температуры, но если ломалось что-то в системе терморегуляции, рыцарь, находящийся внутри скафандра, не должен был ждать пощады. Ему грозила мучительная смерть от перегрева. Шторм знал это очень хорошо, поэтому постарался увернуться от второго лазерного луча, направленного в него траком. Потом они снова сошлись в рукопашной. Пол вибрировал от тяжести их тел. Гузул поднял клешнеобразную лапу и ударили Шторма в грудь. Удар был настолько силен, что даже бронекостюм не смог защитить от него Джека — он открыл рот и стал судорожно глотать воздух, но при этом все же сумел оторвать от земли свой бронированный ботинок и как следует поддать им траку. Гузул упал, но довольно-таки быстро поднялся. Шторм посмотрел на странный поворот головы генерала и понял, что тот его ищет.

Еще секунду Джек совершенно не мог двигаться. Он жадно вдыхал воздух и расправлял легкие — у него было ощущение, что его грудную клетку сдавили гигантские железные кулаки.

Трак подошел совсем близко. Он смотрел куда-то мимо Джека. Шторм заморгал. Ему удалось смахнуть с ресниц капельки пота, потом он сделал глубокий вдох, и диафрагма расслабилась. Черт побери! Крок был более чем прав! Гузул мог его видеть только тогда, когда Шторм двигался!

Подарок шахтеров Лазертауна — норцитовое покрытие самого бронекостюма и всех мест сгибов уже не раз спасали жизнь рыцарю. А сейчас он дал ему бесценную передышку.

Джеку надо было что-то сообразить, чтобы выиграть поединок, но при этом оставить генерала Гузула живым — ему совсем не хотелось приводить в ярость королеву Триккатаду. Но для того, чтобы победить Гузула, он должен был двигаться, а двигаясь, он сразу же становился виден траку.

— Что он делает! — в ужасе прохрипел Баластер.

— Не знаю. — Элибер, затаив дыхание, следила за поединком. — Может быть, у него какие-то неполадки в бронекостюме — ведь он только что пережил тепловой удар!

Пепис с шумом втянул в себя воздух:

— Ничего! Я уверен, что с ним все будет в полном порядке!

— Я знаю! — белыми губами прошептала Элибер. — Я знаю.

— Но у нас нет времени ждать! — лицо министра было красным от негодования. — Он должен двигаться и сражаться, и должен делать это сейчас!

Как бы отвечая на требование министра полиции, бронекостюм Шторма изогнулся, бронированный ботинок поднялся над полом и нанес Гузулу страшный удар. Трак упал на спину. Его конечности сводило судорогой. Джек выстрелил — но не в самого генерала — лазерные искры ударились о каменный пол прямо у головы жука. Гузул встал, тяжело повернулся и пошел на Шторма. Воины опять сошлись в рукопашной схватке. Элибер закрыла глаза. У нее не было сил смотреть на эту битву. Когда она снова открыла их, трак лежал на полу, а ботинок Шторма нависал над его горлом — единственным уязвимым местом в организме тракианского воина.

...Кажется, они победили!...

ГЛАВА 24

Космический челнок, который должен был направиться в Мальтен, стоял рядом с тракианским кораблем. Пепис отдыхал на своей кровати и ждал, когда его погрузят на готовый к отправке транспорт. Его лицо все еще было бледным, но дыхание уже восстанавливалось. Командир Крок неотступно следил за императором. Пепис потянулся, протянул руку и подозвал к себе стоящего поодаль Шторма.

— Послушайте меня, командир рыцарей Джек Шторм! Я снимаю с вас все обвинения в *дезертирстве* и измене и признаю вас невиновным. А в свидетели происшедшего я беру Баластера и командира Крока.

Милосец добродушно улыбнулся и прорычал:

— Я готов свидетельствовать это перед кем угодно!

Его громкий голос заглушил тихий и скучный ответ Баластера.

Когда Шторм протягивал свою руку императору, она заметно дрожала.

— А почему сейчас? — спросил он. — Я ведь еще не выполнил главного поручения!

Пепис тряхнул своими рыжими волосами:

— Ты заработал это. А если со мной или с тобой что-то случится, между нами уже не будет этой черной тени. Ты защищал меня от всего, мой доблестный рыцарь, но ты не мог защитить меня от меня самого.

Больше я не могу просить тебя ни о чем. Так что я должен был сказать это сейчас.

Шторм внимательно посмотрел на императора:

— Я вернусь, — улыбнувшись, сказал он. — Ведь вы обещали мне *трон*! — он оглянулся и отступил назад — к ним приближались траки. Баластер повернулся к жукам спиной. Его лицо стало синим от бессильной ярости.

— Пепис! — министр полиции опять что-то замышлял.

— Я хотел бы, чтобы вы не настаивали на моем возвращении на Мальтен вместе с вами. Я собирался отправиться в путешествие вместе с командиром Штормом.

Пепис махнул рукой:

— Вы нужны мне рядом. — Ему явно не хотелось вступать в долгие разговоры с министром полиции.

— Вы не представляете, как много я значу для Калина! — лицо Баластера исказилось от ярости.

— Ваше значение для Калина зависит от того, что я вам прикажу, — безразличным голосом ответил император.

Баластер закрыл рот, постарался потушить огонь ненависти, полыхнувший в его темных глазах, и отошел в сторону. Траки приблизились к кровати Его Величества и вкатили ее по грузовому трапу в челнок. Как только император исчез в черном провале шлюза, Вандовер подскочил к Элибер и схватил ее за локоть. Он нагнулся к ее уху быстрее, чем она могла вскрикнуть и отбежать.

— Не думай, что ты освободилась от меня! Где бы ты ни находилась, мои мысли будут управлять твоим поведением! — прошипел он и отпрянул назад так же быстро, как и подошел к ней.

— Что произошло? — удивленно спросил Джек.

Элибер покачала головой:

— О, это угроза! Напоминание о том, что он всегда будет находиться рядом! — Элибер посмотрела, как министр бежит по грузовому трапу к открытому шлюзу челнока. Когда Баластер вошел внутрь, лестницу подняли, и Элибер ощутила, что оттуда, из черных дверей космического аппарата, министр полиции пытается воздействовать на ее мысли. Она инстинктивно приблизилась к Шторму.

К Джеку подошел Крок и положил свою тяжелую лапу на плечо рыцарю:

— Пора прощаться, мой друг! Моя королева приказывает мне следовать за императором Пеписом. — Другой лапой он махнул тракам и попросил их придержать трап.

— Жаль, — расстроился Джек. — Ведь я думал, что ты полетишь вместе с нами!

Милосец кивнул:

— Да, я тоже так думал! Но Трикатада уговорила меня отправиться в Мальтен. Она хочет быть уверена в том, что наш союз не разрушен. — Он задумчиво почесал за ухом. — Видимо, сейчас каждый из нас должен идти своей дорогой. Удачи тебе, Джек!

Джек пожал лапу милосца:

— И тебе, Крок, — большой удачи!

Крок повернулся и большими прыжками побежал к трапу. Двери шлюза закрылись прямо за его спиной.

Со Штормом остались Роулинз и Элибер. Он посмотрел, как отлаженно и почти бесшумно работают двигатели челнока, повернулся к своим спутникам и весело подмигнул им:

— Друзья, я хотел бы, чтобы сейчас вы надели свои бронекостюмы! Пусть перед отлетом они увидят нас в полном вооружении!

— Есть! — крикнул Роулинз и широко улыбнулся.

* * *

Император Пепис был явно недоволен. Его кровать скорее мешала, чем помогала ему, когда почетный эс-корт из траков проносил Его Величество по сожженным кораблями королевы Трикатады лужайкам дворца. Император посмотрел на Баластера:

— Нам нужно как можно быстрее набрать на работу новый обслуживающий персонал дворца! Кстати, пусть возвращается вся медицинская команда! Мне надо как можно скорее выбраться из этой люльки! Да, еще, Баластер, раздобыдьте мне что-то вроде велосипеда и проверьте как следует, чтобы он был в порядке!

Вандовер отстал на полшага — так, чтобы Пепис, прикованный к кровати, не мог его видеть. Император не унимался:

— Министр, а еще я хочу, чтобы здесь работали видеокамеры охраны и чтобы эта территория находилась под постоянным наблюдением. Если это необходимо, позаботьтесь о том, чтобы весь персонал дворца был вооружен!

Командир Крок пророкотал:

— Бронекостюмы — это очень опасная вещь, особенно для новичков!

Пепис капризно огрызнулся:

— Как бы то ни было, а пока я император и думаю, что об этом необходимо помнить всем, состоящим у меня на службе!

Милосец церемонно поклонился:

— Ваше желание всегда было для меня законом, император!

— Вот так! — Пепис изогнулся на кровати и капризно посмотрел на министра. — Учитесь, как надо разговаривать с коронованными особами! Так

вот, Вандовер, у меня есть для вас еще одно задание — мне необходимо иметь информацию о том, чем занимается Шторм!

— Конечно! — ответил Баластер ровным бесстрастным голосом. Он напрягся и втянул голову в плечи — так, будто шел против сильного ветра. Гравий мрачно скрипел под его подошвами. Императорские сады были здорово изуродованы совсем недавно шумевшими на их территориях сражениями. Где-то далеко, за пределами дворцовой территории, еще можно было слышать звуки рвущихся артиллерийских снарядов. Но то, что творилось в душе Баластера, не шло ни в какое сравнение с войной.

* * *

— Ничего, вот доберемся до Кэдона, и подберем себе приличного пилота. — Шторм был явно доволен. — Я думаю, на этой планете найдется человек, владеющий ручным управлением, а до этого придется пользоваться автоматикой. Кстати, Роулинз рассказал мне, что он учился на пилота и сможет провести ручную корректировку курса.

Молодой человек покраснел от волнения и посмотрел на Джека большими ясными глазами. Элибер расхохоталась и пошутила над Роулинзом:

— Я согласна со Штормом! Ты гораздо лучше, чем трак!

Роулинз пожал плечами:

— А вы не подумали, что траки вполне могли дать нам неисправный корабль? До такой степени неисправный, что починить его во время полета не будет никакой возможности?

Джек задумался:

— Да нет, скорее всего, они этого не сделают. Траки легко нас отпустили. Видимо, они так же, как и мы,

заинтересованы в успехе экспедиции. Ведь жуки воюют с ат-фарелами очень давно! — он указал Элибер на гамак — Устраивайся поудобнее!

Роулинз пытался приспособиться к сиденью, предназначеному для трахианского пилота. Он взглянул на щиток с приборами:

— Траки вынули часть оборудования, сэр. Я думаю, что их не слишком заботит безопасность нашего полета. — Он показал рукой на пустые черные гнезда со свисающими из них разноцветными проводами.

Джек внимательно посмотрел на пульт управления:

— Будем надеяться, что все необходимое для полета осталось на корабле...

— Как знать! — без энтузиазма ответил Роулинз.

— Ладно! — Джек поудобнее устроился в гамаке. — Передай жукам сигнал открывать взлетную полосу. Мы и так потеряли слишком много времени.

Штурм закрыл глаза. Ему вспомнился Боуги. Тогда, в плену у траков, Джек ушел от повторного контакта с боевым духом — ни обстановка, ни нервы не позволяли ему еще что-то выспросить у странного существа. А потом... он не мог еще раз вынести этот страшный, полный отчаяния и тоски крик Калина, который запомнил Боуги, чтобы передать им. Господи, как долго мог продержаться Калин в плену у врагов?

... Оставалось надеяться, что он продержится до их прибытия.

ГЛАВА 25

Женщина в белом халате посмотрела на показания приборов и тряхнула длинной челкой на своей коротко стриженной голове.

— Вы уже никогда не будете таким, как раньше, — сообщила она императору. Пепис съежился от гнева, но все-таки сдержал себя и махнул врачу рукой:

— Ничего страшного. А как скоро вы освободите меня от этой кровати?

Женщина повернулась к нему и свет тихой улыбки озарил ее миндалевидные глаза.

— Император, та штука, от которой вы хотите избавиться, поддерживает ваше дыхание. Посмотрите сюда и сюда. — Она показала на экран. — Вот эти затуманенные области поражены инсультом. К сожалению, эти нарушения невосстановимы. В этой зоне — она обвела световым пером более яркие пятна — мы сумели включить периферическое кровообращение. Так что скоро вам не нужно будет искусственное дыхание, но ваши рука и нога будут слабыми, и вы не сможете действовать ими, как раньше. Кроме того, очень высок риск повторного приступа.

Император кивнул:

— Да, да, а скажите-ка мне вот что: сохраню ли я свои умственные способности? — его зеленые глаза потемнели. Он пристально смотрел на доктора.

— Какие-то сложности, видимо, будут. — голос женщины звучал мягко и успокаивающе. — Но я думаю, что вы сохраните вашу компетентность...

— Это все, что мне хотелось бы узнать. — Пепис расслабился и крикнул — Вандовер!

Министр полиции стоял в сторонке и с отсутствующим видом слушал сообщение медэксперта. Когда император позвал его, он подошел к кровати и поклонился.

— Вандовер, вы освобождаетесь от тяжких обязанностей, которые наложила на вас моя болезнь.

— Так скоро? — министр вздрогнул. — Мне кажется, что вам стоит подождать до того времени, пока вам не разрешат вставать.

Пепис с трудом уселся на кровати и попросил врача выйти на пару минут. Как только дверь закрылась, он сказал:

— Я бы советовал вам лоостеречься, Вандовер! Не позволяйте вашим амбициям заводить вас в тупик! Я думаю, того, что произошло, достаточно для нас обоих!

Баластер втянулся в себя воздух и попытался успокоиться.

— Вы безжалостный человек! — почти выкрикнул он, глядя прямо в глаза Пепису.

Император безмятежно улыбнулся:

— Кое-кому из нас необходимо об этом знать...

Баластер ничего не ответил. Пепис потеребил рукой тонкий провод, отходящий от его запястья.

— Скажите, вы до сих пор сохранили свои знакомства среди Зеленых Рубашек?

— Кое-какие — да, — кивнул министр.

— Хорошо. — Какой-то недобрый огонек мелькнул в глазах Пеписа. — Я хочу, чтобы вы распространили

одну маленькую информацию. Скажите им, что если Шторм отыщет Калина, Его Святейшество будет удерживаться мною как заложник хорошего поведения уокеров.

Министр немного помолчал, а потом произнес:

— Возможно, этого и не понадобится. У меня есть сообщение о возобновлении военных действий между траками и повстанцами на отдаленных континентах Мальтена.

Пепис опустил голову на подушку. Значит, Триката да, несмотря ни на что, напала на них под предлогом наведения порядка на планете... Он пожал плечами:

— Ну что ж! Пока они воюют между собой, они не смогут начать войну с нами...

— Я запомню это. — Вандовер поклонился и вышел из комнаты. Пепис несколько минут задумчиво смотрел в потолок, а потом велел пригласить к себе командира Крока.

Милосец появился быстро. Правда, на этот раз он почему-то был не в духе — шерсть на нем стояла дыбом, так, будто он очень торопился. Вместе с ним в медицинскую палату ворвался запах дыма и пота. Медведь остановился у кровати императора и низко поклонился. Пепис пытливо заглянул в глаза инопланетному существу:

— Командир, у вас есть люди, которым я мог бы доверять?

Глаза милосца сузились. Кажется, он расценил этот вопрос как оскорблениe. Пепис ответил безмятежной улыбкой:

— Мне нужен человек, который смог бы кое за кем проследить.

— Ага... — милосец нахмурился. — Простите, Ваше Величество, но ведь в вашем распоряжении находится вся мировая полиция!

Император вздохнул:

— К сожалению, Полиция Мира никогда не была моей! Сначала она работала на Уинтона, а теперь работает на Баластера.

— Посмотрим... — Крок задумался. — У меня есть пара человек, которым, на мой взгляд, можно доверять...

— Хорошо. — Зеленые глаза императора лукаво блеснули. — Скоро Вандовер Баластер покинет дворец. Так вот, я хочу, чтобы за ним проследили. Мне хотелось бы, чтобы действия и разговоры были записаны на пленку. Хотя... скорее всего, он защищается от прослушивания, как может.

— Я позабочусь об этом, император! — громко сказал Крок.

Пепис кивнул и закрыл глаза. Он сделал все, что мог и должен был сделать сегодня, и силы сразу же покинули его.

* * *

Крок не стал перепоручать задание императора проверенным рыцарям. Он верил только себе. Лохматый, неряшливый, с подпаленной шкурой и толстыми шрамами на коже, он был похож на те улицы, на которых воевал.

Летательный аппарат на воздушной подушке маневрировал в городских трущобах. Крок еле успевал следить за ним. К счастью, он заметил заброшенные бетонные каньоны и стал продвигаться, скрываясь в густой тени, отбрасываемой стенами.

Наконец летательный аппарат остановился, из него вышел человек и скользнул на землю. Из густой синей тени соседнего дома вышел Баластер — кажется, он уже несколько минут поджидал своего собеседника.

Крок включил всю аппаратуру своего военного костюма на полную чувствительность.

— Неплохо придумано, Нейлор! — услышал он голос министра. — Я уж думал, что мне придется ждать тебя полночи!

Незнакомец огляделся и кивнул:

— Мой бункер находится недалеко отсюда. А эта территория не охраняется. Вы ведь знаете, насколько опасна наша встреча!

— В некоторых случаях стоит рисковать. — Кажется, Баластер, в отличие от своего собеседника, не слишком-то боялся. — Пепис снова берет бразды правления в свои руки.

— Пепис? — в голосе собеседника послышалось удивление. — Но он ведь перенес тяжелейший инсульт!

— Да. И это здорово отразилось на его здоровье, но он не обращает на это никакого внимания. — Баластер подошел совсем близко к собеседнику. — Он продолжает править единолично. К тому же он вот-вот поправится.

Кто-то из собеседников — Крок так и не понял, кто, — тяжело вздохнул, потом наступило молчание. Секунды через две милосец услышал приглушенный звук — кажется, один из собеседников передавал второму какой-то предмет.

— Здесь — все инструкции для вас. Но успех операции зависит от того, насколько успешно вы

поработали среди уокеров до этого. — Министр пожалелся.

— Не так-то просто внутри цельного полотна отделить одну нить от другой! — собеседник опять оглянулся.

— Неплохо! — голос министра звучал бодро и звонко. — Детали вы узнаете потом, — пусть все они станут досягаемыми. Вы же понимаете, я хотел бы уничтожить всех их!

Собеседник министра развел руками и удивился:

— Да, но ведь нас захватят траки!

— Именно так и будет, — кивнул Вандовер. — Пусть ваши люди эвакуируются, когда это произойдет!

— А что будет потом? — собеседник смотрел на мысок своего ботинка.

— Потом? — Баластер усмехнулся. — А потом, Нейлор, они посадят меня на Триадский Трон.

Баластер кивнул и махнул рукой, и оба человека исчезли в тени.

Крок постоял минуту, выбрался из своего укрытия и решил возвращаться во дворец — большего этим вечером он все равно уже не узнал бы.

Над тем, что он только что услышал, стоило подумать. Кое-что он должен сообщить императору, а кое о чем ему следовало промолчать. То, что Его Величество давно уже ожидал измены, было понятно, но думал ли он, посылая сюда Крока, о возможных осложнениях с Тракианской Лигой? Скорее всего — нет, иначе он не дал бы милосцу этого поручения.

Хотя... Есть и другой вариант... Пепис — человек проницательный. Вполне возможно, что он просто-напросто понял, что происходит в душе у Крока все эти годы...

* * *

Императора разбудил шум в дворцовых залах и коридорах. Судя по звукам, дворец опять был наполнен рыцарями. Сердце часто-часто застучало — слишком уж близки по времени были недавние кровавые события. Пепис оторвал голову от подушки и посмотрел по сторонам. Что такое? Рядом с ним возник огромный воин, и латная рукавица опустилась на худое плечо императора.

— Не волнуйтесь, император! — спокойно сказал Крок. Он хотел сообщить императору о чем-то еще, но в медицинскую палату ворвался взволнованный и дергающийся Баластер, и Крок сразу же замолчал.

— Арестуйте его сейчас же! — крикнул Баластер и показал на милосца. Руки министра мелко дрожали от злобы.

В коридоре, у дверей в медицинский отсек, толпились рыцари.

— Арестуйте его! — еще раз крикнул Вандовер, а потом внезапно замолчал, — кажется, до него дошло, что в этом помещении никто не собирается его слушать.

— Я не думаю, что они послушают вас, министр! — спокойно ответил Крок. — Ведь и они, и я — рыцари! — слово рыцарь милосец произнес с явной гордостью.

— Объясните же мне наконец, в чем дело? — нетерпеливо окликнул их Пепис. Он и сам не понимал, боится он присутствия милосца в своей палате, или наоборот — радуется этому обстоятельству.

Милосец тяжело вздохнул и пророкотал:

— Я освободил вас от обязанности управлять траками!

Если бы медицинская кровать не была такой широкой и глубокой, император обязательно свалился бы на пол от удивления:

— Повторите еще раз! Я не расслышал! Что вы сделали?

В дверях появился сержант Лассадей. Он поклонился Его Величеству и, чуть вытянув шею, сообщил:

— Среди нас не осталось ни одного трака, Ваше Величество!

Пепис потер рукой ослепший глаз — словно это могло вернуть ему зрение — и, стараясь хоть как-то прояснить ситуацию, спросил:

— Так... И что же вы сделали?

Крок махнул своею лохматою лапой:

— Все будет в порядке. Я посажу их на членок и верну в объятия Гузула, и никаких приземлений союзников на Мальтене больше не будет!

Баластер скривился:

— Я думаю, что услышав вас, Гузул лопнет от смеха. Ну, а у королевы Трикатады, наверное, разовьется бесплодие. Неужели же вы надеетесь таким вот способом разрушить ваш союз?

— Наш или ваш? — спросил Пепис и внимательно посмотрел на Крока. Милосец стянул с головы шлем.

Лохматое существо улыбалось и смотрело на Пеписа добрыми умными глазами. Теперь император понимал, что происходит. Значит, Баластер ведет с ним какую-то тайную игру, а стоящий рядом Крок пытается доказать это.

Милосец улыбнулся и отдал честь:

— Вы сделали меня командиром рыцарей, император, и я умру, защищая вашу честь.

Баластер сжался и стал в два раза меньше, чем обычно. Пепис с интересом посмотрел на министра:

— Вы хотите мне что-то сказать?

Каким-то особенным, скрипучим и заунывным голосом, Баластер ответил:

— Мне нечего вам сказать.

Пепис откинул со лба рыжие пряди:

— И какой же осторожный у меня министр! Из этого я могу сделать вывод, что вы, Баластер, ожидаете прорыва траками нашей обороны! Скажите мне, министр, в самом деле, вы можете желать этого?

— Траки — наши союзники, — двусмысленно ответил Баластер.

— Вот как! — Пепис покрутил головой, и рыжие пряди, лежащие на подушке, стали трещать и искриться. — Неплохо, командир, — кивнул он Кроку. — Обещайте мне, что до того момента, как сюда вернется командир Шторм, вы сможете отстоять хотя бы мою резиденцию!

— Я клянусь! — тут же ответил Крок.

Баластер вышел и почти бегом пробежал мимо длинной шеренги рыцарей. Крок усмехнулся ему в спину и закрыл дверь в коридор. Теперь они с императором остались в палате одни. Пепис вопросительно посмотрел на милосца. Крок улыбнулся и обнажил желтые клыки:

— Ваше Величество, я сам буду следить за ним! Недавно Баластер встречался с одним из зеленорубашечников по имени Нейлор.

Пепис глубоко и протяжно вздохнул:

— Эта информация достоверна?

Крок кивнул:

— Распечатка голоса совпадает с оригиналом.

— Хорошо. — Император удовлетворенно хмыкнул. — Продолжайте. Я ведь сам приказал вам сделать это!

— Император! — Крок провел лапой по своей пушистой шерсти. — Они встретились в нижнем Мальтене. Он приказал Нейлору покинуть уокеров и тем самым открыть их для внезапного нападения траков. Ваш министр считает, что в благодарность за это Трацианская Лига сделает его императором.

Пепис хмыкнул:

— А в этом он, наверное, прав. Ведь жуки ненавидят слабых. И моя... непоследовательность... приводит их к выводу о том, что я очень слаб. Конечно, Вандовер попытается извлечь из этого для себя максимальную пользу! Кстати, а почему вы сразу же не пришли ко мне?

Крок пожал плечами:

— Скорее всего, вы не разрешили бы мне сделать того, что я сделал!

Пепис засмеялся:

— Видимо, вы правы. В этом вопросе я ваш должник.

— И не только в этом. — Крок повернулся к императору свою умную медвежью морду. — Скажите, а могу ли я сообщить вам цену?

В палате они были одни, и Пеписа почему-то охватила нервная дрожь, но он пересилил ее и спросил:

— Какая же это цена?

— Скажите... — голос Крока стал хриплым от волнения. — Кто управлял Милосом все это время?

— Ваши люди под эгидой Триадского Трона. Мы пытались защитить вас от врагов и вкладывали деньги в развитие планеты. — Пепис подумал, что потеря капиталовложений поставила бы Триадский Трон в

*невыгодное положение в Доминионе. Именно поэто-
му Уинтон и Баластер когда-то постарались орга-
низовать поражение на этой планете своих же войск.
Но этой информации император не собирался выдавать
милосцу.*

Крок минуту подумал:

— А что было бы, если бы траки прямо сейчас ушли
с Милоса?

— Черт побери, Милос — это песок, твердолобая
твоя голова! — Пепис всплеснул руками. — Какой прок
от этой планеты даже в том случае, если траки отка-
жутся от нее?

— Это — моя родина, — пророкотал Крок.

— Да, я понимаю это. — Император почувствовал,
сколько любви было вложено в эти слова. — Чего вы
просите лично у меня?

Крок торжественно сказал:

— Я хотел бы стать правителем Милоса.

Пепис покачал головой:

— Я не против, но ведь это совсем не в моей власти!

— Песок иссякает. Разве Джек Шторм не говорил
вам об этом?

Пепис отрицательно покачал головой:

— Не говорил. А вы-то сами об этом как узнали?

Глаза Крока наполнились сияющим светом:

— Я никогда не забываю свои родные места. Коро-
лева Трикатада опечалена тем, что случилось на Мило-
се. Ведь песок — это то, что остается от трахианских
гнезд. Его всегда было вдоволь, а сейчас стало значи-
тельно меньше. Траки не знают причины этого явле-
ния. Я тоже не знаю, хотя — о чем-то догадываюсь.
Скоро траки покинут мою родную планету. Пока вы
хозяин Триадского Трона, Милос ваш, Пепис. Так от-

дайте же мне его! Это и есть то, о чем я хотел попросить вас.

— Пока я хозяин Триадского Трона... — задумчиво повторил император. — Решено, командир! Если с Милоса уйдут траки, планета — ваша. К сожалению, ничего более конкретного я не смогу вам пообещать.

Крок отдал салют:

— Это прекрасно. Об остальном я позабочусь сам.
Итак, мы с вами ожидаем возвращения Джека!

ГЛАВА 26

Элибер проснулась от голода и страха. Голова раскалывалась от боли. Мучительные сны, как пиявки, высасывали все ее существо, и когда она просыпалась, черный смех Вандовера Баластира звучал у нее в ушах.

Элибер глубоко вздохнула и попыталась сосредоточиться — нет, она никак не могла избавиться от этой грязной и жирной примеси в собственном существе.

Ей опять вспомнилась огромная переполненная зала, крики уокеров, суровая Маргарет, что-то доказывающая императору, сам Пепис в парадной мантии с золотым шитьем — и она, стоящая тихо-тихо, но при этом атакующая и убивающая силой собственного мозга.

Нет, хватит! Она больше никогда не будет этого делать! Она просто-напросто не может делать такие вещи, а потом безмятежно жить! Но сейчас она должна собраться — ведь рядом с нею Джек, и она должна позаботиться о его безопасности!

Боль успокаивается. Она отходит от нее куда-то в сторону, как отходит от берега моря волна. Тракианская сетка-гамак вертится, Элибер баражается в ней, пытаясь удержать равновесие, но она не жук, не паук и не муха, чтобы уметь держать равновесие в такой вот паутине! Гамак качается и крутится — все быстрее и быстрее, и Элибер, наконец-таки, оказывается на полу.

Вот так! Она вскакивает на коленки, потирает ушибленные места, потом медленно поднимается и оглядывается по сторонам. Хватит спать! Уже подошла ее очередь нести дежурство на корабле.

Пищевые запасы, врученные им траками, оставляли желать лучшего. Мясо они, конечно же, сразу отложили в сторону. Не к обеду будь сказано, но есть мясо, предложенное тебе людоедами, было не очень-то приятно. И все же у них еще оставались бобы, сушеные фрукты и много хлеба, так что продержаться до возвращения на Мальтен или до Кэрона, на котором, может быть, представится возможность пополнить продовольственные припасы, было можно. К тому же Шторм говорил, что уже сегодня они должны выйти на прямой курс к Кэрону. Элибер бросила в рот горсть сушеных ягод и тяжело вздохнула.

Джек улыбнулся и повернулся к ней, когда она вышла на палубу и присела рядом с ним. Кажется, он начал привыкать к тому, что теперь уже не только его, но и ее мучает бессонница. Их полет длился уже больше недели, и она всегда просыпалась гораздо раньше того времени, как ей надо было выходить на дежурство.

— Какие новости? — Элибер постаралась быть веселой.

— Никаких, — ответил он, и опять посмотрел на экраны мониторов. — Скоро мы замедлим скорость, а через девять часов будем менять курс. Не забудь как следует пристегнуться в самом конце дежурства!

Элибер кивнула и буркнула что-то нечленораздельное. Освещение панели управления было нерезким, и те оттенки цветов, которые преобладали в нем, описать было очень трудно, — видимо, это соответствовало

спектральному диапазону трахианских глаз. Этот странный свет хаотичными пятнами плавал на лице Джека и подчеркивал его усталость и напряженность.

— Это была трудная ночь? — Элибер придвигнулась ближе.

— М-м-м... — нечленораздельно пробормотал он.

— А в какой половине своего «я» ты сейчас находишься?

Джек посмотрел на нее с нескрываемой иронией:

— Я — это всегда я. А то, что происходит со мной сейчас, наверное, можно назвать приступом мечтательности. Кто-то постоянно надевает на мою душу эту не характерную для меня маску. Если мне повезет. — Джек облокотился о спинку кресла и посмотрел на Элибер. — Я вспоминаю, как моя мама готовила еду, а я помогал ей, нарезая овощи для салата. Иногда мне вспоминается школа... мы сидим за партой вместе с моим двоюродным братом и пытаемся играть в маленькие шахматы, а учитель что-то говорит, говорит и дает нам задание на дом... А если мне не везет... тогда я опять веду борьбу с песком.

Элибер участливо посмотрела на него:

— Тебе нужна моя помощь?

Он глубоко вздохнул, и она поняла, что сейчас он вдыхает аромат ее волос и кожи. Джек хитро улыбнулся и ответил:

— Помощь? Пожалуй, нет. Во всяком случае, ни в чем таком, что не поставило бы Роулинза в неловкое положение...

— Роулинз... Роулинз... — она надула губы и откинула волосы со лба. — Все. Сейчас пришло время моего дежурства.

Штурм встал:

— Если что-то случится, сразу же позови меня! — Элибер ничего не ответила. Она села в кресло и стала беспокойно вертеться в нем — сиденье, приспособленное для траков, было совсем неудобно для людей.

Она откинула волосы и посмотрела на приборы. Вроде бы все на корабле было нормально. Элибер успокоилась, и тут же черные мысли опять одолели ее. Черт бы побрал этого Вандовера! Из-за него она совсем не могла спать, но и проснуться как следует она тоже не могла. Во что он превратил ее жизнь? Ни явь, ни сон... А еще — она постоянно вздрагивала, когда кто-то, хоть немного похожий на Джека, оказывался рядом с ней.

Она поежилась и все-таки сумела переключить свои мысли на другое — она должна была следить за работой датчиков.

* * *

Дежурства Роулинза неизменно выпадали на самые опасные часы полета. Когда корабль начал тормозить, дежурил Роулинз, когда стал виден Кэррон, он опять был на дежурстве. Когда он увидел на экране планету, он крикнул от радости, и эхо, разнеся его возглас по кораблю, разбудило Элибер и Джека.

Джек окликнул Боуги, и старый бронескафандр сразу же зашевелился и поднялся на ноги:

«Что случилось, хозяин?»

— Я хотел сказать тебе, что мы долетели до Кэрона. Сейчас Роулинз выведет нас на орбиту, и мы станем искать следы Святого Калина. Гибкая оболочка костюма заблестела. Джек положил руку на бронированную рукавицу:

«Я знаю дорогу», — торжественно сказал Боуги. Его глухой голос наполнял эхом пустой бронекостюм.

Роулинз крикнул:

— Сэр, поднимитесь на палубу!

Джек кивнул Боуги:

— Конечно, знаешь, я просто уверен в том, что ты должен ее знать! Я еще вернусь. А может быть... ты сам поднимешься на палубу? Только не сломай ничего по дороге!

Шторм вошел в рубку управления и ахнул — такого он совсем не ожидал увидеть. Роулинз максимально увеличил изображение и пустил его на огромный экран, занимающий правую стену.

На экране проплывали остатки того, что еще совсем недавно было зеленой цветущей планетой. Планетой Кэрон... Неужели же прав Балард, и эту чудесную планету сожгли только для того, чтобы покончить с ним, Джеком Штормом? Джек закрыл глаза.

И все-таки, планета не была мертвой... Ее покрывали океаны, над нею плыли облака, а среди угольно-черных материков пробивались еле заметные змейки зеленой растительности. Элибер уже была в рубке. Она подошла к Джеку и посмотрела на него с нескрываемым чувством гордости:

— Ты сделал это, Джек Шторм! Это твоя работа!

— Из пепла... — пробормотал Роулинз. — Вы заставили их воскресить ее из пепла!

Джек во все глаза смотрел на экран. Кэрон опять стоял перед его глазами — вновь рождающийся, полный надежд и будущего.

— Я здесь совсем ни при чем, — улыбнулся Шторм. — Это заслуга землеустроителей. Но посмотрите-ка сюда! Эти зеленые полосы уже достаточно широки! Роулинз, может быть, настанет день, когда ваши родители переберутся на эту планету!

Роулинз покачал головой. Его темно-голубые глаза смотрели то на экран, то на Шторма:

— Родители — вряд ли. Они обустроились на новом месте. А вот я с удовольствием когда-нибудь поселюсь тут. — Он постучал по крышке контрольной панели. — Я включил постоянный сигнал, передающий наши позывные... наверное, не очень многие пожелаю встретиться с траками.

Не успел Роулинз замолчать, как лампочка на панели внешней связи замигала. Он улыбнулся Шторму и склонился над полученным сообщением.

Когда Роулинз расшифровал сообщение, Элибер удивленно произнесла:

— Боже мой, какой сложный язык!

Жаргонные словечки, мелькающие на экране, не поддавались описанию. Рулинз фыркнул:

— Только беспризорники из мальтийских трущоб смогут перевести это на нормальный человеческий язык!

Вместо того, чтобы ответить ударом на удар и подшутить над юношей, как Элибер обычно это делала, она вдруг побледнела, поникла и закрыла глаза. Роулинз не заметил ее реакции, но Джек понял, что с ней творится что-то не то. И все-таки она взяла себя в руки, обозвала капитана всяческими изысканными словами, заставила его расхохотаться, а Джека оставила в полном недоумения — он так и не понял, что произвело на Элибер такое странное впечатление.

«Господи! — вдруг подумал Шторм. — Да это же послание Баластера! — он непроизвольно сжал кулаки. — Ну, конечно же, от Баластера! Ведь только министр императора называл Элибер л е д и, а это слово промелькнуло в тексте! Называл л е д и, а относился к ней, как к г р я з и. Он вспомнил, как

перед отлетом министр подошел к Элибер и как быстро она убежала от него. А потом... ведь к ней вернулись все ее многочисленные навыки, когда-то потерянные на Битии! Интересно... Почему же она так боялась Вандовера? Ведь ни одно живое существо на свете не могло ее запугать, за исключением, конечно же, ее прежнего хозяина Рольфа. Но Рольф давно уже был мертв...»

Баластер, конечно, Баластер. Человек, который так быстро и ловко заменил на посту Уинтона. На посту того самого Уинтона, который когда-то предал их на Милосе. Джек знал, что в этом заговоре участвовали и другие. Вандовер в то время был связующим звеном между Уинтоном и Пеписом и оставался в тени. А сейчас он вылез на свет Божий. Так как же могло так случиться, что он, взрослый, много за свою жизнь повидавший человек, не увидел очевидного?

— Элибер! — громко сказал Джек. Он хотел отойти в сторону и как следует поговорить со своей любимой, но тут Роулинз сообщил:

— Командир, с вами хотят переговорить!

Роулинз покрутил рычаг настройки и включил изображение. На экране появился огромный воин с воинственно-нагловатым выражением лица.

— Динаро! Я не опоздал? — спросил Шторм.

Уокер разулыбался.

— На орбите я оставил для вас кое-какие ключи к разгадке происшедшего, но вы пролетели мимо! И все же, пролетев мимо, вы попали прямо сюда. Как же это могло произойти?

— Я знаю Святого Калина, — тихо ответил Джек. Рядом с ним стояли Элибер и Роулинз и напряженно смотрели на экран.

— Понятно. — Динаро сухо кивнул. — Спускайтесь на поверхность, нам с вами о многом надо поговорить.

— Хорошо. — Джек кивнул Роулинзу. — Снимите наши координаты.

— Слушаюсь, сэр!

Элибер схватила Шторма за руку:

— Джек! Джек! Пожалуйста! Позволь мне спуститься вместе с тобой!

Джек задумался. Он очень любил Элибер. Но могли он ей доверять, зная то, что знал? Если Вандовер и вправду был ее хозяином... И вина, и недоверие смешивались в Джеке в одно. Если все получилось так, как он предполагал, он сам был виноват в этом! Он лег на операцию и оставил Элибер одну — маленькую, беззащитную, в стенах угрюмого пеписовского дворца, полного злобы и интриг.

— Мы пойдем на эту встречу все вместе. Или же на нее не пойдет никто из нас, — решительно сказал Роулинз. Джек с удивлением посмотрел на капитана, а потом, подумав, кивнул:

— Хорошо, пусть будет так!

— Все мы пойдем в бронекостюмах, — добавил Роулинз.

Джек еще раз кивнул.

ГЛАВА 27

Как и раньше, Кэрон пах экзотическими пряностями. Но сейчас к привкусу аромата растений примешивался запах гари и чего-то еще, от чего Шторму захотелось вздохнуть полной грудью, закричать и заплакать. Это был запах плодородной земли. Он понял это и растерянно улыбнулся. Кажется, Кэрон действительно возродился заново.

Сейчас на месте маленьких городков и шахтерских поселений, утопающих в неуемной и буйной зелени, виднелись огромные стеклянные оранжереи. Взлетно-посадочные полосы для гидросамолетов пересекали коричневые бес травные поляны. Собственно, гидросамолет и должен был доставить их на встречу с Динаро. Они отошли от своего корабля, сели в небольшую воздушную машину обтекаемой формы и взлетели. Тысячи насекомых с радужными крыльями парили в воздухе. Джек засмеялся. Будет, будет, будет на Кэрона жизни!

Шторм украдкой посмотрел на Элибер: она пристроилась на заднем сиденье и вела себя так тихо и послушно, что ее вообще трудно было заметить.

Когда они выпрыгнули из самолета, тучи насекомых, летевших за ними, облепили их бронекостюмы. Элибер с изумлением спросила:

— Что это такое?

— Не знаю, — ответил Джек. — Возможно, они как-то поддерживают существование микроорганизмов, образующих почву...

— А скорее всего наоборот — не позволяют этим микробам размножаться чересчур активно, — откликнулся Роулинз. — Командир, насколько я понимаю, пока все идет неплохо?

Джек кивнул. Через несколько секунд, когда облачко насекомых радужно спиралью поднялось вверх, Шторм увидел еще одного человека в бронекостюме.

К ним приближался Динаро. Но почему-то рядом с ним не было огромного добродушного Джонатана.

— А где Джонатан? — строго спросил Джек.

Динаро поднял лицевое стекло и ответил:

— Он в казарме, Шторм. Он не очень хорошо себя чувствует.

— В таком случае, я должна его увидеть! — крикнула Элибер и решительно направилась к казармам, но Динаро схватил ее:

— Не так быстро! В конце-то концов, это земля уокеров! Весь этот комплекс, — Динаро обвел рукой вокруг, — заповедник уокеров. Так что, если вы прибыли по приказу императора Пеписа, на этой земле вы не обладаете официальными полномочиями.

— А если не по приказу? — Элибер дернула рукав бронескафандра и вырвала его из железной рукавицы Динаро.

— А если не по приказу, мы с вами сможем начать переговоры. — Динаро с наглым видом осмотрел их с ног до головы. — Следуйте за мной. Я проведу вас в то место, где вы сможете снять бронекостюмы.

— Лично я не собираюсь снимать бронекостюм, — заявила Элибер.

— Костюмы — это оружие, а вы находитесь в святом месте. — Динаро презрительно посмотрел на нее. Шторм пожал плечами, тронул Роулинза за рукав и повел назад к гидросамолету.

— Мы готовы разговаривать с тобой только в том случае, если ты будешь реалистом! — он хмуро посмотрел на воинственного уокера. — Мы ведь не похищали смертельно больного человека и не выносили его с боем из императорского дворца!

— Согласен! — ответил Динаро. — Но на больничную койку тебя отправил не я, а траки.

Джек церемонно поклонился:

— Благодарю покорно! Я не держу камня за пазухой. Во всяком случае, пока...

— Хорошо. В таком случае следуйте за мной. — Динаро опустил лицевое стекло, повернулся и повел их вниз.

Для того, чтобы пройти в небольшой сборный домик, им пришлось пригнуть головы. Джек с интересом оглянулся. На двери, ведущей в небольшой кабинет, висели графики и карты.

— Что-то разыскиваете? — с усмешкой спросил Шторм.

— Нет, ничего. Мы ведь всегда проводим исследования, если нам дают на это разрешение. Кстати, мы обнаружили залежи норцита на другом краю материка. А рядом с ними — выгоревшие дотла тракианские гнезда с остатками песка. Если бы Кэррон не попал тогда в неведомую огненную бурю, скорее всего, сейчас все пространство вокруг нас было бы занято песком. — Динаро кивнул на коридор. — Проходите. Третья комната налево. Конечно, в оружии нам будет там тесновато...

— В тесноте, да не в обиде, — тут же заметила Элибер и пошла вперед. В помещении Динаро опять поднял лицевое стекло, и Джек увидел, что он смущен. Все же воинственный уокер оставался тем же самым человеком, который когда-то учил Элибер пользоваться оружием — хотя уроки, которые он дал ей, были совершенно секретны.

Роулинз и Динаро, шедшие впереди Шторма, не рассчитали расстояния и столкнулись друг с другом. Джек с интересом наблюдал за ними. Оба — высокие и стройные, в почти одинаковых бронекостюмах, они всю жизнь находились под прямым влиянием Калина. Но какая же разница была между ними! Динаро — энергичный и самолюбивый, никак не смог смириться с царящей в жизни уокеров упорядоченной скучой — и самим своим существованием приносил угрозу жизни религиозной секты. Роулинз — спокойный и уверенный в себе, не был уокером от рождения, но до последней глубины своей души привязался к Святым Калину после того, как тот вытащил его с того света.

Джек вздохнул и на минуту отвел Динаро в сторону:

— Скажи мне, у тебя нет ничего такого, о чем мы должны были бы поговорить наедине?

Динаро вздохнул:

— Вы должны знать, что Джонатан умирает. Я не знаю, что случилось с ним и с Калином и кто захватил Калина после того, как они расстались.

— Ну, это знаю я, — сказал Джек. — Он прибыл сюда для того, чтобы встретиться с ат-фарелами.

— О Боже! — Динаро остановился. — Вообще-то, Калин говорил мне об этом, но я почему-то думал, что

случилось еще что-то, — может быть, на него напали траки, а может быть, кто-то из пиратов Пеписа...

Джек покачал головой:

— Нет...

— Но в таком случае, вас слишком мало для того, чтобы идти по следу Калина. — Динаро посмотрел в глаза Шторму.

Джек улыбнулся:

— Разреши мне для начала поговорить с Джонатаном.

Джонатан, верный спутник Святого Калина, похудел, съежился и стал почти неузнаваемым. Элибер стащила с головы шлем и опустилась на колени рядом с походной кроватью.

Джонатан повернул худое серое лицо к Джеку:

— Командир Шторм... — произнес он, и его голос стал хриплым — Святой Калин надеялся, что вы подспеете вовремя...

Джек вздохнул:

— Очень жаль, но мне пришлось его разочаровать.

— Нет. — Джонатан говорил медленно и тихо. — Вы никогда не приносили ему разочарований. Вы всегда говорили о нем как о человеке, который старается совершать благородные поступки. — Джонатан дышал тяжело, со свистом. В комнате было очень тихо. Все смотрели на помощника Калина с сочувствием и ловили каждое его слово.

— Динаро сказал, что вы будете меня искать. Я ему ответил, что никогда не сомневался в том, что вы будете искать и меня, и Калина. Но он такой молодой и стремительный...

— Мы все когда-то были молодыми... — сказал Джек. Похвала Калина, которую передал ему Джона-

тан, очень смущила и растрогала его. Он спросил у Динаро:

— Как часто корабли с Кэрона отправляются на Мальтен или в Доминион, или в любое место с хорошим медицинским персоналом?

Джонатан пожал плечами:

— Каждую неделю. На этой неделе корабль уже отбыл, так что теперь надо ждать следующей недели.

— В таком случае, сделай все для того, чтобы Джонатан попал на него.

— Что касается Джонатана, — сказал смертельно побледневший Динаро, — так ему придется остаться здесь. Он — мой свидетель.

— Да, он видел достаточно много, — глаза Элибер горели от гнева. — Но мы добрались до Кэрона без посторонней помощи, думаю, что и Калина мы сможем найти без нее.

Лицо Динаро изменилось. Кажется, его что-то расстроило. Он подумал, принял решение и кивнул Джеку:

— Хорошо. В конце-то концов, мне уход за ним нужен не больше, чем вам.

Роулинз втянул голову в плечи, повернулся, вышел и уже из коридора крикнул:

— Мне надо разобраться с двигателем гидросамолета...

С Динаро творилось что-то невообразимое. Он дрожал. Его лицо покрылось испариной злости. Да... ведь и Джонатана он отпустил только потому, что его смерть уже не могла принести воинственному уокеру никакой выгоды.

Джек вздохнул и вышел вслед за Роулинзом. Капитан бежал по коричневато-черной поверхности быстрыми короткими шагами.

— Что случилось?

Роулинз поднял на него ярко-голубые глаза:

— Я не доверяю Динаро.

— Я тоже. — Джек внимательно посмотрел в глаза молодому рыцарю. — Но... видишь ли, я хотел бы, чтобы у меня была возможность наблюдать за ним, ведь если ситуация изменится и наблюдать за нами будет Динаро, это будет гораздо хуже. С тобой все в порядке?

Бронекостюм Роулинза был настолько тонок, что даже через две брони Джек смог почувствовать, как расслабился его спутник.

— Все хорошо, — кивнул капитан.

Итак, как же он должен поступить дальше? Джонатану, скорее всего, не стоит слушать ту запись, которую сделал Боуги. После обеда Шторм отвел всех в маленькую звуконепроницаемую комнатку, которую подготовил для них Динаро, и прокрутил пленку.

Элибер схватилась за голову и крикнула:

— Боже мой! — ее слова повисли в звенящей тишине.

Все они сняли бронекостюмы. Боуги тихо отдыхал в углу.

Динаро потягивал из стакана какой-то местный напиток.

— Калин долгое время находился недалеко отсюда, — задумчиво сказал он.. — Что же могло его так напугать?

— Если мы узнаем это, мы узнаем и то, где сейчас он находится, — задумчиво сказал Джек.

— Но ведь мы даже не знаем, в каком направлении надо вести поиск. Ат-фарелы приходят и уходят, но после их ухода не остается никаких следов. Даже траки, которые воюют с ними уже сто, а может быть и двести лет, не знают, откуда появляются эти ящеры. — Динаро поставил перед собой стакан.

Джек с интересом посмотрел на него:

— Значит, ты уже не хочешь идти с нами?

— Собираюсь, — уокер встал. — Ведь кто-то должен забрать тело. Ты сказал, что знаешь дорогу. Так давайте найдем Калина до того, как мятеж на Мальтене опять захлестнет всю планету!

— А ты не хочешь остановить мятеж? — спросил смертельно бледный Роулинз. Он явно еле сдерживал себя.

— У Калина верные последователи, — пожал плечами Динаро. — Если безразличие Доминиона и Триадского Трона лишили нас нашего Святого, а судя по всему, так и произошло, то мы, уокеры, совсем не должны принимать это спокойно.

— Не пугай нас, — фыркнула Элибер. Под ее глазами светились синие круги — она очень-очень устала.

— Я совсем не запугиваю вас. — Динаро чувствовал себя королем и хозяином. — Я только напоминаю вам о том, что может произойти.

Элибер подождала, пока следы уокера не стихнут в коридоре, и устало произнесла:

— Хотелось бы мне знать, на что он рассчитывает.

— О, его расчеты очень просты. — Джек усмехнулся. — Он хотел бы занять должность Калина, а этому мог препятствовать только Джонатан. Ну, до сего дня Динаро убедился в том, что тот совершенно не в форме.

Роулинз, нервничая и заикаясь, спросил:

— А как вы думаете... каковы шансы на то, что Святой Калин все еще жив?

— Я не знаю. — Джек вздохнул. Но почему-то я думаю, что он жив. А ты?

Капитан улыбнулся широкой мальчишеской улыбкой:

— Я тоже не знаю. Но я тоже почему-то думаю, что он жив. Ведь мы со Святым Калином связаны совсем особым образом...

Элибер напряглась. Она сидела в кресле и перебирала тонкими пальцами свои пушистые волосы, но из-за темной пряди на Джека внимательно смотрел золотисто-карий глаз.

— Ты действительно думаешь, что он все еще жив? — спросила она чуть слышно.

— Да. — Джек внимательно смотрел на нее. — Но я совсем не знаю, сколько еще он продержится. А еще я не знаю, каким способом Баластер собирается отвлечь наше внимание от Мальтена.

Элибер вздрогнула, открыла рот, собираясь что-то сказать, но потом вздохнула, закрыла рот и промолчала. Что-то в Шторме болезненно повернулось. Он подумал, что это, наверное, в нем сражаются так и не соединившиеся между собой половинки его «я», но в данный момент его мысли были кристально-прозрачны. Он заставил себя успокоиться.

— Ну и многое же тебе известно? — спросила она, бессмысленно смотря на свои собственные ноги.

Он вздохнул:

— Немногое... То, что ты оказалась в отчаянном положении и согласилась вернуть себе свои утраченные способности. Ну, а Вандовер запустил в тебя свои крючки. Если бы ты его не боялась, он не смог бы этого сделать. Но если бы он не был одним из тех, кто может тобою управлять, ты не боялась бы его.

— А я-то думала, что ты до сих пор деревенский мальчишка с ослиными ушами. — Элибер глубоко вздох-

нула. — Понимаешь, я не могу бороться с ним — он питается мной. Все, что я ни делаю, только прибавляет ему энергии.

Джек пристально посмотрел на нее:

— Кого он хочет поймать в свои сети?

Она покачала головой и скинула со лба прядь волос:

— Я не знаю. Даже тогда, когда он управляет моей психикой, я не могу разгадать его целей до последнего момента. До того, пока не становится слишком поздно...

Шторм прямо спросил:

— Пепис?

Она закрыла лицо руками и всхлипнула:

— Да, Джек, я...

— Кто еще?

— Принцесса... — Элибер оторвала руки от лица. — Именно поэтому Зеленые Рубашки и не смогли объединиться.

— А как насчет Калина?

— Я... я не знаю. — Элибер вытерла нос и еще раз всхлипнула. Сейчас она была похожа на ту девочку, которую он встретил много лет назад. — И ты и я прекрасно знаем, что и это — тоже вероятно. Ведь смерть Калина бросит тень на Пеписа и окончательно испортит его дела.

Джек протянул руку к стакану с напитком местного изготовления. Он не спросил у Элибер, не было ли у нее приказа убить его самого, — не спросил, потому что не хотел слышать ответа.

Алкоголь обжег горло и опалил внутренности. Джек закашлялся. Элибер печально посмотрела на него:

— Знаешь, я бы тоже выпила. Что ты посоветуешь?

Шторм хмыкнул:

— Что угодно, но только не эту гадость, а кроме этого у нас ничего нет. — Он наполнил свой стакан и передал его ей. — Ладно, по крайней мере, это поможет тебе заснуть! Видишь ли... — Если бы Джек умел плакать, наверное, он расплакался бы, как Элибер. — Я могу тебя любить, но я ничем не могу тебе помочь...

Ее рука на мгновение коснулась его руки:

— Я думаю, Джек... если ты меня действительно любишь, я смогу справиться со всем. Но, понимаешь, он всегда со мной, всегда в моих мыслях, в моих снах... Он поселился во мне, как неодолимая черная сила. Иногда мне кажется, что я заглянула в то неведомое место, которое Святой Калин называет адом.

Джек ободряюще улыбнулся:

— Элибер, отстаивай себя! Ты всегда была готова поддержать меня, а теперь — моя очередь. Наверное, я не могу тебе помочь, но ты не одинока. И запомни: что бы ни случилось, я не позволю тебе убить Калина!

Ее губы задрожали. Она подняла стакан и залпом проглотила содержимое, поперхнулась, закашлялась, потом перевела дух и спросила:

— Но как же мы будем искать его?

Джек посмотрел на Боуги:

— Боуги сказал мне странную вещь... Вроде бы, он — что-то типа указательного столба. А больше я пока не знаю. Боуги! Расскажи-ка нам о том, что ты не стал доверять записям!

ГЛАВА 28

В последнее время Святой Калин напоминал себе розу, обратившую свои шипы внутрь самого себя. Его душу привязали к плоти, но плоть была стара и немощна и не могла удерживать в себе все еще сильный дух. Но умереть ему не позволяли.

То, что теперь ат-фарелы могли разговаривать с ним и он понимал их речь, было уже несущественно. Боль, живущая в его плоти, скрипела, шаталась, распевала самыми разными голосами, и каждый голос был страшен. То существо, которым он был сейчас, мало чем напоминало человека. Когда ему удавалось уйти от этой боли, он получал короткую передышку, но ат-фарелы, сами того не понимая, тянули его обратно в то же пекло.

В последнее время Калин часто вспоминал прошлое. Самыми приятными воспоминаниями были те, которые возвращали его во времена обучения в семинарии — тогда он уже сформировался как человек и совершил свое первое чудо, и на занятиях ему приходилось изучать законы, по которым существует то, к чему он так стремился. Да, это были хорошие деньки! В то время он думал, что сможет сделать все, что угодно, — и у него на все хватало сил. Среди них учился высокомерный рыжеволосый парень из богатой семьи. Если бы этот парень не обладал удивительной способностью помнить зло и мстить за него в странной,

почти что неуловимой форме, он наверняка стал бы объектом всеобщих насмешек. Этого парня звали Пепис, и у него были хорошие умственные способности. И хотя потом Пепис поступил в военную школу, у них с Калином сложились хорошие отношения — в их основе лежало уважение друг к другу.

А самым приятным из всех воспоминаний было воспоминание о маленькой комнатке в подвале. Ему повезло тогда. Ему досталась комната с целой стеной из окон. Окна находились под самым потолком и выходили на лужайку, заросшую травой. На стекло очень часто попадала грязь, но зато он мог видеть, как ярко-зеленые побеги травы вытягивают вверх свои усики. Иногда к нему в комнатку заглядывала маленькая черно-белая собачонка декана — она тыкалась носом в стекло и изо всех сил лаяла, будто принимала его за крысу, спрятавшуюся в подземелье.

Он старался как можно реже вспоминать про эти окна — но их образ поддерживал его в самые трудные годы — в то время он открыл для себя, что люди похожи на семена — если их осенит стремление к истине, они будут расти и цвести. Он помнил об этом и в течение всей своей жизни пытался зажечь божью искру в народных сердцах.

В конце пути его самого ждала неудача. Ему не удалось многое сделать и многое завершить. Но он знал, что его мелкие желания Бог исполняет всегда, и сейчас вот зачем-то вспоминал об окнах своей юности.

Ат-фарелы опять звали его к себе. Этот зов был болезнен и силен, и, к сожалению, он понадобился им как раз в тот момент, когда понял, в чем была главная ошибка его жизни. Кажется, он ошибался, когда утверждал, что Бог воплощался и в других мирах. Ошибался

в одном, а потому у него не получалось и другое. Он не смог сделать так, чтобы человечество, потянувшееся к Богу, жило и развивалось в полном достатке.

Когда ат-фарелы тянули его назад, к себе, через его память вихрем проносились разные воспоминания о тех мирах, в которых ему довелось побывать. Там сорная трава прорывалась сквозь узкие щели в бетоне и цветы умудрялись расти прямо на железных крышах домов.

— Как странно... — подумал он. — Как странно и неестественно выглядят эти вещи!

А потом он подумал, что каждое семя несет в себе божью искру, а значит, пусть будет то, что будет! Эта мысль появилась из самой его сущности, и он окончательно подумал:

— Почему же я смог понять это только тогда, когда стал умирать? — но смерти не наступило, вместо смерти к нему вернулось сознание.

Теперь, когда он понял то, что должен был понять много лет назад, ему необходимо было жить. Наконец-таки он нашел то связующее звено, которое создал сам задолго до того, как попал в плен. У него был сигнальный столб, и этот сигнальный столб должен был вывести его к истине.

* * *

Боуги услышал призыв. Он знал, что рано или поздно это произойдет, но все-таки сильно заволновался. Призыв был силен — он ударили в самую суть его существа, как ударяет молния в одиноко стоящее дерево. Его плоть затрепетала, клетки запульсировали, маленькие ворсинки вытянулись вперед. И все же, несмотря на всю силу полученного им сигнала, Боуги знал, что отвечать на него он не станет.

Нет, нет, он не мог этого сделать! Хороший человек, его друг, попал в пучину непонятного, непознанного и страшного. Нет, Боуги никому не позволит затянуть себя в эту бездину, потому что... потому что он боится найти в ней самого себя.

Он думал об этом давно — ведь его всегда интересовала его собственная природа. Он не был воинственным рыцарем, хотя в чем-то и походил на него, не был он ни траком, ни милосцем. Он не мог признать своих предков ни в одном из тех гуманоидов, которые населяли миры Доминиона. Только ат-фарелы вызывали у него чувство родства. Но ат-фарелы были врагами... А потом, если он и был одним из ат-фарелов, то долгое общение с Джеком до того изменило его суть, что вряд ли эти жестокие и горделивые ящеры могли признать его за своего. Существа, подобного ему, не было во всей вселенной...

Интересно, а уничтожил ли бы его Джек Шторм, если бы он узнал, что Боуги — враг? Ведь они с Джеком были солдатами, а солдаты убивали своих врагов...

Нет, нет, Боуги не хотел проигрывать! Он хотел жить! Он хотел найти для своей души настоящее тело — ведь она и так была бездомной достаточно долго! Он хотел видеть себя точно так же, как он видел Элибер и Джека. И вот теперь он слышал долгожданный призыв и отказывался принимать его...

Элибер скосила глаза на бронекостюм.

— Боуги ведет себя странно, — сказала она. — Я замечаю, что он уже несколько дней сам не свой! Знаешь, иногда мне кажется, что если бы Динаро узнал, что ответ заключен в Боуги, он стер бы его в порошок.

— Скорее всего, это так. — Джек отложил в сторону компьютерную распечатку, которой занимался. — Ты

знаешь, ат-фарелы действительно появляются из ниоткуда и исчезают в никуда.

— И что это означает? — с интересом спросила Элибер.

— Это значит, что их высокоразвитая технология позволяет им почти мгновенно перемещаться во времени и пространстве. Сейчас они здесь, а через минуту — уже на другом конце вселенной.

Элибер придвигнулась к Джеку. Она выспалась и сейчас выглядела намного лучше, чем все предыдущие дни. Она уже успела заварить отвар из тех трав, которые считались здесь заменой чая. Конечно, это была очень плохая замена, но все же отвар был горячим и от него пахло сладким дымом.

— Тогда неудивительно, что их никто не может победить, — задумчиво пробормотала она.

— Да. — Штурм вздохнул. — Единственное, что мы можем сделать, — так это выстроить оборонительную линию и надеяться, что время от времени ат-фарелы будут пролетать мимо, не заглядывая в наши владения. Правда, я по-прежнему не уверен в том, что нам нужно с ними воевать. Элибер, они знают условия чистой войны. Конечно, на тех планетах, на которые они нападали, не осталось цивилизации, но земля осталась живой и сохранила способность к регенерации.

— Значит, эту планету уже можно заселять? — она помешивала светлую жидкость в стакане.

— Пока нет. — Он покачал головой. — Но существует множество гораздо более разрушительных военных средств.

Она посмотрела на него сквозь прозрачную стенку стакана:

— Ты судишь о них слишком по-человечески, а ведь это совершенно чужие и непонятные существа! Джек, я думаю, что если нам придется вступить в схватку с ними для того, чтобы вытянуть из их лап Святого Калина, нам надо как следует подготовиться!

— Я сделаю все, что смогу! — резко и нервио ответил Джек. Элибер промолчала и изо всех сил стала дуть на горячий отвар. Джек поднялся и отправился в маленькую комнатку, занятую их бронекостюмами. Оружие заряжалось, и сейчас круглые шлемы лежали на полу. Джек заглянул внутрь своего бронекостюма и увидел, что маленькая, почти невесомая плоть Боуги активизировалась — неизвестное существо вело себя очень нервно, его маленькие ворсинки дрожали в прозрачном воздухе. Джек уже поборол то отвращение, которое вызывали у него воспоминания о милосских берсеркерах, и теперь относился к этому маленькому существу спокойно и ровно, правда, он никак не мог понять, почему Боуги не указывает им дорогу к ат-фарелам, если он сам говорит, что знает ее?

За его спиной послышались негромкие шаги.

— Извините меня, сэр, — почтительно сказал Роулинз. — Получено сообщение о том, что большая группа тракианских кораблей вышла из гиперпространства и повернула к Кэрону.

Джек поморщился:

— Значит, за нами следили!

Роулинз кивнул, и белокурая прядь упала ему на лоб:

— Похоже, что так!

— Спасибо, капитан! — Джек соображал быстро. На Кэроне тракам делать нечего. Значит, они надеются на то, что экспедиция Шторма выведет их на ат-фарелов.

— Видимо, за этим что-то кроется? — обеспокоенно спросил Роулинз.

— Кроется? — Джек наморщил лоб. — Да нет, пока ничего. Скорее всего, они займут выжидательную позицию и будут следить за нашими действиями. — Джек внимательно посмотрел на бронекостюмы. — Если хочешь, сообщи местным властям, что пока планете ничего не угрожает.

— Да, сэр. — Голос Роулинза звучал неуверенно.

Джек улыбнулся:

— Еще вопросы есть?

— Чего мы ждем? — спросил молодой рыцарь.

Шторм хмыкнул:

— Мы ждем того момента, когда наш враг сделает первый ход. Роулинз смахнул со лба белокурую челку:

— Но о каком враге идет речь, сэр? О траках, аттарелах или о Баластере?

Джек махнул рукой:

— Ой, Роулинз, если бы я это знал, я не ожидал бы первого хода!

Роулинз кивнул и вышел из мастерских. Шторм подождал немного, а потом подошел к своему костюму, сел у тяжелых бронированных ботинок и скрестил ноги. Когда-то рыцари Доминиона были настоящим военным орденом. Но сейчас большая часть старинных дисциплин была забыта, и хотя Шторм пытался вернуть их к жизни, ему далеко не все удавалось в возрождении рыцарства. Но в нем самом все еще жили стаинные обычаи и ритуалы, и он вспоминал их, когда хотел вздохнуть глубоко и свободно.

Чистые мысли и благородные поступки были всего лишь внешним выражением внутренней силы. В каж-

дом вдохе, который совершало его тело, жила надежда, а в каждом движении — возможность победы.

Шторм открыл глаза. Бронированная рукавица Боуги описала в воздухе дугу. Джек взял его руку в свою и, улыбнувшись, сказал:

— Без оружия нет солдата! Мы бились на Милосе и вернулись оттуда живыми. Наша последняя битва совсем близко, Боуги, и я готов к ней!

Шторм почувствовал ответное прикосновение и услышал в своих мыслях голос неведомого существа:

— Мне стыдно, Джек, я сбежал с поля боя! — грустно сказал Боуги.

Джек погладил серебристый бронескафандр:

— Что ты! Ты всегда был мне хорошим другом! Ты выполнял то, о чем я просил тебя, — нес меня, когда я умирал, наполнял меня собою, когда я был пуст.

— Ты дал мне жизнь. А я трушу... — в низком рокочущем голосе, все еще не обретшем плоти, звучала печаль.

Джек вспомнил тот страшный, почти нечеловеческий крик, который записал Боуги. Может быть, встреча с аттарелами так подействовала на него, что воинственный дух не мог выполнить поручения, данного ему Калином?

— Расскажи мне, что тебя пугает? — спросил Шторм.

— Отсутствие жизни и отсутствие борьбы. — Боуги минуту помолчал. — Ведь я не знаю, кто я такой.

Джек вздохнул:

— Ничего, Боуги! В конце-концов, ты знаешь, что твое предназначение — стать человеком.

— Я не отношусь к человеческой расе, — голос Боуги становился все глушее и глушее.

— И все же ты мог бы стать человеком. Правда, для этого тебе пришлось бы как следует поработать...

— А ты... — голос Боуги дрогнул, — ты много работал?

Джек задумался:

— Думаю, что да. Во всяком случае, я старался...

Расскажи мне, где сейчас Калин?

Боуги тяжело вздохнул:

— Не знаю...

— Мне кажется, что ты знаешь это. — Джек немногом помолчал. — Но ты боишься того, что ты знаешь. И все же... если ты не переборешь свой страх, ты не сможешь дальше жить...

Наступило тяжелое молчание. Потом Боуги сказал:

— Вам совсем не нужно искать врага, Босс. Посмотрите внутрь бронескафандра. Враг — это я. Ведь я — *ат-фарел*. Вот так. Ваши поиски закончились. Я вызвал их сюда.

В коридоре раздались торопливые шаги. В комнату вбежали Элибер и Роулинз:

— Нам поступила информация, Джек! И, скорее всего, она исходит не от траков!

Джек повернулся и посмотрел на бледного Роулинза:

— Не понимаю, о чем идет речь?

— Они появились ниоткуда, сэр. Три огромных военных корабля. Таких больших, каких я никогда в жизни не видел. Кажется, мы в опасности!

Джек толкнул ногой вешалку от боевого костюма, и она грохнулась на пол:

— Значит так, сначала мы надеваем бронекостюмы, а потом объявляем тревогу.

Элибер уронила свой бронекостюм на пол:

— Но ведь на Кэроне нет экранов защиты! А мы находимся на открытом пространстве, так что если ты ничего не придумаешь...

— Ладно. Сейчас мы погрузимся на корабль и посмотрим, сможем ли мы улететь с этой планеты, а потом уж будем думать. — Джек схватил бронекостюм с Боуги и попытался его открыть, но швы не поддавались.

— Нет, Босс! — дрожащим голосом сказал Боуги. — На этот раз нет. Я хочу жить, а нам обоим уже не хватает места в бронекостюме...

Джек помолчал, потом дотянулся до крючков, которые удерживали бронекостюм на вешалке, и тот упал на землю.

— Что ты делаешь? — удивленно спросила Элибер.

— Ничего особенного, — отмахнулся Шторм. — Где Динаро?

— Возится с кое-койой защитой на площадке. — Роулинз надел шлем. — Он говорит, что встретит нас на корабле.

— А что с Джонатаном?

Джек шлепком проводил Боуги из комнаты с оборудованием:

— Ему лучше быть внизу, пока мы будем отвлекать их внимание. Роулинз, запускай двигатели!

Элибер встревоженно посмотрела на Джека:

— Что-нибудь случилось?

Он усмехнулся:

— Боуги не пускает меня внутрь бронекостюма. Он говорит, что это убьет его.

ГЛАВА 29

Мне есть что сказать императору. — Министр полиции подошел к двери. Тяжелые челюсти милосца Крока работали так, будто перемалывали тяжелые слова чужого языка:

— Нет, — сказал он.

— Что ж, я думаю, что Пепису интересно будет узнать о нашем разговоре. — Баластеру надоела роль запуганного просителя. В последнее время в розовом дворце императора он чувствовал себя не более чем пленником.

— Нет, — настаивал на своем Крок.

Баластер зло усмехнулся:

— Ты, большой и глупый кусок мяса, иди и доложи Пепису, что ат-фарелы окружили Кэрона, и посмотри, заинтересует ли его это сообщение и захочет ли он поговорить со мной! — губы Вандовера растянулись в тонкую линию.

Крок шел нарочито медленно. Прежде чем пройти в палату императора, он задвинул за собой защитный экран, стоящий перед дверью, и услышал за спиной ругательства Вандовера. Тот метался по коридору, как взвешенный зверь: туда-сюда, туда-сюда.

Вдруг защитный экран поднялся, и из-за него выехал император:

— Здравствуй, Вандовер, в чем дело? — тихо спросил он. Выглядел император неплохо — его лицо порозовело, а волосы по-прежнему стояли над головой и искрились электричеством. Правда, левая половина лица все еще оставалась неподвижной. Баластер кашлянул и попытался сделать вид, что он совсем не рассматривал Пеписа. Пепис улыбнулся:

— Насколько я понимаю, ваши источники информации надежнее моих. Итак, о чем вы хотели сообщить?

Баластер поклонился:

— Ат-фарелы только что вернулись на Кэрон. По-видимому, нам больше не надо искать их. Они сами к нам пришли.

— Может быть, Калин у них? — Пепис двигался на своей инвалидной коляске. — Я бы очень хотел там быть, — сказал он каким-то тягучим голосом. — Спасибо, Вандовер, — император исчез за огромной фигурой милюсца.

Крок улыбнулся, показал министру свои желтые клыки и опустил перед его носом защитный экран. Все его надежды рушились. А значит... Значит ему необходимо было вернуть Элибер — для нее во дворце было очень много работы. Ничего! Зеленые Рубашки еще проклянут себя за то, что они побоялись поддержать его в такой критический момент!

* * *

Тракианский корабль, на котором они прилетели на Кэрон, скрипел и вздрогивал. Боуги прохаживался по палубе, а все остальные раскачивались в гамаках, приспособленных для жуков.

Один из военных кораблей ат-фарелов висел прямо над ними, а два других зажимали их с боков.

— Роулинз, уходи в сторону! — крикнул Джек.

Роулинз чертыхнулся:

— Я не могу этого выполнить, сэр! Эта штука не такая уж маневренная!

— Я это знаю, черт побери! — крикнул Шторм. — Но ты все же испробуй все способы и попытайся отвести корабль в сторону!

Динаро буркнул:

— Они еще не стреляют в нас, но мы уже под прицелом!

— Да нет же, — Элибер вылезла из гамака. — Их мишень не мы, а Кэрон.

От этих слов внутри у Джека что-то оборвалось. Только не Кэрон! Хрупкая жизнь, едва зарождающаяся на Кэроне, не выдержит этой атаки!

— Роулинз! — крикнул он. — Мне совсем не важно, как ты это сделаешь, но ты должен поставить корабль между ат-фарелами и планетой!

«Правильно!» — беззвучно крикнул Боуги, воодушевленный всеобщим подъемом, и упал на колени. — Корабль повернулся на сто восемьдесят градусов.

— Цепляйтесь за что-нибудь! — крикнул Динаро, но, кажется, слишком поздно: Элибер вскрикнула и вывалилась из сетки, ее волосы разметались, совсем как у русалки, вытащенной на берег из воды.

Корабль рванулся вперед, и Роулинз радостно крикнул:

— Получилось!

На мониторах крупным планом появились ат-фарельские корабли. Джек почувствовал невольное восхищение от их массивности и моши.

— Я не думаю, — задумчиво сказал он, — что у ат-фарелов есть своя родная планета. Кажется, перед

нами город, проклятый Богом... настоящая космическая крепость...

Динаро расхохотался и крутанулся в кресле:

— Траки будут счастливы, если они узнают об этом! Послушай, Роулинз, а ты не мог бы установить экран защиты над нашим корабликом?

— Я — пилот, — огрызнулся Роулинз. — А ты, если хочешь, можешь заняться этим.

Джек наклонился над приборной панелью и посмотрел на кнопки:

— Кажется, эта! Все должно получиться! — он нажал ладонью на большую красную кнопку.

— Получилось! — обрадовался Динаро. Корабль вздрогнул, и на экранах появилось оранжевое пламя.

— Ну вот, теперь ат-фарелы знают, что мы включили защиту. — Джек посмотрел на Элибер. — Положи-ка поближе шлем, чтобы в случае опасности побыстрее надеть его! — он улыбнулся.

Она сдвинула брови и резко ответила:

— Надеть? А зачем? Ведь мы никуда не собираемся! — и вдруг она посмотрела на экраны и крикнула — Господи! Да они же тянут нас назад к Кэрому!

— Ну что ж, — Джек подскочил поближе к Роулинзу. — Старайся удержаться среди них!

Элибер встревожилась и раскраснелась:

— Джек! Джек! Они вынуждают нас сделать посадку!

— Ничего! — Шторм почесал затылок. — Прежде чем это произойдет, мы начнем отстреливаться! Пока они не обращают никакого внимания на наши сигналы. Но посмотрим, что они будут делать, если мы применим оружие.

Элибер выбралась из гамака и подошла к Шторму:

— Нет, Джек, нет... все дело в том, что я собираюсь найти Калина...

— Элибер... — он нерешительно посмотрел на нее..

— Я думаю, что смогу. Разреши мне попытаться! — ее голос был тих и тверд.

Джек закрыл глаза. Он не знал, какое решение ему принять. Может быть, Элибер и удастся найти Его Святейшество, но что, если именно так Баластер прикажет ей уничтожить Калина? Рядом с ним зашумел Боуги. Штурм вздохнул:

— Да, Элибер, мне действительно необходимо выяснить, на каком корабле находится Калин, если он, конечно, находится на каком-нибудь из этих кораблей... А еще... нам необходимо приготовиться к удару. — Джек посмотрел на Динаро. — Оружейные башни готовы к атаке?

— Они заряжаются, — спокойно кивнул уокер.

Элибер села в гамак, наклонила голову и пару раз глубоко вздохнула... Боже мой, опять этот темный, черный Вандовер в ее мозгу! Он жалит и ранит ее, читает ее мысли и не дает ей жить спокойно. Она изо всех сил закусила губы, надеясь, что хоть эта острая боль поможет ей избавиться от императорского министра. Нет... на нее опять смотрели темные и жесткие глаза.

— Ты никуда не денешься от меня, леди! — говорили они ей. И она никак не могла вырваться из этого кошмара. Элибер посмотрела вокруг обезумевшими глазами.

— Помогите мне! — хотела закричать она, но голос застрял у нее в глотке.

Вдруг бронированная перчатка Боуги легла ей на плечо:

«Я знаю, что делать дальше!» — сказал дух и понес ее с собой. Этот психический контакт напоминал огненный удар. Ее мозг был залит ослепительным светом, и этот свет был настолько силен, что вытеснил из ее сознания Вандовера Баластера. Она подумала, что этот свет полностью очистил ее мозг, но потом поняла, что ошиблась. Нет... этот свет был только маяком, высвечивающим все события. Вандовер Баластер, сгорбившийся и маленький, все еще находился где-то на краю ее сознания. Впрочем, он уже почти не был человеком — жалкая, серая, почти бесплотная тень осталась от него. Зато в самом центре ее сознания возникла другая фигура — крепкая фигура, длинноватые, не очень густые волосы, голубая, похожая на шахтерскую, роба...

— Калин! — закричала она, и свет в ее мозгу тотчас же потух. Боуги продолжал держать ее за руку, и она очень хотела спросить, чувствовал ли он то же самое, что и она.

— Я видела его, — сказала Элибер, с трудом шевеля синими от волнения губами. — Флагманский корабль. Джек... Калин жив...

— Черт побери! — сказал Штурм и повернулся к Динаро — Зачехли-ка оружие! Мы не можем так рисковать!

— Не забудьте, что они принуждают нас к посадке! — напомнил Роулинз. Корабль уже вошел в ионосферу, и на экранах появились защитные полосы. Они вновь видели Кэрона.

Элибер села в кресло и глубоко вздохнула. Молчаливый Боуги не отходил от нее ни на шаг. Корабль снижался.

Роулинз хмыкнул:

— Кажется, посадка будет мягкой. Прямо на брюхо.

Они застегнули ремни и подготовились к удару. Корабль прошел сквозь облака и сквозь туман, потом очутился в тягуче-плотной атмосфере. Планета неумолимо притягивала его к себе. Никакой надежды на то, что корабль, таким образом посаженный на планету, сможет подняться с нее снова, не было. Единственное, на что они могли надеяться, так это на то, что они сядут и останутся живыми.

— Они идут за нами, — предупредил Динаро.

Элибер почувствовала, как латная рукавица Боуги сжала ее руку. Интересно, а ощущал ли их давний друг такой же страх смерти? Вдруг у нее перехватило дыхание.

Динаро спокойно произнес:

— Они готовятся к атаке, Джек. Кажется, наши дела плохи.

Боуги зарычал.

ГЛАВА 30

— Я знаю путь, — Калин едва передвигался по коридору. Ат-фарелы окружили его со всех сторон и мягко подталкивали туда, куда, по их мнению, ему необходимо было попасть.

«Мы охотимся», — с такою откровенною простотой характеризовали они свои военные действия, и это вызывало отчаяние у Его Светлости. Наверное, это слово и впрямь больше всего подходило для описания действий этих гуманоидов — ат-фарелы не воевали в том смысле, какой привыкли вкладывать в это слово люди, они охотились на своих жертв и убивали их. И вот теперь объектом охоты гигантских ящеров были его друзья...

— Мы получили сигнал, — сообщили ему ат-фарелы, — но мы не уверены в этом до конца. Послушайте-ка его вместе с нами!

И вдруг мысли Калина засияли яркий свет, такой яркий, что ему показалось, что он родился снова. Он встретился с Боуги, с его надеждой и радостью, и, что было совсем уж невероятно, он встретился с Элибер. Элибер пропала довольно-таки быстро, а Боуги еще долго был с ним и отдавал ему свое радостное тепло.

Потом ат-фарелы выстрелили. Выстрелили по тому тракианскому кораблю, на котором находились его друзья. Калин посмотрел на крупного зелено-голубого ящера На-дара и сказал:

— Я слышу! — и попытался знаками объяснить все, что увидел и услышал только что. Ему было страшно — он понимал, что если ему не удастся остановить ат-фарелов, его друзья будут расстреляны за несколько секунд. Тракианский корабль рядом с кораблем ат-фарелов казался детской игрушкой, он неуклюже маневрировал и падал на поверхность Кэриона.

— Если слышите вы, мы тоже должны слышать! — с явным недоверием сказал На-дар и подошел к приборной панели. Тракианский корабль приземлился, и корабли ат-фарелов последовали за ним.

Зелено-голубой ящер повернулся к Калину. Его глаза светились каким-то странным азартом:

— Вы должны помочь нам в прослушивании, — сказал он.. — В ваших мыслях мы слышим зов одного из наших потерянных детей.

Калин удивился, но ничего не понял из этих слов. Шлюз ат-фарельского корабля открылся, и он, шатаясь и еле-еле удерживая равновесие, побрел по сходням вниз — к поверхности Кэриона.

Шлюз тракианского корабля тоже открылся, и из него вышло несколько человек. Все они, за исключением Джека Шторма, были в скафандрах. Когда Калин увидел Джека, он захлебнулся от радости и поднял руки в приветственном жесте.

Его друзья долго смотрели на маленькую худую фигурку в белых одеждах, потом рыцарь в темно-синем бронекостюме медленно снял свой шлем и потрясенно произнес:

— Боже мой, это же Святой Калин!

Уокер заплакал. Роулинз! Роулинз узнал его! А он-то не надеялся, что это может произойти!

Элибер бросилась к Его Святейшеству, обняла его и тут же отошла в сторону — она не могла понять, что такое застилает ей глаза — слезы? А может быть, туман Кэрона? Святой Калин был абсолютно непохож на того человека, о котором она помнила и думала. В этой искаженной и высохшей фигуре, которая могла бы быть разве что карикатурой на человека, она искала прежнего, любимого и хорошо знакомого Калина. Только голос Его Святейшества оставался прежним... А остальное... Элибер даже не поняла, как Роулинз узнал его.

Динаро шагал по вспаханной и засеянной травой земле Кэрона, не обращая никакого внимания на то, что его ботинки давят слабые и с таким трудом выраженные зародыши новой жизни.

— Осторожнее, сын мой! — обратился к нему Святой Калин — Сейчас к вам прислушиваются.

Джек держал свою руку на талии Святого — он понимал, что тот с трудом держится на ногах.

— Прислушиваются? — с интересом переспросил Шторм.

— Да. — Калин вздохнул. — Вы должны понять, что любая попытка с их стороны пойти на контакт — это уже чудо. Для ат-фарелов мы паразиты, червяки, заполнившие собою вселенную. Всему, существующему на свете, гораздо лучше без нас.

Шторм кивнул:

— Ах вот в чем дело... Конечно, это полностью объясняет их воинственность!

Калин посмотрел на него:

— Они называют это охотой, Джек!

Динаро прервал разговор. Он исподлобья посмотрел на Калина и его друзей и кивнул в сторону ат-фарельского корабля:

— Скажите этим ящерам, что мы пришли за вами.

Калин резко повернулся к Динаро и, если бы Джек вовремя не поддержкался, обязательно упал бы на землю. Его лицо оскалилось от внутренней боли:

— Ноги... Ноги не хотят меня держать, — объяснил он. — Динаро, вы сами не знаете, чего вы просите. Подумайте, а могу ли я жить среди вас? Ведь я уже не человек, а что-то вроде кузнечика... ходячий скелет... Видите ли, моя боль отсчитывает мои дни... — он с улыбкой посмотрел на Элибер. — И все же ваши старания не пошли прахом. Я говорю, и ат-фарелы слушают меня.

— Когда мы шли на посадку, они применили гравитационные лучи. Именно поэтому биосфера Кэриона не пострадала. Это вы попросили ат-фарелов не убивать планету? — спросил Роулинз.

— Я попросил, а они прислушались. Это была наша общая удача, — мягко сказал Калин.

Динаро плонул и подбросил в воздух свой шлем:

— Ваше Святейшество, но у вас есть обязательства перед людьми!

— Я помню о своей предыдущей жизни. — Голос Калина задрожал.

— Мне необходимо привезти вас на Мальтен. — Динаро посмотрел на Калина. Тот порозовел:

— Я должен оставить после себя преемника, не так ли? — осторожно спросил Святой.

Динаро вспыхнул:

— Улицы Мальтена залиты кровью. Уокеры восстали. Мы теряем лучших людей и лучшее оружие!

Элибер вздрогнула. Калин внимательно посмотрел на Динаро.

— Об этом — потом. Сейчас мы должны уладить другие дела. Ат-фарелы слышат нас, и у них может

истощиться терпение. Боуги! — он повернулся к перла-мутровому бронекостюму.

Боуги вышел вперед.

— Боуги, скорее всего, это твои родственники. Они не могут слышать твой голос напрямую; но через меня они тебя слышат.

Боуги ничего не ответил. Джек взял на плечо свой старый бронекостюм, а Калин, посмотрев в лицевое стекло шлема, мягко произнес:

— Я знаю путь...

Калин взял Боуги за руку и притянул к себе. Тот громко заревел. Его захлестнул поток чувств и мыслей. С помощью Калина он вступил в контакт с ат-фарелами, которые наблюдали за ним из затененных отсеков военного корабля.

Боуги охватило возбуждение. Свирепый воинственный дух ат-фарелов очень походил на его собственный, но когда он говорил, они не слышали его слов. Только при посредничестве Калина Боуги мог вступить в контакт с ними. Да, их плоть когда-то была его плотью... А то, чем он отличается от них, было приобретено им из-за общения с Джеком. Сам Боуги мог слушать ат-фарелов, но они никогда не стали бы слушать его без посредничества Святого Калина. Он был ат-фарел и не ат-фарел одновременно... Боуги опечалился и отодвинулся в сторону — он не мог вернуться к своим соотечественникам.

Джек осторожно дотронулсь рукой до холодной поверхности бронекостюма.

«Я — ат-фарел, — произнес Боуги. — Но вместе с тем я им не являюсь». Лицо Калина посерело от напряжения. Он устало кивнул. И вдруг к Его Святейшеству подбежал Динаро, схватил его за талию и оторвал от

земли, а стоящего рядом Шторма ударил ботинком и отбросил в сторону.

Калин крикнул:

— Не надо, Динаро! Ат-фарелы!...

Динаро прыгнул. Его попыталась схватить Элибер, но у нее не хватило сноровки и сил.

Калин ухватился за бронированный рукав. Земля ускользнула из-под ног:

— Динаро, ты не ведаешь, что творишь!

Динаро рыкнул:

— Пока вы в моих руках, ат-фарелы не причинят мне вреда! Вы нужны мне, Калин, для того, чтобы сделать заявление в присутствии свидетелей!

И тут между ними оказался Боуги. Он поднял руки вверх и сказал:

«Нет!»

Они стали сражаться — человек и чужак, неизвестный и таинственный ат-фарел. Динаро нанес сокрушительный удар ногой. Боуги развернулся и поймал его ботинок, потом — поднял бронеперчатку и выстрелил — осторожно и метко — так, чтобы не задеть Святого Калина. Динаро бросил Калина в сторону. Он даже не посмотрел, как худенькая фигурка, одетая в белую одежду, ковыляет в сторону от него. Потом поднял лазерную перчатку, включил ее на полную мощность и опалил огненным дождем шею и грудь Боуги. Боуги зашатался, но устоял на ногах, потом выпрямился и прыгнул на Динаро. Тот вырвался.

Роулинз помог Шторму встать. Джек дышал тяжело и шумно. Он с трудом подошел к Калину и Элибер и обнял их, пытаясь хоть как-то защитить.

Роулинз видел то же самое, что и Шторм. Динаро собирался выпустить маленькую ракету. Похоже, его

совершенно не волновало то, что осколки ракеты могут поранить его самого — сейчас его главной навязчивой идеей был белый бронекостюм.

Динаро выстрелил. Ракета попала прямо в белый бронекостюм. Он пошатнулся, а потом взорвался и стал разваливаться, разбрасывая вокруг себя белые снопы искр и капли расплавленного металла. Боуги! Там же был Боуги!

Роулинз надел шлем. Динаро, покончивший с Боуги, стал приближаться к остальным. Он поднял перчатку, и над Калином, Элибер и Джеком пронесся огненный смерч. Край накидки, в которую кутался Его Святейшество, тотчас же загорелся. Роулинз прыгнул, ударил Динаро по ребрам и, не дав ему отдохнуться, сорвал с него шлем. Динаро взвыл от бешенства. Но кричал он недолго: Роулинз захватил своими перчатками его шею, и позвонки треснули. Динаро упал. Роулинз сел на землю и снял шлем. Он был усталым и измученным.

— Боже мой! — с какой-то странной растерянностью сказал он, потом, спотыкаясь, подошел к Калину и склонился над ним.

Его Святейшество лежал на земле с таким видом, как будто только что принял в дар от судьбы все награды и все наказания.

Роулинз опустился на колени рядом с Калином. Бледность его лица удивительно гармонировала с пшенично-белым цветом волос.

Шторм сказал:

— Не казни себя, ты сделал все, что мог, Роулинз! — про себя он подумал, что интересно, кого сейчас слушают ат-фарелы, конечно, если они вообще делают это...

И вдруг раздался оглушительный гром. Роулинз схватил Калина за руку. Прямо над ними темноту пронзила вспышка яркого света. Роулинз продолжал держать руку Его Святейшества. На глазах у него были слезы. Потом странный свет стал меркнуть, и чистый воздух Кэрона наполнился ароматом, чем-то напоминающим запах роз.

Калин вздохнул, повернулся и сел. Странная, удивительная метаморфоза произошла со Святым — в нем играла жизнь.

— Мальчик мой... — Калин взял руку Роулинза. — Ты вернул мне тот дар, который я когда-то дал тебе!

Роулинз открыл рот от удивления и покачал головой:

— Нет, что вы... я ведь не уокер...

— Разве? — Калин улыбнулся. — Ну что ж. Все равно — хороший человек всегда остается хорошим человеком, а религиеведение... этому всегда можно научиться. Может быть, кто-нибудь из уокеров и не признает вас, но все равно всегда найдутся такие, которые вам помогут. Все будет в порядке. — Калин посмотрел на свои руки. — Вы унесли мою боль... а значит, я смогу по-настоящему контактировать с ат-фарелами.

Джек посмотрел на небо и вздрогнул:

— Роулинз! Я вижу корабли траков! Кажется, мы привели ат-фарелов в ловушку! Быстро! Быстро! Элибер! Забирай Калина на корабль!

ГЛАВА 31

Вандовер Баластер сидел в своем кабинете. Он был очень недоволен тем, что Элибер смогла проигнорировать его приказание. Но все же ему удалось так глубоко проникнуть в ее мысли, что теперь он, один из всего императорского окружения, знал, что они нашли Святого Калина. Теперь никто не сможет помешать ему. Эта строптивая девчонка выполнит все его приказания.

Он вздохнул и попытался снять внутреннее напряжение. Он хорошо знал неожиданные зигзаги рассудка Элибер. С каждой секундой он становился все ближе и ближе к цели.

— Чем вы заняты, Вандовер? — раздался над его ухом знакомый голос.

Министр оглянулся и посмотрел на слабого и несчастного Пеписа. Он усмехнулся, почтительно поклонился и сказал:

— Я выполняю свою работу, император!

— Но ведь вас освободили от ваших обязанностей! — император провел рукой по рыжим волосам.

— Освободили? Боюсь, что не от всех. По крайней мере, не от тех обязанностей, которые я считаю своими

Пепис хотел приблизиться к министру, но провода компьютеров не позволили ему этого сделать. Коляска императора остановилась у дверей.

— Чем вы тут занимаетесь? — гневно спросил Пепис.

Вандовер улыбнулся:

— Как вам сказать... Речь идет о небольшом убийстве на очень большом расстоянии. Уокеры скоро снова взбунтуются. Я даю вам гарантию, что они сделают это, когда обнаружат, что вы сотворили с их горячо любимым Святым...

Пепис вздрогнул:

— Они нашли Калина?

— Да. — Баластер насмешливо посмотрел на него. — И ат-фарелов тоже. Но я тоже нашел их. — Он сухо засмеялся. — Вы помните, сколько колдунов, метафизиков, экстрасенсов вы собирали когда-то в восточном крыле своего дворца? И никто из них так вам и не пригодился. Конечно... в большинстве своем все они были не шарлатанами... А между тем у вас под носом уже давно находится весьма достойный объект... Да, да, я говорю об Элибер...

Рот Пеписа беззвучно двигался. Что он хотел сказать? Вся его душа как бы раскрылась перед ним самим, и он понял, что смерти своего друга, Святого Калина из Блуила, не переживет. Нет, нет, нет, его душа не выдержит, если пятно от смерти Святого, черною тенью ляжет на него! Он должен остановить Баластера!

* * *

Роулинз задраил люки тракианского корабля. Крейсер задрожал и приготовился к взлету. Элибер помогла Калину устроиться в сетчатом гамаке. Она была необъяснимо бледна. Ее губы дрожали, а зрачки расширились и сделались огромными и черными.

Калин вздохнул:

— Поскольку это корабль траков, я попрошу вас открыть для меня каналы связи!

Джек смотрел на экран. Их окружали траки. Судя по тому, как строились трахианские корабли, у жуков были явно агрессивные намерения.

— Гузул ни за что не выпустит нас, — сказал Шторм. — У кого-нибудь есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— Норцит. — Калин коротко вздохнул. — Ат-фарелы о норците знают гораздо больше, чем вы и я. Думаю, что в обмен на информацию о месторождениях норцита траки сохранят нам жизнь.

Джек задумался. Отдать норцит тракам было равносильно тому, чтобы вложить грозное оружие в руки ребенка. Даже если ценой этой сделки была его собственная жизнь, он не мог на это пойти. И вдруг он понял, что надо делать...

Калин вздрогнул:

— Что случилось Джек?

Шторм подошел к Роулинзу:

— Нажимай на эту вот кнопку. Начинаем переговоры. Я знаю, что им сказать!

Рядом с их крейсером взорвался снаряд. Один из кораблей ат-фарелов стал подниматься в небо. Джек внимательно посмотрел на экран:

— Генерал Гузул, я знаю, что вы на связи!

Экран загорелся, и на нем появилась перекошенная яростью физиономия:

— Да, это я, командир! И на этот раз меня ждут победа и слава! — проскрипел Гузул.

— Слава и почет ждут всех нас, но только в том случае, если вы прикажете прекратить огонь. —

Шторм посмотрел на Святого Калина — Ваша Светлость, вы сможете удержать ат-фарелов от ответных выстрелов?

— Я попробую... — неуверенно ответил Калин.

Шторм внимательно посмотрел на Гузула.

— Я знаю, — медленно сказал он, — как объяснить бесплодие Трикатады. Я думаю, что за такую информацию вы отдали бы полвселенной, а уж о наших жизнях и говорить нечего.

Маска Гузула вытянулась:

— Вы обманываете нас... — дрожащим голосом сказал генерал.

— Нет. — Джек вздохнул. — Но я ничего не скажу вам, если вы не прекратите стрельбу!

Гузул гневно щелкнул хитиновыми надкрыльями:

— Вы вступили в союз с нашим давним врагом!

Шторм покачал головой:

— Нет. Ни мы, ни вы не нужны ат-фарелам. Стреляйте в нас и считайте, что вы подписали себе смертный приговор. Вам нужны плодовитые самки или нет?

Роулинз тронул Джека за руку:

— Один из кораблей ат-фарелов уже в воздухе. У нас очень мало времени.

Тракианский генерал коротко кивнул:

— Хорошо. Я согласен говорить.

Калин встрепенулся, вздрогнул, а потом сказал:

— Я связался с ат-фарелами. Они разрешают сесть на Кэррон кораблю Гузула. Все остальные тракианские корабли должны отойти на порядочное расстояние.

* * *

Когда Пепис, стараясь придвигнуть свое кресло к министру, дернулся и упал на пол, Вандовер Баластер

расхохотался Император лежал на полу и корчился от боли.

— Может быть, вы хотите остановить меня вот так вот, лежа на полу? — Баластер презрительно смотрел на Пеписа. — Вам следовало подумать обо мне много лет назад, тогда, когда у вас была власть!

Пепис плотно сжал губы. Что бы ни говорил ему этот злобный и лживый человек, а он был императором, а значит не имел никакого права плакать!

* * *

Они встретились на поверхности Кэриона. Джек вздрогнул. Ему показалось, что это было то самое место, на котором когда-то рос пышный и столь любимый им лес. Сейчас огонь космических кораблей опалил едва зеленеющую поверхность планеты и превратил ее в студенистую стеклообразную массу.

Гузул уже вышел из корабля и теперь с нетерпением ждал Шторма. Калин и Элибер решили не оставлять Джека в одиночестве и последовали за ним. Они не стали надевать свои бронекостюмы. Только Роулинз, несший на руках останки Боуги, был в своих темносиних доспехах.

Гузул бегал взад-вперед и явно нервничал. Джек хотел было начать переговоры, но тут шлюзы корабля ат-фарелов открылись, и в темном проеме появились их массивные тела.

Когда-то давно, на Лазертауне, а потом и на Калинаде, Джек видел останки этих животных. Но живых ат-фарелов он не видел никогда... Огромные ящеры с ярко окрашенной чешуей, птичьей головой и высокомерными глазами, они, застыв в величественном напряжении, слушали переговоры людей и траков.

Джек оглянулся на Калина. Он не мог обращаться к ат-фарелам напрямую — только Его Святейшество мог объяснить ящерам смысл сказанного.

Гузул застrekотал. Ему явно не терпелось услышать то, что собирается сообщить ему Шторм. Он уставил клешню на ат-фарелов:

— Сегодня мы отступили для того, чтобы вступить в сражение в другой раз!

Джек внимательно посмотрел на жука:

— А если я сообщу вам то, что обещал, вы согласитесь подписать мирный договор?

Жук кивнул:

— Да, так приказала мне поступить моя королева.

Джек неопределенно улыбнулся:

— Траки давно уже знают, что такое норцит. Это металл чрезвычайно крепкий и чрезвычайно тугоплавкий.

Гузул угрожающе треснул клешней:

— Не развлекайте меня пустыми разговорами!

— Ни в коей мере! — Джек невозмутимо посмотрел на генерала. — Так вот. Когда вы начали воевать с ат-фарелами, вы впервые применили норцит. Сначала вы применили его как покрытие для вашего оружия, и это дало очень хорошие результаты. Потом вы обнаружили, что норцит можно употреблять в пищу — поступая в ваш организм, металл укреплял ваши панцири и мускулы. Вы начали культивировать искусственно созданную касту военных. Но случилось непредвиденное — ваши самки утратили способность к размножению. Население катастрофически уменьшилось. Ваша королева Трикатада, единственная плодовитая из всех ныне живущих самок, вынуждена была класть все больше и

больше яиц. Вы завоевывали наши планеты и превращали их в песчаные пустыни — ведь у вас не было другого выбора, вы должны были оставить потомство!

Гузул проворчал:

— Наши враги слишком хорошо знают наши секреты! Но это не относится к делу!

Джек усмехнулся:

— Теперь это уже не секреты. Так вот, Трикатада не может родить самку, способную продолжить ваш род. Вы зашли слишком далеко. Вас выгнали ат-фарелы с ваших собственных земель, и вы заняли наши земли. Но вы не знали, Гузул, что *главная ваша проблема — не военные победы, а все тот же норцит*. Именно он делает вас стерильными. Может быть, способность к размножению сохранили представители низших каст — те траки, которым не разрешалось употреблять в пищу норцит. Но гарантий этому я дать не могу.

Гузул изо всех сил защелкал панцирными крыльями:

— Наши общие враги уничтожат вас!

Калин вышел вперед:

— Нет, — сказал он. — Они слушают все, что здесь говорится, и сочувствуют вам. Я думаю, что... — вдруг Его Святейшество повернулся к Элибер со странным выражением лица, — Элибер, что ты делаешь...

Джек взглянул на Элибера и увидел, что ее лицо напряглось от внутренней борьбы. Он прыгнул к ней и заставил ее лечь на землю.

— Элибер, — прошептал он. — Не делай этого. Послушайся меня, а не Вандовера. Слушай меня, любовь моя! — он сжал ее лицо своими ладонями.

Калин приложил руку к виску и закрыл глаза от боли. Рука болела так, будто в нее вонзили нож.

Джек гладил горячее лицо Элибера. Ему было абсолютно все равно — кто наблюдает за ним в эту минуту. Пусть все траки и ат-фарелы видят ту борьбу, которая проходит у них на глазах.

— Элибер, дыши глубже, — советовал он ей. — Борись с Баластером и не сдавайся, а я здесь, здесь, рядом с тобой.

Роулинз вскрикнул и схватил падающего Калина. Святой еле слышно произнес:

— Помогите Элибер!

За все время, которое он контактировал с ат-фарелами, они произнесли первый звук, и звуком этим был страшный, оглушительный рев. Калин не понял, что хотят сказать ат-фарелы, и подумал, что, возможно, сейчас не слышит того, что они говорят. Тело Элибера судорожно дергалось. На ее глазах выступили слезы.

— Джек! — сказала она, прерывисто дыша, — не оставляй меня!

— Никогда! — еле слышно ответил он.

* * *

Когда Баластер стал трясти и бить его, как трясут и бьют дети самими же ими сломанную куклу, Пепис закричал. Он кричал громким, страшным, заунывным голосом, не надеясь, что кто-то в его давно уже пустующем дворце услышит его крик и придет на помощь. И вдруг — за его спиной раздался рокочущий голос Крока:

— Что здесь происходит?

Грузный милосец за долю секунды преодолел валяющееся у дверей инвалидное кресло и оказался рядом

с министром. Вандовер выпустил Пеписа и прыгнул на медведя. Рядом с огромным милосцем маленький и щуплый министр полиции выглядел как ребенок. Но он был хитер, хитер и подл — в его руке блеснул энергетический нож. Крок не заметил, что Баластер вооружен, и тот вонзил нож в правое плечо милосца. На императора, беспомощно сидящего на полу, хлынула кровь. Милосец взревел от боли и с устроенной быстрой кинулся на Вандовера. Он схватил министра и изо всех сил сжал его грудную клетку своими мощными лапами.

— А-а-а-а-а-а! — закричал маленький подлый человечек и сник в лапах милосского медведя.

Крок бросил то, что осталось от министра, на пол, зажал лапой рану и посмотрел на императора:

— Ваше Величество, заговорщик мертв. Кажется, я успел вовремя?

* * *

Элибер задыхалась. Она слышала все, что говорил ей Джек, но его слова плохо доходили до ее сознания. Она боролась с Баластером из последних сил. Ей вспомнилось, как когда-то Калин подобрал ее, одинокую и замершую, на колесном, и взял на Лазертаун — там, на этой мертвой Луне находился в то время проданный в рабство Джек Шторм. Когдато Его Святейшество зажег в ее душе теплый свет. А теперь... Теперь ей нужна была победа. А еще она думала о том, что Джек любит ее. Те страшные дни, когда Шторм не узнавал Элибер и не мог вспомнить, кто она такая, уже миновали, а значит, она не одиночка. Она посмотрела в голубые глаза Шторма и на последнем дыхании сказала:

— Я люблю тебя!

Джек не отрывал от нее своего синего, цвета летнего дождя, взгляда. Он смотрел на нее с нежностью и любовью, и Элибер подхватила волна удивительного, чистого, ни с чем не сравнимого счастья. Из глаз Джека исходил свет, он наполнял ее и не оставлял места никакой тьме. От этого света тень Вандовера Баластера пошатнулась и исчезла.

ГЛАВА 32

— Если ат-фарелы могут разорвать человека на части, а потом собрать его в единое целое, резонно предположить, что с маленькой плотью своего собрата они могут сделать то же самое. — Калин улыбнулся и показал на стоящего рядом с ним Боуги в старом бронекостюме Шторма. — Что касается Боуги, так он вел себя как настоящий герой — ведь ему пришлось защищать и нас, и самого себя. — Его Святейшество улыбнулся.

Джек вздохнул и посмотрел на Элибер. Ат-фарелы разодели ее в невиданные пестрые шелка и украстили тяжелыми драгоценными бусами. Какой-то невиданный космический цветок напоминала она сейчас.

— Мне бы хотелось, чтобы вы вернулись с нами. — Элибер обеспокоенно смотрела на Святого.

Калин слегка наклонил голову:

— Нет, — грустно отetил он. — Свою уокерскую мантию я отдаю Роулинзу. Он способный человек и справится с новыми обязанностями гораздо лучше меня. Я рассказал ему о том, что с таким трудом узнал на этом пути.

Роулинз втянул голову в плечи и покраснел.

— Разве дело в Роулинзе! — Джек все еще не терял надежды уговорить Святого Калина. — И разве мало дел в человеческих мирах! Кто, кроме вас, может нам помочь поладить с Пеписом?

Калин вздохнул:

— Друг мой, нет такого человека, который смог бы заменить меня здесь! Этого не сможет сделать даже Боуги! Да и потом, дела складываются не так уж и плохо — траки в замешательстве. Ат-фарелы уже могут нас слышать, а это очень и очень многое. Когда-то в человеческом языке было такое звонкое слово п о б е д а! Подумайте сами — Пепис освободил свой трон, Крок — регент на Милосе, мои уокеры ожидают Роулинза. Все сработано отлично! Единственное, о чем я сожалею... — Калин поднес к губам палец, — так это о том, что не смогу присутствовать на вашей официальной свадьбе.

Элибер засмеялась:

— А что же вам мешает?

— Ты предлагаешь сыграть свадьбу здесь и сейчас? — Калин огляделся. Небо Кэрона было ярким и ясным. Военные корабли громоздились над ними, как гигантские птицы гнезда, и Элибер, стоящая среди суворых воинов, напоминала пеструю райскую птицу.

— Мы ведь среди друзей, а это самое лучшее, что может быть в жизни! — сказала она счастливым голосом.

Джек засмеялся:

— Теперь я представляю себе, что чувствовал Пепис, когда над ним стоял Крок и требовал назначить его регентом на Милос! Продолжайте, Калин, не останавливайтесь на достигнутом! А мы с Элибер в ближайшее время прилетим сюда и поселимся на Кэроне. Кажется, сейчас для этого самое подходящее время!

СОДЕРЖАНИЕ

Ответный удар	3
Вызов принят.....	205

*Оригинал-макет подготовлен
издательством «Русич-принт»,
214006, Смоленск, ул. Юрьева, д. 9, кв.1*

Литературно-художественное издание

Чарльз Ингрид
Песчаные войны III

*Редактор Н. Н. Егорова
Технический редактор Л. Идатчикова
Корректор М. Е. Соловьева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 4.07.95. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура Antiqua. Печать
высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,88. Тираж
25 000 экз. Заказ 2187.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432. 214016, Смоленск,
ул. Соболева, 7.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034,
Минск, ул. В. Хоружей, 21-102.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

РУСИЧ-ПРИНТ • РУСИЧ-ПРИНТ • РУСИЧ-ПРИНТ • РУСИЧ-ПРИНТ • РУСИЧ-ПРИНТ • РУСИЧ-ПРИНТ

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ИЗДАВАТЬ КНИГИ
С ВЫСОКИМ КАЧЕСТВОМ ИСПОЛНЕНИЯ –
ОБРАЩАЙТЕСЬ В ФИРМУ
РУСИЧ-ПРИНТ

□□□
ИЗГОТОВИМ ОРИГИНАЛ-МАКЕТЫ
В КОРОТКИЕ СРОКИ.

□□□
РАССМОТРИМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ПО СОВМЕСТНОМУ ИЗДАНИЮ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ, ДЕТСКОЙ, УЧЕБНОЙ,
МЕТОДИЧЕСКОЙ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ,
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
АЛЬБОМОВ.

□□□
ПРЕДЛАГАЕМ ОРИГИНАЛЬНОЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ.

□□□
ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВ,
ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ.

214006, г.Смоленск, ул.Соболева, д.7
тел: 51-41-27, 51-46-98, факс: 51-42-73
код из Москвы: (0810),
из др. городов: (0812).

РУСИЧ-ПРИНТ • РУСИЧ-ПРИНТ • РУСИЧ-ПРИНТ • РУСИЧ-ПРИНТ • РУСИЧ-ПРИНТ

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСИИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

